

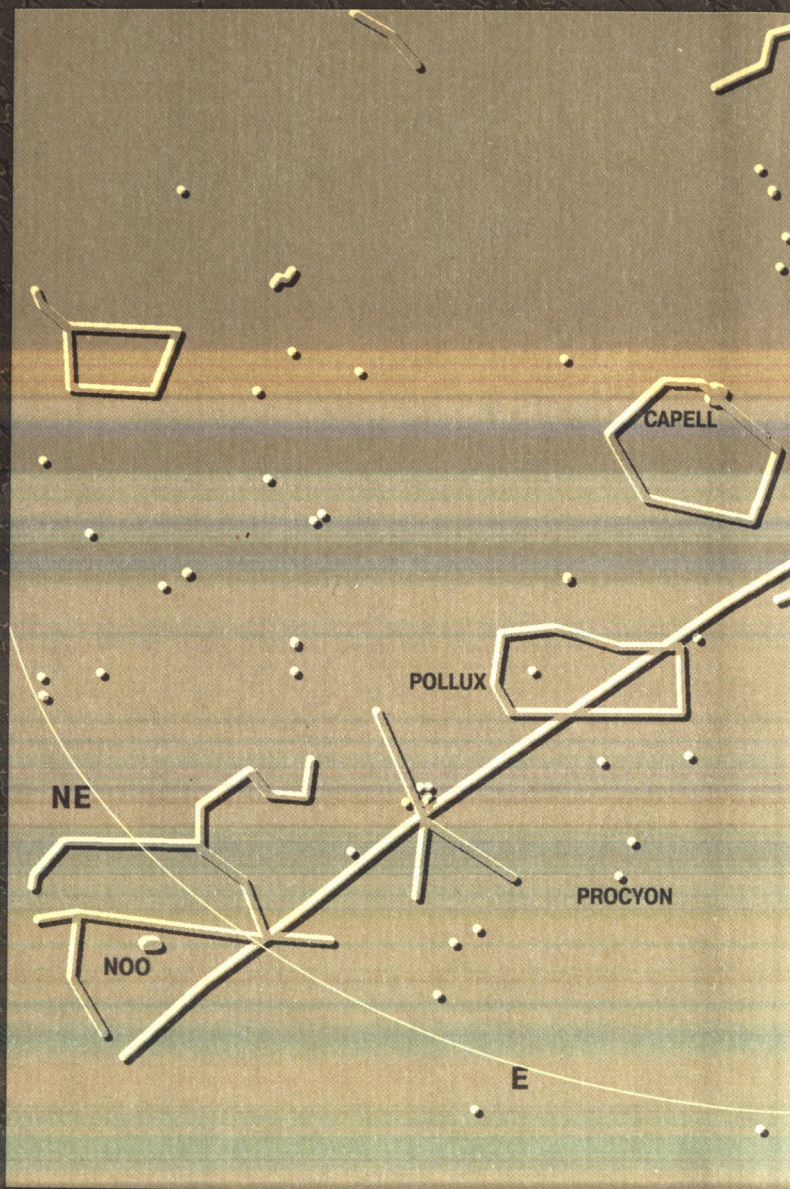
ТАЙНЫ ВОЛХВОВ

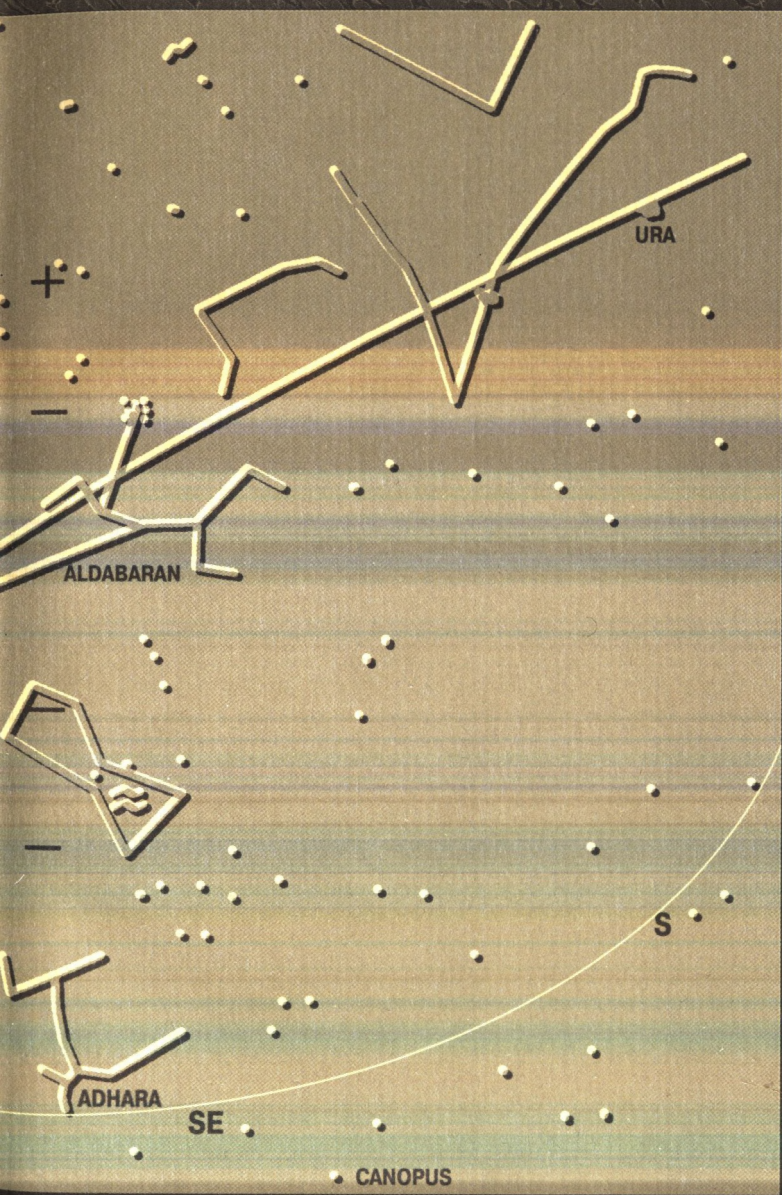

ТАЙНЫ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Э. ДЖИЛБЕРТ

ТАЙНЫ ВОЛХВОВ

ТАЙНЫ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ТАЙНЫ ВОЛХВОВ

Adrian G. Gilbert

MAGI

The Quest for a Secret Tradition

BLOOMSBURY

Эдриан Джилберт

ТАЙНЫ ВОЛХВОВ

В поисках предания веков

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»
МОСКВА 1998

ББК 88.5 (Вл.)
Д 41

ISBN 5-7838-0416-9

Adrian G. Gilbert.
Magi. The Quest for a Secret Tradition.
© Adrian G. Gilbert, 1996.
© Перевод. В. Медников, 1998.
© Издание на русском языке. Вече,
1998.

ПРОЛОГ

Наш мир полон загадок — как больших, так и малых. Даже у простых людей есть свои тайны, у истории же они масштабнее. Возможно, величайшей тайной на свете остаются истоки христианской религии. Кем был этот человек по имени Иисус? Откуда он взялся? Какова в действительности была его миссия? В отличие от Будды или Магомета, жизни которых были прекрасно документированы и которые оставили после себя собственные писания, исторический Иисус Христос остается загадкой.

Библейская история крайне отрывочна. Даже если мы отнесемся к Евангелиям как к подлинным биографиям, то свет, который они проливают на исторического Иисуса, удивительно ограничен. Мы совершенно теряем его из виду в возрасте от двенадцати до тридцати лет — как раз в те годы, когда складывалась его личность. Если Матфей, Марк, Лука и Иоанн знали, что с ними происходило в эти критические годы юности и возмужания, то удивительно, что они хранят об этом молчание, как и церковь, созданная во имя его. Многие люди полагают, — что и не удивительно, если иметь в виду содержание святых благоговестований, — что христианство — это всего лишь реформированный и обновленный вариант иудаизма. Ведь Иисус был-таки евреем и — если верить генеалогии, предложенной в Новом Завете — прямым потомком легендарного царя Давида. Три года он был пастырем главным образом среди

евреев, и его последователи приветствовали его как ожидаемого еврейского мессию. Почему же тогда, позвоительно спросить, его учение оказалось столь нееврейским? Поскольку он был пророком, можно было надеяться прочитать, как он страстно обращается к людям в стиле Иеремии и Иезекииля, призывая их оставить лжебогов и придерживаться закона Моисея. Поскольку Евангелия содержат много указаний на Ветхий Завет и, в частности, на публичную проповедь Исаии, они ни в коей мере не являются определяющими элементами в догмах христианства. Иисус, о котором мы читаем, — это умный, не зараженный фанатизмом человек, который исцеляет больных и с радостью делит свою трапезу с грешниками. Он мало интересуется запрещением работать в священный день отдохновения, но проповедует терпимость, милосердие и всепрощение. Он также поддерживает довольно дружеские отношения с чужестранцами, даже с римлянами. В самом деле, в одной из самых известных его притчей — «О добрых самаритянах» он открыто заявляет, что в глазах Бога добродетелен любой сострадательный человек, независимо от его расы и национальности. Непохоже, чтобы Иисус — как кое-кто полагает — был и революционером. Судя по Евангелию, он позволяет заманить себя в ловушку, пленить, судить и распять себя. Он не только не руководит неким великим восстанием против Рима, но и призывает своих последователей отдать кесарю кесарево — вряд ли такие слова мог произнести мятежный лидер. Из Евангелия ясно видно, что иудейские власти того времени считали опасным влияние Иисуса. Он открыто осмеял фарисеев и саддукеев, подчас публично оставлял их в дураках, когда они пытались сбить его с толку трудными вопросами. То, что он подверг сомнению их авторитет в таких вопросах, как осуждение неверной супруги на побивание кам-

нями, сделало его еще подозрительнее. Совершенно ясно, было в этом человеке и его учении нечто, что синедрион — верховный совет иудейских священнослужителей — посчитал особенно заслуживающим наказания. На Иисуса они смотрели как на опасного еретика, настолько опасного, что, если верить Евангелиям, тайно сговорились с римлянами послать его на смерть.

Церковь обычно представляет христианство как совершенно новое откровение, словно оно появилось в истории мира с неожиданностью грома с ясного неба. Но правда ли это? Разве эта величайшая религия не имеет прошлого? Если посмотреть объективно на истории, рассказанные в Евангелиях, станет очевидным, что иудейские высшие иерархи считали Иисуса вероотступником. И не только потому, что он исповедовал довольно гибкий подход к Моисеевым законам, но и потому, что учил некоторым вещам, явно взятым не из источников иудаизма. Это обстоятельство, в свою очередь, ставит следующий вопрос: что это были за источники и как мог Иисус найти их? Именно это пытаюсь найти и я, и именно поэтому меня так интересуют волхвы, поскольку они каким-то образом связаны с этим тайным источником мудрости.

На протяжении двадцати с лишним лет после посещения Вифлеема, когда мне шел третий десяток, я время от времени занимался поиском истины, скрывающейся за легендой о волхвах. По непонятной мне самому причине история о трех королях отпечаталась в моем мозгу — может, потому, что она, казалось, скрывает более глубокую тайну. Мне вспоминается, как, будучи совсем маленьким мальчиком, я разрезал один из принадлежавших отцу мячиков для гольфа в желании узнать, почему же он такой тяжелый при своей малой величине. Я был поражен, обнаружив под грубым пупырчатым слоем массу скрученной

резины, похожей на страшно длинную эластичную ленту. Я ухитрился раскрутить ее и нашел сердечник мяча — небольшой шарик, заполненный свинцом.

С моей точки зрения, такое совершенно неожиданное открытие отражало известное лишь посвященным тайное знание. Мой поиск волхвов и тайного предания, из которого — как я верю — они появились, потребовал долгих усилий по распутыванию «эластичных» символов и идей ради обнаружения того, что скрывается за мифологией. Как и тогда, когда я разрезал мяч для гольфа, секрет я нашел в сердцевине христианской религии, спрятанный под многими слоями символизма, истории, науки и мистики. Этот секрет, эта тайна в тайне, состоит не из свинца, как сердцевина мяча для гольфа, а из космической пыли. И я пришел к убеждению, что Иисус — Мессия, которого многие на свете стали чтить как Сына Божия, действовал не один. Некие таинственные наставники мудрости научили его той исторической роли, которую он призван был сыграть, — его предназначение, и наставили его в определенном тайном знании.

Теперь-то я понимаю, что люди, яро придерживающиеся так называемой «монофизитской» доктрины, то есть верующие в единую природу Христа, согласно которой Иисус и Сын Божий Христос являются одним и тем же существом, тело и душа Христа неразрывно связаны на протяжении всей вечности, а ребенок Иисус был полностью осведомлен и полностью сознавал свою роль с момента его зачатия, — так вот, эти люди будут встревожены тем, что я собираюсь рассказать. Мне остается лишь попросить таких людей, быть может, составляющих большинство современных христиан, о снисходительности и предложить им самим рассмотреть доказательства прежде, чем отвергнуть то, что я намерен сказать. По определению,

эзотерическая, или тайная, история мира невидима. Она не очевидна, и ей трудно найти доказательства. Однако с помощью юридической науки мы можем составить «дело». Можно обнаружить затерянные следы, ведущие к волхвам и дальше в глубь веков. Впервые представленные здесь поразительные новые доказательства убеждают меня в том, что не только христианство, но и иудаизм уходят корнями в таинственное предание, скрывающееся во мраке времен. По не могущим быть сразу понятыми причинам это и ныне живущее предание всегда было связано со звездой Сириус и созвездием Орион. Убежден, как только будет понято значение этой космической связи, станет ясным и многое из того, что ныне представляется непонятным в Библии, да и в мировой мифологии в целом. История же начинается в Вифлееме.

ГЛАВА 1

ПАЛОМНИЧЕСТВО В ГОРОД ДАВИДА

Солнечный денек в начале сентября. Легкие кучевые облачка стремительно несутся по небу, а летние птицы, чувствуя, что прекрасная погода продлится недолго, готовятся к длительному перелету на юг, в Африку. Крайне возбужденный предвкушением, я пакую свой походный мешок, ибо тоже собираюсь предпринять долгое путешествие — или следует сказать «паломничество»? — на велосипеде в Святую землю. Уже две недели мы с моим давним другом и товарищем по путешествиям Джоном усиленно готовимся к велосипедному туру — не только из финансовых соображений, но и из желания показать, на что мы способны. В наших головах постоянно вертится мысль о крестоносцах, седлающих коней и отправляющихся в Иерусалим, поэтому в нас и возникло желание не давать себе поблажек, сделать из нашего путешествия что-то вроде тяжелого испытания, дабы паломничество показалось нам еще слаще. При нехватке денег и избытке оптимизма мы решили добраться до Вифлеема к Рождеству. Мы и не подозревали, что это будет последнее Рождество, которое израильтяне отпразднуют в приятных воспоминаниях о своей замечательной победе в «Шестидневной войне» перед тем, как «Война Судного дня» в 1973 году возродит в какой-то степени гордость арабов.

В свои двадцать два года мы уже были закаленными путешественниками — в предыдущие два лета мы проехали на попутках по всей Скандинавии, а предшествующим

летом съездили и в Испанию. И тем не менее мы оказались неподготовленными к чисто физическим испытаниям, выпавшим на нашу долю, и к поджидавшей нас жуткой погоде. Милю за милей мы пробивались сквозь настоящий ливень на нашем пути по равнине Пикардии. Мы постоянно сталкивались с призрачными напоминаниями о страшном прошлом, крутя педали мимо оставшихся с первой мировой войны кладбищ и заросших травой остатков траншей, когда-то находившихся в центре самой ужасной мировой потасовки. По ночам мы спали под мостами или в разбитых и брошенных машинах, и наши армейские непромокаемые костюмы не спасали нас от непрекращающегося дождя. Поскольку мы не могли позволить себе тратить наши скудные средства на наслаждение изысками французской кухни, питались мы в основном слишком сладкими мюсли из собственных запасов. Камбре, Сент-Квентен, Лаон, Реймс... Точки на карте оборачивались маленькими и большими городами, пока не растворялись за нашими спинами в туманной дымке. Проносясь мимо нас в своих водонепроницаемых машинах и обрызгивая нас водой из луж, люди сигналили нам то ли в раздражении оттого, что мы крутились у них на пути, то ли из солидарности с одинокими велосипедистами на дорогах «Тура по Франции». День сменялся днем под непрерывным дождем, и нас уже обуревали сомнения, закончится ли он когда-нибудь. В конце концов прагматизм взял верх, и мы погрузились в поезд, который должен был перенести нас через горы в долину Роны, и молились всю дорогу об улучшении погоды. Добравшись до Дижона — знаменитой своей горчицей столицы когда-то независимой Бургундии, мы позволили себе немного расслабиться и посетили местный кафедральный собор.

Трудно определить, что делает великим какое-то зда-

ние, но явно существует тесная связь с царящей в данной местности атмосферой и с характером живущих здесь людей. Среди прочитанных мной за предыдущий год книг оказался и опус русского философа и журналиста П.Д. Успенского с любопытным названием «Новая модель Вселенной». В этом примечательном труде среди всего прочего он выдвинул тезис о том, что Собор Парижской Богоматери хранит некую тайну. Его строительство не было случайным, как не было и просто шедевром высокого искусства. Успенский считает, что построившие его масоны обладали — пусть даже недолго — каким-то высшим знанием и были наследниками традиций, восходящих ко времени строительства пирамид и даже к еще более ранним временам. Как они пришли к этому, ныне утерянному знанию, Успенский не объяснил, но в то время, когда я читал его произведение, его гипотеза показалась мне истинной. Я просто чувствовал его правоту: средневековые соборы Франции и Британии были-таки проявлениями древней традиции, а их строители обладали тайным знанием. Дижонский кафедральный собор принадлежит к той же традиции, что и более известный Собор Парижской Богоматери, и явно населен призраками. Шедевр готики конца тринадцатого века, хоть и небольшой по французским стандартам, обладает собственным характером. Будучи французским эквивалентом шотландцев, бургундцы всегда считали, что их плодородный Дюши чем-то отличается от остальной Франции. В соборе похоронены Филип Отважный и Анна, дочь Иоанна Бесстрашного — дерзки уже сами их имена. В соборе как бы отзывалась эхом эта дерзость, и мне слышались голоса прошлого, говорившие: «Мы не французы и не немцы, бургундцы мы». Больше же всего меня тронул величественный романский склеп. В этом похожем на чрево, поддерживаемом столбами помещении

мне показалось, что я утратил ощущение реальности. Внезапно я понял, почему кандидаты в рыцари должны были проводить какое-то время — иногда несколько дней — в полном уединении и молитве, прежде чем монарх посвящал их в рыцари в торжественной обстановке. Стоя в склепе, я мог вообразить, — даже «вспомнить», — каково это было — остаться в уединении и тишине один на один с мраком в собственном черепе.

Средневековый рыцарь не испытывал тех тревог, с которыми мы вынуждены сталкиваться сегодня в нашей деятельной и беспокойной жизни. Быть может, поэтому-то его внутренняя жизнь и была гораздо богаче. Религия значила для него одно — христианство. Если же он сталкивался с другой религией, — скажем, с иудаизмом или исламом, — то совершенно не сомневался в том, что только христианство могло гарантировать ему вечную жизнь в раю. Хотя он, скорее всего, не питал особых иллюзий по поводу представителей Бога на Земле (часто местным епископом был его брат или кузен), он был уверен, что в конечном счете, при условии выполнения им своего долга, кровь Христа спасет его от расплаты за собственные грехи. Укрепленный такой простой верой, он отправлялся на войну с врагами церкви, уверенный, что, погибни он на такой священной службе, он станет мучеником и попадет прямо в рай. Наш рыцарь был, скорее всего, глубоко невежественным. Он наверняка не читал перевод Корана, его знания о Древней Греции и Риме были весьма скудны, а о Древней Персии и Египте он знал не больше того, что написано о них в Библии. И совершенно ничего не мог он знать о буддизме, дзене, даосизме или преданиях американских аборигенов; все эти поверья для него могли существовать на других планетах с тем же успехом, что и на других континентах.

Эти и многие другие-мысли проносились в моей голове, пока я медитировал в склепе. В отличие от нашего воображаемого рыцаря я несколько лет занимался йогой, прочитал «Упанишады» — как и многие другие представители поколения 60-х, страстно желал посетить Индию. Изучал я и произведения Платона и жаждал узнать побольше о западных религиозных таинствах. Именно это желание (которое разделял и Джон) побудило нас отправиться на поиски приключений. Как и паломники на протяжении многих веков, мы оптимистически надеялись найти что-то в Священной земле. Встретить кого-то или обнаружить что-то, могущего или могущее сориентировать нас. Мы были уверены, что найдем хотя бы какой-то след некоего тайного знания, недоступного в Англии.

В склепе Дижонского собора я почувствовал груз времени, спрессованного в мгновение почти бесконечной длительности. Впервые я понял, что имел в виду Успенский, написав, что на деле существуют две параллельно развивающиеся истории мира: одна — видимая и бесконечно пережевываемая средствами массовой информации и другая — тайное подводное течение. Я вспомнил его слова:

«Одна история развивается на виду и, строго говоря, является историей преступления, ибо, не будь преступлений, не было бы и истории. Все наиболее важные, поворотные моменты и этапы этой истории отмечены преступлениями: убийствами, актами насилия, грабежами, войнами, мятежами, массовыми кровопролитиями, пытками, казнями... Такова одна история, историю, которую знают все и которую преподают в школах.

Другая история известна очень не многим. Для большинства она остается невидимой из-за истории преступлений. Но то, что создается этой скрытой историей, продолжает существовать еще долгое время, иногда веками,

как существует Собор Парижской Богоматери. Видимая история, история, развивающаяся на поверхности, история преступления, приписывает себе то, что создано скрытой историей. Но в действительности видимая история обманывается тем, что создала скрытая история».

Эти слова произвели на меня глубокое впечатление, когда я впервые прочитал их. Идея тайной истории, скрытой за зримыми внешними событиями, которые приукрашивают то, чему нас учат в школе, была вполне понятна. И вот сейчас, в темном, похожем на утробу склепа, я вспомнил с особой ясностью слова Успенского. Я был уверен, что он прав и что существует незримое, не выраженное словами звено между строителями собора и древними школами таинств Египта и Месопотамии. В то время я плохо представлял себе, что это означает на практике или как это происходило, но был полон решимости узнать это. И вот, находясь еще под влиянием таких довольно-таки сумбурных мыслей, я вышел из склепа на слепящий солнечный свет, заливавший Дижон.

На следующий день мы продолжили наше путешествие по долине Роны. Нуи-Сейнт Жорж, Вон, Шалон, Массон... Названия, звучащие как каталог виноторговцев. Повсюду вдоль дороги зрел виноград, и на какое-то время погода разгулялась настолько, что мы наслаждались окружающими нас видами, звуками и запахами. Мы уже отказались от мысли, признав если и не физическую, то психологическую потребность в более разнообразной диете. Заглянув в маленькое кафе где-то в Провансе, мы объяснили на нашем ломаном французском, что мы пилигримы на пути к Святой земле. Патрон весело, хоть и с оттенком недоверчивости, пригласил нас откусать по стаканчику его домашнего красного. Выдержанное, жутко крепкое вино показалось нам не очень-то подходящим

напитком в 10.30 утра, но хозяин настоял на том, чтобы мы опорожнили наши фляжки, и с широким жестом наполнил их вином. К этому времени к нам присоединился его сын Жан, выступивший в качестве переводчика. Он объяснил, что виноград был выращен на собственном винограднике и что отец желает нам от всей души успеха в нашем паломничестве. Мы поблагодарили их за вино и пообещали прислать Жану открытку из Вифлеема.

Патрон, возможно, не отдавал себе отчета в значении своего жеста, но он много значил для нас. Казалось, мы наконец нащупали глубоко исторический дух братства, объединяющий хозяина постоялого двора и паломника, который когда-то был широко распространен по всей Европе. Здесь, во французской деревушке, с восторгом восприняли наше предприятие, выходящее за рамки одного языка или одной нации. Как современные последователи бесчисленных паломников и крестоносцев, на протяжении многих веков проходивших тем же путем по долине Роны, мы приобрели более высокий статус. Предложив свое вино пилигримам, патрон не просто обслужил гостей, а приобщился к нашему путешествию и связал себя с нашей величайшей авантюрой. Таким образом он по крайней мере мысленно принял участие в нашем приключении. Подобное случалось постоянно во время оно, когда люди путешествовали верхом или пешком, но не сейчас, когда летишь реактивным аэробусом.

Через Италию мы проехали в основном на поезде, а затем сели на судно до Греции. Опять же подобно многим паломникам до нас мы посетили славные величественным прошлым Афины перед отплытием в Израиль. Наш паром, наследник всех тех венецианских и генуэзских торговых судов, когда-то болтавшихся на волнах между греческими островами и более богатыми районами Византийской

империи, сделал остановку на Родосе. Судно стало на якорь, пока на него катером не были доставлены новые пассажиры. Я же взирал на внушительную крепость рыцарей Святого Иоанна. Мне трудно даже было представить, что на этой прекрасной жемчужине Восточного Средиземноморья разгорелась одна из последних битв в истории крестовых походов: 24 июня 1522 года двухсоттысячная оттоманская армия высадилась на Родосе с намерением уничтожить раз и навсегда последний форпост крестоносцев. Против нее стояли только пятьсот рыцарей и около полутора тысяч наемников и жителей острова, и не помышлявших о сдаче. Затухая и разгораясь вновь, битва продолжалась шесть месяцев. Превосходящие силы противника все же вынудили защитников крепости согласиться на почетные условия капитуляции. В канун Рождества султан Сулейман Великолепный, присутствовавший почти на всем протяжении осады, отдал должное доблести рыцарей. Он позволил им и всем, изъявившим желание сопровождать их, свободно покинуть разрушенную крепость и даже предложил суда для их переправки в безопасные порты. Если бы он знал, что менее чем через сорок лет рыцари Святого Иоанна, укрывшиеся в своем новом прибежище на острове Мальта, потеснят его армии назад и лишат его столь дорогой ему Италии, он, скорее всего, не был бы столь великодушным. Однако это будет уже другая битва, которая и положит предел расширению Оттоманской империи. В сущности, 1522 год положил конец всем крестовым походам, и случилось это на острове Родос.

Я еще не знал всей этой истории, когда взирал на огромные бастионы цитадели. Но все равно я почувствовал царившую здесь атмосферу и смог оценить стратегическое значение острова для судов, плавающих между портами Восточного Средиземноморья. В каком-то смысле все из-

менилось за последние 450 лет; с другой же стороны, все оставалось таким же. Сохранилась все та же враждебность между греками и турками, все то же соперничество между Востоком и Западом. История, казалось, поворачивалась на 360 градусов, ибо не только греки вернули себе Родос, но и в Палестине появилось новое «крестоносное» государство: республика Израиль. Хоть оно иудейское, а не христианское, как старое, франкское государство в Иерусалиме, его финансирует и вооружает Запад. Все это казалось зловещим, ибо больше чем намекало на «тайную историю», но я не знал, что оно предвещало.

По прибытии в Хайфу — третий по значению город и главный порт Израиля — нас с Джоном встретили солдаты с автоматами. У нас было ощущение, будто мы попали в лагерь спартанцев. В отличие от Северной Франции, где рубцы от первой мировой войны еще видны, но уже не страшны, эта страна с зияющими ранами оставалась сверхмилитаризованной. Над Хайфой возвышается гора Кармель, украшенная неприлично золотым куполом усыпальницы Бахай. Здесь покоится — если верить его последователям — персидский пророк XIX века Баб. Сверкающий под утренним солнцем купол напоминает, что в Израиле вопрос религии весьма не прост, поскольку любой культ на Ближнем Востоке претендует на унаследование того, что в конце концов является крошечной страной. Когда-то Кармель была центром древней школы иудейских пророков, чьи писания стали частью Библии. Позже она дала свое название нищенствующему Ордену Кармелитов. Орден был основан в XII веке, когда крестоносец Бертольд и десять его товарищей, придерживавшихся одинаковых взглядов, обосновались как отшельники на горе Кармель, вблизи от пещеры, считавшейся убежищем пророка Илии. Во время нашего посещения горы мы не обнаружили отшельников, а сама гора напоминала пригородный сад.

Оставив за спиной голубизну Средиземного моря, мы направились в глубь материка, пересекли скалистые горы и опаленную жаром долину Мегиддо (библейская Армагеддон) и спустились в покрытую буйной растительностью долину Хула. Здесь, в плодороднейшем оазисе, находится несколько из самых богатых и производительных израильских коллективных хозяйств — кибуц. Мы с Джоном скоро уже собирали грейпфруты в одном из них — «Кефар-Цольде» — старом селении, в котором еще проживали несколько человек, переживших холокост. Некоторые из них были настолько травмированы выпавшими на их долю ужасами, что давным-давно не считали себя психически здоровыми и служили живым укором человечеству за его зверства. Жестокая ирония заключалась в том, что буквально в паре ярдов от наших хижин проходили изгороди из колючей проволоки. Беженцы из гитлеровских лагерей смерти продолжали жить в прифронтовой полосе

За этой изгородью находились Голанские высоты — небольшая часть Сирии, захваченная израильтянами во время «Шестидневной войны» 1967 года. Здесь, среди минных полей и других напоминаний о войне, были протоптаны тропы, по которым мы иногда прогуливались, хотя нас и предупредили, чтобы мы не заходили далеко и не сходили с них в сторону. Карабкаясь по ним ранними вечерами, когда солнце уже не так палило, а гора Гермон окрашивалась в цвет апельсина, я задавался вопросом, а не бродил ли по этим холмам и Иисус? Любовался ли он, как и я, игрой света в скалах горы Араксез? Наблюдал ли и он, как сбиралась стая стервятников и кружила над мертвым животным? Не здесь ли проклял он фиговое дерево — вроде тех, что я видел на обочинах — за то, что оно не плодоносило? Все эти и другие вопросы стали

вдруг жизненными для меня, каковыми никогда не являлись, пока я не ступил на эту необычную землю, не вздохнул ее запахи и не отпил ее воды. Я достал из своего мешка Библию и открыл ее наугад. «Ищите и обрящете, стучите, и отверзятся двери, — говорилось там. — Ибо, кто просит, да получит, а кто стучится, да откроют ему». Я стучусь, думал я, я стучусь. Насколько громче мне следует стучаться? В глубине своей души я нашел ответ: не сейчас, но наступит День. Будь терпелив, и двери откроются; со временем все откроется. Я сохранил эти слова в своем сердце, решив раз и навсегда, что никогда не откажусь от поиска знания, что в один прекрасный день я пойму, о чем в действительности говорится в Евангелиях, и узнаю истину об этом необычном человеке по имени Иисус.

В то Рождество мы с Джоном собрались-таки до Вифлеема и стали частью толпы, собравшейся на площади Яслей. Было холодно, шел снег, и — совершенно неожиданно для нас — на каждом углу шла бойкая торговля. Возникло некоторое волнение, когда к Храму подвели Гарольда Вильсона — в то время премьер-министра Великобритании — в его знаменитом, тщательно застегнутом на все пуговицы пальто. И так же, как Марии и Иосифу у Постоялого двора, нам не дано было последовать за ним в тепло, охраняемое стенами Храма, ибо там набралось слишком много сановных лиц, пользовавшихся предпочтением перед простыми паломниками вроде нас. Вместо этого мы отправились на почту и послали открытку Жану из той французской деревушки. Когда мы вернулись на площадь, американский хор распевал бесконечные стихи «Однажды в городе Царя Давида» и «Мы, три царя», забыв, казалось, о том, что делал это в арабском городе. Над площадью повисла безвкусная — иллюминированная — пластмас-

совая копия евангельской звезды. Она сверкала и мерцала как освещение Оксфорд-стрит и была столь вульгарной, что я даже не знал, смеяться мне или плакать. Долгое время, показавшееся мне вечностью, я пялился на эту звезду с отвращением, смешанным с зачарованностью. Как можно, задавался я вопросом, превращать место, предположительно, Рождества Христова, в цирк? Что подумал бы сам Иисус о хоре-гастрофлере, распеваящем псалмы под пластмассовой звездой в предполагаемом месте его рождения? Тут меня поразило еще одно обстоятельство: звезда-то оказалась пятиконечной. Это традиционно, знал я, для рождественской звезды, но внезапно это показалось мне весьма странным. Ведь мы находились в Вифлееме, а в Библии его называют городом Давидовым. Звезда же Давидова, красующаяся на синагогах и на всех израильских флагах, — шестиконечная. Раз это так, почему же тогда Звезда Вифлеемская оказалась пяти-, а не шестиконечной? Позже мне предстояло узнать, что это кажущееся тривиальным различие в форме является главным в понимании тайного значения символа.

Глядя вдаль, за звезду, я задумался над легендой о трех волхвах, которых обычно считали царями и называли Каспаром, Мельхиором и Балтазаром. Они были первыми паломниками в Вифлееме, а мы с Джоном следовали в последние месяцы по их следам. Я вспомнил, как в возрасте шести лет меня нарядили Мельхиором для школьного рождественского спектакля и что ни тогда, ни позже никто так и не объяснил мне их значения. Что это были за цари? Откуда они явились? Были ли они связаны с каким-то тайным преданием? Внезапно — даже не знаю, почему — эти вопросы показались мне очень важными, и я возжаждал найти какого-нибудь знатока, которого мог бы расспросить об этих и многих других вещах. Дома, в Англии, у

меня были записаны фамилия и адрес одного ученика того самого Успенского, и я решил навестить его по возвращении. Этот человек определенно был одним из самых необычных представителей своего поколения, и это — как мне еще предстояло узнать — было лишь началом очень и очень долгого поиска.

ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ИСТОРИЯ О ТРЕХ МУДРЕЦАХ

Рассказ о волхвах содержится лишь в одном из четырех Евангелий — «От Матфея»:

¹⁸ Рождество Иисуса Христа было так: по обручении Матери Его Марии с Иосифом, прежде нежели сочетались они, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святого.

¹⁹ Иосиф же, муж Ее, будучи праведен и не желая огласить Ее, хотел тайно отпустить Ее.

²⁰ Но когда он помыслил это, — се, Ангел Господень явился ему в сне и сказал: Иосиф, сын Давидов! Не бойся принять Марию, жену твою, ибо родившееся в Ней есть от Духа Святого;

²¹ родит же Сына, и наречешь Ему имя Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их.

²² А все сие произошло, да сбудется реченное Господом через пророка:

²³ Се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил...

2 Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы* с востока и говорят:

² где родившийся Царь Иудейский? Ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему...

---

* Мудрецы.

⁷ Тогда Ирод, тайно призвав волхвов, выведал от них время появления звезды

⁸ и, послав их в Вифлеем, сказал: пойдите, тщательно разведайте о Младенце и, когда найдете, известите меня, чтобы и мне пойти поклониться ему.

⁹ Они, выслушав царя, пошли. [И] се, звезда которую видели они на востоке, шла перед ними, как наконец пришла и остановилась над местом, где был Младенец.

¹⁰ Увидев же звезду, они возрадовались радостью весьма великою,

¹¹ и, войдя в дом, увидели Младенца с Мариєю, Матерью Его, и, пав, поклонились Ему; и, открыв сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну.

¹² И, получив во сне откровение не возвращаться к Ироду, иным путем отошли в страну свою».

В рождественской истории в Евангелии от Матфея роль волхвов таинственна от начала и до конца. Они появляются как добрые духи при рождении, и каждый из них приносит свои дары, которые как бы символизируют предназначение Иисуса: золото для царя, ладан для священника и смирну для повелителя. Хотя и можно предположить, что вся история с волхвами — выдумка Матфея (а я так не думаю), он должен был иметь повод для включения ее в свое Евангелие. Как бы мы ни относились к ней, в этой легенде есть нечто весьма странное и таинственное.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ И СВЯТАЯ МУДРОСТЬ

Рассказ о волхвах — одно из наиболее любимых преданий Нового Завета, а их «Поклонение» — одна из наиболее часто воспроизводимых сцен в религиозном искусстве. В средние века история волхвов была популярна в том числе

и потому, что давала художникам и скульпторам повод напомнить собственным самодержцам, что и они должны проявить веру в высшую власть Христа. Сами же короли и императоры жаждали увидеть себя увековеченными в образах набожных последователей Христа и часто приказывали изобразить себя, подносящими символические дары самому Иисусу или Деве Марии. Среди самых прекрасных и, пожалуй, самых ранних изображений следует упомянуть мозаику, выполненную в X веке над воротами Софийского собора Константинополя (Стамбула). На ней подносящими дары Приснодеве и Младенцу предстают два высокочтимых императора: справа — Константин Великий, первый римский император-христианин, предлагающий Деве свою новую столицу Константинополь, и слева — Юстиниан, подносящий свое творение — сам кафедральный Собор Святой Софии.

Софийский собор был освящен 27 декабря 537 года н.э. В то время, когда — примерно четыре с половиной века спустя — устанавливали мозаику, он оставался самым крупным и впечатляющим религиозным сооружением христианского мира и притягивал паломников со всей Европы. На них производили впечатление не только размеры и богатство того, что и сегодня считается величественным зданием, но и сведения о построившем его обществе. Западная Европа только начинала выплывать из века обскурантизма и испытывала чувство потерянности, культурного вакуума, который следовало заполнить. Во Франции, Британии и Германии немногие — даже среди аристократов — умели читать и писать. Одно за другим накатывали вторжения варваров — вандалов, готов, гуннов и викингов, практически покончившие с наследием Рима на Западе. А здесь, в Константинополе, старая империя про-

должала жить, сохраняя былое величие и христианскую цивилизацию. Неудивительно поэтому, что с возвращением на Западе цивилизованной жизни люди думающие обратили свои взоры на Византию как на источник вдохновения. Они также смотрели на нее как на сокровищницу утерянного знания, ибо в Византии находились библиотеки, подобных которым в Европе не существовало на протяжении тысячелетия. Некоторые из них питали по крайней мере надежды на то, что «Святая мудрость», осязаемым образом которой являлся Софийский собор, посетится и в столицах Запада и таким образом принесет им новое просвещение, возрождение западной цивилизации.

Для западного мышления три царя из сказки о волхвах являли собой все самое экзотичное и цивилизованное. Они были не только властелинами или посланниками языческого Востока, но и паломниками высшего порядка. Они были людьми святыми, признававшими, что, какими бы огромными ни были их материальные богатство и власть, они все были слугами Младенца Иисуса. Западные художники и скульпторы средневековья старались отобразить это чувство смирения перед лицом большего величия и одновременно одалживали у византийцев идею аналогии. Подобно византийским императорам, Константину и Юстиниану, велевшим изобразить себя на мозаике над воротами Софийского собора, приносящими дары Приснодеве и Младенцу, европейские короли также позировали для подобных картин. Самым известным примером этого служит и самое, пожалуй, таинственное произведение средневековья. Его тщательный анализ обнаруживает скрытое знание и, как мне кажется, указывает на контакт между одной из коронованных особ Европы и тайным обычаем христианской герметики, облачившимся в одежды волхвов.

РИЧАРД II И «УИЛТОНСКИЙ ДИПТИХ»

В 1993 году в Национальной галерее Лондона открылась примечательная выставка, главным экспонатом которой стало прекраснейшее из дошедших до нас произведений искусства XIV века — «Уилтонский диптих». Этот небольшой, переносный двустворчатый складень был заказан одним из менее понятых английских королей — Ричардом II. Это один из действительно величайших мировых шедевров, стоящий в одном ряду с «Моной Лизой» Леонардо да Винчи, «Ночным дозором» Рембрандта и «Подсолнечниками» Ван Гога. К несчастью для Ричарда, он прославился лишь тем, что в его правление парламент принудил его признать главенство парламента. Не повезло Ричарду, что жил он в такое время, когда стали происходить подобные вещи, ибо сам по себе он отличался интеллигентностью и благоразумием. Он не заслужил того, чтобы стать жертвой такого давления, как и того, чтобы быть убитым в возрасте всего лишь тридцати трех лет после отречения от престола в пользу своего неотесанного кузена Генриха IV. Историк Джон Харви так описывает его:

«Ричард II велик, ибо он был в высшей степени типичным представителем своей семьи, всей династии Плантагенетов, являясь в личном плане высшим выражением божественной монархии. Его настояние на священной и неделимой природе королевских прав, пожалованных ему его помазанием, и на полном сохранении прерогатив короны проистекало из его предвидения природы всего, что последовало бы после снятия этого барьера. Нет ничего сентиментального или романтического в том, чтобы признать Ричарда исключительно умным и в высшей степени культурным человеком, идущим в ногу с высоко интеллектуальными достижениями своего времени и одаренным боль-

шим пониманием, нежели другие люди, в том числе и большинство монархов, сущности управления.

...Типичнейшей и самой распространенной ошибкой является предположение, будто чем более отдален от нас какой-то период во времени, тем более варварским, хуже оснащенным и менее утонченным он был. Истине нас учат безупречное искусство Греции VI и V веков до н.э. и изысканные произведения скульптуры, живописи и литературы времен фараона Эхнатона, отдаленного от нас еще на одно тысячелетие. Так и XIV век стал свидетелем завоевания высшего пика европейской жизни, и мы будем ближе к истине, если охарактеризуем Ричарда II как супермена, который был мудрее и подготовленнее нас с вами, а не представим его грубым властителем в век барственной жестокости. Вполне вероятно, что собственно Европа не знала с XIV века ни одного человека, способного оценить по достоинству Ричарда II».

В пьесе Шекспира «Ричард II» — первой из цикла, описывающего «Войну Алой и Белой роз» — король предстает слабым, изнеженным, подпавшим под влияние презренных, заурядных друзей, с которыми он якобы состоял в гомосексуальных отношениях. Последнее почти бесспорно является вымыслом, к которому прибегли его враги, чтобы оправдать его низложение. В 1382 году Ричард сочетался браком с Анной Богемской, дочерью императора Карла IV. Хотя брак оказался бездетным, он был освящен любовью и смерть супруги в 1394 году оставила короля безутешным. В его облике могла проглядывать изнеженность — все же он был очень красив. И наука определенно интересовала его больше, нежели такие мужские занятия, как ведение войны, но это вовсе не означает, что он был гомосексуалистом.

Родословная Ричарда была достойна его королевы, и, — будь у них дети, история Европы в XIV веке могла бы

развиваться по иному пути. Он был сыном «Черного Принца» и внуком Эдуарда III, от которого он унаследовал трон. По этой семейной линии он был потомком французского короля Филиппа Красивого и его сводной сестры Маргариты, а также дальним потомком византийских императоров и связан родственными узами с венгерской королевской семьей. Имелись у него и крепкие уэльские корни, восходящие в Луэлину, мужу Джоун, являвшейся дочерью короля Иоанна. Принимая во внимание его несомненный ум и привилегированное положение отпрыска стольких королевских династий, нет ничего удивительного в том, что он, похоже, имел доступ к тайному знанию.

Заказанный им «Уилтонский диптих» представляет собой двустворчатый складень, расписанный с обеих сторон. Недавно его очистили, и после реставрации он стал объектом необычайного, прямо-таки детективного расследования. Чисто внешне это обыкновенный предмет культа, возможно, использовавшийся подобно другим диптихам в качестве задника временного алтаря. На правой филенке изображена Приснодева с Младенцем. С головы до ног она облачена в голубое. Мать и Младенец окружены одиннадцатью ангелами, также облаченными в голубое и украшенными венками из цветов. Большинство ангелов стоит за ее спиной, наблюдая открывающуюся перед ними картину. Справа от нее один ангел держит в руках флаг с изображением Святого Георгия, символизирующего Англию, а трое других — двое стоят на коленях рядом с ней — привлекают жестами рук ее внимание к сцене на соседней филенке. На ней так же преклонил колени юный Ричард II, а за его спиной стоят трое, окруженных ореолами святых, явно выступающих в качестве его поручителей. Двое из них были вылитыми канонизированными королями Англии — Эдуардом Исповедником (умершим в 1066 г.) и Эдмундом, последним королем Восточной Англии, преданным

мученической смерти датчанами в 870 году. Обоим святым были посвящены популярные культы — первый отправлялся в знаменитой усыпальнице Эдуарда в Вестминстерском Аббатстве, а второй — в гробнице Св. Эдмунда. Третья фигура, стоящая справа, то есть ближе всех к Приснодеве, изображает Иоанна Крестителя.

На картине Ричард II протягивает пустые руки, как если бы сам ожидал получить что-то. Эта идея о встречном даре Девы Марии мудрецам, не упомянутом в Евангелии от Матфея, занимает важное место в другом писании — Апокрифическом Евангелии, которое, похоже, использовалось гностиками во II веке. В этом Евангелии, как и в указании на рождение Иисуса в пещере вблизи от Вифлеема, приводится интересный рассказ о волхвах и его пеленках:

«И вот произошло, когда Господь Иисус был рожден в Вифлееме, городе Иудеевом, во дни Ирода царя: с Востока в Иерусалим пришли мудрецы в соответствии с предсказанием Заратуштры (Зороастра) и принесли с собой дары: золото, ладан и смирну, и поклонились Ему, и предподнесли Ему свои дары.

И тогда Богородица взяла одну из Его пеленок, в которые был завернут Младенец, и дала им ее вместо благословения, и они приняли его от нее как самый дорогой подарок».

Каково же было удивление, когда оказалось, что свивальник обладает удивительными свойствами:

«И вот вернулись цари, и принцы пришли к ним и спросили: что они видели и делали? Как прошли их путешествие и возвращение? Какие попутчики были у них в пути?

И они предъявили свивальник, который дала им Св. Мария, и устроили в честь него праздник.

И вот, разожгя согласно обычаю своей страны костер, они поклонились ему.

И бросили свивальник в костер, и огонь взял его и удержал его.

И когда костер догорел, они извлекли из него свивальник неповрежденным, словно огонь и не тронул его.

И вот они стали целовать его и накрыли им свои головы и глаза, и говорили: Это и есть несомненная истина, и действительно удивительно, что огонь не пожег его и не пожрал его.

И затем они взяли его и с величайшим почтением положили его среди своих сокровищ».

Согласно интерпретации Национальной галереи, Ричард — подобно Константину на портике Святой Софии в Стамбуле — преподносит в дар Приснодеве свое королевство. Однако это не единственное толкование. Если не предположить, что флаг Англии в руках ангела только что был преподнесен ей Ричардом, тогда здесь нет символа, равнозначного городу, подаренному Константином. У Ричарда пустые руки, и он как бы готовится сам принять что-то. Если считать, что диптих призван был служить во время мессы запрестольным образом, и принять во внимание позы и язык тел всех изображенных на нем, тогда напрашивается мысль, что Ричард готовится принять в свои протянутые руки Младенца Иисуса. Этому можно дать такое духовное толкование: Ричард просит дать ему Младенца Иисуса как свидетельство получения причастия на мессе. Будучи набожным католиком, Ричард несомненно верил, что, приобщившись святых тайн, он откушал тела и крови Христа. И тем не менее возможно и иное тайное послание, а именно: Ричард просил Приснодеву отдать ему его собственное чадо. Поскольку он не имел наследника, позиции монарха угрожали притязания его кузена Болингброка и интриги могущественных вассалов. Имея сына, Ричард смог бы противостоять им.

Разбираемое крайне таинственное произведение скрывает нечто гораздо большее. Явно не случаен выбор трех святых в качестве поручителей Ричарда (их можно было бы назвать даже «проводниками», или ангелами-хранителями). Согласно каталогу выставки, имеются неопровержимые свидетельства, что Ричард особо чтит этих трех святых. Выбор первых двух понять нетрудно: они оба — бывшие короли Англии (или, по крайней мере, части ее), несшие то же бремя ответственности, что и сам Ричард. Выбор же Святого Иоанна не столь очевиден на первый взгляд.

Ричард родился 6 января, то есть в день важного христианского праздника: Богоявления, или явления волхвов, принесших дары Младенцу Иисусу. Неудивительно поэтому, что «Уилтонский диптих» намекает на волхвов. Присутствие трех царей — и Ричарда в качестве одного из них — повторяет сцену, изображенную на бесчисленных других полотнах, но и это еще не все. Церковь придает легенде о волхвах столь большое значение, что Богоявление отмечается в честь их посещения как большой праздник. Однако 6 января не всегда связано с физическим рождением Иисуса. Изначально это был церковный праздник, но он не имел ничего общего с Рождеством. Скорее он считался днем Крещения Христа в реке Иордан и назывался «Днем Огней» в связи с освещением Иисуса и Огнем, что светился в Иордане. Читаем об этом событии в следующей главе Евангелия от Матфея:

«3. ¹³ Тогда приходит Иисус из Галилеи на Иордан к Иоанну креститься от него.

¹⁴ Иоанн же удерживал Его и говорил: мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?

¹⁵ Но Иисус сказал ему в ответ: оставь теперь, ибо так

надлежит нам исполнить всякую правду. Тогда Иоанн отпускает Его.

¹⁶ И, крестившись, Иисус тотчас вышел из воды; — и се отверзлись ему небеса, и увидел Иоанн Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Него.

¹⁷ И се, голос с небес глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в котором Мое благоволение».

Ричард II наверняка знал, что праздник Богоявления в день его рождения 6 января первоначально отмечался в честь Крещения Иисуса в Иордане, и это объясняет, почему он считает Святого Иоанна Крестителя своим особым святым-покровителем.

Тот факт, что символизм «Уилтонского диптиха» имел глубочайшее значение для Ричарда и его веры в божественное право королей, подтверждается его отношением к Вестминстерскому Аббатству — священной усыпальнице Эдуарда Исповедника и месту коронации в прошлом и настоящем английских королей. Ричард проявлял особый интерес к Аббатству: во время его правления к нему была пристроена северная паперть, и он дал деньги на строительство нефа. В трудные моменты жизни он посещал Аббатство и по крайней мере однажды заставил членов парламента поклясться в верности ему перед усыпальницей Эдуарда. Он был щедр по отношению к Аббатству, преподнес ему множество даров, в том числе знамена Св. Эдуарда и Св. Эдмунда, одежды с вышитыми гербами не только этих королей, но и своим собственным и своей супруги. На этих одеждах также были вышиты образы Приснодевы и Иоанна Крестителя. Расположение других приделов вокруг Усыпальницы Эдуарда Исповедника отражает сюжет «Уилтонского диптиха». Гробница расположена в центре

древнего храма. К северу от нее небольшой придел посвящен Св. Марии и Иоанну Крестителю; аналогичное положение на юге занимает придел Св. Эдмунда. По плану Ричарда, его собственная усыпальница должна была поместиться рядом с гробницей самого Исповедника — через проход от придела Св. Эдмунда. То есть очевидно, что Ричард хотел остаться после смерти в той же святой компании, в какой он находился, как считал сам, при жизни. Однако его особая приверженность Иоанну Крестителю, который изображен на диптихе святым, прикасающимся к нему и как бы представляющим его Приснодеве, становится ясной из надписи над его могилой: «О Христос милостивый, кому он (Ричард) был предан, спаси его с помощью молитв Крестителя, который представлял его». Эта молитва, внешне достаточно смиренная, кажется почти богохульственной по своему скрытому смыслу, поскольку, конечно же, лицом, которое Иоанн Креститель представляет в Евангелиях, является сам Иисус Христос. Скрытый же смысл состоит в том, что Ричард желает стать подобным самому Иисусу, чье пастырство началось с его крещения в Иордане; он хочет стать посвященным в том же ордене, что и Христос. Но была ли то лишь личная одержимость короля, чей день рождения выпал на 6 января, или здесь было нечто большее, нежели виделось на поверхности? Действовал ли Ричард один или он действительно был связан с тайным течением мысли, сосредоточенном на таинственном предании, касавшемся Крестителя и волхвов? Я верю в истинность последнего предположения и в то, что указанное течение восходит к Византийской империи и вернулось в Европу во времена крестовых походов.

ГОТИЧЕСКИЕ ВОЛХВЫ

Движение крестоносцев официально возникло в ноябре 1095 года на церковном соборе в Клермоне, созванном папой Урбаном II. Однако в Бургундии существует старое предание, согласно которому еще раньше в том же году в Отуне, на тайном соборе тридцати шести епископов, были даны первые обеты отправиться в Иерусалим. В то время как в Западной Европе существовало множество кафедральных соборов и крупных аббатств с многовековой историей, до Крестовых походов не строились здания со стрельчатыми окнами и порталами, характерными для готического стиля. Более древние храмы, вроде кафедрального собора в Дареме, построенные в так называемом романском или норманском стиле, давали ограниченные возможности для работы со стеклом. Здания утяжеляли страшно толстые колонны, а несущие стены позволяли делать лишь небольшие окошки. Поэтому здания были довольно темными и мрачными. Фрески являлись основной формой украшения, поскольку практически не было возможности использовать цветное стекло. Наступление готики с ее арочными контрфорсами, принимающими на себя вес крыши, и более стройными колоннами внутри позволило строителям использовать стекло в гораздо больших масштабах. Церкви внезапно стали домами света, подчеркивая тем самым связь между этими святыми храмами и царством небесным, представлять которое они и были назначены. Струящийся через окна свет преломлялся в яркие цвета, изменяя внутреннюю атмосферу в согласии с интенсивностью солнечного излучения и в зависимости от окон, которые освещало солнце в каждое данное время дня. Эти новые церкви, сориентированные на восток, часто имеющие огромные розовые окна над западным порталом, стали на деле храмами солнца. И поныне они ос-

таются непревзойденными орудиями поднятия человеческого духа, и все же их появление на ландшафтах Европы было не менее неожиданным, чем появление пирамид в Египте. Импульс такому ходу событий был дан задолго до того, как на чертежной доске появился проект первого из подобных храмов — кафедрального собора Шартра. Напрашивается вывод: это знание доставлено с Востока в XII веке крестоносцами. Вопрос только в том — откуда? В те времена церкви Константинополя и Иерусалима были иного типа — в большинстве своем округлые здания, не имевшие стрельчатых арок.

Кафедральный собор имеет разностороннее предназначение. С одной стороны, он был престолом местного епископа и поэтому должен был отражать достоинство и престиж его сана. С другой стороны, он должен был служить учебным пособием для просвещения простого народа. Это достигалось главным образом с помощью скульптурных изображений в стекле и камне, рассказывающих истории из Библии. Визит трех царей в Вифлеем всегда был любимым сюжетом. В Шартре — самом, пожалуй, загадочном из всех готических соборов — есть огромный витраж, полностью раскрывающий историю Рождества, и несколько филенок, посвященных трем царям. На первой изображена их встреча с Иродом, на другой они посещают Приснодеву и Младенца, и, наконец, на третьей, предупрежденные ангелом, они возвращаются домой другим путем. В этих витражах бросается в глаза Вифлеемская звезда. Она присутствует вместе с Марией и Иосифом в яслях во время родов, и она же ведет волхвов в Вифлеем и остается с ними, когда их будит ангел.

Возможно, каждый кафедральный собор в Европе имел в свое время один или несколько витражей, воспроизводивших историю волхвов, но в Отуне, в Бургундии, где в 1095 году тайно собрались епископы, эта история расска-

зана в камне. Земля, на которой предстояло возвести кафедральный собор Отуна, была подарена епископу Этьенну де Баже герцогом Бургундским, кузеном папы Каликстуса II в 1119 году. Работы на строительной площадке начались на следующий 1120 год. История волхвов очаровательно представлена в трех сценах, высеченных на капителях великим и загадочным скульптором Жизлебертусом. Мало что известно о нем, но, к счастью, его произведения, хоть и поврежденные, дожили до наших дней. В первой сцене волхвы являются к Ироду. Во второй они преподносят свои дары — ладан и смирну в круглых горшках и золото в небольшом сундучке. В третьей, самой забавной сценке, они лежат вместе в одной постели, так и не сняв свои короны. Над ними сияет Звезда, и один из них приоткрыл глаза, ибо к его руке прикоснулся ангел, предупреждающий, что они должны вернуться другой дорогой.

Вместе с витражами и скульптурами кафедральные соборы украшали картины, написанные на стенах или холстах. Подобные картины в своем построении обычно следовали определенному канону. Мария изображается сидящей с Младенцем Иисусом на коленях, с Иосифом поблизости. Одеты они в простенькие наряды — она обычно в голубом халате поверх красной туники. Ее голова также традиционно покрыта голубым капюшоном или шалью, но иногда ее изображают и с более современным головным убором. Почти всегда ее голова окружена нимбом или золотым светом, свидетельствующим, что она святая. Трех волхвов, напротив, обычно изображают богато наряженными, в сопровождении многочисленной свиты, состоящей из слуг и сопутствующих. Раз волхвы являются с Востока, то и выглядят экзотично, и сопровождают их необычные животные вроде дрессированных леопардов или верб-

людов, подтверждающие, что они-таки пришли с Востока. По европейской традиции, по крайней мере, волхвы являются истинными царями и потому красуются в коронах (хотя иногда снимают их из уважения к Царю Царей, перед очами которого они явились). Один из царей — обычно самый старый — преклоняет колени перед Богородицею и Младенцем, преподнося свой дар или целуя ножку Иисуса. Остальные двое уважительно стоят на заднем плане, ожидая своей очереди. Опять же по традиции, один из них — чернокожий, то ли африканец, то ли индус. Излишне говорить, что ни одной из этих деталей не найти в повествовании Матфея — явно скупого на подробности, если не сказать больше. Однако культ волхвов, весьма популярный во Франции и Британии, достиг своего апофеоза не в этих странах, а в Германии, или, вернее, в Священной Римской империи. Почему так случилось — это другая история. Должны были пройти несколько лет, прежде чем я оказался перед гробницей, в которой, предположительно, покоятся их останки. Задолго до этого я занимался другими поисками — пытался узнать, живут ли еще Учителя, обладающие и сегодня тем тайным знанием, которое, как я полагаю, побудило строить готические соборы.

ГЛАВА 2

ВСТРЕЧА С ВОЛХВОМ

В мае 1973, после моего возвращения из Израиля, я оказался на поезде, идущем из Лондона в известный британский курортный город Челтнем. Ехал я на встречу с Джоном Годолфином Беннеттом — замечательным человеком, чью биографию я прочел в предшествовавшем году. Разменяв уже восьмой десяток, Беннетт в то время руководил экспериментальной школой для избранных в «Шерборн-Хаусе» — большом поместье, до которого можно было добраться из Челтнема на автобусе. Реклама утверждала, что в этом учебном заведении студентов обучали духовным танцам, медитации и другим способам совершенствования личности. Я жаждал узнать, что это за способы такие. Моё любопытство возбуждал и сам Беннетт, поскольку из того, что я читал о нем, выходило, что речь идет об английском джентльмене-философе, а вовсе не об одном из модных в то время индийских «гуру». В самом деле, он должен был принадлежать к совершенно иной эпохе.

Я прибыл поздно утром в солнечную субботу и был любезно встречен его женой Элизабет, выглядевшей типичной заведующей хозяйством школы. Огромное старое здание наводило на мысль о сельских вечеринках, которые наверняка бывали в нем когда-то. Все здесь вызывало ощущение нереальности, как если бы, пройдя через ворота, ты перемещался во времени назад в 20-е годы. Хотя интерьер выглядел запущенным, участок поражал великолепием ухоженных газонов и прекрасных клумб вокруг построек. Одна из них, как я отметил про себя, имела форму девятиугольника — этого символа, который про-

странно рассматривает Успенский в своей последней книге «В поисках чудесного». Это не удивило меня, так как я знал, что одно время Беннетт был учеником Успенского. Вскоре к нам присоединился и сам Беннетт — высокий мужчина с довольно неуклюжей фигурой, с огромными кистями рук и взлохмаченной седой шевелюрой. В своих высоких сапогах и зазелененной старой одежде он походил скорее на садовника, нежели на философа. Объяснив мне, что ему необходимо заняться неотложными делами, Беннетт вытолкал меня наружу и прихватил с собой лейку. Поблизости оказался сад камней, укрытый деревьями от нескромных взглядов. Перед ним находился небольшой прудик, к которому он меня и подвел со словами: «Эдриен, будьте так добры, полейте садик. Я долго не задержусь, самое большее на полчаса, потом у нас будет двадцать минут для обсуждения со мной всего, чего ни пожелаете». С этим он сунул мне в руки лейку и вернулся в дом, оставив меня наедине с окружающей тишиной. Испытывая легкое раздражение и немалое нетерпение, я зачерпнул лейкой воду из прудика и оглядел сомкнутые ряды анютиных глазок и петуний. Это было не совсем то, чего я ожидал. Я ведь проехал более сотни миль, дабы побеседовать с великим человеком о дервишах, и ожидал если и не самого радушного приема, то хотя бы приглашения на чашку чая с дороги. Вместо этого я оказался в одиночестве в странном садике, поливающим какие-то там растения. Не ради этого я приехал сюда, поэтому, зачерпнув несколько раз воду и полив цветы с краю клумбы, я присел и принялся размышлять над вопросами, которые следовало задать в обещанные двадцать минут. Прошла, казалось, целая вечность, когда он вернулся и стал осматривать результаты моей работы. Заглянув за передние ряды цветов на клумбах, Беннетт, естественно, заметил сухую землю в

их глубине. Я покраснел от смущения, вдруг сообразив, что то, что я принял за пустяковое задание, было на самом деле своеобразным экзаменом, который я с блеском провалил.

Мы покинули садик и вернулись в дом, где нас ждали чай и обещанная беседа. Происходило это в кабинете Беннетта, оказавшемся, как мне помнится, крошечной комнатенкой на первом этаже. Пригласив меня внутрь, он предложил мне стул у простого деревянного стола: «Сейчас вы сидите на стуле, на котором сидел и Успенский, когда писал “В поисках чудесного”». Мы, вероятно, никогда больше не увидимся, так что я в вашем распоряжении на целых двадцать минут для обсуждения всего, чего ни пожелаете. У вас есть вопросы, на которые вы хотели бы получить ответы?» Я прочитал «В поисках чудесного» несколькими годами ранее, когда путешествовал по Швеции, и сильно заинтересовался содержанием этой книги, в частности, изложенным в ней предположением о том, что на Востоке все еще живут «наставники мудрости», подобные библейским волхвам. И вот сейчас я не только сидел на стуле ее автора, но и видел перед собой одного из немногих оставшихся в живых учеников Успенского, способного просветить меня относительно столь необычной книги. Откуда изначально взялись содержащиеся в ней идеи? Знал ли Успенский больше, чем описал? Сохранилось ли еще на Ближнем Востоке — как он намекал — тайное братство посвященных? Все эти и многие другие вопросы я давным-давно жаждал задать Беннетту. И вот я сижу перед ним, и испытываю полный провал в памяти, прежде заполненной множеством мыслей. Я нервно ерзаю на стуле, не в состоянии вспомнить хоть что-нибудь, как если бы вдруг потерял интерес ко всему на свете. Атмосфера, похоже, накаляется, и я вместо того, чтобы задавать ум-

ные, философские вопросы, внезапно раздражаюсь смехом. И смеюсь я не над ним или над чем-то внешним, а лишь над собой. Я оказываюсь в состоянии того человека из сказки, которому предлагают исполнить три его желания, а он не находит ничего лучше, как попросить сосиску. Жизненно важные минуты утекают безвозвратно, и я наконец беру себя в руки, и мы начинаем разговор о судьбе. В то время я еще не понимаю, что он подразумевает под этим словом. Лишь много позже, по прочтении некоторых его книг, которые не были опубликованы при его жизни, смог я ухватить истинное значение того, что мы с ним обсуждали тогда.

На языке Беннетта слова «судьба» и «предназначение» имеют совершенно разное значение. Судьба, по его мнению, включает все, что находится вне нашего контроля и задает рамки, в которых протекает наша жизнь. Таким образом, цвет наших глаз, раса, нация и семья, в которых мы увидели свет, наш астрологический гороскоп, наши способности и таланты — все это является частью и содержанием нашей судьбы. Все эти мысли сжато изложены в его книге «Непостижимый человек», изданной посмертно на основе его записок:

«Существует не только решимость родиться, но и выбор: где родиться, у каких родителей и с какой наследственностью... Новая жизнь несет в себе определенную схему: ей присущи образ и форма, служащие неизбежными ограничениями. Самой очевидной является генетическая структура, в соответствии с которой ребенок наследует свои дарования — половину из них от отца и половину от матери. В тот момент, когда семя отца проникает в яйцеклетку матери, закладывается модель физической жизни. Затем есть и рисунок судьбы, который не берет начало от отца и матери, а — как говорят — определяется сочетани-

ем планетарных воздействий в момент зачатия. И «физическая наследственность», и «космическая наследственность», или судьба, закладываются в момент зачатия и становятся законами, управляющими новой жизнью».

Судьба, которую иногда путают с предназначением, проявляется на протяжении всей жизни, предоставляя нам благоприятные возможности, знакомя нас с такими людьми, как наши будущие жены или мужья и выстраивая в целом ход событий. Предназначение же — это нечто совершенно иное: это обязанность нашей души и цель нашего прихода в жизнь.

«Кроме генетически передаваемой физической структуры и «духовной модели», или судьбы, имеется и более высокий уровень порядка, который можно назвать «предназначением».

...Предназначение ребенка уникально, дано ему независимо от того, кто его родители. Оно приходит не от них и не от кого-либо еще «вне» ребенка. Мы можем утверждать, что оно от Бога. Оно связано с тем, что ему предстоит свершить самим фактом своего рождения, и через это он получает право выбора соответствующих условий жизни. Однако его право не является неограниченным. Иной раз схема предназначения и условия жизни не подходят друг к другу. Тогда зачатие разладится: либо оно вообще не происходит, либо возникают физические трудности, либо случается выкидыш — одним словом, что-то мешает предназначению воплотиться в жизнь. Либо ребенок родится, и оказывается, что судьба или условия жизни не позволяют предназначению реализоваться. В мире редко встречаются дети с очень богатой судьбой, и следует подготовить особые обстоятельства ради обеспечения условий для их зачатия и рождения».

Успех и неудача в жизни зависят от степени реализа-

ции нами нашего предназначения, которое может войти или не войти в гармонию с нашей судьбой. Предназначение было чем-то активным в то время, когда судьба была до известной степени пассивной. Оно связывалось с понятием личной «воли» в качестве источника цели и проявлялось в человеке как честолюбие. Одна из главных функций школы Беннетта для избранных состояла поэтому в том, чтобы пробудить в его студентах волю их души, ибо, лишь реализуя свое предназначение, может человек испытать устойчивое удовлетворение жизнью.

Сам Беннетт, несомненно, был отмечен особым предназначением. Молодым человеком он сражался в траншеях первой мировой войны, но в 1918 году был ранен и отправлен в Англию на поправку. Находясь на излечении, он выучил турецкий язык¹ и подал рапорт о переводе на работу младшим офицером разведки в Константинополь. С тех пор его жизнь сделала новый поворот, поскольку тесное соприкосновение со смертью изменило его восприятия. Первая мировая война привела ко многим переменам не только в Европе, но и на Ближнем Востоке. На протяжении почти всего XIX века Османская империя представляла собой «больного человека Европы». Ряд войн и революций освободили от ее господства Грецию, Сербию и несколько других Балканских государств, и теперь, после того, как султан совершил чудовищную ошибку, встав на сторону Германии и Австрии, империя утратила также ближневосточные страны Аравийского полуострова, Месопотамию, Сирию и Палестину. Эти бывшие провинции стали британскими и французскими протекторатами, напминавшими старые государства крестоносцев восьмисотлетней давности. Хуже того, вслед за великой войной самой Турции грозило расчленение, когда в 1920 году греческая армия, при поддержке французского и британско-

го флотов, высадилась в Смирне. Греки уже заняли Восточную Фракию вплоть до Чаталийских линий² и оказывали нажим на союзников с тем, чтобы они позволили им захватить Константинополь. Под давлением Франции и Италии султан подписал в августе указанного года Севрский договор, по которому остальные части Анатолии подлежали разделу на «сферы влияния» Франции, Британии и Италии. Это привело бы к ликвидации Турции как независимого государства и, естественно, спровоцировало бы насильственные действия со стороны ее народа. В результате набрало силу националистическое движение, возглавленное Мустафой Кемалем (Ататюрком). Началась национально-освободительная война, которая вынудила Францию и Британию вывести свои войска и которая закончилась поражением Греции. 17 ноября 1922 года последний турецкий султан Мохаммед VI бежал на британском корабле «Малайя» на остров Мальту, а 29 октября 1923 года Турция стала республикой.

Дабы подчеркнуть разрыв с прошлым, первый президент Турции Ататюрк перенес столицу из Константинополя (ныне Стамбул) в Анкару. Он также секуляризовал страну, отделив мечеть от государства, что и сохраняется до нынешнего дня. Арабский алфавит был заменен латинским, были проведены и другие реформы, включая запрещение фески и подавление таких религиозных движений, как «кружащиеся дервиши»³. Чуть ли не за одну ночь средневековая Турция превратилась в современное государство, показав спину собственным традициям.

Именно в такой «свалке» оказался Беннетт после того, как едва избежал смерти в 1918 году. Он быстро сделал карьеру разведчика и в конце 1920 года, когда британские войска оставили Турцию, стал резидентом британской разведки, отвечавшим за огромную территорию, прости-

равшуюся от берегов Далмации до границ Персии, Египта и России. Он в самом деле был «нашим человеком в Константинополе» и, несмотря на молодость (всего 22 года), получил чин подполковника.

В роли резидента Британской империи — а он был влюблен в свою работу — Беннетт подружился с одним из оттоманских принцев по имени Сабахеддин. Его отцом был известный турецкий реформатор и визирь Дамад Махмуд-паша, отправленный в ссылку деспотичным Абдул-Гамидом II. Его дядей был царствующий султан Мохаммед VI. Принц Сабахеддин был высокообразованным человеком, предпочитавшим говорить на французском, а не на турецком, и унаследовавшим от отца либеральные политические идеи. Он также весьма глубоко интересовался мистикой, изучал теософию⁴ мадам Блаватской и был близким другом Рудольфа Штейна — основателя боковой ветви антропософии. В каком-то смысле Сабахеддин представлял поколение, которому суждено было вскоре полностью исчезнуть. Он был живым связующим звеном с прошлым, восходящим к веку Византии, с миром, который практически перестал существовать уже в 1920 году. Высокий, немного неуклюжий молодой шпион был заинтригован этим маленьким, хрупким человеком с изысканными манерами, отвечавшим ему искренним расположением. Обычно раз в неделю они обедали вместе — когда одни, когда в компании с возлюбленной и будущей супругой Беннетта миссис Винфред Бьюмон. Обеды проходили всегда во дворце Куру-Чезме, поскольку Сабахеддин никогда не выходил из него по ночам из опасения покушения, и были поистине судьбоносными. Во дворце до поздней ночи велись дискуссии по философии и мистике, чему в немалой степени способствовало барочное великолепие Куру-Чезме. Под влиянием Сабахеддина и Беннетт заинтересовался

гипнотизмом и другими необъяснимыми явлениями. Эта заинтересованность изменит всю его жизнь и в конце концов, пятьдесят лет спустя, приведет его к основанию Международной академии непрерывного обучения в «Шерборн-Хаузе», которую мне предстояло посетить в 1972 году.

В ПОИСКАХ ЧУДЕС

В 1920 году Константинополь — или Стамбул, как его вскоре стали называть — заполнили беженцы со всех сторон. Последствия первой мировой войны, революции в России, погромов и резни в Армении и греческого вторжения в Турцию привели к огромным перемещениям населения. Многие из них — русские, греки, турки, армяне, и другие — оказались в Константинополе как в последнем убежище или — чаще всего — на пути куда-либо еще. Будучи шпионом-резидентом Британской империи и другом оттоманских принцев, Беннетт вступал в контакт со многими яркими личностями, в том числе и с недавно бежавшим из России Петром Демьяновичем Успенским. Последний — даже еще больше, чем Сабахеддин — оказал глубокое влияние на всю последующую жизнь Беннетта.

Петербургский журналист и ярый антибольшевик Успенский обладал необычайным интеллектом и редкой способностью сообщать кажущуюся простоту сложным идеям и глубину — простым. Кто мы? Откуда мы? Каково наше предназначение? Вот какие вопросы терзали и озадачивали его куда больше, нежели других людей. Он отдавал себе отчет в том, что мы живем в мире, полном сложностей и противоречий, и одновременно верил в существование Учителей. На протяжении всей истории существовало поверье, что где-то имеется высший и тем не менее человеческий авторитет, более высокий, нежели профессора и

политики, живущие среди нас: некая тайная школа или общество просвещенных, которые, если и не контролируют на деле судьбы человечества, все же знают ответы на эти самые неотложные вопросы. Вера в «Мудрецов» — а именно так следует величать их — представляет важную, если даже и недопонимаемую, часть любой крупной религии. И все же, что это за люди? Откуда они взялись? Какие есть доказательства их существования? Согласно теософии, они были орудиями Господними, тайным обществом посвященных, толкающих и движущих мир к высшей судьбе. Поскольку же, в отличие от папы римского и далай-ламы, эти люди не афишировали себя, Успенскому не удалось идентифицировать их. Подобно ученому юристу, он мог узнать об их действиях лишь задним числом — по оставленным ими следам. Он мог увидеть, где они были, но не где они находятся в настоящем или будут в будущем.

Еще до первой мировой войны он решил предпринять поиск Мудрецов. Он совершил длительное путешествие по Индии, Цейлону и Египту в поисках необычных знаний, которые могли еще храниться в тайне в этих экзотических странах. Подобно Сабахеддину и многим другим людям того времени, он находился под большим влиянием произведений Е.П. Блаватской — матери теософии — и надеялся, что, попади он в нужные места, вполне может столкнуться с ее учителями или познакомиться с кем-то, кто укажет ему, где их искать. Незачем и говорить, что оказавшись в Индии, он был страшно разочарован тем, что он там обнаружил. Он понял, что почти все, кто занимался так называемой «работой для посвященных», которую с данного момента мы будем называть «Новый век», обманывали себя и остальных. Ибо на каждого сколь-нибудь полуистинного учителя эзотерических идей приходилась сотня, а то и тысяча шарлатанов, паразитирующих на сла-

бостях ближнего. Это одинаково верно, обнаружил он, как для Востока, так и для Запада.

Однако Успенский был не просто «протохиппи», но и математиком и философом, успевшим написать уже книгу по малоизвестной тогда теме времени и пространства. Эта книга, смело названная «Терпиум Органум»⁵, выдвинула необычные и непривычные идеи касательно сознания, реальности Высших миров и того, что она может означать в терминах физики времени и пространства. Эта поистине оригинальная книга охватывала обширнейший материал — все, от геометрии четвертого измерения до трактата Лао-Цзы. Хотя Мудрецы Блаватской оказались неуловимыми, его книга получила признание в России, а позже открыла ему доступ в лондонское общество.

Чудом переживший большевистскую революцию и ее последствия, в начале 1920 года Успенский прибыл в Константинополь в сопровождении немногих последователей. Здесь он познакомился с Беннеттом и благодаря влиянию последнего смог получить разрешение на въезд в Англию. В августе 1921 года Успенский добрался до Лондона и с помощью леди Ротермир, супруги газетного магната и почитательницы «Терпиум Органум», почти сразу собрал небольшой кружок последователей. Последние были в основном читателями журналов «Новый век» и «Поиск». В 1931 году Успенский опубликовал вторую книгу, «Новая модель Вселенной», основанную главным образом на очерках, написанных во времена его исследований еще до первой мировой войны. В «Предисловии» ко второму изданию этой книги в 1934 году он подтвердил свою веру в существование в прошлом (и, возможно, в настоящем) людей с «высшим разумом». Последний — то есть Высший Разум — отвечает; по его словам, за все шедевры искусства в мире вроде Евангелия, Упанишад, Великого Сфинкса и

инных памятников⁶. В первой же главе — «Эзотеризм и современная мысль» — Успенский достаточно глубоко разбирает тему, увязывая эзотерическое знание с работой школ под руководством Мастеров, для которых Высший разум был не просто концепцией, но и реальностью. Черпая из собственного опыта, он дает ясно понять, как нелегко прийти к эзотерическому знанию:

«Эзотеризм далек и недоступен, но любой человек, узнающий или догадывающийся о существовании эзотеризма, получает шанс близко подойти к некоей школе или надеяться на встречу с людьми, которые помогут ему и укажут путь...

...Ибо врата в мир чудесного могут открыться только перед тем, кто ищет».

Успенский считал само собой разумеющимся, что цивилизация не только была создана трудом эзотерических школ, но и сможет выжить только пока ее поддерживает постоянная помощь из этих скрытых источников. Так, упадок религии, то есть уменьшение числа людей, ищущих посвящения в таинства, неизбежно должен был привести к загниванию цивилизации. Научное или техническое знание не могли служить заменой эволюции человека, ибо только через последнюю можно сохранить контакт с Высшим Разумом, а без него человеческая раса останется без руководства и обречена на вырождение.

В заключительном очерке в той же книге Успенский расширяет рамки теории о связи эзотеризма и нашего знания того, что в действительности составляет историю. Его мало интересовала «история преступления», содержащаяся в старой кинохронике и ежевечерне разворачивающаяся в выпусках новостей на экранах наших телевизоров. Его больше занимала секретная передача идей, то, как эзотерическое знание передается в одном поколении от одной

группы людей другой, от одного общества, религии или даже цивилизации — другим. Это-то — следы деятельности его любимых Мудрецов — и было, по его разумению; реальной историей мира.

Между двумя войнами Успенский обрел большую известность в кругах формально посвященных Лондона. Однако прочитанные им частные лекции — а на них порой присутствовали такие люди, как Олдос Хаксли и А.Е. Уэйт, а также издатель «Нового Века» А.Р. Орейдж — имели мало общего с его собственными поисками, но основывались на идеях, воспринятых им от другого россиянина — Георгия Ивановича Гурджиева. Этот полуармянин-полугрек вырос в беспокойной области на российско-турецкой границе в конце XIX века. Будучи великим путешественником и охотником за истиной, Гурджиев исходил пешком Ближний, Средний и Дальний Восток в поисках утраченного знания. Во время своих путешествий он набредал, по его собственным утверждениям, на многие странные и неизвестные монастыри и храмы, хранящие не только теоретическое знание, но и практическую технику метаморфозы человека. Как и мадам Блаватская на поколение раньше, Гурджиев привез эти идеи в Россию и дал понять, что его «труд» соответствует истине.

УЧИТЕЛЬ ИЗ АРМЕНИИ

Георгий Иванович Гурджиев был несомненно одним из необычайнейших людей нашего столетия. Родился он в Армении — суровой горной стране, втиснутой между Ираном, Турцией, Грузией и Азербайджаном. Город Карс, в котором он вырос, ныне находится на турецкой стороне границы, а во времена его детства принадлежал Российской империи. Таким образом, в то время Карс был

более благоприятным местом для христиан, нежели сегодня, и Гурджиев имел возможность получить начальное образование в российской приходской школе. Этого было явно мало для жаждавшего знаний мальчика. Подобно Успенскому, он уже в юношеском возрасте пришел к убеждению, что древний мир обладал знанием, которое мы утратили в нашей суматошной погоне за материальными ценностями, и поэтому пустился в длившийся всю жизнь поиск мудрости древних. На протяжении долгих лет он предпринимает длительные путешествия вплоть до Тибета и Индии на Востоке и до Египта и Абиссинии на Юге. Однако большая часть его путешествий пришлась на Туркестан и Месопотамию, находящиеся в центре этой огромной территории.

Гурджиев был убежден в том, что древние люди были — по крайней мере в некоторых отношениях — лучше развиты, чем мы сегодня. Тогда как мы добились великого технического прогресса за последние несколько столетий и научились впрягать энергию для повышения качества нашей жизни, мы одновременно утратили их знания. Эти знания, связанные с нашим духовным, психологическим и моральным благополучием, всегда были сферой религии. Гурджиев не сомневался, что даже умные и прекрасно образованные люди, живущие в XX веке, удручающе невежественны в таких вещах в сравнении со своими далекими предками, что в определенном смысле все мы живем в «век обскурантизма», а не в эпоху просветления, как мы имеем обыкновение думать. Хотя наша наука и освобождает нас от наиболее неприятных сторон природы, но она же все крепче привязывает нас к материальному миру и все больше осложняет нам поиск нашей истинной цели и предназначения. Таким образом, наш мир и наше место в нем не такие, какими мы их себе представляем.

Наши ценности перевернуты с ног на голову, и мы дошли до того, что перестали даже спрашивать, для чего живем, не говоря уже о поиске ответа.

Однако не все потеряно. Гурджиев верил, что мудрые и знающие люди из прошлых времен предугадали, что такое может случиться. Они ожидали, что их собственные цивилизации со временем будут сметены и на Земле воцарится страшное невежество. Соответственно они закодировали самые важные области своего знания и системы веры в — как назвал их Гурджиев — «легоминизмах». Часто это были материальные структуры вроде храмов или пирамид, которые призваны были простоять тысячелетия. В других случаях — это были письменные памятники и даже передаваемые из поколения в поколение песни и танцы. Были и такие легоминизмы, как колода игральных карт, где в четырех мастях по тринадцать карт воплощен — зашифрован — ряд эзотерических идей. Всеми этими средствами, полагал Гурджиев, упомянутые знания были сохранены и переданы будущим поколениям. И он отправляется в долгие путешествия на поиски утраченного знания.

Согласно Беннетту, поиски Гурджиева заняли примерно шестнадцать лет — с 1901 по 1907 год и достигли своей кульминации, когда его пустили в секретный храм, принадлежавший тайному обществу под названием «Сармунгское», или «Сарманское», братство. Большая часть Главы 5 полуавтобиографической книги Гурджиева «Встречи с удивительными людьми» посвящена поиску этого таинственного братства, основанного, как он предполагал, в Вавилоне примерно в 2500 году до н.э.⁷ Приблизительно в то время египтяне занимались строительством Великой пирамиды. В более позднее время, считал Беннетт, потомки того же секретного братства осведомленных посвятили в свои знания Пифагора — отца западной философии, пока

он пленником пребывал в Вавилоне. Гурджиев отмечает существование старого предания, будто в поисках знания Пифагор путешествовал по свету. Пока он находился в Египте, персидский царь Камбисес заставил всех мудрецов этой страны, в том числе и Пифагора, прибыть в Вавилон. Этот эпизод отображен в «Жизни Пифагора» Ямбликуса (греческого философа-неоплатоника, жившего приблизительно в 260–330 годах н.э.).

«...Пифагор посетил всех египетских жрецов, обретя всю мудрость каждого из них. Таким образом он провел двадцать два года в храмах, изучая астрономию и геометрию, отнюдь не поверхностно знакомясь со всеми тайнами богов. Позже он был пленен воинами Камбиусеса и уведен в Вавилон. Там он получил огромное удовольствие от общения с волхвами, посвятившими его в свое древнее знание и в самое идеальное служение Богам. С их же помощью он завершил изучение арифметики, музыки и других наук. Через двенадцать лет, примерно в возрасте пятидесяти шести лет, он вернулся на остров Самос».

Беннетт ссылается и на другую легенду: будто, находясь в Вавилоне, Пифагор мог даже встречаться с Зороастром (Заратустрой), основателем персидской религии, носящей его имя, традиционно считавшимся наставником отца Камбисеса — Цируса. Эта история содержится в другой «Жизни Пифагора», на этот раз написанной учителем Ямбликуса Порфирием:

«В Египте Пифагор жил со жрецами, выучил язык и познал мудрость египтян, как и три типа их письма — демотический, иероглифический и символический, первый из которых имитирует обычную манеру речи, а два других выражают смысл аллегории и иносказания. В Аравии он совещался с царем. В Вавилоне общался с другими халдеями, особенно сблизившись с Заратустрой (Зороастром),

благодаря которому он очистился от скверны своей прошлой жизни и узнал о вещах, от которых должен быть свободен добродетельный человек».

Чуть раньше Порфирий объясняет, как разные древние культуры выделяются в той или иной области науки и как Пифагор изучил их все:

«Что же касается его знаний, то, как говорят, он научился математическим наукам у египтян, халдеев и финикийцев, ибо издревле египтяне были хороши в геометрии, финикийцы — в числах и пропорциях, а халдеи в астрономических теоремах, божественных ритуалах и поклонении Богам. Другие тайны, касающиеся течения жизни, он узнал от волхвов».

Не входя в детали его путешествий, скажем лишь, что Гурджиев взял себе в пример жизнь Пифагора. Он, должно быть, держал в голове легенду о просвещении отца греческой философии вавилонскими волхвами, когда отправился в свой первый поиск. Согласно Беннетту, «в какой-то степени» Гурджиев определенно скопировал свою, созданную им позже академию со школы Пифагора.

Во время своих путешествий Гурджиев познакомился с рядом единомышленников, также жаждавших найти утраченное знание. Дабы облегчить бремя каждого, они образовали полуофициальное общество, получившее название «Ищущие правды», и договорились свести воедино результаты своих исследований. В состав этой группы вошел его друг-армянин по фамилии Погосян. Подобно Гурджиеву, этот молодой человек располагал свободным временем и разделял его интерес к тайнам. Потакая своему интересу и стремясь познать древнюю мудрость, они осуществили несколько совместных путешествий, в том числе они прожили некоторое время среди развалин древней армянской столицы Ани и провели собственные скромные археоло-

гические раскопки⁸. Сегодня представляется невероятным, как двое армянских юношей развлекались тем, что копались в руинах, но в 90-х годах прошлого века археология переживала свое детство и являлась как бы любительским спортом. Тогда два решительных молодых человека вполне могли разбить лагерь среди развалин храмов и дворцов своих предков и делать то, что им заблагорассудится.

Ведя свои раскопки, они обнаружили подземный ход и, взломав стену в конце его, проникли в небольшое помещение со сводчатым потолком, которое явно было когда-то монашеской кельей. Как оказалось, в ней находились лишь осколки горшков и сгнившие обломки того, что однажды было мебелью. Но в одном углу комнаты они нашли несколько листов древнего пергамента. Поскольку Ани был разрушен турками в 1064 году, пергаменты должны были датироваться, по крайней мере, XI веком, а могли быть и гораздо древнее. Под воздействием воздуха несколько документов сразу же рассыпались в пыль, но большинство из них остались целыми. В лихорадочном возбуждении юноши осторожно собрали эти пергаменты и вернулись домой в Александрополь. Там, в относительно спокойной обстановке, они могли изучить свое сокровище и при необходимости прибегнуть к помощи специалистов в расшифровке.

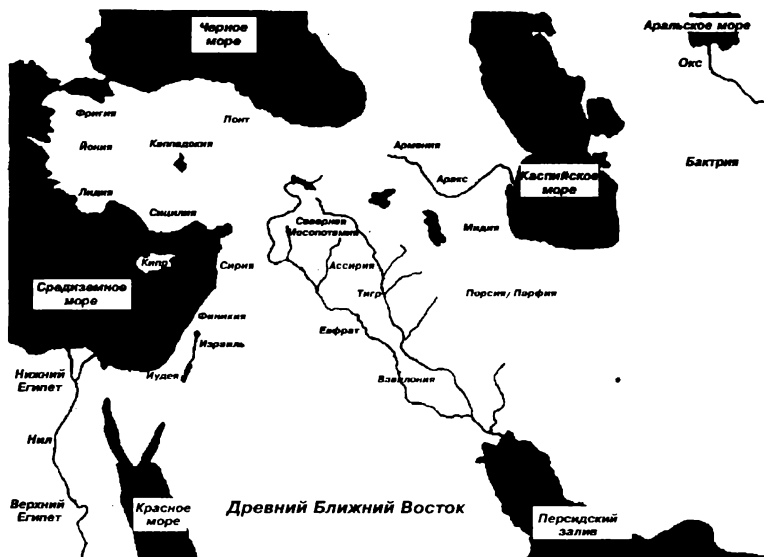
Пергаменты оказались перепиской двух монахов, одного из которых звали Арем, на весьма древней разновидности армянского языка. Эта переписка, в основном касавшаяся обычных церковных дел, включала одно письмо, вызвавшее у них наибольший интерес. В нем упоминалось таинственное «Сармунгское братство», на название которого Гурджиев наткнулся раньше в армянской книге «Мерхарват», и указывалось, что во время написания письма центральный монастырь братства находился

«в долине Изрумин, в трех днях пути от Нивсси». Погосян и Гурджиев быстро выяснили, что Нивсси было древним названием города Мосул на севере Ирака. Он находится недалеко от развалин города Ниневии и во время написания письма был столицей провинции Ньеви. Найденные в письме ключи позволили друзьям поверить, что они без труда найдут долину Изрумин и — если только он еще существовал — таинственный монастырь «Сармунгского братства». И как только им представился благоприятный случай, друзья собрали свои мешки и отправились на поиски.

Их путешествие оказалось труднее, чем они ожидали. Из-за постоянных политических трений между турками, армянами и курдами им пришлось пробираться к цели через Эгрисский хребет, нарядившись кавказскими татарами, дабы избежать втягивания в местные этнические конфликты. У них ушло ровно два месяца со времени пересечения реки Аракс, по которой и сегодня проходит граница между Арменией и Турцией, чтобы добраться до города, загадочно названного Гурджиевым «Z». Все шло хорошо, и они уже приближались к цели своего путешествия, когда случилось несчастье.

«Ровно через два месяца после пересечения реки Аракс мы наконец прибыли в город «Z», после которого собирались пройти через перевал в направлении Сирии. На этом перевале, не доходя до знаменитого водопада «K», мы собирались повернуть в сторону Курдистана и именно на этом пути надеялись найти место, являвшееся главной целью нашего путешествия.

В наших последующих странствованиях все шло довольно гладко, поскольку мы уже в достаточной степени приспособились к окружающим условиям, пока все наши намерения и планы не изменил несчастный случай».

Упомянутый несчастный случай произошел с Погосяном — его укусил ядовитый паук. И вот, вместо продолжения путешествия к предполагаемому месту нахождения долины Изрумин, они поспешили в город «N». Там один армянский священник с сочувствием отнесся к их беде и предоставил им кров, пока Погосян не поправился после срочной операции, которую сделал ему Гурджиев ради его спасения от паучьего яда. У священника друзья прожили почти месяц и за это время очень подружились с ним. Священник доверился им, сообщив, что в его распоряжении находится древняя карта. Она была начертана не на бумаге, а на тонком пергаменте, и, по словам хозяина, хранилась в его семье на протяжении нескольких поколений. Увидев ее в первый раз, Гурджиев был потрясен:

«Меня охватила дрожь, которая становилась тем сильнее, чем больше я старался сдержать себя и скрыть свое

волнение. Ведь я увидел именно то, о чем я думал бессонными ночами долгие месяцы!

Это была карта «допесочного» Египта».

Как только Погосян поправился, друзья оставили пока поиск Сармунгского монастыря и отправились в Египет, прихватив с собой копию карты, которую Гурджиев сделал украдкой в отсутствие священника. После ряда приключений Гурджиев оказался в Каире — уже без Погосяна — в качестве гида туристов, посещавших пирамиды Гизы. Пользуясь таинственной картой, он тщательно изучил регион, собредоточив на нем свои поиски.

«Нужно сказать, что все свободное время я как одержимый бродил по этим местам, надеясь найти с помощью моей карты допесочного Египта объяснение появления Сфинкса и ряда других памятников древности».

Гурджиев не объясняет, почему он оставил свой прежний поиск Сармунгского братства и проявил столь большой интерес к Древнему Египту. Как нигде пока прямо не говорит, что оба поиска связаны между собой. Позже, судя по его книге, он возвращается в Азию. Во время его нахождения в Бухаре в контакт с ним вступает посланец разыскиваемого им братства. С завязанными глазами его доставили в их тайную обитель, упрятанную где-то в почти недоступном ущелье, и пока он там находился, посветили в кое-какие секретные сведения и дела. Для него это было равнозначно находке Чаши Грааля.

С 1907 по 1914 год Гурджиев занят главным образом сведением всех собранных им к тому времени отрывочных знаний в одну всеобъемлющую «систему». Она охватывала философию, психологию и космологию, которая — хоть и походила кое в чем на теософию Блаватской — оказалась гораздо подробнее и практичнее в своей применимости. Он увязал теоретическую сторону своего

труда с программой музыки и танцевальных движений, многие из которых он изучил в разных тайных монастырях, в которых побывал во время своих путешествий. Именно с этой всеобъемлющей программой познакомился Успенский в 1916 году в Москве, и именно ее вывез Гурджиев сначала в Константинополь, а затем в Западную Европу и Америку.

Успенский познакомился с Гурджиевым в Москве лишь через несколько недель после собственного бесплодного путешествия на Восток и почти сразу подпал под его чары. На протяжении четырех лет «Г», как его называли, будет его наставником, преподаст ему много новых и необычных идей. Казалось, он наконец нашел настоящего учителя, Мастера Мудрости. В 1920 году Гурджиев открывает свой институт во Франции — в замке деревни Авон вблизи от Фонтенбло. Там он преподавал танец и драматургию, а также некоторые понятные немногим вещи из тех, которые очаровали Успенского во время их общения в России.

В следующие два года Гурджиев набрал много учеников, главным образом из Америки. В 1924 году после серьезного дорожно-транспортного происшествия, в котором он едва не погиб, Гурджиев закрывает свой институт и сосредоточивается на написании собственных «легоминизмов». В течение нескольких лет он записывает три «серии» под общим названием «Все и все». Первая из них явилась приступом к труду из трех книг, озаглавленному «Рассказы Вельзевула для внучонка». Этот необычный труд, написанный в занудном и трудном для чтения стиле, имеет форму научной фантастики. Написанная от имени падшего, но уже раскаивающегося ангела (постаревшего Вельзевула, осужденного за грехи своей юности на жизнь в ссылке на краю Вселенной в Солнечной системе), книга

описывает его путешествие на родную, лучше расположенную планету Каратас. Чтобы убить время в этом долгом космическом полете, Вельзевул развлекает путешественника с ним юного внука рассказами о своей жизни. В частности, излагает ему историю планеты Земля, объясняет, почему населяющие ее странные люди так сильно отличаются от равноценных разумных форм жизни на других планетах Вселенной. Остроумные и насмешливые «Рассказы Вельзевула» удачно сочетают обучение с сатирой, которую в состоянии разгадать только самый упорный читатель. И это не случайно. Беннетт вспоминает, что Гурджиев предумышленно затемнял смысл «Рассказов Вельзевула», чтобы лишь самые настойчивые из читателей поняли, что, собственно, он собирался сказать.

«Он (Гурджиев) сам выслушивал зачитываемые вслух главы в случае, если обнаруживал, что ключевые места воспринимаются слишком легко, а значит, почти неизбежно слишком поверхностно, переписывал их заново, дабы, по его собственным словам, «зарыть собаку поглубже». Когда его поправляли и намекали, что он, конечно же, имел в виду: «зарыть кость поглубже», он огрызался и уверял, что читатель должен найти не «кость», а именно собаку. Собака — это Сириус, собачья звезда, олицетворяющая дух мудрости в учении Заратустры».

Вторая книга Гурджиева «Встречи с замечательными людьми», рассказывающая историю его поисков Сармунгского братства, на первый взгляд представляется в общем откровеннее. Внешне это автобиография, но на самом деле означает гораздо больше. В повествование вплетены нравоучительные рассказы и наглядные уроки того, как разного типа люди могут наилучшим способом использовать свои способности. В ней также даются нечетко выраженные ключи к поиску кладезя мудрости. От «Рассказов Вельзевула»

эту книгу отличают гладкий стиль и бóльшая читабельность, и все же во многих отношениях она понятна еще меньше. Его третья книга «Жизнь реальная только тогда, когда есть я» сохранилась лишь в отрывках: похоже, он сам уничтожил несколько глав перед публикацией, потому что решил, будто в них сказано чересчур много. Осталось только описание его дидактической методики, опять-таки автобиографичное, отчасти объясняющее его странное и подчас оскорбительное отношение к собственным ученикам. Этот краткий труд гораздо менее интересен для непредвзятого читателя, чем более ранние книги. Он даже не был опубликован до конца 70-х годов.

В 1924 году Успенский окончательно порывает с Гурджиевым, но не сомневается в ценности полученных от него уроков, как и в том, что его бывший учитель был послан ему как эмиссар некоей школы мудрости, которую он сам так и не смог найти ни в Египте, ни в Индии. Вплоть до своей смерти в 1048 году Успенский продолжает читать лекции о «Системе» — под таким названием была известна гурджиевская довольно-таки эклектичная компиляция идей и методик. После второй мировой войны Успенский составляет из своих лекций с вкраплениями воспоминаний об общении с Гурджиевым книгу, которая в конце концов публикуется посмертно в 1950 году под названием «В поисках чудесного».

В оригинале книга имела рабочее название «Фрагменты неведомого учения», оставленное в опубликованном издании в качестве подзаголовка. Оно походило на косвенную ссылку на другой основополагающий труд: «Фрагменты забытой веры», принадлежавший перу ведущего британского теософа того времени Дж.Р.С. Мида. Последний был издателем журнала «Поиск». Его монографии «Трижды величайший Гермес» и «Фрагменты забытой веры» были и

все еще остаются основополагающими трудами по темам гностицизма и алхимии. Многие из ранних собраний группы Успенского проходили в офисах журнала «Поиск», так как Успенский и Мид были очень близки. Не записывалось то, что они обсуждали между собой, но Мид — уже довольно старый в то время — явно оказывал поддержку русскому эмигранту. Назвав свой труд «Фрагменты неведомого учения», Успенский, должно быть, хотел показать «тем, у кого есть глаза», связь между изложенными им идеями и работой Мида по гностическому христианству.

Лондонские последователи Успенского успешно продолжили его дело, создав после его смерти целый ряд обществ и отколовшихся групп. Вернувшись из Турции, Беннетт стал одним из первых учеников Успенского и именно поэтому буквально унаследовал кресло своего учителя — то самое, в которое, спустя почти двадцать пять лет, предстояло сесть и мне. Присутствуя при смерти Гурджиева в 1949 году, Беннетт не сомневался, что и мантия этого мастера также перешла к нему. Он считал своим предназначением продолжение их дела и организовал с этой целью собственные школы сначала в лондонском пригороде Кингстон, а затем и в Шерборне.

После смерти Гурджиева в 1949 году было опубликовано множество книг о его «труде», но во всех незримо присутствовал знак вопроса: выдвигал ли он культ, изобретенный им самим, или он действительно вступил в контакт с тайным источником знания? Был ли он, как сам намекал, эмиссаром тайного братства наставников мудрости, о которых говорила Блаватская и которых безуспешно искал Успенский, или всего лишь очередным шарлатаном? Эти вопросы, могущие на первый взгляд интересовать только его последователей, на самом деле имеют гораздо большее значение. Если он действительно нашел на-

ставников, преемников волхвов, просветивших Пифагора, тогда это не только делает его собственный труд гораздо интереснее для объективного изучения, но и имеет огромное значение для всех нас.

ГУРДЖИЕВ И ГНОСТИЧЕСКИЙ ЗАКОН

Самая известная книга Успенского «В поисках чудесного» до сих пор служит библией для многих школ и групп, восходящих к учению Гурджиева. Обманчиво простенькая книга является подлинной сокровищницей сведений, не только дающей полный перечень необычных верований, но и описывающей их изначальное появление. Я познакомился с этими «фрагментами неведомого учения», путешествуя в 1971 году по Швеции. Несколькими месяцами ранее в университете я уже прочитал «Терциум Органум», но эта книга явно была гораздо более эзотерической. Нелегко было читать эту книгу, ибо она содержала незнакомые идеи. Она несла в себе странную энергию, а своей манерой изложения одновременно и интриговала и просвещала. Откуда взялись эти идеи? В самом ли деле Гурджиев, как полагал Успенский, вступил в контакт с тайной школой? Эти вопросы все еще вертелись в моей голове, когда два года спустя я крутил педали велосипеда в Израиле, так что у меня было достаточно времени обдумать их довольно основательно.

Согласно Успенскому, Гурджиев утверждал, что его труд был действительно «эзотерической христианской верой», то есть производной от тайных обычаев, которые больше не понимает открытая христианская церковь. Эти обычаи, уверял он, изначально пришли из Древнего Египта.

«Христианское вероисповедание, христианская форма культа не были изобретены отцами церкви. Все это было

взято готовым из Египта, только не из известного нам Египта, а из Египта, который мы не знаем. Этот Египет находился в том же месте, что и нынешний, но существовал он гораздо раньше. Лишь небольшие осколки его выжили в наше историческое время, и эти осколки сохранились в тайне настолько успешно, что мы даже никогда не знали о их существовании».

Концепция эзотеризма в христианской религии заставляет сегодня клерикальные круги поднимать в удивлении брови. Однако и сам Иисус не был так уж открыт. Он проповедовал иносказательно, в форме притч, допуская толкование на многих уровнях, и иной раз отводил своих учеников в сторону, чтобы разъяснить реальное значение того, что он говорил. И все же, как явствует из Евангелий, Иисус далеко не все из того, что делал, объяснял даже своим ученикам. Многие его поступки и многое из того, чему он учил, не были поняты его современниками, ибо у них не было «глаз, чтобы видеть, или ушей, чтобы слышать». Идеи, которые пропагандировал Гурджиев и которые Успенский кодифицировал в одну систему, представляют собой горячий материал, весьма далекий от консервативного христианского вероисповедания. Они обладают собственной логикой и авторитетом, которые многие, в том числе и я, находят интригующими. Однако остается вопрос: были ли они сплавом идей, вычитанных Гурджиевым из книг, с собственными озарениями и умствованиями, или он-таки нашел одну или несколько тайных школ во время своих длительных путешествий? Пока Гурджиев был жив, его ученики имели мало причин, чтобы глубоко влезать в подобные вопросы. Выросший вокруг него культ был во всяком случае самостоятельным, и немногие из его учеников имели время или лингвистические способности, необходимые для серьезного собственного исследова-

дования «по пятам» своего учителя. Даже после его смерти большинство довольствовались тем, что продолжали читать, изучать и комментировать его сочинения и создавали собственные кружки. Беннетта же не удовлетворял такой подход. В 50-е годы он проводит собственное исследование источников знаний Гурджиева. Он, безусловно, верил в существование Наставников Мудрости и даже назвал так свою последнюю книгу, над которой он работал, когда я познакомился с ним в 1973 году, и которая была опубликована посмертно в 1975 году, — «Наставники Мудрости». Беннетт верил, что Наставники существуют и что они связаны с гурджиевским Сармунгским (или Сарманским) обществом. Будучи полиглотом, он смог пролить свет на этимологию названия и определить — по крайней мере теоретически, — что может представлять собой эта группа:

«Одним из таких ключей служит упоминание Гурджиевым в разных отрывках Сармунского (именно так!), или Сарманского, общества... Происхождение этого названия можно проследить до одного слова древнеперсидского языка. Его и в самом деле можно найти в некоторых текстах на пехлеви (литературном персидском языке) — им называют тех, кто хранит учение Заратустры. Это слово может иметь три толкования. Так называют пчелу, которая всегда была символом тех, кто собирает бесценный «мед» мудрости и сохраняет его для грядущих поколений. Собрание легенд, хорошо известное в армянских и сирийских кругах под названием «Пчелы», было ревизовано в XIII веке архимандритом-несторианцем Маром Саломоном... В «Пчелах» упоминается таинственная энергия, переданная из времени Заратустры и проявившаяся во времена Христа.

Более очевидным представляется вариант перевода персидского слова «ман» в смысле качества, передаваемого

по наследству в известной семье или расе. Оно как бы служит хранилищем фамильной ценности или традиции. Слово «сар» означает «голова» в буквальном смысле и в значении «главный» или «шеф». Сочетание «сарман», таким образом, призвано означать «главное хранилище» традиции, которая была названа «вечной философией», передаваемой из поколения в поколение «посвященными существами», если воспользоваться определением Гурджиева.

Есть еще одно возможное значение слова «сарман»: «Те, кто был просветлен», или буквально «те, чьи головы были очищены».

Когда я покинул Шерборн, в моей голове крутилась масса мыслей. Во время уик-энда я принимал участие в таких вещах, как «священный танец» и медитация, слушал лекции, но не чувствовал себя в согласии с этим делом. Не привлекали меня ни социальные идеалы, ни жизнь в общине, которая составляла часть шерборнского опыта. Хотя я и не сомневался, что школа могла много дать, но не этого я искал. Я хотел узнать побольше о Наставниках и не был убежден, что пребывание в школе Беннетта даст мне достаточно широкое видение предмета. С сожалением я упаковал свои чемоданы, сердцем чувствуя, что мне не найти здесь то, что уготовила мне судьба. Шагая по подъездной дорожке в направлении автобусной остановки, я увидел Беннетта, сидящим на газонокосилке. Поскольку вся община соблюдала «день молчания», он ничего не сказал мне на прощание, но я не чувствовал себя связанным этим обязательством. Пока я пожимал его руку и объяснял, почему я покидаю его школу, он смотрел на меня рассеянно, как если бы его мысли были заняты чем-то другим. Хотя мне еще предстояло встретиться с ним несколько раз до его кончины примерно через восемнадцать месяцев и даже побывать на его публичных лекциях в Лондоне, я

уже был уверен в том, что принял правильное решение. Все же я не сомневался в том, что «Сарманское братство» Гурджиева и далекие восточные края с горами и реками, откуда оно вело свое происхождение, каким-то образом связаны с волхвами из Евангелия от Матфея. Пройдут еще два десятилетия, прежде чем я смогу сам пойти по следу, ибо какое бы предназначение меня ни манило, мне еще нужно было разобраться со своей судьбой.

ГЛАВА 3

ПОИСК СРЕДИ СУФИЕВ

Вскоре после кончины Гурджиева в октябре 1949 года, проведя много времени с ним в последние месяцы его жизни, Беннетт решил отправиться в путешествие на Восток на поиск таинственного Сарманского братства. Хорошо владея турецким языком, понятным не только в Турции, но и во всех землях, когда-то входивших в Османскую империю, он избрал этот регион для своих поисков. Взяв за отправную точку свой излюбленный Стамбул, где он в свое время подвизался в роли британского шпиона, Беннетт собрался посетить Конью, Дамаск, Иерусалим, Багдад и Старый Вавилон и затем вернуться в Европу.

Беннетт проявлял огромный интерес к суфизму — мистическому сердцу ислама. В своей автобиографии «Свидетель» он вспоминает, как в 1920 году посетил в Константинополе Теке мевлеви, или вертящихся дервишей, самого, пожалуй, известного суфийского ордена¹. Он, наверное, был одним из последних людей с Запада, присутствовавших на ритуале мевлеви в Константинополе, поскольку вскоре их орден, как и все остальные, был запрещен реформатором Ататюрком. В то время танец дервишей в войлочных колпаках не произвел на него особого впечатления. Вернувшись же в 1953 году в Турцию, он первым делом вновь посетил давно заброшенный Теке. Полагая, что его размеры могут скрывать некое тайное знание, он принялся измерять танцевальный зал — Сема-Хане. Вот что он пишет по этому поводу:

«Стоя на покрытом пылью полу и оглядывая разрушающиеся деревянные части помещения, я понял, что озна-

чало отношение дервишей к жизни для турок на протяжении более чем семи столетий. Они были «закваской» практической мистики, которая спасла религиозную жизнь Турции от перерождения в формализм».

Его мистические догадки по поводу энергетики и предназначения турецкой монастырской архитектуры нашли подтверждение во время посещения им в священном городе Конья оригинального мевлевийского Теке, в котором похоронен основатель ордена Джалалэтдин Руми.²

«Находясь в Конье, я каждый день приходил в великую мевлевийскую Теке — дом поэта Джалалэтдина Руми, основателя ордена мевлевийских дервишей. Сема-Хане был построен в XII веке под руководством его сына султана Велада сельджуками Коньи. Это прототип трехсот шестидесяти пяти аналогичных зданий, разбросанных по всей Юго-Западной Азии. Изучая зал, я пришел к убеждению, что размеры и пропорции здания были производными некоего утраченного умения добиваться концентрации психической энергии, которая могла влиять на внутреннее состояние тех, кто собирался там для поклонения богу».

Вдохновленный посещением мавзолея Руми, но не определивший еще свой маршрут, Беннетт отправился в Адану, затем переехал из Турции в Сирию и посетил Алеппо и Дамаск. К тому времени он решил «путешествовать и жить как тюрк, то есть тратить поменьше денег», и поэтому избегал общения с другими жителями Запада. В Сирии он посещал другие теке и святые гробницы, и на этот раз познакомился с живыми представителями Мевлевийского ордена, на которых не распространялся запрет Ата-тюрка, поскольку они жили вне Турции. Находясь под сильным впечатлением от скромности и религиозных взглядов дервишей, Беннетт все же жаждал продолжить путешествие. Он стремился ознакомиться и с прошлым, и с на-

стоящим и смотреть крупные археологические раскопки, которыми так богата эта часть света. На пути из Сирии в Ирак он провел некоторое время среди руин древнего Вавилона — на месте действия многих из «Рассказов Вельзевула». Самым же значительным его открытием в Ираке была затерянная долина шейха Ади — основное убежище малоизвестного народа езидов, иногда называемых «есе-вами».

Долина шейха Ади получила свое название от «святого», чья усыпальница находится там. Езиды считают, что он жил тысячи лет назад — примерно во времена Авраама. Беннетт провел целый день на гробнице, расспрашивая ее стража с помощью переводчика-курда. Подытоживая свои впечатления, он записывает в своем дневнике:

«Убежден, что они (езиды) происходят из древних халдеев. Их собственное предание гласит, что они мигрировали с юга, и они вполне могут быть затерявшимися потомками вавилонских волхвов, исчезнувших во времена Александра Македонского».

Покинув долину шейха Ади, Беннетт проделал обратный путь до Константинополя, а оттуда до Лондона. Хотя всю оставшуюся жизнь он поддерживал тесные контакты с разными группами суфиев и испытывал глубокое влечение к исламу, он все же так и не переступил разделительную черту между крестом и полумесяцем и окончил свои дни римским католиком. Тем не менее его не оставляло увлечение другой религией, которая предшествовала христианству и исламу и оставила неизгладимый отпечаток в них обоих, — зороастризмом. Эта религия вавилонских волхвов, как он полагал, если и не была величайшим из всех на свете откровений, то по крайней мере больше других преуспела в практическом использовании. Беннетт верил, что ее уроки стали важной частью философии самопрев-

ращения Гурджиева, как это вытекает из его записи о Сириусе и зарытой собаке-звезде, а не кости. Беннетт был также убежден в том, что основатель этой религии Заратустра был реальной личностью, которую Гурджиев называл «Ашиата Шимаш» в своей книге «Рассказы Вельзевула» и которая сумела убедить народ отказаться от принесения в жертву животных. Такое жертвоприношение одно время достигло в Азии — по утверждению Гурджиева — пропорций эпидемии.

Были ли «вавилонские волхвы» предками езидов или нет, но Беннетт придавал им значение в своих поисках Наставников Гурджиева. Но могли ли они быть связаны с таинственным Сарманским братством? Тот вопрос очень занимал меня, но Беннетт не дал на него ясного ответа. Однако совершенно очевидно: если и есть хоть крупица правды в легенде о волхвах, приведенной в Евангелии от Матфея, тогда должна существовать некая связь между ними и зороастризмом — религией народа, который греки называли «магои»*. Соответственно я решил исследовать возможный характер этих связей.

УДОБНАЯ РЕЛИГИЯ

Заратустра, предположительно, родился в пограничной области между Ираном и Азербайджаном на берегах реки Аракс. Вообще считается, что он родился около 630 года до н.э.³, а основанная им религия — неприкрыто дуалистическая.

Подобно Египту и Месопотамии, Персия очень древняя страна. У нее весьма глубокие религиозные корни, уходящие к заре цивилизации. В тот античный период — еще до строительства пирамид и задолго до эпического

---

* Волхвы, маги.

путешествия Авраама из Халдейского Ура в Хеврон — уже существовал народ индо-европейского происхождения, живший и в Иране, и в Индии. Эти люди — предки современных персов и европейцев — были организованы в племена, которыми правили царские династии. Их религия была, предположительно, культовой и содержала многие элементы, узнаваемые сегодня в современных культурах региона. Их культ покоился на преклонении перед стихиями, в частности, перед огнем и водой, и на желании сохранить их «чистыми». Их ритуалы включали возлияния и приношение в жертву животных — обычно быков.

Заратустра был жрецом этой древней религии, но имел почти библейское призвание стать пророком. Согласно легендам, собранным в «Гатас»⁴, в возрасте тридцати лет у него было видение, во время которого он встретился с Ахурамаздой — верховным богом иранского пантеона. Не оцененный собственным народом, Заратустра отправился ко двору царя соседнего народа Виштаспы и обратил его в новую веру. По убеждению Беннетта, жрецы более древней, дозороастрийской, религии, уже называли себя волхвами, и признание ими нового пророка стало решающим фактором:

«Волхвы были членами касты, или класса, существовавшего в Центральной Азии до эпохи Зороастра. Они приняли Зороастра, когда он явился ко двору царя Виштаспы, бактрийского короля Хорезма. Два волхва получили задание проверить Зороастра и обнаружили, что его приобщение к знаниям превосходило все, что знали они сами. По их совету царь согласился на обращение».

Религия, которую проповедовал Зороастр и которую теперь собирались принять персидские цари, была, однако, реальным отступлением от более древних культов, ибо он учил, что мир, хоть и смоделированный богом, был

создан в качестве поля битвы добра со злом. Согласно Зороастру, Добрый Бог Ахурамазда (или Охрмазд, как его называют в более поздних текстах) существовал в виде вечного света и времени. Однако существовал и его враг Ангра-Майню (позже названный Ахриманом) — дух тьмы и зла, хоть только и потенциально. Сознывая ту опасность, которую представляло зло для чистоты его вечного бытия, Охрмазд задумал план, как заманить в ловушку и уничтожить Ахримана. Такой ловушкой стал наш материальный мир: будучи зависимым от пространства и времени, он вынудит врага проявиться. Охрмазд знал, что злой Ахриман попытается уничтожить этот мир, но в отличие от своего противника, он мог предвидеть и знал заранее, что старания дьявола приведут его в сети пространства и времени. Таким образом, хотя зло и могло одержать первоначальные победы и причинить тем самым страдания миру, в конце концов оно потерпит поражение, и верх возьмет добро.

В зороастрийской религии прототипа человека (равнозначного библейскому Адаму) звали Гайомарт. Вместе со священным быком и первым растением он был создан на шестой день. Ахриман ответил на вызов Охрмазда, дохнув смертью на эти первые создания жизни. Хотя сами они и умерли, все же их семя дало жизнь тысячам: от быка ведут свое происхождение все другие животные, от первого растения — все остальные растения, а от человека — человечество. Так, хоть Ахриман и принес смерть в мир, ему не удалось уничтожить саму жизнь. Битва между богом и дьяволом, добром и злом, жизнью и смертью идет непрерывно.

Согласно Зороастру, человечество призвано сыграть особую роль в этой долгой войне со злом, а его душа является исходным полем битвы между этими двумя силами. Охр-

мазд знал с самого начала времени, что Ахриман будет искушать человека грехопадением и тем самым приведет его к смерти. Но несмотря на то, что человеку не избежать падения, со временем он вспомнит о своем божественном происхождении и будет действовать как представитель бога в материальном мире. Для благочестивого зороастрийца жизнь, труд и учение пророка превосходят все, что было раньше, и вооружают его ориентирами этического поведения в жизни. Он предвкушает то время, когда в конце эры родился Саошианс⁵. Тогда дьявол будет уничтожен раз и навсегда, зло будет запрещено, а в мире наступит порядок. Пока же умный человек следует предписаниям Зороастра, борется на стороне добра и прежде всего старается сохранить в чистоте себя и свой мир.

Около двухсот пятидесяти лет волхвы совершали богослужения для своего народа. Вторжение Александра Великого в 334 году до н.э. вызвало огромные перемены во всей Персидской империи. К тому времени, когда евангелические волхвы, предположительно, явились в Вифлеем, дабы засвидетельствовать рождение Иисуса, зороастризм как религия находился в состоянии почти полного упадка. Хотя позже он будет возрожден и даже переживет свой золотой век при правлении династии Сасанидов, все это произойдет в далеком будущем.

В I веке до н. э. большая часть Месопотамии входила в состав Парфянской империи⁶, которая не была так централизована как, Ахейская до вторжения Александра и Сасанидская (224—651 гг. н.э.), возникшая позже. До установления римского господства в регионе ряд небольших государств на территории теперешней Восточной Турции и в Месопотамии пользовался значительной религиозной и политической свободой. В таких вольных условиях смогли расцвести многие местные культы, самым важным из ко-

торых был культ Митры — бога, почитавшегося арийцами⁷ задолго до рождения Зороастра. Существование этих культов на окраинах Парфянской империи навело меня на мысль о том, что евангелические волхвы пришли не из Персии как таковой, а скорее из Месопотамии. Это и подвигло меня на поиск митраистского следа.

ГЕРОЙ МИТРА

Когда в 1953 году Беннетт посетил усыпальницу шейха Ади, его интересовало нечто большее, нежели древняя могила. Он подозревал, что езиды обладали древним знанием и вполне могли быть одним из самых важных источников Гурджиева. У Беннетта были все основания так думать, ибо сам Гурджиев ссылается на езидов во «Встречах с замечательными людьми». В частности, Гурджиев рассказывает о том, чему сам был свидетелем: если нарисовать на земле окружность вокруг езиды, он не сможет покинуть этот круг по собственной воле. Круг превращается в клетку, из которой он, как бы ни старался, не может бежать.

«Некая странная сила, гораздо более мощная, чем его (езиды) обычная сила, держит его внутри...

Если езиды насильно вытаскивают из круга, он немедленно впадает в состояние каталепсии, из которого выходит, как только его внесут обратно в круг. Если же его не внесут в круг, он возвращается в нормальное состояние, как мы имели возможность убедиться, только через тринадцать или двадцать один час.

Невозможно привести его в нормальное состояние никаким иным способом. По крайней мере, ни моим друзьям, ни мне не удавалось сделать это несмотря на то, что мы уже владели всеми известными современной науке о

гипнозе способами выведения людей из каталептического состояния. Только их жрецы могли сделать это с помощью определенных кратких заклинаний».

Если Беннетт и питал надежды увидеть подобные явления, его ждало разочарование. Либо люди, принимавшие его в долине шейха Ади, избегали при нём оказываться в круге, либо — скорее всего — хранили для себя такого рода представления, понятные лишь немногим. Как бы Беннетт ни воспринимал значение езидов и их необычного культа, к несчастью, он не воспользовался их предложением пожить с ними и узнать побольше об их внутренних тайнах. Поэтому он мог мало что сказать сверх того, что считал их живой связью с древними культами, служившими прообразом раннего христианства.

«Их культ — мешанина из савеизма, христианства и ислама. Вероятно, время от времени они одалживали разные легенды, дабы связать свои верования с господствовавшими на данный момент в окружающем мире. Езиды могли быть связаны и с древним культом Митры. Если сравнить символы святилища шейха Ади и храма в Хатре⁸, можно узнать в них змею и даже, пожалуй, скорпиона».

Митраизм обычно рассматривается как еретическая ветвь Зороастризма, но это является чрезмерным упрощением. Отношения между двумя религиями на самом деле гораздо сложнее и во многом напоминают отношения между христианством и исламом. Как ислам в некоторых отношениях является реформированной версией христианства и одновременно новым выдвижением свойственной Ветхому Завету идеи приближения к Богу путем подчинения его воле в повседневной жизни, так и митраизм явился во многих отношениях возвратом к дозороастрийскому прошлому.

В персидской, арийской традиции, предшествовавшей

зороастрийской реформации, уже имелся Митра, который — вместе с Варуной и Индрой — был одним из великих богов. Его тесно связывали с понятием справедливости и призывали в свидетели в случаях испытания огнем, когда обвиняемого заставляли бежать по узкому проходу между двумя пылающими поленницами. Связь между Митрой и огнем со временем становилась крепче, и — подобно христианскому архангелу Михаилу, с которым его можно сравнить — он стал солнечным божеством. Он олицетворял опаляющий жар солнца и его же свет. Так, на эзотерическом или обыденном уровне учения Митра был огненным богом-солнцем, господином заветов и олицетворением абстрактного качества справедливости. Однако не этим привлек его культ приверженцев из числа римлян. Для них он был олицетворением героя. Его культ, распространившийся с быстротой огня по всей Римской империи в I и II веках н.э., был субъективнее классического зороастризма. Греки и римляне воспринимали Митру как героическое божество в образе человека, равноценное Геркулесу и богам солнца Аполлону и Гелиосу.⁹

К несчастью, до нас дошло мало письменных памятников касательно римского митраизма, хотя сохранился ряд рельефов и статуй, которые дают нам широкое представление о характере этого культа. Его центральное предание явно связано с мифами о зороастрийском и библейском сотворении мира. Митрас, как и Гайомарт, — дитя божье. Родился он из скалы возле святого потока у корней дерева.¹⁰ Но он же и «Адам», отведавший плода дерева и скроивший одежды из его листьев. Как заметил знаменитый мифолог Джозеф Кэмпбелл, нет греха в том, что он отведал плода.

«В персидском Митре соединены два Адама¹¹, ибо не было греха, не было Падения, связанного с совершением

им героических деяний в мирской жизни. Ребенок срезал ножом плод с дерева и скроил одежду из его листьев: опять же подобно Адаму — но без грехопадения. Есть и другая сцена, когда он стреляет стрелами в скалу, из которой струится вода; дабы освежить преклоненного молящегося. Мы не располагаем мифом, но этот эпизод уже сравнивали с тем, в котором Моисей добыл воду в пустыне из скалы своим жезлом (Исход, 17, 6). Однако Моисей согрешил, ибо ударил дважды, и поэтому ему было отказано в

Митра. Аверс стелы.

Митра. Реверс стелы.

доступе в Землю Обетованную — как согрешил Адам и лишился рая. Спаситель же Митра и отведал плода с дерева-матери, и добыл влагу жизни из скалы-матери, не согрешив при этом».

Легенда Митры известна лучше в ее связи с участием священного быка. В отличие от зороастрийской истории сотворения мира, в которой первый бык просто погибает в результате происков Ахримана, в митраизме его приносят в жертву. По неясным причинам Митра должен был поймать живого быка и притащить на своих плечах в свою пещеру. Там и происходит знаменитая сце-

на жертвоприношения, изображенная в бесчисленных скульптурах и стелах (вроде той, что хранится в Британском музее). Этот эпизод изобилует символикой:

«Первоначальный бык пасся на склоне горы, когда молодой, атлетически сложенный бог ухватил его за рога и уселся на него верхом. Животное пустилось диким галопом и сбросило его с себя, но бог повис на его рогах и не отпускал его, пока огромное животное не свалилось. Тогда бог схватил его за задние копыта, закинул к себе на плечи, и начался так называемый переход, или тяжелая транспортировка, живого быка со свесившейся головой, с преодолением множества препятствий, в пещеру. Это тяжкое испытание и для героя, и для быка стало символом как человеческого страдания вообще, так и особых злоключений новообращенного на его пути к просвещению — что соответствует Крестному ходу в возникшей позже христианской вере. Когда герой добрался до своей пещеры, посланный солнцем ворон сообщил ему, что наступил момент жертвоприношения, и, схватив свою жертву за ноздри, он вонзил нож в его бок... Из хребта быка проросла пшеница, а из его крови лоза — отсюда хлеб и вино для причастия. Его семя, собранное и очищенное луной, как в ортодоксальном зороастрийском мифе, произвело полезных животных, которыми пользуется человек... Явились животные богини-матери смерти и возрождения, дабы исполнить свое предназначение: скорпион, собака и змея».

В соответствии с этим описанием того, как бог притащил быка в свою пещеру и принес его в жертву, и происходили, несомненно, ритуалы этого культа. Можно вообразить «родео», в которых отважные юноши вступали в схватку с быками и даже, быть может, затаскивали их в пещеру, чтобы принести их в жертву. Подобное приноше-

ние быков было, конечно, обычным делом во всем древнем мире, и напоминание об этом можно усмотреть в наши дни в испанской корриде.

В Библии Моисей призывает гнев Божий на головы израильтян, застав их поклоняющимися золотой фигуре быка и танцующими вокруг нее. Это не было их собственной выдумкой — они следовали примеру египтян, которые в то время тоже поклонялись священному быку по имени Апис. Центром египетского культа быка был Мемфис, а Аписа — одновременно поклонялись только одному белому быку — содержали в роскошных условиях, пока он был жив. После смерти его тушу мумифицировали и хоронили в гигантском мавзолее, называвшемся «Серапеум». Он находится вблизи от царского кладбища Саккара и представляет собой лабиринт катакомб, где находятся огромные саркофаги, в которых когда-то хоронили мумифицированные туши быков. Он был заново обнаружен в 1850 году выдающимся французским археологом Огюстом Мариетом, открывшим современному миру полную меру одержимости египтян своим Аписом. Каждый саркофаг имел три метра в высоту, два в ширину и четыре в длину и выдалбливался из целого куска гранита. Затрачивавшиеся на изготовление и перемещение каждого саркофага усилия — а их насчитываются дюжины — свидетельствуют о власти, которую когда-то имел этот культ над египтянами.

В Персии дело приняло несколько иной оборот. Не установлена точная форма индо-иранской веры до рождения Зороастра, но известно, что в ней тоже существовал культ быка, включавший и принесение этих животных в жертву. Изначально это было очень святое дело, к которому относились весьма серьезно, но ко времени рождения Зороастра — около 630 года до н.э. — наступает оп-

ределенный упадок, когда в жертву стало приноситься без нужды огромное число быков. Зороастрийская реформа более древней и примитивной религии Ирана, которая вроде бы сосредоточилась на поклонении (или, по крайней мере, на принесении искупительных жертв) стихийным или природным духам, имела далеко идущие последствия. В частности, она поставила под вопрос практику принесения в жертву животных, которой, как считал сам Зороастр, не было места в религии. Профессор Р. Цаэхнер отмечал:

«Таким образом зороастрийская реформа предала анафеме такой класс божества, как *дива*, и устранила другой класс божества, которого иранцы называли *ахура*, а индийцы — *асура*, за единственным исключением Ахурамазды (позже названного Охрмаздом). Он был возведен в ранг одного-единственного, истинного бога, от которого произошли все остальные божества. Против этого бога выступал Анграмайню (Ахриман) — вредный дух, а жизнь на земле представляет собой битву между Ахурамаздой и служащими ему Силами, с одной стороны, и Анграмайню и его демоническими ордами — с другой. По убеждению Зороастра, то была настоящая битва, поскольку поклонники *див* продолжали оставаться верными традиционной религии, и он прямо отождествлял их со всем тем, что считалось злом. Среди их ритуалов фигурировало и принесение в жертву животного, которым обычно был бык, а Зороастр энергично выступает против такого жертвоприношения».

Если иметь в виду, что сам Зороастр так резко выступал против жертвоприношения, то представляется весьма странным, что оно играло столь важную роль в митраизме. Все дело, видимо, в том, что последний не был еретическим производным от зороастризма, как обычно предпо-

лагалось и бесконечно пережевывалось в каждом тексте на эту тему. Скорее, обе религии произошли — путь при определенном взаимодействии — от одной и той же изначальной проторелигии, но развивались разными, параллельными путями. Существовала, как мы знаем, очень древняя арийская религия, которую исповедовали по всему Среднему Востоку и Северной Индии задолго до Зороастры.¹² Однако самые старые упоминания ведических, или арийских, богов мы находим не в Персии или Индии, а в нынешней Турции.

Во время одного из величайших миграционных процессов в истории около 2200 года до н.э. народ, называвший себя хурритами, спустился с гор вокруг озера Урмия на плодородные равнины Северной Месопотамии. Как и персы, эти люди были арийцами, и они принесли с собой новейшее изобретение — военную колесницу. Эта легкая и очень маневренная повозка впервые появилась в степях на территории теперешнего юга России и была еще не известна народам старых цивилизаций Египта и Вавилонии. Вооруженные новой военной машиной — древним эквивалентом танка, хурриты оказались в состоянии смести всякое сопротивление и устроили царство, получившее название Митанни, в том месте, которое сегодня не совсем точно называется Курдистаном. Они продолжали свои завоевания и к 1800 году до н.э. добрались до Персидского залива. Оттуда они повернули на запад, в Сирию и Палестину, где смешались с уже обосновавшимися там семитами. В договоре, подписанном около 1400 года до н.э. между Митанни и, возможно, родственными им хеттами, были упомянуты пять арийских богов: Индра, Митра, Варуна и два близнеца Ашвина. Таким образом, бог Митра был известен в Восточной Турции задолго до пришествия Зороастра, родившегося, как общепризнанно, около 630 года до н.э.

Предположение Беннетта о том, что религия нынешних езидов берет свое начало, по крайней мере частично, от культа Митры, показалось мне чрезвычайно важным для моих собственных поисков предания о волхвах. Митраизм вызывал у меня с каждым годом все больший интерес, и я начал понимать, что он не только был одним из источников познаний Гурджиева, но и оказал глубокое влияние на развитие раннего христианства. В самом деле, даже характерный головной убор христианского епископа — «митра» — взял, похоже, свое название от Митры. И это, в общем-то, не удивительно, ибо зарождавшаяся христианская религия взяла гораздо больше, нежели забавные шапки, от митраизма. К стыду для христиан, можно найти много параллелей между культом Митры и римско-католической церковью, в том числе и выбор 25 декабря — дня рождения Митры в качестве Рождества Христова. Больше того, в римских катакомбах под Ватиканом даже упрятана посвященная Митре часовня. Если и неизвестна истинная природа ритуалов, проводившихся в подобных митраистских гротах, до наших дней дошла достаточная информация, свидетельствующая, что митраизм имел много общего со своим более поздним соперником — христианством.

ХРИСТОС И МИТРА

Чем глубже вникал я в эту тему, тем яснее становилось, что само христианство немалым обязано митраизму. Поначалу я не мог понять, чем это объясняется помимо того факта, что и раннее христианство, и митраизм были азиатскими культами, имевшими, предположительно, в своей основе некоторые общие идеи. Дальнейшее изучение митраизма пролило свет на определенные «христианские» обряды.

Подобно другим культам, возникшим на Среднем Востоке, митраизм был тесно связан с астрологией. Хотя сохранилось мало письменных памятников митраизма, многое можно узнать об этом культе, изучая дошедшие до наших дней скульптурные рельефы из митраистских храмов. Как и современное франкомасонство, он был основан, похоже, на идее постепенного посвящения. Согласно одному современному автору, цитирующему трактат М. Лайара «Культе Митры», тут было двенадцать ступеней:

«Они подразделяются на четыре стадии по три ступени в каждой: Земная, Воздушная, Огненная и Божественная. Земная включает ступени Солдата, Льва и Быка. В Воздушной различаются Гриф, Страус и Ворон. В Огненной — Грифон, Конь и Солнце. В Божественной — Орел, Ястреб-перепелятник и Отец Отцов».

Откуда взялось большинство этих названий — остается тайной, но из ссылки на четыре стихии, состоящие из трех степеней, становится ясно, что мы имеем дело с зодиаком. Однако, согласно Джозефу Кэмпбеллу, зодиак представлял собой неизменный фон движения планет:

«...Зодиак стал представлять собой ограничивающую, постоянно вращающуюся сферу времени-пространства-случайности, внутри которой действует безграничный Дух — неподвижный и все же переменчивый во всем. Орбиты семи видимых сфер — Луны, Меркурия, Венеры, Солнца, Юпитера и Сатурна — воспринимались как соответствующее число оболочек вокруг Земли, через которые спустилась душа, дабы родиться».

Нужно было пройти семь ступеней, или посвящений, на пути становления Мастера, и они соответствовали семи планетарным сферам. Первая ступень называлась *Коракс* (ворон) и символизировала сферу Луны. Второе посвящение называлось *Крифиас* (тайный мастер) и было связано

со сферой Меркурия. Третье — *Милес* (солдат), сфера Венеры; четвертое — *Лео* (лев), сфера Солнца; пятое — *Персес* (Перс), сфера Марса; шестое — *Гелиодромус* (курьер Солнца), сфера Юпитера; седьмое — *Патер* (Отец), сфера Сатурна. Мы можем лишь строить предположения относительно таинственного значения этих названий и характера проводившихся церемоний посвящения, но нам известно, что перед посвящением кандидаты наряжались в соответствующие костюмы. Нам же важно иметь в виду их астрологическую связь и веру в возможность вскарабкаться по лесенке на небеса, как бы поднимаясь сквозь планетарные сферы. Такую общую концепцию можно найти во многих тайных преданиях, в том числе в каббале — мистическом течении в иудаизме.¹³ Согласно каббале, семь огней в еврейском семисвечнике *меноре* представляют сеть планет, или «бродяг» (включая Солнце и Луну).

Движения планет тщательно отслеживались жрецами и астрологами во всем античном мире, ибо считалось, что они контролируют человеческую судьбу. Предполагалось, что они подпитывают мужчин и женщин космической энергией в соответствии с их собственной природой. Однако такие «дары», проявлявшиеся как врожденные способности, были обоюдоострыми: они могли стать добродетелями или пороками в зависимости от того, какими пользовались.¹⁴ Саморазвитие на космическом или планетарном уровне означало умение человека различать свой собственный планетарный тип, то есть преобладание определенных «богов» или огней в собственном характере, а затем и развитие самодисциплины, необходимой для управления способами использования этих сил с тем, чтобы они проявлялись скорее в позитивном, нежели негативном плане. Однако истинная цель таких эзотерических культов, как митраизм, — как и школы Беннетта в Шербор-

не — состояла в том, чтобы научить человека, как подняться в целом выше этого уровня. Семиступенчатая лестница посвящения призвана была освободить душу от сил, которые часто символизировал семиглавый дракон. Тогда после смерти душа человека была бы способна покинуть солнечную систему и отправиться в зазвездный рай. Кэмпбелл пишет по этому поводу:

«Человек наследует от каждой (планетарной) сферы особое временно-пространственное качество, которое, с одной стороны, дополняет его характер, а с другой — ограничивает его. Поэтому семь стадий посвящения были призваны облегчить переход духа через семь ограничений, завершением чего станет реализация неквалифицированного состояния».

В христианстве существует схожая концепция планетарного или космического мира как источника, из которого мы черпаем как наши таланты, так и наши недостатки. Это более отчетливо показано в Откровении Иоанна Богослова — заключительной книге Библии. В нем семь планет представлены как семь звезд в правой руке «подобного Сыну Человеческому». Они связаны с семью светильниками и семью исконными церквями:

«1²⁰ Тайна семи звезд, которые ты видел в деснице Моей, и семи золотых светильников есть сия: семь звезд суть Ангелы семи церквей; а семь светильников, которые ты видел, суть семь церквей».

Каждая из семи церквей Малой Азии, к которым обращена первая часть Откровения, имела особую силу, за которую превозносится, и слабость, могущую привести к греху. Подобно митраизму — великому своему сопернику в первом и втором столетиях н.э., христианство предлагает семь посвящений, именуемых таинствами, дабы помочь душе в ее усилиях достичь спасения. Семь таинств можно

рассматривать как своеобразную лесенку, опять же соответствующую планетарным сферам. Итак, мы имеем Крещение (Луна), Епитимья (Меркурий), Венчание (Венера), Причастие (Солнце), Конфирмация (Марс), Посвящение в духовный сан (Юпитер) и Соборование (Сатурн).

Наличие всех этих параллелей между христианством и митраизмом наводит на мысль о том, что последний и был знаменитой религией волхвов. Есть и аргументы против такого допущения, например: День Рождества не праздновался 25 декабря до 353 года н.э., когда его объявил таковым папа Либерий. До того времени самым важным христианским праздником сезона было Крещение Христа, отмечавшееся 6 января. Выбор этой даты для столь важного праздника уходит, похоже, корнями не в Персию и не в Месопотамию, а в Египет.

ЭОН И ХРИСТОС

Во времена Рима в портовом городе Александрии существовал очень большой храм, называвшийся «Корейон», в котором каждое 6 января праздновалось рождение Эона¹⁵. Если судить по запискам Святого Епифания (около 315–402 гг.), и в его время еще продолжали отмечать языческий праздник Эона:

«...В Александрии, в так называемом Корейоне — огромном храме Приснодевы — на рассвете, после всеобщего бдения с музыкой и песнями, участники спускаются со свечами в подземный склеп и выносят наверх в паланкине деревянного идола в виде обнаженной фигуры с выполненным золотом отпечатком креста на лбу, с похожими отпечатками на каждой руке и на каждой коленке, одинаково выполненными золотом. И они делают со своим идолом семь кругов внутри храма¹⁸ под аккомпанемент

труб, тамбуринов и Псалмов, а затем, веселясь, уносят его обратно в подземелье. Когда их спрашивали о значении этого таинства, они отвечали: «В этот час сегодня Девица (Коре), то есть Приснодева, родила Эона».

Это поразительное свидетельство о связи между родиной Девы и праздником старого Рождества, который на Западе мы теперь отмечаем как Крещение, указывает на Древний Египет как на альтернативный источник легенды о волхвах. Это не столь уж невероятно, как может показаться на первый взгляд. Во времена Иисуса Александрия была, быть может, самым цивилизованным городом на свете и местожительством большой еврейской общины. Евреем был и ее величайший философ, выдающийся гражданин по имени Филон (около 30 г. до н.э. — 46 г. н.э.), чей брат Александр был банкиром цезарей. В пространных трудах Филона, одной из лучших дошедших до нас записей, сделанных современниками, много говорится о верованиях и делах «мудрых людей» его времени. Среди них называются и волхвы из Персии, «которые путем тщательного исследования творений природы с целью познания истины в спокойной тишине и посредством (мистических), обладающих пронзительной ясностью образов становятся посвященными в тайны божественных добродетелей и, в свою очередь, посвящают (тех, кто идет за ними)». Однако Филон не был простым наблюдателем экзотических религий, а поддерживал, похоже, тесные контакты с общиной мистиков, называвших себя «Терапевтами», если даже не был ее членом. Ее центр находился к югу от Александрии. Многие из того, что Филон рассказывает о них и их убеждениях, как ни странно, предвосхищает христианство.

У философа Филона много общего и с Беннеттом, и с Мидом, который в работе «Трижды великий Гермес» глу-

боко анализирует труды Филона. Для последнего самоочевидно, что работа философа немислима вне религиозных рамок. Эти рамки были тесно связаны с идеей посвящения, хранимого в тайне от масс, ибо оно не могло быть понято ими. Так, он пишет:

«Эти вещи, что вы принимаете в души свои, вы, чьи уши очищены, как истинно священные тайны, следите за тем, чтобы не рассказывать о них никому, кто может быть не посвящен, а храните их в сердцах своих, хорошо охраняйте свою сокровищницу, но не как хранилище золота и серебра, что является преходящим, а как самое ценное богатство — знание Причины (всего) и Добродетели, а также третьего — дитяти первых двух».

Эта рекомендация не раскрывать святые тайны непосвященным повторяется в Евангелии от Матфея: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями, чтоб они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас». Одной из таких великих тайн была — по мнению Филона — доктрина Логоса как Сына Божьего. Он писал:

«Больше того, Бог, как Пастырь и Царь, руководит (и правит) с помощью закона и справедливости природой неба, периодами солнца и луны, изменениями и движениями других звезд, назначая своим представителем (для выполнения этой задачи) Свой собственный Разум (Логос), Своего старшего Сына, взять на себя заботу о пастве, как если бы он был наместником Великого Царя».

Комментируя этот отрывок, Мид предполагает, что «Божественный Человек» был для Филона Небесным Мессией Бога. И он цитирует еще один отрывок, который — в тот момент, когда я читал его впервые — показался мне весьма загадочным и который, как я обнаружил позже, служит ключом к очень многому.

«Более того, я слышал, как один из спутников Моисея произнес такое слово (логос): «Се Человек, имя которому Восток» — очень странное имя, если вообразить человека, состоящего из тела и души; но, если принимать его за Бестелесного Человека, ни в чем не отличающегося от Образа Божьего, придется признать, что, назвав Его «Восток», человек попал в точку.

Ибо Отец вещей, которые есть, воспитал его как Своего старшего Сына, которого Он называл везде Своим Первенцем и который, будучи от отца рожденным, подражая своему Родителю и обдумывая Его первоначальные замыслы, вылепил виды (вещей)».

Эти слова удивительно похожи на начало Евангелия от Иоанна, которое обычно зачитывается в конце каждой католической мессы:

«1 В начале было Слово (Логос), и Слово было у Бога, и Слово было Бог.

² Оно было в начале у Бога.

³ Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть.

⁴ В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков.

⁵ И свет во тьме светит, и тьма не объяла его».

Итак, в философии Филона, как и в Евангелии от Иоанна, Сын Бога, то есть Первоначальный Логос, ответственен за сотворение видимой вселенной в соответствии с образом и первоначальными схемами, составленными его Отцом. «Жизнь», которая «была свет человеков», и свет, который «во тьме светит» — это, конечно же, солнце. Как Иисус Христос, Логос, или слово, обретает плоть — это связано с солнцем, это одна из великих тайн христианского эзотеризма. Однако Филон постулирует «звезду звезд», расположенную в центре мироздания и дающую свет всем остальным телам, в том числе и видимым звездам, нашему солнцу, луне и планетам.

«(Этот Свет) есть (Одна) звезда за (всеми) небесами, Источник Звезд, которые видимы органами чувств и которые были бы невидимы рядом со знаком, называемым Всеяркость, от которого получают свой свет и солнце, и луна, и остальные звезды, как блуждающие, так и неподвижные, каждая в соответствии со своей силой».

Как видно из всего вышеизложенного, Филон любил аллегоричность настолько, что подчас становился почти непонятным. Ясно же из его трудов то, что в Александрии существовал элемент еврейского мышления, тесно связанный с другой египетской школой, которая расцвела примерно в то же время — школа Гермеса Тризмегиста. Она продолжала оказывать, как мне предстояло открыть, глубокое влияние на западное мышление вплоть до эпохи Возрождения и после нее. Была ли идея Филона о «старшей звезде», дающей свет всем остальным, связана с древнеегипетским почитанием Сириуса — самой яркой звезды на небосклоне? Если это так, возникает любопытная связь между Египтом и историей волхвов, ибо — как мне предстояло еще выяснить — труды Гермеса сохранились не в Египте, а в Месопотамии — в том самом месте, где Гурджиев искал свое Сарманское братство.

ГЛАВА 4

ГЕРМЕС ТРИЗМЕГИСТ

В 1986 году, примерно через двенадцать лет после кончины Беннетта в 1974 году, в руки ко мне попало старое издание весьма необычной книги. Называлась она «Герметики» и представляла собой сборник переведенных с латыни и греческого древних писаний. Они включали серию эссе, или *либелли*, известных под названием «Поймандрес» или «Корпус Герметикум». Во многих отношениях они напоминают диалоги Платона, если не считать того, что они были взяты из египетских оригиналов и излагали учение не Сократа, Гермеса Тризмегиста — такое греческое имя было дано египетскому богу мудрости Тоту. В то время меня очень интересовала философская магия, и в своей первой книге¹ я даже писал об этом в контексте астрологии. В алхимических трудах я встречал много ссылок на Гермеса Тризмегиста — предполагаемого автора этих текстов, но и не подозревал о существовании подобного сборника работ самого мастера. Была ли то судьба или жребий, но это оказалось ключом к тому, что я искал на протяжении очень долгих лет, и возобновило мой интерес не только к Египту, но и к тайной школе Наставников. Эти же труды Гермеса дали также многие ключи к установлению источников Гурджиева и к тому, где мне следовало искать, если я намеревался найти следы евангельских волхвов.

Мало что известно о происхождении «Герметик», кроме того, что они имеют, возможно, свои истоки в Александрии примерно в начале христианской эпохи. Поскольку труды эти написаны преимущественно на греческом языке и содержащийся в них материал часто узнаваемо похож

на вопросы, обсуждаемые в трудах Платона, современные ученые склонны трактовать их как «неоплатонизм» и на этом основании считать не заслуживающими серьезного анализа. И все же речь идет о неправильном понимании истинного положения. Если даже и правда то, что содержащиеся в «Корпус Герметикум» эссе имеют более позднее происхождение, а по своему стилю — в виде бесед учителя (обычно самого Гермеса, но не всегда) с одним или несколькими учениками — напоминают диалоги Платона, все же воплощенные в них догматы относятся к гораздо более ранней античности.

Греки платоновской, сократовской и даже более ранней эпохи воспринимали египтян как хранителей древней мудрости. Многие из величайших греческих философов посещали Египет ради посвящения в тайные обряды, в культы Исиды и Осириса. Их путь лежит не в Катманду, а в Сайс. В самом деле, именно жрецы Сайса, по Платону, посвятили Солона (ок. 638—588 гг. до н.э.) в таинства и рассказали ему историю Атлантиды, которую Платон позже повторяет в «Тимей» и «Критиас». «Отец Истории» Геродот (ок. 484—425 гг. до н.э.) посетил храм Феникса в городе Анну, позже — около 450 г. до н.э. — названном Гелиополисом. Плутарх (46—120 гг. н.э.) определенно посетил Египет и рассказал историю Исиды и Осириса на основе услышанного от местных жрецов. Отец всей греческой философии Пифагор (VI в. до н.э.) также был принят в египетских школах и несомненно именно там заинтересовался изобретенной египтянами геометрией. Вполне вероятно, что и теорему, носящую теперь его имя, он позаимствовал у египтян!

Не является вымыслом и то, что египтяне старались зафиксировать всевозможные познания. В Александрии

находилась величайшая библиотека в античном мире, пока ее не сожгли римляне (ок. 47 г. до н.э.), проявив вандализм, характерный для хунвэйбинов Мао Цзэдуна. В библиотеке хранились тексты со всего известного тогда мира и, естественно, тысячи собственно египетских. Разве нельзя предположить, что египетские авторы «Герметик» «не списывали» у Платона, а все было наоборот? Что Платон (или, точнее, его учитель Сократ) заимствовал большую часть своей философии из египетских источников? Этим мы вовсе не хотим сказать, что тексты в «Корпус Герметикум» предшествовали произведениям Платона — скорее следует предположить, что и те, и другие имели общий источник — некое тайное учение, которое из самой древней античности донесли посвященные египтяне.

История появления «Корпус Герметикум» на Западе, сама по себе увлекательная, достойна пересказа. Египет и, в частности, Александрия стали ранним убежищем христианской общины. Едва ли стоит удивляться этому, если иметь в виду огромное число греков, евреев и других иммигрантов, проживавших в стране, и свободное передвижение людей между нею и Левантом. Христиане не желали оказаться чужаками в этом пестром по национальному составу регионе, и поэтому древняя церковь поначалу прибегала к проведению параллелей между собственными догматами и древними тайными культами как к средству привлечения новых сторонников. Такой подход означал, что Египет произвел некий гибрид — собственную гностическую христианскую традицию, которая многое почерпнула из таинств и Мемфиса, и Голгофы. Ко II веку после Рождества Христова подобный непредубежденный подход стал тяготить Церковь, учение которой начало затвердевать в неотступные догмы. Египетских гностиков поносили та-

кие отцы церкви, как Ираний, а после признания христианства в качестве религии Римской империи их начали преследовать. В 390 году н.э. в Египте было запрещено язычество, а годом ранее был захвачен и превращен в церковь большой храм Сераписа в Александрии. Хранившиеся в городской библиотеке языческие книги вроде «Корпус Герметикум» были разграблены или сожжены толпой. Когда в 641 году Александрию, как и весь Египет, захватили арабы, ее библиотеки (или то, что от них оставалось) были уничтожены полностью. Говорят даже, что книги использовались для отопления городских бань целых шесть месяцев. Хотя сейчас эта история считается недостоверной, поскольку еще в более древние века произошло широко-масштабное уничтожение книг, нет сомнений в том, что с тех пор сама Александрия пришла в полный упадок и что «Герметики» исчезли бы безвозвратно, если бы в результате еще одной исторической случайности они не сохранились вне Египта, в таком неподходящем месте, как Северная Месопотамия.

В Библии упоминается, что Авраам (Аврам), патриарх всех иудеев, родился в городе Ур Халдейский, а затем он сам и семья его эмигрировали оттуда, дабы поселиться в Земле Обетованной Ханаана. Это путешествие было предпринято по наущению его престарелого отца Фарры, умершего и похороненного в пути. История эта рассказана в Книге Бытия:

«11 ³¹ И взял Фарра Аврама, сына своего, и Лота, сына Аранова, внука своего, и Сару, невестку свою, жену Аврама, сына своего, и вышел с ними из Ура Халдейского, чтобы идти в землю Ханаанскую; но, дойдя до Харрана, они остановились там.

³² И было дней жизни Фарры (в Харранской земле) двести пять лет, и умер Фарра в Харране».

Ныне Харран — город, в котором был похоронен Фарра — расположен на небольшом притоке реки Балик, в свою очередь притока полноводного Евфрата, в юго-восточной части Турции. На протяжении тысячелетий он был важнейшим центром, ибо он охранял торговые пути между Востоком и Западом. Это был большой город, с крепостной стеной по периметру в несколько миль длиной, окруженный полями. Харран вновь упоминается в Библии, когда Аврам, проживающий уже в Хевроне, послал в Харран слугу, чтобы найти там невесту для своего сына Исаака. Слуга сел рядом с городским колодцем, заключив с Богом такую сделку: первая девушка, которая откликнется на его просьбу дать ему воды и предложит напоить его верблюдов, и станет невестой сына его хозяина. Этой девушкой оказалась Ревекка, внучка Нахора и, следовательно, внучатая племянница Аврама. В следующем поколении сын Исаака и Ревекки Иаков также был послан в Харран на поиски жены. В результате он проработал четырнадцать лет на своего дядю Лавана, брата Ревекки, и женился на обеих своих двоюродных сестрах. Итак, город Харран занимает особое место в Библии как родина Аврама и место жительства его большой семьи.

Харран при этом не был иудейским городом в религиозном смысле слова и так никогда и не стал полностью христианским городом. С беспримерным для средневекового мира упорством он сохранял верность более древним догматам и упрямо оставался языческим. Вплоть до его разрушения монголами в 1259 году большинство его жителей продолжали поклоняться звездным богам, и не церковь или синагога была самым важным религиозным зданием города, а храм Сина — Богу-Луны Месопотамии. Таков был один из любопытных поворотов истории, и этот

консерватизм позволил египетским «Герметикам» пережить Средневековье, дабы разжечь огонь европейского Возрождения.

Этого могло и не случиться, прими судьба несколько иной оборот. Харран был захвачен арабами, когда они завоевали Сирию и Месопотамию между 633 и 643 годами н.э. Как и прежде, при номинальном христианском правлении Византийской империи, большинство жителей отказалось обратиться в новую религию и оставалось язычниками, платя, несомненно, налоги за эту привилегию. Все шло гладко как и раньше, пока в 830 году в город не заглянул по пути на войну с византийцами халиф аль-Мамун — тот самый, что в 820 году приказал вскрыть Великую пирамиду Гизы. Обратив внимание на странные одежды жителей, он спросил их, к какой охраняемой законом религиозной группе они принадлежат? В ответ они назвались харранянами. Тогда их спросили, являются ли они христианами, иудеями или волхвами? И на все эти варианты они ответили отрицательно. Будучи же спрошены, имеют ли они священное писание и признанного пророка, они отвечали уклончиво. К этому времени халиф уже начал терять терпение и объявил: если ко времени его возвращения они не обратятся в мусульманство или в одну из других признанных Кораном религий, он без колебаний предаст их всех смерти как неверных и идолопоклонников.

Под впечатлением от подобной угрозы многие из жителей обратились в христианство или мусульманство, но кое-кто воздержался от этого. Хотя вскоре во время еще продолжавшейся кампании халиф аль-Мамун умер и так и не вернулся, чтобы привести свою угрозу в исполнение, после встречи с ним горожане сообразили, в сколь опас-

ном положении оказались бы, если бы снова были поставлены перед выбором. Поэтому они назвались сабинянами по имени одной из разрешенных кораном религий и объявили своим пророком не кого иного, как Гермеса Тризмегиста, писания которого у них имелись в форме «Корпус Герметикум». По счастью, никто — и меньше всех мусульмане — не знал, кто такие эти сабиняне и во что вообще они верили, так что этого оказалось достаточно, чтобы обеспечить им защиту закона. С тех пор христианские сабиняне стали признанной группой со своей собственной религией.

Хотя многие — если не большинство — харраняне оставались простыми язычниками, для которых религия значила чуть больше сохранения религиозных ритуалов, среди них встречались и люди философского склада ума. Это были высокообразованные люди, сообразившие назвать признанный законом сборник «Герметик», или речей Гермеса, в качестве своих священных книг. Что же касается арабов, то Гермеса следовало отождествить с Идрисом, как они называли Еноха, а упоминавшийся в «Герметиках» Осирис был отождествлен как Сиф — третий сын Адама. Подобный расклад удовлетворил всех, и на протяжении следующих двух столетий мусульмане оставляли более или менее в покое харранских сабинян, позволяя им следовать своим догматам. Воспользовавшись своим новым положением, некоторые харраняне перебрались в Багдад. Лидер этой группы Сабит ибн Курра стал известен как учитель, писавший свои труды на арабском и переводивший с древнегреческого и арамейского на арабский. Следующие полтора столетия сабиняне, все еще оставаясь изолированной сектой, пользовались привилегированным

положением в багдадском обществе, служа каналом передачи античной мудрости арабам.

Однако подобное счастливое состояние их дел не могло длиться вечно. Золотой век халифата завершался, и империя, которой правили аль-Мансур, ар-Рашид и аль-Мамун, стала распадаться. Багдадские халифы уступили власть правителям провинций и турецким полководцам, которые были их номинальными вассалами. С возвышением бувайхидов в качестве «дворцовых мэров» халифы стали лишь тенистыми первоосвященниками. Со временем религиозные ортодоксы набирались сил за счет подавления более либеральных течений в мусульманстве, позволявших процветать таким группам, как сабиняне. Указанный процесс ускорился, когда по «приглашению» халифа в 1055 году Багдадом завладели сельджуки, а их лидер Тогрул-бек стал султаном Востока и Запада. К несчастью для сабинян, сельджуки, будучи поборниками суннитской ортодоксии, косо смотрели на философов-последователей Гермаса.

К тому времени на арабский были переведены многие из трудов «Герметик», но в Багдаде или самом Харране оставались, похоже, немногие сабиняне, которые еще понимали греческий и хранили тексты в оригинале. Опасаясь преследования, или из-за него, они стали перебираться на запад, в Константинополь. Там происходило нечто вроде возрождения платонизма, которое возглавлял великий учитель, а позже и премьер-министр Михаил Пселл. Каким-то образом, то ли через прямые, то ли через косвенные контакты с этими сабинянами-беженцами, в его руки попал сборник «Герматик». Скопировав его, Пселл снова пустил его в оборот, снабдив собственными примечаниями. Минуют еще четыре столетия, и «Герметики» вновь привлекут к себе большое внимание, на этот раз в Италии.

ГЕРМЕС ТРИЗМЕГИСТ И ФЛОРЕНТИЙСКИЙ РЕНЕССАНС

Величайшим и, пожалуй, самым драматичным событием всего пятнадцатого столетия, по крайней мере для христианского Запада, был захват Константинополя турками в 1453 году. Сегодня нам трудно оценить, насколько важным было это событие, а для сравнения упомянем захват Тибета китайцами в 1950 году. Византийская империя переживала на протяжении столетий смертельный упадок. После поражения имперских армий при Манзикерте в 1071 году папе римскому была направлена просьба об оказании Западом поддержки Византии перед лицом турецкой угрозы. Организованные в результате крестовые походы, хоть и далекие от идеала с точки зрения Восточной империи, сняли в какой-то степени немедленное давление. Однако к 1453 году давно перестали существовать государства и армии крестоносцев, а Святая земля вернулась в лоно ислама. Сам Константинополь был лишь бледной тенью своего бывшего величия и окружен со всех сторон враждебными силами. Лишившись своей империи, на которой зиждились его богатство и сила, Константинополь как христианский город шел к своему неминуемому концу. Осада длилась несколько недель, и ее завершение было жестоким. Город был отдан на разграбление на обычные три дня, после которых даже султан-захватчик заплакал, сказав: «Какой город мы отдали на разграбление и разрушение!» Из церкви было украдено все золото, и — как часто происходит в подобных случаях — целые библиотеки с бесценными книгами были преданы огню. Большинство из пятидесяти тысяч выживших греков было обращено в рабство, хотя султан и освободил кое-кого из них, а какое-то число сумело бежать на Запад. Немалое число из этих вынужденных эмигрантов осело во Флоренции, где их приняли с радостью. Не ясно, каким обра-

зом «Корпус Герметикум» пережил эту катастрофу — возможно, его вывезли из города еще до начала осады. Как бы то ни было, бесценный сборник трудов Гермеса нашел убежище на Западе.

В 1460 году греческий монах фра Лионардо дель Пистоя был послан герцогом Флорентийским Козимо Медичи в Македонию. Козимо давно собирал работы греческих философов вроде Платона, и до него, по-видимому, дошел слух о том, что на черном рынке предлагают некую интересную рукопись подобного рода. Пистоя был послан заполучить ее. И он вернулся с тем, что флорентийцы посчитали невероятно ценным сокровищем: полным греческим текстом «Корпус Герметикум». Не умея читать на греческом языке и сознавая, что ему недолго осталось жить, Козимо немедленно приказал своему главному переводчику Марсилио Фичино отложить сочинения Платона, над которыми он работал, и заняться привезенными текстами.

В Италии того времени платонизм, или, вернее, неоплатонизм, был в моде, и хотя этот ярлык позже будет навешан на «Герметики», не это обусловило интерес Козимо. Как и другие, он верил в затерянный золотой век — время, когда человечество было более просвещенным, чем ныне. Из Библии видно, что Адам и более поздние патриархи часто имели возможность говорить с Богом. В отличие от сегодняшнего дня, когда последнее по времени мнение по какому-либо вопросу считается наилучшим из доступных ответов, во времена Козимо Медичи античность имела дополнительную ценность. Подобно хорошему вину, философия и философы становятся лучше по прошествии времени. Чем древнее был философ, как предполагалось, тем ближе он был во времени к золотому веку и, следовательно, к источнику истинного знания. В соответствии с таким анализом труды Моисея имеют большую ценность, нежели сочинения Платона, который, в свою очередь, был

старше Аристотеля, Сенеки, Марка Аврелия, св. Августина и т.д. Однако Гермес Тризмегист, предполагаемый автор «Герметик», относился к совершенно иной категории. Он был египетским пророком и богом, известным под именем Тот (Техути), которому приписывали изобретение таинственных иероглифов и обучение древних египтян таким наукам, как строительство пирамид. И, помимо всего прочего, его считали равным иудейскому пророку Еноху, который, хоть и упоминается в Библии мельком как отец Мафусаила и «шедший с Богом», был также известен отцам церкви из Апокрифов. В самом деле, как мы теперь знаем после изучения Свитков Мертвого моря, так называемая «Книга Еноха» высоко чтилась ессеями во времена Иисуса. Вера Козимо Медичи — верная ли, ошибочная ли, — в то, что в его руках оказались утерянные труды столь почитаемого мудреца, ко всему прочему отдаленного от Адама всего семью поколениями, оказалась, должно быть, почти невыносимой. Ведь в привычной иерархии идей этот труд Гермеса, также известного как Тот, который сравним с Енохом, превзошел не только Платона, но и Моисея и даже Аврама. Не следует поэтому удивляться, что Козимо велел Фичино заняться переводом этого замечательного труда с наибольшим поспешанием.

Хотя сегодня мало кто поддерживает представление о том, что примечательные «Герметики»² действительно очень древние, они все же остаются удивительным документом. Их огромное влияние на идеи Ренессанса не вызывает сомнений, и они до сих пор отличаются резонансом и глубиной чувств, которые не вызывает ни одно другое произведение античной философии. Со всей определенностью можно утверждать, что волшебные, магические сочинения, в том числе и труды Асклепия, которые наверняка уже находились в руках Козимо Медичи в виде перевода на латынь, и «Коре Козму» — часть другого сборника «Герметик», изве-

стная под названием «Стобей», были конспектами лекций в эзотерической школе того типа, которую Гурджиев разыскивал в конце девятнадцатого столетия.

Престарелый Козимо успел прочитать первые наброски перевода Фичино на латынь греческого текста «Корпус Герметikum» до своей кончины в 1464 году. Восторг старого Медичи был лишь началом возрождения «Герметик», призванного оказать глубокое влияние на ориентацию Ренессанса, охватившего к тому времени не только Флоренцию, но уже и всю Италию. Изданный в 1471 году новый перевод получил восторженный прием среди молодых платоников Флорентийской академии, в частности Пико делла Мирандола, соединившего учение Гермеса с идеями «христианской каббалы»³ для выработки новой оккультной философии, или «магии». Это скрытое подводное течение оккультизма, глубоко изученное уважаемым историком Дэймом Фрэнсисом Йэйтсом, ощущается в большей части искусства и науки XVI, XVII и XVIII веков.

Астрология, которая, как и сегодня, переживала одно из своих периодических возрождений, служила языком оккультной философии. Развилась целая наука о соответствиях: «естественная магия», объединяющая растения, травы, камни, символы и темпераменты, вплоть до планет. Поскольку эти идеи открыто публиковались в книгах таких мудрецов, как Корнелий Агриппа и доктор Джон Ди, они также стали основой утонченного языка художественной аллюзии. Например, три грации, танцующие на полотнах вроде «Весны» Боттичелли, намекают на благотворное влияние Солнца и планет Юпитер и Венера. Самым, пожалуй, известным и влиятельным из документов Гермеса был короткий, интригующий текст под названием «Изумрудная таблица Гермеса Тризмегиста», стенографически представляющий гермесову философию в ее приращении к алхимии. Он начинается так:

«Правда без обмана, верно и наиболее истинно.

Что приводится ниже — подобно тому, что приводится выше, а что дается выше — подобно тому, что дается ниже, ради сотворения чудес из одной вещи».

По воспоминаниям Успенского, Гурджиев часто упоминал этот документ в своих группах в Санкт-Петербурге и Москве. Ему нравилось цитировать следующий стих, касающийся философской алхимии: «Следует отделять землю от огня, утонченное от грубого», в качестве основания учения, которое проповедовал он сам. Таким образом, он поистине был «человеком Возрождения», учителем в стиле Фичино и Пико делла Мирандола.

Излишне говорить, что заново открытая гермесова философия вместе со связанными с ней науками — астрологией, гаданием по числам и прорицанием — не всем пришлась по вкусу. К ней терпимо относилась церковь при папах Льве X и Клименте VII, ибо оба они были внуками Козимо Медичи и воспитанниками Флорентийской академии, но были у нее и противники. Бывший доминиканский монах и странствующий миссионер гермесового движения Джордано Бруно поступал слишком рискованно и в политическом, и в теологическом плане. Если бы он остался в Германии или Англии, где у него было множество друзей и где Реформация покончила с инквизицией, то избежал бы преследования. Однако в 1591 году он совершил фатальную ошибку, вернувшись в Италию. Через год он был брошен в тюрьму в Венеции и передан инквизиции бывшим своим сторонником, заподозрившим его в предательских контактах с Генрихом Наваррским, ставшим королем Франции, а в то время протестантом.

Католическая церковь все еще переживала унижение, вызванное Реформацией, и оказалась не в состоянии вернуть в стадо заблудшую овцу из Северной Европы. Разгром англичанами испанской Армады в 1588 году и возвыше-

ние наваррской династии во Франции означали серьезную опасность для власти папы даже в Италии. Если веком ранее Бруно посчитали бы безвредным чудаком, то теперь нравы ужесточились, и церковь перешла в оборону против всего, что могло бы еще больше подорвать ее власть. Среди инкриминированных Бруно преступлений называлась и его вера в то, что христианский символ креста уходит своими корнями не к распятию Иисуса, а к гораздо более древнему символу — крукс ансата (крест с ручкой-колечком), или *анху* египтян. Фрэнсис Йэйтс пишет об этом, цитируя документы, связанные с венецианской инквизицией:

«Представляется весьма важным тот факт, что среди новых документов судилища имеются указания на то, что Бруно считал крест священным египетским знаком. Один его сокамерник сообщает, что он утверждал, будто крест, на котором распяли Христа, отличался от тех, что изображены на алтарях христианских храмов, поскольку эта форма действительно воспроизводило знак, изваянный на груди богини Исиды, и была «заимствована» христианами у египтян. Отвечая на вопрос инквизиторов по этому поводу, Бруно признал, что говорил о том, что крест, на котором был распят Христос, отличался по форме от того, каким его обычно «рисуют», и добавил следующее важное замечание:

«Я читал, — думаю, у Марсилио Фичино, — что достоинство и святость этого характера (караттере, под которым он подразумевал крест) гораздо древнее Воплощения Нашего Господа, что он был известен в эпоху расцвета религии египтян, примерно во времена Моисея, и что он был прикреплен к груди Серапис».

Такие идеи могли быть вознаграждены рукоплесканиями при дворе королевы Елизаветы I, когда в 1583 году

Бруно посетил Англию, но не повлияли на инквизиторов. Его продержали в темнице еще девять лет, после чего 17 февраля 1600 года его сожгли в римском Кампо де Фиори на костре как еретика. Он был одним из последних гермесовых философов, открыто щеголявших своими идеями. С тех пор это движение ушло в подполье.

Люди в Англии воспринимали (как, вероятно, и она сама) «волшебную королеву» Елизавету как живое воплощение Исиды. Вокруг нее возник культ, который принял египтянство в качестве противовеса папской власти. Она признавала важность прообразов и успешно воспользовалась любовью своего народа, дабы представить себя заместительницей Девы Марии. При ее жизни искавшие вдохновения в «Герметиках» философы вроде доктора Джона Ди считали себя защищенными. После же ее смерти в 1603 году и прихода на английский престол Якова I воцарилась менее благоприятная атмосфера. Новый король относился к отвращением к астрологии и магии. Лишившийся покровительства старой королевы Ди умер в нищете в 1608 году. Его смерть обозначила окончание целой эпохи.

Но этим дело не кончилось. Король и его приверженцы, выступавшие за чистоту протестантства, свободного от какого-либо налета египтянства, поняли, что для достижения своей цели им следовало подорвать доверие к самим «Герметикам». К счастью для себя, Иаков нашел усердного сообщника в лице самого блестящего эллиниста того времени Исаака Касобона. Путем тщательного анализа оригиналов «Герметик» и их сравнения с другими греческими текстами разных эпох он смог датировать «Корпус Герметикум». Они не только не были произведениями седой древности, восходящими к домафусаиловой эпохе, но и — как он обнаружил — вполне могли быть написаны в первые века христианской эры.

Это оглушительное открытие придало сил тем, кто предпочитал считать все «Герметики» всего лишь отрывком платонизма, сдобренной заимствованиями из Библии и вставленной в египетскую рамку. Теперь можно было утверждать, и уже утверждалось, что неизвестные авторы «Корпус Герметикум» на греческом и «Асклепий» на латыни (еще одно примечательное гермесово сочинение) жили в Александрии во II и III веках н.э. и, будучи язычниками, пытались обратить вспять наступление христианства. С тех пор таковым стало стандартное академическое отношение к «Герметикам», которые вызывали уже одно лишь любопытство у ученых, изучавших «окраины» неоплатонической философии. Это мнение прекрасно подытожено во «Вступлении» к переводу «Герметик», сделанному Вальтером Скоттом в 1924 году и недавно попавшему ко мне в руки:

«Какого рода людьми и в каких обстоятельствах были написаны наши «Герметики»? На этот вопрос можно ответить следующим образом. В Египте при Римской империи нашлись люди, изучившие до определенной степени греческую философию и, в частности, современный им платонизм, но не удовлетворившиеся простым принятием и повторением урезанных и иссушенных догм ортодоксальных философских школ и вознамерившиеся построить на основе доктрины Платона философскую религию, призванную лучше удовлетворить их потребности. Аммоний Саккас — египетский учитель Плотина — мог быть одним из тех людей, но были и другие, более или менее похожие на него. Те люди не вступали в открытую конкуренцию с уже заявившими о себе философскими школами и не пытались создать собственную новую школу, но тут и там кое-кто из таких «богоискателей» собирал потихому вокруг себя небольшой кружок учеников и старал-

ся донести до них истину, в которой он обрел собственное спасение. Обучение в таких маленьких кружках должно было быть главным образом устным, а не основано на написанных текстах. Оно могло заключаться в частных дружеских беседах учителя с каждым учеником отдельно или максимум с двумя-тремя учениками одновременно. Но время от времени учитель садился и записывал суть разговора, в котором объяснялся какой-то вопрос особой важности. И ученик после такой беседы с учителем мог записать все, что запомнил из нее, и вот записанный текст мог передаваться из рук в руки внутри одного кружка и из одного кружка в другой.

...Во-первых, уместно спросить, есть ли в «Герметиках» хоть что-то, взятое из туземной религии Египта. В том, что касается окончательных установок доктрины, то очень мало... Египетская составляющая гермесовой доктрины все еще остается сравнительно малой, а основная ее часть несомненно берет начало в греческой философии».

Читая вышеприведенные абзацы, я сразу же обратил внимание на сходство описываемой Скоттом эзотерической школы с рассказом Успенского о беседах Гурджиева в Москве. И все же я не мог понять, почему он был так уверен в том, что египетские учителя находились под столь сильным влиянием греческой философии. Если греки, в частности Платон, и разработали идею письменного философского диалога, то самые важные идеи в основе его философии были бесспорно египетскими.

Возможно, из-за теософических связей Дж.Р.С. Мида Скотт не упоминает его перевода (1906 г.) «Герметик» под названием «Трижды величайший Гермес». Мид был специалистом по древним церковным текстам и — подобно Скотту — свободно читал на греческом и латыни. Неизвестно, встречались ли два автора, но было бы любопытно

послушать их обсуждающими «Герметики». В отличие от Скотта, Мид не считал «Герметики» неоплатоническими подделками, а чувствовал, как и я, что они были последними излияниями египетской традиции. Лучше, может быть, чем Скотт, сознавая внутреннее значение «Герметик», Мид приводит в их защиту статью французского автора Арто:

«Мы слышали о том, что Шампольон Младший озвучил формальное мнение в том смысле, что книги Гермеса Тризмегиста действительно содержали древнеегипетскую доктрину, следы которой можно обнаружить в иероглифах на египетских памятниках. Больше того, изучив эти отрывки, мы найдем в них теологию, достаточно совпадающую с доктринами, сформулированными Платоном в его «Тимей», совершенно обособленными от других школы Греции и поэтому считавшимися заимствованными Платоном из египетских храмов, которые он посетил для собеседования с их священниками».

Мид разрабатывает этот аргумент, углубившись в труды многих немецких толкователей и изучив ряд ложных доводов, к которым часто прибегали в прошлом для дискредитации «Герметик», прежде чем прийти к собственному выводу о том, что эти труды имеют величайшую ценность.

«Чем глубже изучаешь лучшие из этих мистических представлений, отбрасывая всякую предубежденность и пытаешься чувствовать и думать в унисон с авторами, тем больше понимаешь, что приближаешься к порогу того, что вполне можно посчитать святой святых⁴ самого лучшего в таинственных преданиях античности. Бесчисленны намеки на величие и безграничность, лежащие за этим порогом, — среди прочих бесценных вещей видение ключа к мудрости Египта, толкование апокалипсиса в свете солнечно чистого приобщения к разумному космосу.

Подобное величие и подобные таинства обладают силой и красотой, которые не удастся испохабить самой беспардонной передачей текстов через неизвестные руки, и они все еще остаются узнаваемыми, хоть облаченными в тряпье, оставшееся от их когда-то прекрасных одежд, для тех, у кого есть глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать».

Мид был прав. «Герметики» на самом деле являются сборником изумительных произведений. Впервые читая их, я поразился тому, насколько глубоко они затрагивают личность и насколько они современны. Их философия не абстрактна, в отличие от философии Платона и Аристотеля, обращается к реальной, хоть и тайной начальной традиции величайшей древности. Философские дебаты не были для них вопросом открытой дискуссии, а процессом, с помощью которого учитель доводит до своих учеников знания, необходимые для их собственного религиозного развития. Они учат, что самой важной целью в жизни является достижение личного гностицизма, то есть познание богоданных вещей. Все остальное представляется подготовкой к тому моменту просвещения, когда обучающийся сам воспримет божественную истину о познаваемости Бога. В соответствии с «Герметиками», первым, кто достиг этого, был бог Гермес, основатель этой школы.

«Поскольку Мастер, сотворивший вселенную, не пожелал быть узанным, все было окутано невежеством. Решив же обнаружить себя, он вдохнул в определенных богоподобных людей страстное желание познать Его и даровал их умам больший свет, чем у них уже был в груди, с тем чтобы они сначала возжелали искать еще не известного Бога, а затем были в силах найти Его. Но это — Гор, мой дивный сын⁵ — будет недоступно смертным, если они не воспитают человека, чья душа отзовется на божествен-

ные Силы неба. И таким человеком был Гермес, тот, который овладел знанием всех. Гермес видел все вещи, понимал то, что видел, и был способен объяснить другим то, что понимал сам (но не оглашал истину полностью), поскольку открытое им он записывал на воощенных дощечках и надежно прятал написанное, умалчивая большую часть, которую могли бы искать все грядущие поколения».

Как это случилось, описывается в первой книге «Корпус Герметикум» — «Поймандрес» (на английском: «Пастырь людей»). Гнозис был открыт Гермесу, когда он испытал своеобразное состояние пребывания вне тела.

«Однажды, когда я задумался над вещами и мои мысли воспарили высоко, а мои телесные чувства были заторможены сном, но не сном людей, отягощенных перееданием или телесной усталостью, мне показалось, что ко мне пришло существо огромной, безграничной величины, назвавшее меня по имени и сказавшее мне:

«Что ты желаешь услышать и увидеть, изучить и узнать с помощью размышления?» — «Кто ты?» — спросил я. «Я, — сказал он, — Поймандрес, Мозг Верховной власти». — «Я бы хотел узнать, — сказал я, — о вещах, как они есть, и понять их природу, а также познать Бога. Вот о каких вещах я хочу услышать». Он ответил: «Я знаю, чего ты хочешь, ибо на самом деле я всюду с тобой; держи в голове все, что ты желаешь узнать, и я сообщу тебе».

Дальше в этой главе описывается, как вселенная была сотворена Богом из первичного вещества, из которого он сделал и души. Эти чистые души поначалу, похоже, жили с Богом в высшей сфере, иными словами, в области творения за пределами времени, пространства и обуславливающего влияния планет:

«Но Разум, Творец всего, тот, кто есть Жизнь и Свет, породил Человека, Существо, подобное Себе. И нашел

удовольствие в Человеке, как в Его собственном Отпрыске, ибо на Человека было очень приятно смотреть, поскольку он был подобен своему Отцу. И тогда Бог имел повод найти наслаждение в Человеке, ибо это была форма самого Бога, в которой Бог нашел наслаждение. И Бог передал Человеку все вещи, которые были сотворены».

Однако человека обуяли скука и нетерпение, а также желание самому быть творцом. Согласно «Поймандресу», это желание должно было неизбежно привести к «падению» человека и к воплощению душ в телесную форму мужчин и женщин. Описание падения человека аналогично тому, которому дается в Книге Бытия, но все-таки рассказанная здесь в символическом форме история представляется глубже.

«И Человек устроился в сфере Создателя и наблюдал вещи, сделанные его братом (а именно: демиург, или Солнечный Логос, который создал семь правителей, или огней, солнечной системы), который был поставлен над областью огня; и, увидев творение Создателя в области огня, он пожелал также делать самому вещи; и Отец его дал разрешение, сосредоточив в себе всю работу Правителей; и Правители нашли наслаждение в нем, и каждый из них дал ему долю своей собственной природы.

И, познав бытие Правителей и получив долю их природы, он пожелал прорваться сквозь ограничивающий круг их орбит; и он взглянул вниз сквозь строение небес, прорвавшись через сферу и показав лежащей внизу Природе прекрасную форму Бога. И Природа, увидев красоту формы Бога, улыбнулась от ненасытной любви Человека, показав отражение этой самой красивой формы в воде и тень ее на земле. И он, видя эту форму, подобную своей собственной, в земле и воде, полюбил ее и пожелал поселиться в ней. И дело последовало за замыслом; и он обрел свое обиталище в материи, лишенной разума. И Природа,

когда заполучила его, кого любила, обняла его, и они слились в одно, ибо они любили друг друга».

Неудивительно сходство с библейским описанием Адама и Евы, ибо и Моисей, которому приписывают пять первых книг Библии, был, как говорят, воспитан на мудрости египтян. Это могло означать лишь то, что он был посвящен в гермесову традицию и, видимо, изучал миф о сотворении, аналогичный изложенному в «Поймандресе». Однако история, поведенная Моисеем в Книге Бытия, принимает патриархальный окрас. Падение божественного Адама объясняется не соблазнами природы, а очарованием его супруги, первой женщины Евы. Когда я понял, что Адам — это еврейское название мужчины, а Ева означает «мать всех вещей», мне стало ясно, что в Книге Бытия дается искаженная версия оригинального египетского мифа о сотворении. Я был поражен одновременно и глубиной доктрины, предложенной в «Поймандресе», и тем, что содержащийся в нем миф о сотворении оказался гораздо содержательнее, чем в Книге Бытия.

После описания влечения Человека к природе в «Поймандресе» рассказывается о его судьбе:

«Вот почему человек — в отличие от других живых существ — двойственен. Он смертен по причине его тела; он бессмертен потому, что он Человек из вечной материи. Он бессмертен, и все в его власти, и все же ему уготован удел смертного, поскольку он субъект Судьбы. Он вознесен над структурой небес, и все же он рожден рабом Судьбы».

Такова, казалось бы, участь, предназначенная человеку на вечные времена, если бы не заступничество богов. В более поздней «Герметике», названной «Коре Космы», или «Дева Мира», рассказывается, как из-за того, что человечество осквернило мир своими нескончаемыми войнами и пороками, сама земля обратилась за помощью к небу.

«И тогда Земля выступила вперед в горькой печали; и (когда ей разрешили говорить), мой славный сын, она сказала так: «О Царь и Отец, Глава сфер небесного свода и Правитель нас, Стихий, та, что стоит перед тобой... я обещана; беду на меня навлекло человечество. Ничего не опасаясь, они совершают всевозможные преступления; безжалостно убиваемые всякого рода жестокими приемами люди падают за смертью на моих равнинах, о Господи, и я насквозь пропиталась соками разлагающихся трупов. С этого времени, Господи, раз уж я принуждена содержать существ, недостойных меня, я хочу содержать — вместе со всеми вещами, которые я произвожу на свет — и Бога. Как долго твой земной мир, населенный смертными, не будет иметь Бога? Одари Землю если не самим собой, — это я прошу не потому, что не смогу содержать и тебя, — то хотя бы какой-либо святой эманацией из тебя».

В ответ на ее молитвы Бог-отец Атум послал своего правнука Осириса вместе с его женой Исидой принести на землю цивилизацию: таким образом человечество могло быть возвращено в состояние святости и тем самым могло восстановить со временем свою свободу от материального мира:

«...Бог наполнил вселенную звуком своего божественного голоса и сказал: «...Другой спустится сейчас, чтобы жить среди вас, эманация моего бытия, кто будет вести спасительное наблюдение за делами человеческими. Он будет судьей живущих — судьей, которого никто не сможет обмануть — и страшным царем мертвых, и каждый человек получит то воздаяние, которого заслуживают его дела».

Затем Гор сказал: «Скажи же мне, мама, как отреагировала Земля на столь радостную весть о получении эманации Бога?» Исида ответила: «Могущественный Гор, не

проси меня описать тебе происхождение главного ствола, побегом которого ты являешься, ибо непозволительно спрашивать о происхождении богов. Могу сказать тебе только одно: Бог, который правит один, создатель вселенной, одарил землю на короткое время твоим великим отцом Осирисом и великой богиней Исидой, дабы они могли оказать миру помощь, в которой он так нуждался.

Именно они наполнили человеческую жизнь тем, что божественно, и таким образом положили конец дикости взаимного избиения.

Именно они установили на земле обряды поклонения, которые в точности соответствуют божественным Силам на небесах.

Именно они освятили храмы и учредили жертвоприношения богам, которые были их предками, и дали смертному человеку пищу и кров.

...Именно они, познав тайные законы Бога, стали законодателями для человечества.

Именно они задумали (посвящение и обучение) предсказателей-жрецов, дабы они могли питать души человеческие философией и спасти их тела искусством врачевания, когда они заболевают.

Когда мы сделали все это, мой сын, Осирис и я, почувствовав, что мир наполнился благодеяниями богов, обитавших на небесах, испросили разрешения вернуться в наш дом наверху».

При чтении этого текста становится ясно, что древняя религия Египта, религия Осириса, имела очень много общего с христианством. Обе религии говорят не только о потребности человечества в искуплении своего грешного образа жизни, но и о том, что Бог послал свою «эманацию», или семя, дабы вызвать изменение в мире. Поняв важность этих текстов, я почувствовал, что пришло время

для нового издания, которое стало бы доступнее широкому читателю, нежели чрезмерно научный перевод Скотта, оказавшийся в моем распоряжении. И я засел за редактирование его тома, упрощая текст и убирая многие помехи, затрудняющие его чтение. Поскольку мне хотелось, чтобы люди читали эти документы с волнением, а не в беспристрастном духе ученых мужей, я предварил книгу собственным «Введением», обратив внимание на ее тайное значение. Я надеялся, что книга окажется удачной и возродит интерес ко всему предмету гермесовой философии. Однако, опубликовав в конце концов это новое издание в мае 1992 года, я и не подозревал, что оно вовлечет меня в величайшее приключение в моей жизни.

ГЛАВА 5

ТАЙНА ОРИОНА

Прошло пять месяцев со времени публикации моего нового издания «Герметик», и я как раз находился в торговом агентстве «Бат», разбираясь с проблемами, возникшими в их компьютерной сети, когда вдруг зазвонил телефон и, к моему изумлению, к нему позвонили меня. Я было подумал, что звонит жена, поскольку больше никто не знал, что в тот день я находился в Эшгроуве. Однако охватившее меня беспокойство по поводу возможной неисправности машины или иных проблем, побудивших ее срочно позвонить мне в середине дня, быстро развеялось, когда я услышал в трубке незнакомый мужской голос.

Звонившим оказался Роберт Бьюэл, работавший ранее в Александрии, бельгийский инженер-строитель, который после изгнания из Египта в ходе предпринятой Насером очередной «чистки» иностранцев проживал в Англии. Как оказалось, он долгое время искал сделанный Скоттом перевод «Герметик», но в каждом магазине его уведомляли, что тот уже не издается и потому недоступен. За неделю или две до своего звонка мне он заглянул в один старый книжный магазин в Оксфорде, где к собственному удивлению обнаружили на микрокарточках мою новую книгу издательства «Солос-пресс». Он тут же заказал две копии (одну для своего приятеля), которые и получил через несколько дней. В ходе дальнейшего разговора он объяснил свой звонок тем, что его заинтриговало мое «Введение» ссылками на связь между александрийской школой Гермеса Тризмегиста и IV династией строителей пирамид. Оказывается, эта тема вызвала у него особый интерес, и

он даже написал еще не опубликованную книгу по этому вопросу. Наш разговор продолжался около полутора часов и затронул широкий круг вопросов — от труда Дейма Фрэнсиса Йэйтса до Битвы Пирамид, от культа Осириса до астрономии созвездия Орион. Бьювэл спросил меня, не пожелаю ли я посмотреть его книгу в преддверии ее публикации, и через несколько дней я получил ее по почте.

Этот труд содержал далеко идущие выводы, свидетельствующие о работе выдающегося ума. Мне были не в новинку странные рукописи, и иногда даже казалось, что мир заселен одними оторванными от жизни чудаками, пекущими, как блины, самые причудливые теории в неоправданной надежде найти когда-нибудь издателя, который согласится напечатать их. Но этот автор, пусть и явно гонимый, не был чудаком. То что у него было что сказать о пирамидах, при всей своей необычности, было хорошо аргументировано и подтверждалось кропотливыми исследованиями, на которые должны были уйти долгие годы. Несмотря на тот факт, что книга охватывала слишком широкий круг вопросов и грешила — на мой взгляд — излишней академичностью в изложении, чтобы привлечь широкого читателя, я не сомневался, что, по крайней мере, одна ее часть могла стать бестселлером. Поэтому мы договорились о встрече, и через неделю или две я уже стоял на пороге его дома.

Роберт Бьювэл оказался стройным мужчиной лет сорока пяти, легко возбудимым, как всякий средиземноморец. Он много путешествовал, жил и работал на крупнейших строительных объектах века в Африке и на Среднем Востоке. Его египетский опыт в сочетании с его знаниями и опытом строителя побудили его пересмотреть бытующие теории о предназначении пирамид Гизы: Ему показалось, что точность в их исполнении не согласовывалась с об-

щепринятым академическим мнением, что они представляют собой всего лишь индивидуальные захоронения могущественных фараонов. Своим взглядом строителя он усмотрел нечто большее. Даже если они были могилами, их расположение и размеры были продиктованы неким общим замыслом. Что это за замысел и почему выбор был сделан в его пользу, — не было очевидно поначалу, но Бьювэл был полон решимости узнать это, будучи убежденным, что здесь скрыта какая-то весьма важная тайна.

Сначала его интерес был всего лишь хобби, но с годами превратился во всепоглощающую страсть. К тому времени у него уже сложилась головоломка, свидетельствующая, что Гизские пирамиды IV династии были построены как отражение звезд, которые сегодня мы знаем как Пояс Ориона. Больше того, другие пирамиды, построенные примерно в то же время, представляли близлежащие звезды, а египтяне воспринимали свой Нил как земной аналог Млечного пути. Это была ошеломляющая концепция, которую большинство академиков из тех, к кому Бьювэл обращался, отвергало не задумываясь. И все же он сумел подкрепить свои выводы другими данными, подтверждающими эту новую звездную теорию. В «Пирамидных текстах» — старейшем в мире своде религиозных писаний — он нашел множество указаний на то, что умершие фараоны верили в свое возрождение в виде звезд в созвездии Орион. Многочисленные изображения Ориона можно было видеть на стенах более поздних гробниц и пирамид, и в египтологии бесспорно было установлено, что указанное созвездие увязывалось с Осирисом, богом мертвых. Как если бы этого было недостаточно, были еще и некие «вентиляционные шахты» в Великой пирамиде, одна из которых, как обнаружили в 1964 году, была сориентирована на зенит¹ Пояса Ориона во времена строительства пирамиды. Все это могло быть гораздо большим, нежели про-

стым совпадением, и указывало на необходимость полного пересмотра египетской астральной религии.

Мы сидели на кухне Роберта, и он забрасывал меня фактами, цифрами, датами почти без передышки. У меня даже разболелась голова от напряженной дискуссии, когда через шесть часов я вернулся домой. Все, что он рассказывал, было столь необычным и важным, что я понял необходимость опубликовать это во что бы то ни стало. Я также сознавал, как обычно бывает в подобных случаях, что нас с Робертом свела сама судьба. Он напоминал неразорвавшуюся бомбу, имеющую критическую массу урана, которая может взорваться в любой момент. Я считал своим долгом добиться, чтобы этот материал сдетонировал под контролем. Мы вдвоем должны были принять меры для того, чтобы выработанное этими радиоактивными идеями электричество стало достоянием как можно более широкой аудитории.

В последующие недели мы вплотную занялись этим проектом, решив написать вместе книгу под названием «Тайна Ориона» и опубликовать ее с помощью «Солос-пресс». Однако судьба припасла новые сюрпризы, когда мы оказались вовлеченными в события, связанные с обнаружением потаенной «двери» в Великую пирамиду. Нас уговорили не публиковать книгу самим, а передать ее в руки более солидного издательства. Это решение оказалось мудрым, ибо после широкого показа документального фильма «Великая пирамида — ворота к звездам», снятого нами для «БиБиСи», и всего лишь через четырнадцать месяцев после нашего с Робертом телефонного знакомства, «Тайна Ориона» стала бестселлером номер один в Великобритании.

---

* Эта книга Р. Бьюэла и Э. Джилберта была выпущена в России издательством «Вече» в 1997 году в серии «Великие тайны» под названием «Секреты пирамид. Созвездие Ориона и фараоны Египта».

ХАРРАН И ВОЛХВЫ

Во время написания «Тайны Ориона», да и с самого начала нашего сотрудничества, мы с Робертом часто обсуждали тему волхвов. Мы оба верили, что звезда, описанная в Евангелии от Матфея, вряд ли была сверхновой. Гораздо вероятнее, что это был Сириус — самая яркая звезда на небосклоне, которую почитали на всем Ближнем Востоке и которую египтяне тесно связывали с рождением царей. Матфей написал свое святое благовествование поколение спустя после описываемых им событий и ожидал, что его читателями будут скорее неевреи, нежели евреи. У него была потребность доказать египтянам, грекам, сирийцам и остальным, что его Мессия, Иисус из его Евангелия, был не просто еврейским пророком, но и вселенским спасителем. Он искал достоверности, и частью ее была связь Мессии с Сириусом, царской звездой Исиды и Гора. Софический календарь египтян был составлен на основе движений Сириуса, который они называли Спдт: название было переведено на греческий как Софис. Звезда была связана с их самой популярной богиней Исидой и ее сыном Гором, который, согласно легенде, был зачат чудесным образом от семени ее покойного супруга Осириса. Египтяне верили, что все их фараоны, пока были живы, служили воплощением Гора. После смерти их подвергали ряду обрядов, в том числе и мумификации, призванной превратить их в «Осириса». Тогда они могли подняться в небо и превратиться в звезды в созвездии Орион. В ходе похоронного ритуала Исида должна была «дать жизнь» новому Горы. Это требовало проведения других обрядов с участием звезды Сириус и, как мы предполагали какое-то время, Великой пирамиды.

Исида-мать была популярным образом в Древнем Египте.

Любому изучающему тему совершенно ясно, что этот символ Исиды — вдовой матери божественного младенца Гора — перешел в христианскую иконографию в виде Богоматери с Младенцем. В бесчисленном множестве статуэток Исида изображена с юным Гором, сосущим одну из ее грудей или — более таинственно — сидящим на ее коленях, прижав один палец к губам в жесте, означающем: «Храни тайну». С пришествием христианства Исида — богиня-мать, популярная не только в Египте, но и во всей Римской империи, — стала Марией — Царицей Небесной. Более позднее определение: *стелла марис*, «звезда моря», выдает истоки ее культа. «Море» в данном случае не было Средиземным морем, а океаном наверху, то есть небом. «Звездой моря» был и есть Сириус, ярчайшая звезда нашего небосклона, считавшаяся на протяжении тысячелетий звездой Исиды. Мария на самом деле унаследовала мантию Исиды.

Идея волхвов, следующих за движением Сириуса, не была придумана Матфеем. Над Месопотамией обычно чистое небо, как было обычным и передвижение караванов по ночам. Все народы Ближнего Востока были опытными астрономами, и во времена Христа Сириус должен был вставать приблизительно на заходе солнца и садиться незадолго до восхода. Для любого знатока навигации и разбирающегося в движениях Сириуса он действительно служил идеальной путеводной звездой. Принимая во внимание все эти связи — как религиозные, так и навигационные, нетрудно было предвидеть, что рассказанная Матфеем история звезды, ведущей волхвов, будет иметь немедленный отклик в Египте. Однако остался вопрос: была ли история Матфея, при всей ее тщательной разработанности, основана на реальном событии? Посетили ли реальные волхвы с Востока — как то изображается на мил-

лионах рождественских открыток — ясли в Вифлееме? Полагаю, они-таки посетили их и были посланцами еще действовавшей в Месопотамии и Персии тайной школы. Однако первое доказательство следовало искать не в Палестине и даже не в Месопотамии, а в Египте, стране, из которой Моисей однажды вывел свой народ и в которой, верю я, волхвы также имели связи.

ХРАМ ФЕНИКСА

В марте 1993 года мы с Робертом и моей женой Ди отправились в Египет для того, чтобы провести последнее исследование и сделать снимки для нашей книги, заканчивавшейся печатанием. Находясь там, мы воспользовались возможностью и посетили Гелиополис, ныне пригород Каира, а пять тысяч лет назад духовное сердце Египта. Называвшийся Ану (библейский Он), гелиополис — «город солнца» был посвящен Отцу богов Атуму. Хоть он сам — подобно христианскому Богу-отцу — был невидимой силой, стоявшей за сотворением, обычно ему поклонялись как Атуму-Ра — заходящему Солнцу. Гелиополис построили на вершине холма с видом на реку Нил, и, как обиталище Отца Богов, он имел для египтян то же значение, какое позже будет иметь для израильтян гора Синай. В античные времена на холме Гелиополиса было много храмов, представлявших различные популярные в разное время школы и культы. Самыми же важными и больше всего интересовавшими нас были развалины храма Атума. Это, возможно, самое старое религиозное строение в Египте укрывало когда-то посвященный Богу-отцу каменный столб. Согласно египетской мифологии, Атум создал вселенную из собственного семени, и посвященный ему столб — протообелиск, который имел,

вероятно, сходство с алтарным камнем, который позже воздвигнет иудейский патриарх Иаков, — якобы изображал его фаллос. В том же храме хранился предмет, получивший название «камень Бенбен». Вероятно, он стоял на столбе и был тщательно отполирован или покрыт золотом, так как он сверкал на солнце. В «Тайне Ориона» мы с Робертом исследовали ключи, связывающие Бенбен из Гелиополиса с более широким культом метеорита, преобладавшим когда-то повсюду в Египте и на Ближнем Востоке. К моему большому сожалению, рамки «Тайны Ориона» и археологический характер книги не позволили нам заняться более эзотерическими идеями, касающимися его символизма. В какой-то момент в эпоху пирамид (около 2700—2180 гг. до н.э.) Бенбен пропал. Как считал Роберт Бьювэл, камень нашел пристанище в Великой пирамиде — был спрятан там фараоном Хуфу, который то ли опасался за его сохранность, то ли пожелал сохранить его силу для себя на вечные времена. Возможно, мы никогда не узнаем, так ли это, но открытие в 1993 году чего-то вроде закупоренного хода, ведущего к тайным покоем, придает вес этой гипотезе.

Строительство великих пирамид Гизы и Дашура, затеянное IV династией фараонов, было крупным предприятием — не менее грандиозным, чем сотворение рая на земле. Однако вытесывание и укладка миллионов тонн известняковых плит в эти строения стали чрезмерным испытанием для ресурсов и терпения народа. После кончины Менкауры произошло что-то вроде восстания, и власть перешла к новой династии фараонов, трое из которых были сыновьями-тройняшками жрицы из Гелиополиса. Эти фараоны V династии удовлетворялись строительством гораздо меньших пирамид, чем их предшественники, и сегодня они скорее похожи на кучи булыжника.

Последний фараон из этой династии Унас приказал возвести свою пирамиду на исконном царском кладбище в Саккаре, рядом с пирамидой фараона Зосера из III династии. Он-то и заварил всю кашу, построив революционную ступенчатую пирамиду, отличную от предшественниц, поскольку жрецы Унаса придумали новый проект, предусматривающий роспись внутренних стен гробницы иероглифами. Эти «Пирамидные тексты», как их стали называть, образуют старейший в мире свод религиозных писаний. Они рассказывают нам многое о царском культе фараонов и их вере в то, что после смерти они отправятся в путешествие к звездам.

С кончиной Унаса власть снова переменялась, и началась VI династия. Ее фараоны продолжали строить пирамиды в Саккаре, большинство из которых также были украшены иероглифическими текстами. К окончанию VI династии около 2180 года до н.э. Египет сотрясло что-то вроде революции. Так неожиданно завершился Золотой век строителей пирамид, и египетская цивилизация резко пришла в упадок. Пирамиды, храмы и гробницы подвергались разграблению, и страна погрузилась в «век обскурантизма», известный историкам как Первый переходный период. В этот буйный период фараоны и династии сменяли друг друга, но сведений о них почти не сохранилось. Затем, приблизительно в 1990 году до н.э., с наступлением эпохи XII династии, наступает что-то вроде возрождения, и Египет вновь поверил в себя. Один из фараонов этой династии — Сесострис I (известный также как Сенусерт I) занялся восстановлением храма Атума в Гелиополисе, и то, что мы увидели, было в значительной степени делом его рук.

С кончиной последнего фараона XII династии около 1786 года до н.э. Египет погрузился в новый век обску-

рантизма. Причиной его наступления на этот раз была не внутренняя революция, а вторжение в страну таинственного народа, называвшего себя гиксосами. Эти чужестранцы, известные также как «короли пастухов» и «морские люди», господствовали в стране около двухсот лет. Много спорят о том, кем они были и откуда пришли. Судя же по дошедшим до нас рельефам, они были семитских корней, а их родиной почти несомненно были Сирия и юго-восток Турции. Это весьма любопытно с библейской точки зрения, поскольку если хоть сколько-нибудь достоверна история миграции Авраама и последующего поселения детей Израиля в Египте, то это должно было случиться примерно в рассматриваемое время. На самом деле это датирование совпадает с хронологией Матфея. В начале своего Евангелия он описывает генеалогию Иосифа — приемного отца Иисуса — и так подытоживает ее:

«1¹⁷ Итак всех родов от Авраама до Давида четырнадцать родов; и от Давида до переселения в Вавилон четырнадцать родов; и от переселения в Вавилон до Христа четырнадцать родов».

Поскольку мы знаем, что падение Иерусалима и исход евреев в Вавилон случилось в 586 году до н.э., а родился Иисус, вероятно, в 7 году до н.э., тогда с помощью простой арифметики мы можем заключить, что, по Матфею, род длился приблизительно сорок лет. Перенесясь в прошлое на 42 таких рода от рождения Иисуса, мы окажемся приблизительно в 1684 году до н.э., иными словами, в начале рода Авраама, и попадем таким образом во Второй переходный период египетской истории, примерно во времена нашествия гиксосов.

В гиксосовский период Египтом правили чужеземные цари, и одним из них мог быть тот фараон, с которым встретился Аврам (Авраам) и которому представил свою жену Сару как свою сестру:

«12 ¹⁰ И был голод в той земле. И сошел Аврам в Египет, пожить там, потому что усилился голод в земле той. ¹¹ Когда же он приближался к Египту, то сказал Саре, жене своей: вот, я знаю, что ты женщина, прекрасная видом; ¹² и когда Египтяне увидят тебя, то скажут: эта жена его; и убьют меня, а тебя оставят в живых; ¹³ скажи же, что ты мне сестра, дабы мне хорошо было ради тебя и дабы жива была душа моя чрез тебя. ¹⁴ И было, когда пришел Аврам в Египет, Египтяне увидели, что она женщина весьма красивая; ¹⁵ увидели ее и вельможи фараоновы и похвалили ее фараону; и взята была она в дом фараонов. ¹⁶ И Авраму хорошо было ради ее; и был у него мелкий и крупный скот и ослы, и рабы и рабыни, и лошаки и верблюды. ¹⁷ Но Господь поразил тяжкими ударами фараона и дом его за Сару, жену Аврамову. ¹⁸ И призвал фараон Аврама и сказал: что ты это сделал со мною? Для чего не сказал мне, что она жена твоя? ¹⁹ Для чего ты сказал: она сестра моя? И я взял было ее себе в жену. И теперь вот жена твоя; возьми /ее/ и пойди. ²⁰ И дал о нем фараон повеление людям, и проводили его, и жену его, и все, что у него было...»

Это — вероятно, недостоверная — история выставляет в лучшем свете египтян, нежели Авраама, который не только трусливо прячется за юбками Сары, но и обманом принимает дары за ее бесчестье. Иосиф, правнук Авраама, предстает в более выгодном свете. Приведенный в Египет в качестве раба, в библейском благовествовании он становится правителем над всей страной после правильного истолкования снов фараона. В Египте даже сегодня ему приписывают строительство канала Бахр-Юсеф, соединяющего реку Нил с озером Моэрис (Биркат-Карун) и позволяющего орошать огромные площади в Фаюме. Ради закрепления своего поста высокого чиновника Иосиф женится на дочери главного жреца Она (Гелиополиса), который почти наверняка был царских кровей.

«41 ⁴⁴ И сказал фараон Иосифу: я фараон, без тебя никто не двинет ни руки своей, ни ноги своей во всей земле Египетской. ⁴⁵ И нарек фараон Иосифу имя: Цафнаф-панеах, и дал ему в жены Асенефу, дочь Потифера, жреца Илиопольского».

У Асенефы родились от Иосифа два сына — Манассия и Ефрем, которые, даже будучи полуегиптянами, получили особое благословение от своего деда Иакова (Израиля). Он принимает их в свою семью как равных с их дядями, старший из которых, Рувим, опозорил себя, переспав с наложницей отца.

«48 ² Иакова известили и сказали: вот, сын твой Иосиф идет к тебе. Израиль собрал силы свои и сел на постели. ³ И сказал Иаков Иосифу: Бог Всемогущий явился мне в Лузе, в земле Ханаанской, и благословил меня, ⁴ и сказал мне: вот, Я распложу тебя, и размножу тебя, и произведу от тебя множество народов, и дам землю сию потомству твоему после тебя в вечное владение. ⁵ И ныне два сына твои, родившиеся тебе в земле Египетской, до моего прибытия к тебе в Египет, мои они; Ефрем и Манассия, как Рувим и Симеон², будут мои».

Потом Иаков жалуется Иосифу на смерть своей любимой жены Рахиль, матери Иосифа, на пути в Вифлеем.

«...⁷ Когда я шел из Месопотамии, умерла у меня Рахиль в земле Ханаанской, по дороге, не доходя несколько до Ефрафы, и я похоронил ее там на дороге к Ефрафе, что *ныне* Вифлеем».

Очевидно, что красавица Рахиль, ради руки которой Иаков пожертвовал четырнадцатью годами своей жизни, работая на своего дядю в Харране, умерла, рожая единственного полнородного брата Иосифа Вениамина. Он был самым младшим сыном Израиля, и именно с ним сыграл Иосиф злую шутку, прежде чем открыться своим брать-

ям: спрятал свой серебряный кубок в мешке с зерном, принадлежавшем Вениамину, и тем самым выставил его вором с тем, чтобы египетские стражи нашли его и силой вернули всю семью. Это была своеобразная проверка других его единокровных братьев, которые раньше уже предали Иосифа: бросят ли они и Вениамина. Они его не бросили, а Иуда, прежде предавший Иосифа за двадцать серебряников, даже выразил готовность пожертвовать своей свободой ради свободы мальчика. Поэтому братья снова были обласканы Иосифом, и позже фараон пожаловал их поместьями в Египте.

Прохаживаясь вокруг того, что осталось от храма Феникса с его огромным обелиском в честь Сенусерта I, я размышлял над тем, что мог думать о нем Иосиф. Я мог представить его себе обсуждающим легенду о фениксе со своим тестем, который, будучи старшим жрецом, должен был иметь звание «главы блюстителей». Как правитель всей земли египетской, без разрешения которого никто не мог «двинуть ни руки своей, ни ноги своей во всей земле Египетской», Иосиф должен был отвечать и за содержание таких алтарей, как храм Феникса. Он, конечно же, видел ярко сверкающий обелиск, и ему, несомненно, объяснили его символизм.

Гиксосы жили в основном в районе дельты Нила и лишь номинально контролировали Верхний Египет. Постепенно базой новой египетской власти становился город Фивы (Луксор), и стало набирать силу движение за независимость. Гиксосовский период завершился около 1567 года до н.э., когда чужеземцы потерпели поражение от этой новой силы, и родилось Новое царство. После этого уцелевшие гиксосы, включая, предположительно, и израильтян, были обращены в рабство.

Во времена Нового царства Египет при воинственном

фараоне Тутмосе III стал величайшей мировой державой. Фараон вел войны с соседями, и его армии забрались на север до Каркемиша на Евфрате; он расширил владения Египетской империи, захватив обширные территории на Ближнем Востоке, в том числе и Палестину. Хотя столица Египта переместилась из Мемфиса на юг — в Фивы, храмовый район Гелиополис был подновлен. В ознаменование своих побед и, несомненно, в знак благодарности богу-солнцу Атум-Ра Тутмос украсил его храм, по крайней мере, четырьмя обелисками. Самый большой из них и из когда-либо водружавшихся — тридцати двух с четвертью метров в высоту — был вывезен римлянами. Константин Великий перенес его в Рим, и сегодня он возвышается на площади Св. Иоанна Латеранского. Второй из обелисков Тутмоса был вывезен в Константинополь в 390 году византийским императором Феодосием и поставлен на мраморный фундамент на Ипподроме. Он и сегодня стоит там в своем первоизданном виде, хотя его основание уже сильно разрушено. Последние два, ошибочно называемые «Иглами Клеопатры», были взяты римским императором Августом для украшения Храма Цезарей в Александрии. В конце 70-х годов прошлого столетия их вывезли по одному в Лондон и Нью-Йорк, где они и стоят по сию пору соответственно на набережной Темзы и в Центральном парке.

Во многих отношениях Новое царство было самым блестящим периодом в истории Египта. Оно оставило там бесценные росписи в Долтнах Царей и Цариц, массивные храмы Луксора и Карнака, не говоря уже о гробнице фараона-мальчика Тутанхамона. Фараон Рамзес II воздвиг по всей стране свои собственные гигантские статуи, в том числе и огромную, ныне лежащую фигуру в столице Древнего царства Мемфисе. Один из обелисков, установленных им перед Храмом Амона в Луксоре, сегодня высится в

Париже, отмечая то место, где когда-то стояла гильотина. Если он и воздвиг другие обелиски в Гелиополисе, то они исчезли давным-давно. Сегодня обелиск Сенусерта I времен Среднего царства стоит в величественном одиночестве как и перед началом Нового царства.

Из египетских архивов неизвестно, когда Моисей с израильтянами совершили свою историческую переправу через Красное море. Однако если мы воспользуемся правилом Матфея о приблизительно сорокалетнем поколении и признаем, что Наассон, сын Аминадаба и отец Салмона, то же лицо, что и Нашон, зять Аарона³, то сможем утверждать, что Исход имел место через восемь поколений или примерно через 320 лет после времени Авраама. Получаем дату — около 1364 года до н.э., то есть Исход произошел при XVIII династии Нового царства.

Он действительно мог иметь место — как считают многие — в беспокойное время, наступившее после правления знаменитого фараона Нового царства Ахенатена. Он перевел столицу Египта из Фив на новое место — Телл эль-Амарна и установил монотеистическое поклонение диску солнца, называвшемуся Атен, вместо прежних культов богов. Эксперимент оказался неудачным, и после смерти Рамзеса II его наследник Тутанхамон вынужден был вернуться в Фивы и восстановить прежние порядки. Умер он совсем юным, и вслед за ним к власти пришел полководец Хоремнеб, а потом один из величайших правителей Египта Сети I. Его изящно украшенная гробница в Долине Царей, к сожалению, ставшая жертвой вандализма, считается одним из величайших произведений искусства всех времен. Украшения ее потолка — где изображены созвездия вроде Гиппопотама богини Туарт — свидетельствуют, что культ Древнего царства еще сохранялся и через тысячелетие после строительства пирамид. Древняя мудрость Египта не была забыта.

Библейскую историю о Моисее в камышах, предшествующую собственно исходу, можно сравнить с более ранней историей о Горе, сыне Исиды, который также прятался в рощицах папируса в болотах дельты, чтобы не стать жертвой своего подлого дяди Сетта. В случае с Моисеем угроза исходила от фараона, который — подобно Сетту — был жестоким тираном и пытался установить контроль над ростом населения, приказав убивать при рождении всех новорожденных еврейских мальчиков. Дабы обойти этот эдикт, мать Моисея спрятала его под аркой из тростника в устье Нила.

«2 Некто из племени Левиина пошел и взял себе жену из того же племени. ² Жена зачала и родила сына и, видя, что он очень красив, скрывала его три месяца; ³ но не могли долее скрывать его, взяла корзинку из тростника и осмолила ее асфальтом и смолою и, положив в нее младенца, поставила в тростнике у берега реки, ⁴ а сестра его стала вдали наблюдать, что с ним будет. ⁵ И вышла дочь фараонова на реку мыться, а прислужницы ее ходили по берегу реки. Она увидела корзинку среди тростника и послала рабыню свою взять ее. ⁶ Открыла и увидела младенца; и вот, дитя плачет /в корзинке/; и сжалилась над ним /дочь фараонова/ и сказала: это из еврейских детей. ⁷ И сказала сестра его дочери фараоновой: не сходить ли мне и не позвать ли к тебе кормилицу из Евреянок, чтоб она вскормила тебе младенца? ⁸ Дочь фараонова сказала ей: сходи. Девица пошла и призвала мать младенца. ⁹ Дочь фараонова сказала ей: возьми младенца сего и вскорми его мне; я дам тебе плату. Женщина взяла младенца и кормила его. ¹⁰ И вырос младенец, и она привела его к дочери фараоновой, и он был у нее вместо сына, и нарекла имя ему: Моисей, потому что, говорила она, я из воды вынула его».

Дочь фараона, подобно Исиде с Гором, охраняла мла-

денца, пока он не вырос и не выбрал место основного жительства; подобно Гору, он восстановил главенство закона среди своего народа. Библейское повествование как бы указывает, что в определенном смысле Моисей — законный «фараон», благословленный Богом. Подобно Гору, сыну Исиды, ему пришлось испытать унижение (быть спрятым в камышах) до того, как он принял вызов фараона и завоевал свободу для своего народа.

Как известно любому читателю Библии, эта свобода недолго продлилась. Через несколько столетий Израиль Старого Завета из могучего национального государства превратился в царство, расколотое на северную область из десяти племен со столицей в Самарии и на южную область из двух племен — Вениамина и Иуды с прежней столицей в Иерусалиме. Зажатые между двумя державами — Египтом и сначала Ассирией и затем Вавилонией, эти маленькие государства не могли долго просуществовать. Десять племен Израиля, образовавшие Царство Самарии, были пленены ассирийцами и переселены в Азию:

«17⁵ И пошел царь Ассирийский на всю землю, и приступил к Самарии, и держал ее в осаде три года. ⁶ В девятый год Осии⁴ взял царь Ассирийский Самарию, и переселил Израильтян в Ассирию, и поселил их в Халахе и в Хаворе, при реке Гозан, и в городах Мидийских».

«Города Мидийские» находились к югу от Каспийского моря, там, где ныне северо-запад Ирана. Гозан находился гораздо ближе к родине поработанных израильтян. Это была область Северной Месопотамии, омываемая притоком Евфрата, называвшимся Хабур. Десять «потерянных племен» Израиля, включая племена Ефрема и Манассии, сыновей Иосифа, в этот момент исчезают из Библии, хотя их участь упоминается снова в Первой книге Паралипоменон:

«5²⁶ ...тогда Бог Израилев возбудил дух Фула, царя Ассирийского, и дух Феглафелласара, царя Ассирийского, и он выселил Рувимлян и Гадитян и половину колена Манассиина, и отвел их в Халах, и Хавор, и Ару, и на реку Гозан, — где они до сего дня».

Согласно «Аналитическому указателю» Янга, Ара может быть тем же местом, что и Харран, древний город, где был похоронен отец Авраама, и стоял он на реке Белик, другом притоке Евфрата, также находившемся в то время под владычеством Ассирийской империи:

«Ара... Место совершенно не известное, если только оно не тождественно Харану, или Каррану, городу Месопотамии, в который Авраам прибыл из Ура. Харан был известен древним как *Каррае*. Отсюда мы можем заключить, что часть израильтян, уведённых Фулом и Феглафелласаром, осела в *Харране* на *Белике*, а большая часть была уведена в Чабору».

Точное нахождение Халаха и Хавора не столь ясно, но первым может оказаться не раскопанный холм, называемый *Гла*, поблизости от слияния рек Хабур и Геругер. Город Хавор мог находиться близ современного Нусайбина.

Потеряв десять племен северного Израиля, Библия сосредоточилась исключительно на участи их южных собратьев, которые были в основном потомками двух племен Иуды и Вениамина и которых с этого момента называют евреями. Хотя часть из них также была переселена ассирийцами, в конце концов они были вытеснены из Иерусалима вавилонцами, которые в 586 году до н.э. ограбили и сожгли Храм Иерусалима вместе с большей частью города. Почти весь народ, за исключением беднейших крестьян, оставленных в качестве «виноградарей и землепашцев», был уведён в плен в Вавилон. Но это не было концом истории, ибо среди оставшихся разгорелась неболь-

шая гражданская война. Вопреки предостережениям пророка Иеремии, выжившие решили бежать в Египет, дабы спастись от гнева вавилонян. Излишне говорить, что и в Египте — как и предсказывал Иеремия — они не нашли спасения, ибо стали очередной мишенью Навуходоносора. Среди страшных пророчеств о гибели евреев Иеремия сделал и предсказание касательно храма Гелиополиса:

«43 ¹² И зажгу огонь в капищах богов Египтян; и он сожжет оные, и их пленит, и оденется в землю Египетскую, как пастух надевает на себя одежду свою, и выйдет оттуда спокойно, ¹³ и сокрушит статуи в Бефсамисе /«доме солнца», например, в храме Атум-Ра в Гелиополисе/, что в земле Египетской, и капища богов Египетских сожжет огнем».

Вавилонское нашествие в Египет произошло где-то около 580 года до н.э. Нет сведений о том, был ли разграблен храм Атума, но вполне можно предположить это.

В 539 году до н.э. Вавилон пал под объединенным натиском армий Мидии и Персии под командованием Кира Великого. Больше всего его вспоминают как царя, освободившего евреев из вавилонского плена и позволившего им вернуться на родину и восстановить иерусалимский храм. К 525 году до н.э. персы уже распространили свое владычество почти на всю Азию, включая большую часть Анатолии, и намеревались расширить свою империю на запад. С помощью финикийских и греческих наемников сын Кира Камбисий успешно захватил Египет. Если бы он удовольствовался лишь ограблением страны и установлением дани, его могли бы воспринять как очередного чужеземного завоевателя. Он же возмутил египтян убийством священного быка Аписав Мемфисе.

Египтяне обычно содержали таких быков — только одного в каждый данный момент — в большой роскоши. В

них видели олицетворение Осириса, а после смерти их бальзамировали и хоронили в гигантских саркофагах в Серапеуме — огромном подземном некрополе в Саккаре. По понятиям персов, речь шла о простом суеверии, а Камбисий, возможно, хотел вбить в головы египтян, что теперь он стал хозяином их страны и мог делать все, что ему заблагорассудится. Однако за убийство Аписа египтяне проклинали его и, наверное, совсем не удивились тому, что позже он сошел с ума и покончил жизнь самоубийством.

Эта первая Персидская империя, несмотря на все свое могущество, просуществовала не очень долго. Весной 334 года до н.э. в Малую Азию вторглась тридцати-сорокатысячная армия Александра Великого. Войдя в столицу Фригии Гордион, он решил проблему знаменитого узла, разрубив его мечом. На следующий год он пересек горную систему Тавр и разбил персов при городе Исс. Пройдя через Сирию и Финикию, войска Александра вторглись в 332 году до н.э. в Египет. В отличие от Камбисия, Александр искренне уважал египетскую религию и даже хотел, чтобы его признали сыном бога. Он верил в рассказ своей матери Олимпии о том, что он родился после того, как она была изнасилована Зевсом, которого греки приравнивали к египетскому богу Амону. Поэтому в Египте он вел себя очень достойно, принес жертвы богам в Мемфисе и совершил знаменитое паломничество в центр культа Амона в оазисе Сива.

Ранняя смерть Александра (в возрасте тридцати трех лет) в Вавилоне оборвала самую блестящую военную карьеру за всю историю человечества. Нам остается лишь догадываться, каким путем пошли бы и он, и весь мир, доживи он до зрелого возраста. А так его огромная империя, простиравшаяся от восточного Средиземноморья до Северной Индии, была обречена на распад. Она была поделена его полководцами. Египет достался Птолемею, основав-

шему свою собственную династию в новой столице — Александрии. Династия Птолемея правила Египтом с переменным успехом на протяжении трех столетий. Сирия и Палестина отошли к Селевку, основавшему династию Селевкидов. В 30 году до н.э. после морского сражения у мыса Акции Октавиан — позже ставший первым римским императором Августом — вторгся в Египет. Клеопатра, последняя из династии Птолемеев, совершила самоубийство вслед за своим любовником Марком Антонием. Пришла к концу длинная линия фараонов, восходившая к I династии, воцарившейся около 3100 года до н.э. Египет утратил свою независимость и превратился в провинцию Римской империи, управляемую губернатором. Это не означало, что римляне относились без симпатии к его славному прошлому. Напротив, они разрешили египтянам поклоняться своим излюбленным богам, в частности Серапису, отождествлявшемуся с Осирисом, и его супруге Исиде. Эти боги были столь популярны, что нашли приверженцев даже среди римлян, и их культ распространился по всей империи. В самом деле, храмы Исиды вскоре появились далеко от Египта, например, в Кельне и Париже.

Тем временем евреи сумели на какое-то время освободиться от всякого иноземного ярма. При маккавейском руководителе Иуде бен Маттатиасе они подняли восстание против правителя Антиоха IV из династии Селевкидов. Он страшно оскорбил евреев, запретив обрезание, извратив их законы и поощряя нееврейские формы поклонения в храме. Самым же страшным его преступлением — упомянутым, по мнению многих, пророком Даниилом как «мерзость запустения» — было принесение в жертву свиньи на Священном алтаре:

«11³⁰ ...ибо в одно время с ним придут корабли Китимские /с Кипра/; и он⁵ упадет духом, и возвратится; и

озлобится на святой завет, и исполнит свое намерение, и опять войдет в соглашение с отступниками от святого завета. ³¹ И поставлена будет им часть войска, которая осквернит святилище могущества, и прекратит ежедневную жертву, и поставит мерзость запустения».

Война евреев за независимость бушевала на протяжении целого поколения, и в 141 году до н.э. из Иерусалима был наконец удален гарнизон Селевкидов. Маккавеи попытались соединить роли высшего жреца и наследного монарха, но не совсем успешно. И хотя они вновь завоевали практически все то, что исторически принадлежало двойным царствам Иудейскому и Израильскому, вместе с восточными берегами реки Иордан и Мертвого моря, против них выступили фарисеи, оспаривавшие их притязания на высшее священство. Этот раскол со временем привел к падению маккавеев и узурпации власти партией Идумана Антипатра, ставшего советником Иоанна Хиркана II.⁶

К этому времени участь Иудеи оказалась сложным образом связана с судьбой Римской империи. После смерти Антипатра его сыновья Ирод и Фасаил были назначены Марком Антонием правителями страны вместо Хиркана. Смена династии была подтверждена римским сенатом в 40 году до н.э., когда Ирод был объявлен царем Иудеи. Он узаконил — по крайней мере в собственных глазах — свои притязания, взяв второй женой последнюю маккавейскую принцессу по имени Мариам. Ее брат Аристокбул стал верховным жрецом, но в 35 году до н.э. Ирод испугался его растущей популярности и приказал умертвить его.

Право Ирода было вновь подтверждено Октавианом в 31 году до н.э., вскоре после сражения при мысе Акции, поскольку сопротивление, оказанное Иродом Клеопатре, искупило его вину за более ранний союз с Марком Антонием. Уверенный в поддержке со стороны Рима, Ирод

посчитал возможным казнить Хиркана. Подданные и боялись; и ненавидели его, считая его иноземным узурпатором. Никому не доверяя, Ирод умертвил Мариам и двух собственных сыновей, прижитых с ней. Даже на смертном одре не чувствовал он себя в безопасности и, узнав, что его старший сын Антипатр плетет нити заговора против него, приказал казнить его за пять дней до собственной кончины.

Принимая во внимание систему слезки одного из самых отвратительных диктаторов, не приходится удивляться тому, что Святое Семейство посчитало за благо бежать из Иудеи. Совершенно очевидно, что, прознай Ирод о рождении младенца, могущего хотя бы с полузаконным правом претендовать на трон, он немедленно приказал бы убить его.

Направляясь в Рим, дабы закрепить за собой трон, Ирод посетил Египет и нанес визит Клеопатре. Маловероятно, что он поднялся вверх по Нилу к Гелиополису, но сделай он это, то, несомненно, подивился бы — как Камбис, Александр и Август — на необычайную красоту обелисков Гелиополиса — этих загадочных игл Бога-Солнца.

ГЕЛИОПОЛИС И ДРЕВО ДЕВЫ

В Гелиополис мы приехали на машине и прошли через ворота в небольшой парк — единственное, что осталось от бывшего святилища. От окружающих полей и низин его отделяла страшная проволочная изгородь. Сам храм, или, вернее, его остатки, походили на плавательный бассейн без воды. Я вообразил его заполненным водой и с бьющим в середине фонтаном. Трудно было поверить, что это довольно незамысловатое сооружение было когда-то самым главным храмом в Египте. Однако следует помнить, что

это было более пяти тысячелетий назад, а за такое время многое могло случиться. Перед нами над храмом возвышался огромный обелиск. Дощечка перед ним сообщала, что он был воздвигнут Сенусертом I около 1940 года до н.э. Сегодня он стоит в одиночестве, как немой свидетель былого величия Ану, но когда-то его окружал целый лес обелисков, а также великолепные здания.

Поначалу показалось, что наша поездка в Гелиополис могла принести нам одно лишь разочарование, но тут мы случайно наткнулись на то, что оказалось весьма важным для нас в контексте истории о волхвах, — христианская церковь Матери.

Египет был одной из первых стран мира, принявших христианство. Большое многонациональное население Александрии, где греки общались с евреями, сирийцами, римлянами и т.п., делало ее идеальным местом для пополнения рядов приверженцев новой веры. Когда по приказу Константина Великого христианство стало государственной религией Римской империи, Александрия уже была одной из крупнейших патриархий. С закрытием языческих храмов церковь укрепила свою власть. Однако ее доминирующее положение в жизни Египта не было долгим. В 640 году н.э. в страну вторглась мусульманская арабская армия под командованием полководца Амра. В июле она разбила войска византийцев под Гелиополисом и осадила крепость Вавилон на месте нынешнего Каира. В Великую пятницу 6 апреля 641 года ее гарнизон сдался, и Амр смог двинуться на север, к Александрии. Она была предательски сдана патриархом Пкавхием, который, возможно, и сам был тайным мусульманином. Так за год с небольшим христианский мир потерял без особого сопротивления одну из богатейших провинций Римской империи. За очень короткое время за счет иммиграции или в

результате обращения в новую веру большинство египтян стало мусульманами, а христиане превратились в скромное меньшинство.

За несколько дней до поездки в Гелиополис мы посетили греческий православный кафедральный собор и так называемую «Висячую церковь» Святого Георгия, расположенную на месте бывшего египетского Вавилона. Храмы, конечно, великолепные, но нас неприятно поразил тот факт, что их кладбище стало недавно мишенью вандализма и грабежа. Многие могилы, в том числе и недавние захоронения, были разрыты в поисках дешевых украшений, а кости погребенных беспорядочно разбросаны. Мы, разумеется, знали, что в Египте могилы грабят с незапамятных времен, начиная с самых древних фараонов, и все же были в шоке оттого, что подобному поругательству подверглись современные могилы, где еще сохранились фотографии покойных. Это наводит на мысль о том, сколь хрупка цивилизация и как бедность толкает людей на крайние проявления антиобщественного поведения.

При посещении указанных храмов меня больше всего интересовали не беды умерших, а участь живущих. (Матфей рассказывает нам, как вскоре после посещения волхвов Иосиф был предупрежден во сне, что он должен спасти свою юную жену и младенца от жестокого Ирода.) Я был уверен в том, что христиане-копты владели определенными тайнами, связанными с истоками христианства и его связями с Древним Египтом еще до рождения Христа. Хотя и не зная, в чем они заключаются, я был убежден, что разгадку следует искать в истории бегства в Египет.

«2¹³ Когда же они /волхвы/ отошли, — се, Ангел Господень является во сне Иосифу и говорит: встань, возьми Младенца и Матерь Его и беги в Египет, и будь там, доко-

ле не скажу тебе, ибо Ирод хочет искать Младенца, чтобы погубить Его. ¹⁴ Он встал, взял Младенца и Матерь Его ночью и пошел в Египет, ¹⁵ и там был до смерти Ирода, да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит: из Египта воззвал Я Сына Моего».

Как и следовало ожидать, для египетских христиан это одна из самых популярных историй из Нового Завета. В Церкви Святого Георгия мы видели изображение этого события. Хотя о том путешествии ничего более не говорится, примечательно то, что это единственное дошедшее до нас в Евангелии упоминание об уходе Иисуса из Святой земли, и это является предметом огромной гордости для египтян. Из бесед со священниками в кафедральном соборе мы узнали, что, согласно местным преданиям, по прибытии в Египет Святое семейство остановилось на некоторое время в Гелиополисе, прежде чем отправиться на юг, в Асьют, где прожило несколько лет. Похоже на то, что церковь, носящая сейчас название «Материя», стоит сегодня на том месте, где оно останавливалось.

У нас разыгралось любопытство, и мы решили изыскать возможность и посмотреть эту церковь. Осмотрев обелиск Сенусерта, мы проехали короткое расстояние и оказались в сердце того, что, по меркам Каира, является довольно-таки богатым пригородом. Среди жителей современного Гелиополиса много христиан-коптов, которые — подобно грекам и армянам — пользуются репутацией хороших бизнесменов. Возможно, поэтому магазины и дома здесь выглядят несколько иначе, чем во всем остальном Каире. Здесь также очевидно более сильное французское влияние, нежели в Каире в целом, центр которого обладает великолепием «Прекрасной эпохи». Поэтому Гелиополис больше похож на Марсель, чем на Египет. И в центре этой процветающей общины мы нашли то, что иска-

ли — Церковь Материи. Войдя в ворота, мы увидели небольшое, окрашенное в желтый цвет здание, окруженное мирным садом, полным кактусов, пальм и других экзотических растений, которые предохраняли церковь от внешнего шума и загрязнения. Нынешнее здание было построено французами лишь около ста лет назад. Над двойными дверями виднелась надпись на латыни: «Святое Семейство в египетском изгнании». Внутри стены церкви украшены шестью фресками, рассказывающими историю Бегства. Первая слева и ближайшая к двери подписана: «Избиение младенцев». Она служит иллюстрацией к истории из Евангелия от Матфея:

«2¹⁶ Тогда Ирод, увидев себя осмеянным волхвами, весьма разгневался, и послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже, по времени, которое выведal от волхвов. 17 Тогда сбылось реченное через пророка Иеремию, который говорит: 18 глас в Раме слышен, плач и рыдание и вопль великий; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться, ибо их нет».

На фреске изображены жестокие воины, выполняющие приказ Ирода, и рыдающие в отчаянии матери убиенных младенцев. Рахиль, любимая жена Иакова, была в определенном смысле покровительницей Вифлеема, ибо умерла при родах на пути в этот город. Она, естественно, оплакивает гибель невинных младенцев, особенно принадлежавших ветви Вениамина, предположительных потомков ее младшего сына, составлявших половину еврейской нации, названной по имени Иуды. Эзотерически она служила прообразом Марии, поскольку ее первенец Иосиф был продан братьями его по наущению Иуды за двадцать сребреников потомкам Исмаила. Позже в Евагелии Иисус также будет предан его врагам другим «иудой» — Иудой Искаритом за тридцать сребреников. В пророческом плане такой

представляется более основательная причина плача Рахили, как и упоминание Матфеем этого эпизода.

На второй фреске Иосиф и Мария изображены на разных постелях в каменной келье. Его будит ангел, который говорит ему, что им следует бежать в Египет. Картина в целом весьма трогательная, особенно «засекреченная» фигура ангела. Он прорисован так прозрачно, что сквозь него, как сквозь призрак, проглядывает дальняя стена. На третьей фреске — последней, касающейся событий в Иудее, — Иосиф изображен, ведущим осла, на котором сидит Мария с младенцем. За ними различаются стены Вифлеема, перед ними — безжалостная пустыня, которую им предстоит пройти, чтобы добраться до Египта.

Пересечение прохода церкви вполне может символизировать пересечение Синайского полуострова к следующей фреске, ближайшей к алтарю по правой стороне, изображающей Святое Семейство отдыхающим на берегу Нила. Мария сидит на одном из осыпающихся сфинксов, с птицами, слетевшими к ее ногам. Она скромно кормит грудью младенца Иисуса, а Иосиф в некотором отдалении поит осла из Нила. Сфинксы как бы призваны символизировать загадочность Египта, бывшего древней страной еще до рождения Авраама. Быть может, тайное значение этой картины заключается в том, что Египет одновременно служит местом отдыха и источником пищи для юного Мессии и что его мать, подобно Исиде за много тысячелетий до нее, смогла найти здесь убежище для себя и для своего новорожденного ребенка.

Следующая картина отображает местную легенду — самую важную с точки зрения Церкви Материи. В небольшом дворике рядом с церковью стоит старый чинар, поддерживаемый ныне подпорками-костылями, поскольку сам по себе уже не в состоянии выдерживать вес своих достой-

ных почитания ветвей. Я осмотрел дерево до того, как вошел в церковь, и местный сторож разрешил мне сделать только фотографии и не мог ничего сказать мне о нем из-за моего незнания арабского, а лишь показал жестом близстоящее каменное корыто с небольшим количеством воды. Это, как я узнал позже, является главным в легенде, утверждающей, что Мария и Иосиф либо отдыхали под этим деревом, либо сами посадили его. Эта история включена в старое гностическое Евангелие, впервые переведенное и опубликованное Генри Сайком в 1697 году.

«И вот, они подошли к чинаре, называемой сейчас Матарее; И под Матареей Господь Иисус сделал так, что забил ключ, в котором Св. Мария выстирала Его одежду; и бальзам производится, или растет, в этой земле из пота, упавшего там с Господа Иисуса».

Очевидно, старик-сторож хотел дать мне понять, что именно в этом корыте с водой стирала Мария одежду. Связь между Материей и источником воды не была выдумкой авторов Евангелия. Древнеарабское название Гелиополиса «*Айин эш-Шемс*», означающее «фонтан солнца», было, похоже, взято из этой легенды о том, как Иисус заставил забить ключ в городе солнца.

В «Утерянных книгах Библии» приводятся некоторые дополнительные подробности, касающиеся дерева:

«Чеминиций из Стипуленса, узнавший это от епископа Александрийского Питера Мученика в III веке, говорит, что место в Египте, куда был изгнан Христос, называется сегодня Матарее, в десяти милях от Каира; Что жители постоянно поддерживают огонь в светильнике в память об этом; И что там есть сад с деревьями, дающими бальзам, которые были посажены Христом, когда он был мальчиком».

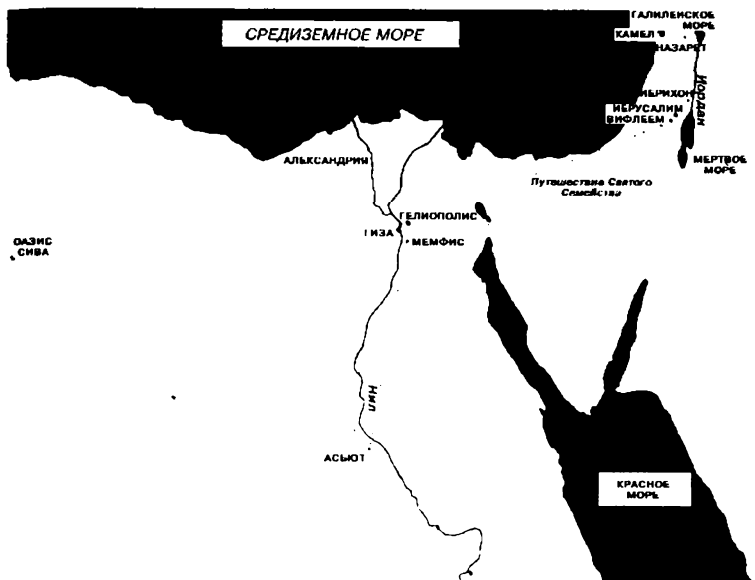
Изображающая это событие церковная фреска доволь-

но верно воспроизводит старое дерево таким, каким оно выглядит сегодня, и в его тени Иосиф стоит, а Мария сидит. Они кажутся спокойными, даже убаготворенными тем, что их долгое путешествие подходит к концу и теперь они чувствуют себя в безопасности. И все же я догадывался, что в этой истории кроется нечто большее, некий тайный смысл, выходящий за рамки связи Иисуса с целебным бальзамом, предположительно, сделанным из живицы такого чинара. В дохристианские времена чинар посвящался богине Хатор, которую часто описывали в виде коровы, прячущейся в ветвях чинара. Подобно Нут, матери Осириса, она была небесной богиней. Ежедневно она рожала сына по имени Ихи, которого отождествляли с восходящим солнцем.

«Существовало и другое предание о Богине-Матери, которое игнорировалось или утаивалось во времена Древнего царства, но всплыло в Могильных Текстах... Небесный океан представлялся «большим наводнением» — почитаемым в разных местах как корова, чей испещренный звездами живот образывал небо... Хатор — лицо неба, моря и владычицы небесной, которая обитает в роще на краю света. Ее сын — Ихи, дитя, которое выходит из матери каждый день на рассвете как новое солнце...

Ихи — дитя-свет, символ первого появления в его свежести и потенциальности... Розовый цвет предрассветного неба, будь то в первое утро или каждый день, — это кровь, извергаемая Хатор или Исидой — имена взаимозаменяемы — при рождении ее сына».

Мифологическая связь между Марией, матерью живого Иисуса, и Хатор, матерью восходящего солнца, отдыхающих в роще чинаров, заинтересовала бы гностиков египтян. Не скрывалось ли за символическим деревом Марии еще более эзотерическое послание?

По всей Библии деревья символизируют семьи, в том числе и изначальную династию израильских царей. Это семейное древо уходит корнями к Иессею, отцу царя Давида. Оно было символически срублено, когда Иерусалим был захвачен вавилонянами и сыновьями последнего царя Иудеи. Зедекии были умерщвлены на его глазах, а сам он был ослеплен и в цепях уведен в Вавилон. В Книге пророка Исаии содержится мессианское пророчество, касающееся подростка этого древа в виде корневого отростка:

«11 И произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его; ² и почиет на нем Дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия... ¹⁰ И будет в тот день: к корню Иессееву, который станет как знамя для народов, обратятся язычники, — и покой его будет слава».

Это пророчество христиане всегда относили к Иисусу,

поскольку Иессия был одним из предков Иосифа, перечисленных в начале Евангелия от Матфея. Это пророчество с его позитивным посланием языческим народам цитируется Святым Апостолом Павлом в его Послании к римлянам в поддержку своей миссии к язычникам. Не могло ли Древо Девы символизировать царский род Давида и предназначение Иисуса стать корневым отростком? Таким должно было быть одно объяснение, но я не был полностью удовлетворен им. Если бы Материя находилась близ Иерусалима, тогда символическое указание на родство Иисуса с царем Давидом имело бы больше смысла. Мне кажется, что разбираемое генеалогическое древо — если предположить, что старый чинар символизировал именно его — было старше чинара и связано с Египтом. Ссылка на Рахиль вроде бы похожа на косвенное указание на это. Иными словами, это было древо не Иессеи, а его предка Иосифа — патриарха в многоцветных одеждах. Мне представляется, что древо Девы означало: добравшись до Гелиополиса. Иисус вступил в контакт с очень древним родственником, жившим задолго до рождения Моисея, и это должно было принести ему удачу. ◆

Шестая, и последняя, фреска переносит эту связь с Гелиополисом еще на одну ступень. На ней изображена Мария с младенцем, въезжающая через арку в старый город, — сцена, предвещающая историю более позднего, судьбоносного въезда Иисуса в Иерусалим в первое Вербное воскресенье. На одном краю картины изображены несколько египетских колонн, одна из которых падает, теряя при этом свою капитель. Опять же это может служить указанием на события, описываемые в неканонических Евангелиях, судя по которым прибытие Иисуса в Египет вызвало падение идолов. Это, похоже, символизирует конец одной эпохи древнего мира, колыбелью которого был Египет, и

начало следующей, христианской. На заднем плане картины виден одинокий обелиск Сенусерта, пронизывающий своей узкой стрелой небо.

Глядя на эту картину, я все больше приходил к убеждению, что христианство, известное нам, крепко связано с таинственными преданиями античного мира, особенно Египта. Оставалось неясным, как или почему это случилось, но это определено было связано с временным пребыванием израильтян в Египте перед исходом Моисея. Я начинал понимать, что, если я действительно хочу разгадать эту тайну, мне следует заглянуть за мифологические рамки Ветхого Завета и попытаться понять символику обелиска.

Нашествие персов в 525 году до н.э. имело и другие важные последствия — помимо убийства быка Аписа: Египет стал частью более крупной империи, которая захватила большую часть Среднего Востока и открыла его для иностранных путешественников. Одним из них был греческий историк Геродот, посетивший около 450 года до н.э. Храм Феникса. Он беседовал со жрецами, и они рассказали ему легенды о мифологической птице *бенну*. Египетский феникс обозначается иероглифически в форме цапли серой и часто изображался на папирусах вместе с Осирисом — богом умерших, душу которого она представляет. Можно подумать, что серая цапля играла в египетской мысли ту же роль, что и аист в европейской. По рассказам жрецов, она была нечастой гостьей, появляясь раз в пятьсот лет. Она прилетала из Аравии и приносила тело своей родственницы, укутанное в смирну, которое она хоронила в кране.

Если посмотреть этимологию ее названия, слово *бенну*, похоже, связано с семитским коренным словом *бен*, означающим: «сын кого-то». Поскольку Ну, или Нут, была

небесной богиней Древнего Египта, а компания божеств в образе человека — Осирис, Исида, Сет и Нефт считались ее детьми, *бенну* могло означать «сын Нут». Такое обозначение вполне могло бы подойти Осирису. Однако, по мнению египтолога Рандла Кларка, слово *бенну* не только тесно связано с Осирисом как олицетворение его души, но и означает «слово Бога», или Логос. Его визит в храм Гелиополиса кладет начало новой мировой эпохе. В этом смысле он является посланцем неба. Кларк пишет:

«Феникс, таким образом, воплощает изначальный Логос, Слово или объявление судьбы, то есть выступает посредником между божественным разумом и сотворенными вещами...

Все египетское умозрение покоится на вере в то, что время составляют повторяющиеся циклы, установленные божественным образом: день, неделя из десяти дней, месяц, год и даже более длительные периоды: 30 лет, 400 или 1460 лет, определяемые согласно соединениям солнца, луны, звезд и наводнения. В известном смысле, когда феникс издает первозданный зов, он начинает все эти циклы и поэтому является хранителем всего разделения времени, а его храм в Гелиополисе стал центром календарного регулирования».

Камень *бенбен*, когда-то стоявший в Храме Феникса, как бы символизировал — если не был им на самом деле, как верили многие — «яйцо» феникса. Поскольку замковые камни свода или пирамидальные вершины также назывались *бенбен*, нам с Робертом представлялось очевидным, что они были символически связаны с первоначальным *бенбеном* Гелиополиса. Поскольку же заостренные пирамидальные вершины обелисков также носили название *бенбен*, представляется, что этот символ имел более широкое значение. Таким образом, пирамидальная

форма явно занимает в египетской религии положение, аналогичное кресту в христианстве. Подобно кресту, она представляла смерть и воскресение, святое слово Бога, воплощение спасителя и рождение новой эпохи. Если Иисус действительно побывал в Гелиополисе, как в то верят египтяне, тогда он реализовал пророчества не только евреев, ожидавших, что их Мессия родится в Вифлееме, но и египтян.

После посещения Гелиополиса и Церкви Материи мы вернулись в гостиницу. Наше путешествие в Египет увенчалось большим успехом, и мы уже не сомневались, что «Тайна Ориона», как только выйдет в свет, станет бестселлером. Мысли же мои устремились из Египта в Месопотамию. Подспудно я помнил историю того, как Гурджиев нашел в каком-то месте того, что ныне называется Курдистаном, свою карту «допесочного Египта», и как эта карта в конце концов привела его к встрече с тайным братством. Я начал подозревать, что это братство каким-то образом было связано с волхвами из Евангелия от Матфея. Возжаждав глубже проникнуть в эту тайну, я переворачивал свою библиотеку в поиске новых ключей. В конце концов мне стало ясно, что оставалось только одно: пройти по следам Гурджиева и Беннетта и поискать самому. Меня ждало, как оказалось, приключение с любопытными результатами.

ГЛАВА 6

ПОИСК ТАЙНОГО БРАТСТВА

Работа над «Орионом» одновременно и возбуждала и волновала, но еще важнее то, что она навела меня на глубокие размышления о Египте и пирамидах. Расположение пирамид, напоминавшее гигантскую карту неба, было чем-то необычайным и поначалу трудным для понимания. Но было в нем что-то от истины, и я не сомневался в том, что Роберт Бьювэл был прав — по крайней мере в широком смысле слова — в своих выводах. Именно тогда я вспомнил прочитанное мною за много лет до того момента во «Встречах с замечательными людьми» о том, как Гурджиев нашел карту «допесочного Египта» во время своих путешествий. Я не мог не задаться вопросом: а не столкнулся ли и он с соотношением Ориона? Нашел ли он старый и секретный документ, раскрывающий секрет соотношения Ориона? Если да, тогда откуда взялась эта карта и где он нашел ее? Заинтригованный, я решил поглубже вникнуть в этот вопрос и с особым вниманием перечитал раздел, рассказывающий о его путешествиях в интересующий меня период.

Почти сразу же стало ясно: хотя Гурджиев определенно оставил ориентиры, руководствуясь которыми и другие могли пройти его путем, все не так просто, как представлялось поначалу. Мне показалось подозрительным утверждение Беннетта о том, что таинственная долина Изрумин¹ может быть отождествлена с долиной шейха Ади. Ведь Гурджиев, рассказывая о своих путешествиях во «Встречах», даже не упоминает о посещении Изрумина, а его поиски тайного монастыря, который, как он верил, находился

когда-то в этой долине, закончились из-за несчастного случая с Погосьяном (когда его укусил ядовитый паук) и необходимости вернуться для его излечения. Если бы Гурджиев имел в виду езидов в качестве источника своих познаний о Сармунге, как, видимо, полагал Беннетт, он сказал бы, мне думается, об этом прямо и четко. И в самом деле, многое из того, что он говорит о них, едва ли лестно для них, а это свидетельствует, что они занимались чем-то вроде примитивного вуду, остававшегося для них неподконтрольным.² Хотя Гурджиев и мог изучить религию езидов, я сомневался в том, что она была истинным источником его познаний, как и в том, что нынешние езиды являются живыми хранителями традиции, которая больше всего интересовала его.

Поиск Беннеттом наследников Сармунга среди суфийских орденов в Центральной Азии, по моим ощущениям, также шел в неправильном направлении. Не вызывает сомнений и то, что Гурджиев посетил *Теке* суфиев, где он изучил не только технику дыхания, но и некоторые священные танцы. И привез их на Запад, утверждая, что они ведут свое происхождение из центральноазиатских обитателей дервишей. В его трудах также просматривается влечение к таким местам, как Бухара, Балх и Самарканд, и он явно усвоил многое из тайных преданий этих городов. Несмотря на то, что суфизм определенно хранил древние предания и имел длинную родословную, я чувствовал, что он был результатом иной линии сообщения. Я не мог поверить, что члены этих орденов были потомками или наследниками Сарманского братства, тесно связанного скорее с Египтом и пирамидами, нежели с Бактрией и сводами из голубых изразцов монгольского возрождения. Я был уверен в том, что Гурджиева его наиболее важные озарения посещали гораздо ближе к дому — в том месте, которое в его время называлось Оттоманской империей.

Достав достаточно крупномасштабную карту Среднего Востока и сравнив ее с описаниями, данными им во «Встречах», я принялся вычерчивать его вероятный маршрут. Я подозревал, что Беннетт ошибся и его ошибка привела его в долину шейха Ади именно потому, что он старался следовать по маршруту, которым намеревался пройти Гурджиев, а не по тому, по которому он действительно прошел. Логичнее было пойти по его следам, а не в соответствии с его планом путешествия, и посмотреть, куда они приведут.

Гурджиев рассказывает, что через два месяца после переправы через реку Аракс он добрался до города «Z». Беннетт опознал — как я считаю, правильно — в нем город Захо в иракском Курдистане. Это пограничный город, близко расположенный и к Турции, и к Сирии и стоящий на одном из притоков реки Тигр. Затем они прошли через какой-то перевал «в направлении к Сирии». На этом перевале они должны были добраться до водопада, названного «K», перед тем, как повернуть в Курдистан. При взгляде на карту представляется странным, что он говорит о повороте к Курдистану в то время, как уже находился в Курдистане. К тому же не имело смысла направляться в сторону Сирии, если их целью — как полагал Беннетт — была долина поблизости от Мосула. Город расположен гораздо ниже по реке Тигр и к тому же в противоположном от Сирии направлении. Мне казалось, что они направились на северо-восток от Захо, вверх, а не вниз по долине Тигра, к городу Сизре. Примерно там, судя по моей современной карте Восточной Турции, Тигр был перегорожен плотиной, в результате чего в расположенных выше долинах образовалось большое «многопальцевое» озеро. Я не мог найти каких-либо упоминаний о водопадах в этом районе, но поскольку там Тигр стремительно течет по глу-

Вероятная карта «допесочного Египта», найденная Гурджиевым. Семь пирамид IV династии соответствуют звездам в созвездиях Орион и Гиады.

боким и узким ущельям, представляется вероятным, что один водопад находился выше Сизре до строительства плотины. На моей карте гораздо дальше на юго-восток от Захо был отмечен на турецком языке город Чукурджа. На британской карте того района этот же город называется Киркук. Если бы Сизре мог иметь иное написание — Кизре, тогда он явно и был гурджиевским городом «К», от которого они должны были повернуть в другую сторону.

Вот там-то его друга и укусил ядовитый паук. Не сказано, где это случилось, но сообщается, что путешествен-

ники оставили свои поиски долины Изрумин и направились в город «Н», где они остановились в доме армянского священника. Именно здесь они обнаружили старую карту «допесочного Египта». Моя карта этого района вполне четко указывает, что этим городом должен был быть Нусайбин — очень древний город на притоке реки Чабур. К тому же Нусайбин расположен строго на восток от Сизре (или Кизре). Если бы друзья направились из Захо на север вдоль Тигра, то добрались бы до водопадов выше Сизре и повернули бы на восток к Нусайбину. Это совпадало со схемой описанного путешествия и однозначно указывало на то, что они и не намеревались идти в Мосул или в долину шейха Ади, как вообразил себе Беннетт.

Теперь я начал подозревать, что отождествление «Нивси» с Ниневией и, следовательно, с Мосулом, было сделано Гурджиевым для отвода глаз, дабы сбить со следа случайных «охотников». Я не нашел никакого подтверждения того, что Мосул или Ниневия когда-либо назывался Нивси, хоть и не собирался отправиться туда и проверить свою догадку на месте, так как город находится в иракском Курдистане. Обнаружил же я другое — что Нусайбин когда-то назывался Нисиб и что в нем находилась знаменитая академия. Это заведение было обязано своей славой, если и не происхождением, одному событию, имевшему место в 449 году в городе Эдеса³, примерно в 190 километрах дальше на восток. В то время в восточной церкви разгорелись яростные дебаты по поводу природы божественности Иисуса Христа — открыто схлестнулись две школы мысли, неточно называемые диофизитской и монофизитской. Поборники первой школы утверждали, что Иисус родился человеком и потом был соединен с Богом. Ее самым ярким защитником был Нестор (скончался около 451 г.), сирийский священнослужитель, ставший пат-

риархом Константинополя (в 428—431 гг.). Монофизиты учили, что Иисус был рожден Богом. Таково в целом и ныне ортодоксальное учение церкви, а диофизитизм был запрещен как ересь. Однако он продолжал существовать как подпольное движение, несмотря на то, что Нестор был объявлен еретиком и скрылся в Верхнем Египте.

В середине пятого столетия Эдеса могла похвастать одной из самых крупных епархий в мире и тремя теологическими школами — армянской, сирийской и персидской. Последняя считалась одним из важнейших центров знания не только в Эдесе, но и во всем свете. Однако она была не по нраву местному епископу Киру вследствие его симпатий по отношению к Нестору. В 489 году император Зенон по его наущению закрыл персидскую школу, а ее учителя были изгнаны. Многие из них пересекли границу тогдашней Персии и осели в Нисибе, то ли основав там школу, то ли укрепив уже существовавшую. Поскольку во II веке Нисиб имел самую крупную общину и школу евреев в регионе, более чем вероятно, что он и был Нивси Гурджиева и что его потерянная долина находилась где-то в округе.

Все это стало понятным, и начала вырисовываться некая схема. В Северной Месопотамии, всего лишь в сорока километрах к югу от Эдесы, находился древний город Харран, который служил когда-то домом патриарху Аврааму и в котором, согласно Библии, был похоронен его отец Терах. В этом же городе были сохранены «Герметики» на протяжении эпохи обскурантизма в Европе и почти до его разрушения Чингисханом в XIII веке. Если Гурджиев действительно нашел карту «допесочного Египта» в доме священника в Нисибе, тогда вполне вероятно, что это каким-то образом связано со школой персов, переехавшей в этот город в 489 году. Школа эта обязана своим

рождением Эдесе и почти наверняка поддерживала контакты с какой бы то ни было школой в Харране. Напрашивается очевидный вывод: если уж я собрался искать следы Сарманского братства, описанного Гурджиевым, тогда начинать мне следовало с этого региона к северу от Сирии.

Было кое-что еще, что привлекало мое внимание и побуждало к исследованию. Это было пропавшее царство Джоммаген, находившееся севернее Эдесы. Там, как мне было известно, еще до эпохи Иисуса был воздвигнут удивительный памятник, который — было у меня такое странное предчувствие — как-то связан с историей волхвов. Я не знал, в чем заключалась эта связь, но мне казалось, что этот памятник — что-то вроде турецкой пирамиды — хранил глубокую тайну, саму по себе заслуживающую исследования. Я также подозревал, что он мог быть связан с гурджиевским Сарманским братством, хотя опять же пока

оставалось загадкой, что это была за связь. Так как Нусайбин, Харран и Джоммаген находятся в Турции, они были вполне доступны и, следовательно, в отличие от Ирака, открыты для исследования. Поэтому самым разумным представлялось поехать и посмотреть самому.

ПРОПАВШЕЕ ЦАРСТВО КОММАГЕН

У меня не было ни малейшего сомнения в том, что волхвы из Евангелия от Матфея имели контакты с Египтом. И все же оставался неизменный вопрос: откуда именно они взялись? Предположение о том, что они были персами, мало чем помогает, ибо во времена Иисуса вся Месопотамия и большая часть Анатолии входили — по крайней мере номинально — в Парфянскую империю и, следовательно, были «персидскими». Волхвы необязательно пришли из самой Парфии, чтобы их приняли за персов. Напротив, было бы удивительно, если бы это было так. Скорее всего, они прибыли из Месопотамии и были — по терминологии Беннетта — «вавилонскими волхвами». Связь с Авраамом и Гермесом указывала на Харран в качестве их вероятной отправной точки, и я решил посетить его, но и другие места заслуживали внимания.

Маловероятно и то, что волхвы были правоверными персидскими священниками, поскольку в I веке до н. э. зороастрийская религия переживала состояние упадка. Но они могли быть членами тайной школы, а она могла иметь связи с другими культурами или движениями вроде культа Митры, преобладавшего в Восточной Анатолии и Месопотамии. Сообразив, как мало я знаю об этом регионе, я взялся за изучение его истории. Вскоре я понял, как много всякого происходило в долинах двух рек во времена Христа, особенно в бассейне Евфрата, и что это заслуживает

дополнительного исследования. К своему немалому удивлению я обнаружил, что в то время Месопотамия еще не входила в состав Римской империи и давала убежище ряду интересных звездных культов, включая и волхвов. Одним из самых важных из них — хотя бы потому, что он оставил множество следов — был культ царей Коммагена — небольшого государства в верховьях Евфрата. Мог ли Коммаген быть тем местом, откуда явились евангельские волхвы? Я решил заняться этим вопросом.

Несмотря на частые нашествия иностранных держав, Коммаген оставался очень древней страной с собственной предысторией и цивилизацией, восходившей ко временам, предшествовавшим подъему Ассирии. Кутмухи (или Куммуху), как его называли ассирийцы, впервые, похоже, был завоеван Ададом-Нирари I (ок. 1300 г. до н.э.) и оставался вассальным государством вплоть до падения Ассирии в 612 году до н.э. Ассирийцы были, как свидетельствует Библия, страшно жестокими империалистами. Они постоянно вели войны со своими соседями, от которых требовали огромной дани в обмен на мир. Приблизительно в 1100 году до н.э., в начале царствования Тиглатпаласара I, Кутмухи оказалось замешанным в мятеже, поднятом Мушки (Мешехом по Библии). Он был жестоко подавлен ассирийским царем, который похваляется своей победой на глиняной призме, которая хранится сегодня в Британском музее:

«В начале моего царствования двадцать тысяч человек из земли Мушки, и их пять царей... уверенные в собственной силе, пришли и захватили землю Кутмухи. С помощью Ашшура⁴, Господа моего, я собрал колесницы свои и войска свои. С их двадцатью тысячами воинов и пятью царями я дрался в земле Кутмухи и разбил их. В битве на уничтожение я положил их воинов как Сторм /бог/. Я пролил их

кровь в долинах и на вершинах гор. Я отрезал их головы и навалил их как кучи зерна у стен их городов. И я вывез бесчисленные трофеи — их добро и собственность. Я увел шесть тысяч /человек/ — остаток их войск, которые бежали впереди моего оружия и целовали мои ноги и которых я стал считать обитателями моей земли».

Народ Коммагена был, очевидно, не только жертвой, но и активным участником мятежа, ибо, расправившись с негодяями Мушки, царь не преминул наказать и этот народ:

«В то же самое время я пошел на землю Кутмухи, которая оказалась неверной и не платила дани и сборов Ашшуру, Господу моему. Я завоевал землю Кутмухи из края в край. И унес добычу — их добро и вещи. Я сжег их города, я опустошил, уничтожил их. Остатки народа Кутмухи, бежавшие от моего оружия, скрылись в земле Шереше (город в районе современного Диярбакира), что на дальних берегах Тигра, и сделали из этого города свою крепость. Я взял свои колесницы и своих воинов и бронзовыми кирками прорубил через отвесные горы и изнурительные тропинки дорогу моим колесницам и моим войскам. Я переправился через Тигр и захватил город Шереше, их цитадель. Я развеял их воинов по горам и также наполнил их кровью Тигр и окропил ею горные вершины».

Сегодня Тиглатпаласара и большинство остальных ассирийских царей назвали бы военными преступниками. Читая его похвальбу касательно кампаний в Коммагене и других местах, я не мог не думать о показанных недавно по телевидению картинах того, как правитель современной Ассирии Саддам Хусейн изгоняет крестьян-курдов из их домов и загоняет их в горы. «История преступления», как можно видеть, постоянно повторяется. Цель военных действий Тиглатпаласара, должно быть, состояла в устра-

шении Коммагена, ибо в архивах других ассирийских царей эта страна упоминается среди плательщиков дани. Одно интересное сведение об уплате дани Салманасару III (ок. 857 г. до н.э.) мы находим в так называемой «монолитной записи», вырубленной на стеле из Курха — города в двадцати милях к югу от Диярбакира. Ныне она также хранится в Британском музее:

«Катазилу из Куммуху: 20 мин серебра, 300 стволов кедра ежегодно я получал /от него/».⁵

С падением ассирийской столицы Ниневии в 612 году до н.э. Коммаген, похоже, перешел сначала под владычество Вавилонии, а позже, после победы Кира, стал частью Персидской империи. Дальнейшая судьба Коммагена, с которой я к тому времени был уже хорошо знаком, служит одним из наиболее любопытных примечаний к истории Средней Азии. В 334 году до н.э. Александр Великий, в то время царь только Македонии, переправляется через Геллеспонт и вторгается в Малую Азию. Прибыв в Гордион — древнюю столицу Фригии, он посетил Храм Зевса, в котором хранилась странная телега. Согласно легенде, однажды Зевс через одного оракула повелел фригийцам сделать своим царем первого человека, который подъедет к его храму на телеге. Счастливчиком оказался крестьянин по имени Гордион, и его действительно сделали царем, а его повозку поместили в храм. Та повозка была особенной, ибо была скреплена кизиловым лубом, завязанным необычным узлом. Причудливый поворот истории заключался в пророчестве, согласно которому тот, кто сумеет развязать этот узел, станет хозяином всей Азии. История не сохранила имена тех (а их наверняка было немало), кто безуспешно пытался развязать сложный узел. Александр же, по легенде, не стал терять время на его распутывание, а разрубил его пополам своим мечом. Поэтому-то во исполне-

ние пророчества он и стал хозяином Азии, завоевав Египет и Персию и проникнув даже в Индию. Хотя в 323 году до н.э. он умер в раннем возрасте — тридцати трех лет и, следовательно, не успел укрепить свою империю, его завоевания были призваны оказать глубокое влияние на будущее развитие региона.

После кончины Александра созданная им империя была поделена между его полководцами: Птолемею достался Египет, Антигону — большая часть Малой Азии и Селевк — Вавилония, Персия и северо-восточная Индия. В результате последовавших затем неизбежных войн Селевк завладел и Сирией, получившей выход к Средиземному морю. Династия Селевкидов удерживала свое владычество над Сирией, Вавилонией и западными районами Персии на протяжении нескольких веков, пока не рухнула под давлением Рима с Запада и Парфии с Востока. Сам Селевк I основал на побережье, вблизи от Исса, где Александр Великий одержал свою знаменитую победу в битве с Дарием, новый город Антиохию по имени своего отца. Со временем этот город стал столицей Сирии и центром эллинистической культуры в регионе, пережившим исчезновение Вавилонии и Персии.

Образовавшееся северное царство Антигона вскоре распалось отчасти из-за междоусобиц и отчасти в результате нашествий. Образовались небольшие государства, хранившие лишь номинальную верность царям Македонии, Персии или Сирии. Самыми крупными из них были Понт в районе Каппадокии, на восток от реки Галис и к югу от Черного моря; Галатия, занявшая большую часть Фригии, и прибрежное государство — город Пергам. На протяжении нескольких веков этот регион был политически весь-

ма нестабильным, пока Помпей не навязал мир внутри Римской империи.

Сложившаяся там ситуация имела и свои преимущества. Ослабление власти Селевкидов дало, в частности, Коммагену возможность завоевать независимость впервые со времен ассирийских нашествий за несколько столетий до того. В начале III века до н.э. в Коммагене укрепился царь Самос, построивший свою столицу — Самосата. Его сын Арзамес перенес столицу в более защищенное место выше по Нимфе, притоку Евфрата, и назвал ее Арзамеяна-Нимфе. Как и его отец, Арзамес оставался вассалом Селевкидов, а его внук Птоломей поднял в 162 году до н.э. восстание и провозгласил Коммаген независимым государством. Его сын Самос II заключил мир с Селевкидами, договорившись, что его сын и наследник Митридат женится на Лаодис, дочери сирийского царя Антиохе VIII. Их брак оказался удачным во всех отношениях. Сын счастливых супругов стал знаменитым царем Коммагена — Антиохом I Епифанием, унаследовавшим трон где-то до 69 года до н.э.

Царь Антиох весьма серьезно относился к своей религии — эллинизированной форме зороастризма. К счастью, после себя он оставил множество надписей на греческом языке, так что мы многое знаем о поддерживавшемся им царском культе. Цари Коммагена утверждали — возможно, для того, чтобы узаконить свою власть над смешанным населением, — что являются потомками греческой и персидской царских династий. Соответственно и боги, которым они поклонялись, представляли собой любопытное сочетание наиболее широко признанных греческих и персидских божеств. Царский культ был явно звездным по своей природе, ибо их боги олицетворяли также солнце,

луну и планеты. Антиох воздвиг ряд памятников, самым важным из которых и привлекающим наибольший интерес у туристов является так называемый «иеротезион». Первыми его изучили немецкие ученые в 1883 году после его случайного открытия во время съемки местности. Мне непременно следовало побывать там.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ В ЗЕМЛЕ КУММУХУ

В апреле 1994 года мы с женой Ди наконец нашли время для посещений Северной Месопотамии, которая, как я начал подозревать, могла когда-то быть штаб-квартирой таинственных волхвов из евангельских легенд. Долететь до Западной Турции было и легко, и дешево, но добраться до юго-восточной части страны оказалось проблематичнее. Это трудно и в лучшие времена, но еще труднее в условиях напряженной политической обстановки. Всего за несколько недель до нашей поездки турецкие ВВС бомбили курдские деревни вокруг Сизре, восточнее того района, который мы намеревались посетить. Нас неоднократно отговаривали от поездки туда турки, поступавшие так из лучших побуждений. Для них поездка куда-либо восточнее Анкары была равнозначна путешествию в Монголию. Не отрицая мудрость их предостережений и сознавая, что, по-видимому, рискованно отправляться куда-либо помимо обычных туристических маршрутов, мы все же решили, что нас не так легко удержать. Однако дело было не только в этом. Поскольку мы не собирались путешествовать с какой-либо туристической группой, нам нужно было найти способ добраться туда. Время было ограничено, и каким бы дешевым и эффективным ни был турецкий автотранспорт, мы не могли позволить себе терять время и просто должны были лететь самолетом. Мы узнали, что есть два

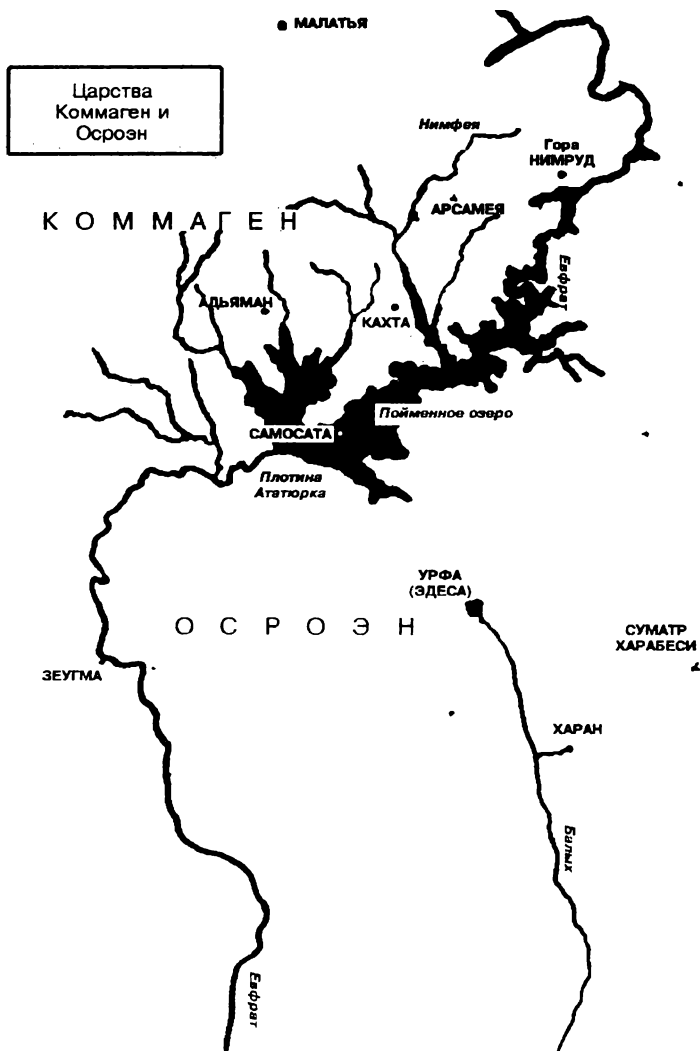
рейса в неделю из Анкары в Урфу, ближайший к Харрану город, и заказали билеты. Мы совершенно не подозревали, какое приключение нас ждет впереди.

Курды, составляющие основную массу населения юго-восточной части Турции, — сильные и красивые люди. К несчастью для себя, они стали жертвами договоров, подписанных между союзниками и турками после окончания первой мировой войны, и в результате расчленения Османской империи территории, на которых они проживали, оказались поделенными между Турцией, Ираном, Ираком и Сирией. Сегодня курдская область на севере Ирака имеет полуавтономный статус, который сохранился, пока американские, британские и французские самолеты патрулируют ее небо. Турецкие ВВС подвергли их деревни бомбежке якобы для наказания курдских террористов, хотя в глазах всего мира это выглядело как раскалывание грецкого ореха кувалдой. Во взрывоопасной атмосфере, царившей в Северной Месопотамии после войны в Персидском заливе, никто не желал рисковать существующим положением.

Принимая во внимание эту напряженную обстановку, мы немного колебались, стоит ли отправляться в район — как его называло телевидение — военных действий. Когда мы вышли из самолета, несколько человек, которых мы приняли за агентов секретных служб, расстегнули свои пиджаки, демонстрируя кобуру под мышками. С беззаботностью туристов, предъявляющих бутылки с виски, купленные в беспошлинном магазине, они передали свои явно побывавшие не в одном деле автоматические пистолеты таможенникам. Так как никто и глазом не моргнул, мы решили, что здесь такое — обычное дело, и одновременно забеспокоились еще больше в связи с тем,

что попали в район, где оружие правит бал. Но мы могли не волноваться, ибо наши страхи оказались необоснованными. Все, с кем бы мы ни встречались, — и турки, и курды, несмотря на свои разногласия, вели себя очень дружелюбно по отношению к нам, иностранцам. Когда же мы прибыли в Урфу — бывший древний город Эдеса, нас шокировала отсталость, в которой пребывает эта область Турции. Большинство женщин здесь продолжало носить традиционную одежду и паранджу. Многие мужчины носили мешковатые штаны и тюрбаны, типичные для этого региона, в несообразном сочетании со скучными пиджаками в западном стиле, а не со старыми яркими, многоцветными жилетками.

На аэропортовском автобусе мы добрались до центра города. Урфа — вернее, Санлиурфа⁶ — оказалась на поверку любопытным гибридом между средневековым центром и расползающимися во все стороны пригородами, застроенными многоэтажными жилыми домами в стиле 60-х годов текущего столетия. Поражала атмосфера запущенности на улицах с обваливающимися домами. Через окна автобуса мы видели тротуары и чайные, заполненные людьми, занятыми какими-то делами или откровенно бездельничающими. Мы проехали мимо рынка — самого крупного, судя по нашему путеводителю, вне стен Стамбула, который был наполнен не туристическими сувенирами, а товарами первой необходимости: продуктами, специями, горшками, кастрюлями и одеждой. Санитарное состояние этого района города было удручающим. Когда мы вышли из автобуса, нас едва не убила вонь, исходившая из сточных канав. И все же, несмотря ни на что, Урфа показалась нам веселым городом. Люди вокруг нас разговаривали на турецком, арабском, курдском и, возможно, на дюжине других восточных языков и диалектов, которые мы не могли

различить. Все смотрели на нас в изумлении, как если бы мы прибыли с другой планеты, ибо, по правде говоря, европейцев редко видят в этих местах, и мы были такой же диковинкой для них, как и они для нас. Однако у нас не было времени набираться впечатлений, поскольку мы торопились поскорее попасть в Адьяман и оттуда в Кахту — ворота в пропавшее царство Коммаген.

Мы погрузились в *долмус* — вездесущий микроавтобус-такси Среднего Востока и вскоре уже неслись по сельской местности Месопотамии. Окружающая Санлиурфу пустыня скоро уступила место более зеленым пастбищам, когда мы подъехали к подножию хребтов Антитавр. На многих вершинах виднелись развалины древних замков, возможно, бывших крепостей крестоносцев, построенных во времена, когда во всем этом регионе проходила линия фронта между христианством и исламом. Сейчас все казалось мирным: в полях крестьяне, в том числе много ярко одетых женщин, обрабатывали посевы табака, хлопка, пшеницы и овощей. Мужчины в основном сидели за рычагами тракторов, а дети приглядывали за небольшими стадами овец и коз. Картина открывалась поистине библейская, и вскоре мы уже пересекали великую реку Евфрат, многие века служившую границей между Римской империей и землями под властью персов.

И все же внешний вид может быть обманчивым, и эта земля не осталась неизменной. Яркие новые рекламные щиты то и дело попадались по дороге, ведущей к новейшему турецкому чуду — Ататюрк Баражи (плотине им. Ататюрка). Это грандиозное инженерное сооружение, удерживающее и распределяющее воды полноводного Евфрата, вызвало бы зависть Тиглатпаласара. К несчастью, возникшее в результате ее строительства водохранилище, пусть и дающее многие и очевидные выгоды, погрузило в воду

вместе с другими интересными местами и первоначальную столицу Коммагена — Самосату. Мы могли лишь вздыхать и надеяться на то, что выгоды от плотины стоили того для местного населения и живой природы и что запруживание такой крупной реки не обернется многими бедами для живущих ниже по течению.

Адьяман, когда мы наконец добрались до него, оказался убогим городишком в разгаре золотой лихорадки. Недавнее открытие нефтяных месторождений по соседству обусловило местный, быть может, недолгий бум его экономики. Это не помогало скрыть тот факт, что зарабатывавшая прежде для города доллары отрасль — туризм — практически заглохла из-за неблагоприятной «рекламы» курдских проблем. Для нас же это даже оказалось выгодным, ибо мы относительно легко нашли для себя номер в единственной приличной гостинице города. Во время завтрака на следующее утро нам дружески предложили подбросить нас до Кахты — начального пункта экскурсий по Национальному парку Коммагена. И вскоре мы тряслись по узкой мощеной булыжником дороге, ведущей к горе Нимруд, высочайшему пику в Коммагене и пункту нашего назначения.

Наши предположения относительно туристов подтвердил наш гид — курд, говоривший на ломаном английском и владевший местной гостиницей. Он высказал сожаление по поводу того, что горячие головы из Курдской рабочей партии захватили в начале года в заложники несколько иностранцев якобы для оказания нажима на режим Анкары, поставив под угрозу приносящий немалые доходы туризм. Угроза оказалась весьма эффективной, и в результате гостиница нашего гида пустовала, и он находился на грани банкротства. Излишне говорить, что он просто жаждал устроить нам частную экскурсию по всем местным

памятникам древности, наняв для этого микроавтобус. Оставив позади Кахту, мы в течение нескольких часов упорно поднимались в гору, минуя деревни, заполненные курами и детьми, пока наконец не добрались до вершины. И вот, мы стоим перед внушительным пиком из белого известняка, под которым покоятся останки самого известного царя Коммагена Антиоха Епифания I.

Этот могильный курган, во многих отношениях напоминающий пирамиду, является одним из самых известных памятников Турции: его даже называют восьмым чудом античного мира. Он был воздвигнут на вершине Нимруда, самой высокой горы в округе, из камней размером в кулак, наваленных огромной кучей. Подъем по тропинке к кургану занял около пятнадцати минут. Задыхаясь, мы взирали на приводящую в трепет картину: повсюду вокруг нас, насколько хватало глаз, высились горные пики. Но мы прибыли сюда не для наслаждения окружающими видами, а для осмотра любопытнейшего собрания колоссальных статуй, которые более двух тысячелетий охраняли гору, наблюдая повседневные восходы и заходы солнца.

Как только мы завернули за угол на восточную террасу, перед нами неожиданно предстала первая живописная группа обезглавленных колоссов. Их головы, сброшенные землетрясениями, лежали у их ног, незряче пялясь на восход. В центре пяти сидящих фигур богов находится Зевс, отец греческого пантеона, которого Антиох приравнивал к Охрмазду. Он стоял, возвышаясь этакой громадиной: во мне больше шести футов росту, но и я не мог дотянуться до его колен. Рядом с ним слева сидела единственная богиня в этой группе. Когда-то считалось, что она олицетворяет судьбу, и греки называли ее Тихе, а персы — Аши. Ныне же ее считают богиней плодородия Коммагена. С другого бока от нее сидит Аполлон-Гелиос, голова кото-

рого накрыта фригийским колпаком; как бога света его отождествляли с Митрой в персидском пантеоне. Справа от Зевса/Охрмазды находится фигура юного Антиоха. Хоть он и изображен чуть меньше своих прославленных компаньонов, он явно верил, что после смерти, если не при жизни, будет сидеть по правую руку от Отца. Справа от него фигура Геракла, который, судя по частоте, с которой он появляется на рельефах Коммагена, был одним из любимых богов в этой стране. Его отождествляли с персидским богом победы по имени Вересрагна (Артагнес). По бокам от пятерки богов располагаются спаренные статуи орла и льва — геральдических символов царской династии Коммагена.

Перед статуями идет довольно большой выступ, с восточной стороны которого находится низкое ступенчатое возвышение в форме квадрата со стороной в 13,5 метра. Похожее на взлетно-посадочную площадку для вертолетов и иногда действительно используемое в качестве такового, в путеводителе оно названо зороастрийским алтарем огня. На северном и южном краях выступа по линиям, практически перпендикулярным к ряду колоссов, остались гнезда, в которых когда-то находились рельефы. Некоторые из них так и лежат поблизости — плоские плиты со скульптурными изображениями знатных греков и персов, предков Антиоха. Другие рельефы представляли собой так называемые «рукопожатия» — излюбленный образ коммагенян, подтверждающий, в каких добрых отношениях они находились со своими богами.

В целом эта восточная терраса производит ошеломляющее впечатление, которое лишь усиливают огромная пирамида из камней за спинами сидящих статуй богов и открывающиеся с остальных сторон панорамы. Но это первое представление о божественной величии было лишь

началом. Обойдя по тропинке северную сторону могильного холма, мы вышли на западную террасу. Здесь находилась такая же группа богов, сидящих на своих тронах, также обрамленная с двух сторон рельефами с изображениями предков и повторяющимся образом Антиоха, пожимающего руки богам. Однако имеются и определенные различия: здесь не было алтаря для костра, а колоссы, чуть меньше своих восточных собратьев, располагаются в несколько ином порядке. Было в этой террасе и нечто более интересное и уникальное: астрологический фриз, представляющий созвездие Льва. Увидев его впервые, я испытал то самое волнение, о котором прежде лишь читал. Фриз был тщательно изучен известным археоастрономом Отто Нейгебауэром, который обнаружил, что он не только символизирует Льва, но и является гороскопом.

На этой стороне кургана было очень холодно, в нишах еще лежал снег, хотя уже было начало мая. Здесь не было никого, кроме нас, и царившую на террасе полную тишину нарушало лишь посвистывание ветра в трещинах колоссальных статуй. Каким-то образом эти статуи доносили до нас свою мощь и живучесть, но ощущения, которые они вызывали, не были теми, которых можно было бы ожидать. Антиох не представлялся холодным и безжалостным себялюбцем, хотя расположение собственной статуи по правую руку от Зевса и выдавало его несомненное тщеславие. Поистине огромных трудов стоило его народу сооружение столь удивительного памятника, и можно было лишь посочувствовать усилиям его создателей, добывших в карьерах и затащивших наверх огромные каменные блоки, из которых были изваяны колоссы. Работа же по сооружению могильного кургана — при высоте в 50 метров он немногим меньше пирамиды Микерина⁷ — была, возможно, добровольной. Я легко мог представить себе бри-

гады рабочих, врубающихся в известняковые утесы ниже по склону горы и разбивающих огромные глыбы на мелкие, удобные в обращении фрагменты. И бесконечную процессию людей, несущих корзины с этими обломками на своих головах, медленно карабкающихся по тропе на вершине и сбрасывающих свой груз на растущую грудку. Если сооруженный таким образом курган призван был стать местом последнего пристанища Антиоха, как полагает большинство археологов, тогда его строительство из битого камня было блестящей задумкой. До сих пор никто не обнаружил его погребальный склеп, и представляется маловероятным, что его когда-либо найдут, не убрав всю эту грандиозную грудку камней. В отличие от египетских фараонов, вверявших свои бранные останки более тщательно построенным пирамидам, Антиох может покоиться в мире под своим курганом из мелких камней.

Если судить по надписям, вырезанным на спинах колоссов, Антиох соорудил это захоронение с определенной целью. Оно строилось не как простая усыпальница, а как место, где он мог бы собирать свой народ для религиозных празднеств, посвященных его дню рождения либо коронации. Сознывая власть символов, как любой священник, Антиох построил храм богам на вершине местного эквивалента горы Олимп. Здесь люди явно поклонялись планетарным богам и отправляли таинства, связанные с восходом и заходом. Будучи высочайшей точкой его царства, эта вершина была символически ближайшей точкой к небу и местом, где люди могли общаться с богами. Я заподозрил, однако, что это было чем-то большим, нежели тщательно продуманной усыпальницей с олимпийскими претензиями. Здешняя необычная атмосфера напоминает чем-то египетские пирамиды. Может ли этот комплекс, подобно Гизе, быть тем, что Гурджиев называл «ле-

гоминизмом»? Короче говоря, не содержит ли он секретное послание, обращенное в будущее? Много подсказывает, что так оно и может быть, в том числе и любопытный «Гороскоп Льва». Я решил, что займусь этим вопросом по возвращении домой.

Спускаясь с горы Нимруд той же ухабистой дорогой, мы заглянули в другое известное святилище Коммагена в Эски-Кале (Старая крепость). Здесь мы посетили то, что когда-то было главной духовной святыней древнего Коммагена, поскольку она была гораздо доступнее жителям столицы — Арсамеи-на-Нимфее, и, в отличие от пика горы Нимруд, они могли посещать ее круглый год. Поднимаясь по крутой тропинке по обрывистому склону утеса, мы наслаждались великолепными видами, открывавшимися на этот раз на долину реки Нимфеи. Поблизости оказался разбитый рельеф с изображением Антиоха, пожимающего руку богу, которого опознали как Аполлона-Митру. Выше по склону находится пещера, которая, как полагают археологи, могла быть усыпальницей отца Антиоха Митридата I. Сама по себе пещера была бы неинтересна, если бы не заканчивающийся тупиком ход неизвестного назначения в ее задней части. Перед самой пещерой, на краю откоса находились фрагменты рельефа, на котором могли быть изображены отец с сыном, также, видимо, обменивающиеся рукопожатием.

После посещения пещеры мы поднялись выше по склону к тому, что очевидно является самым важным и лучше других сохранившимся святилищем на этом холме. Здесь находится еще один огромный рельеф с изображением царя Коммагена — то ли Митридата, то ли Антиоха, — обменивающегося рукопожатием с Гераклом. Как и на рельефах на Нимруде, последний изображен как мощный обнаженный мужчина с бородой и огромной дубиной в

левой руке. Рядом с рельефом в скале выбита длиннейшая в Малой Азии надпись на греческом языке. Она объясняет, как Антиох соорудил этот памятник своему отцу Митридату и повелел проводить здесь ежемесячно определенные церемонии в его честь. Под надписью в склоне холма прорублен еще один тупиковый ход. Этот тоннель, расчищенный немецкими археологами в 1953—1956 годах, простирается на 158 метров и имеет наклон в 35 градусов. Немцев, надеявшихся в результате своих усилий найти усыпальницу Митридата в египетском стиле, ждало разочарование. Цель прокладки тоннеля остается загадкой, никто не знает его назначения, а предположение, что он не был закончен и должен был служить путем спасения из замка, расположенного наверху, в настоящее время отвергается в пользу неизвестного ритуального использования. Осматривая этот шахтный ствол в поисках ключей, я вынужден был признать, что сбит с толку. Но, вспомнив «Тайну Ориона» и тот факт, что так называемые «вентиляционные шахты» внутри Великой пирамиды имели ритуальное назначение в том смысле, что они указывали на определенные звезды, я невольно подумал, что то же самое могло иметь место и в Арсамее.

Покинув мемориал, мы спустились с холма и вновь сели в микроавтобус. Окружавший нас ландшафт обладал некой магической красотой, и мы представили себе Митридата, Лаодис и Антиоха, наслаждающимися жизнью в такой среде. Мы обратили внимание на отсутствие крупных деревьев. Если бы коммагеняне и сегодня должны были передавать ассирийцам в качестве дани 300 бревен в год, им пришлось бы трудно. Утрата лесного покрова привела — как и во многих других районах мира — к тяжелым последствиям. Склоны холмов сильно эродировали, и ныне на удалении от речных берегов мало что растет, кроме

кустарника. Но и последний регулярно обгладывают козы из-за частого отсутствия кормов, так что невелик шанс возрождения лесов, когда-то украшавших ныне голые холмы. Все это выглядело довольно трагично и резко противоречило описанию Беннеттом долины шейха Ади, где еще в 50-х годах нынешнего столетия живые деревья считались священными (местными жителями-езидами) и где их запрещалось срубать. И они росли во множестве, жаря тень, спасая почву от эрозии и добавляя красоты долине.

Оставив позади страну холмов, мы достигли моста через ручей Сендере, приток Нимфеи. Это удивительное сооружение 7 метров шириной и 120 метров длиной было построено по приказу римского императора Септимия Севера (193–211 гг. н.э.). На обоих его концах были воздвигнуты парные колонны — в честь, на одном конце, его самого и его супруги Юлии, и на другом — его сыновей Каракаллы и Геты. После смерти Севера возникла ожесточенная борьба за трон, и Гета был убит по приказу Каракаллы. Как следствие этого, была снесена и посвященная Гете колонна, так что теперь остались только три. Глядя на этот мост, невольно задумываешься о том, как часто тщеславие, архитектура и политика идут рука об руку. Тем не менее мост многое говорит о римском инженерном искусстве, поскольку остается целым и невредимым до сих пор после примерно 1800 лет постоянного использования.

Перед тем как покинуть Коммаген и вернуться в Урфу, мы посетили еще один необычный курган, считающийся некоторыми исследователями местом захоронения женской половины царствовавшей династии. Другие полагают, что его использовали для ритуалов в зимние месяцы, когда оказывались недоступными другие святилища, расположенные выше в горах. Как бы то ни было, этот курган все еще производит сильное впечатление, хотя при высо-

те всего метров в 35 он ниже своего аналога на вершине горы Нимруд. Здесь нет сидящих статуй богов, вместо них были поставлены прямостоящие колонны. Изначально они стояли на равном удалении (группами по три колонны) к югу, северо-востоку и северо-западу от кургана. Их ритуальное значение неизвестно, и до сих пор стоят только четыре из них. На верхушке одной помещен орел (давший памятнику турецкое название «Каракус», или «Черный дрозд»), на другой — безголовый лев, а на третьей — сцена «рукопожатия», возможно, одной из цариц с одним из богов.

Оставив позади все эти любопытные памятники пропавшей цивилизации, мы снова оказались в Кахте. Близилась ночь, и мы стремились скорее вернуться в Урфу. День стоял неплохой, хоть и облачный, но погода быстро переменилась. Небо заволокли темные тучи, и в путешествии на микроавтобусе из Адьямана мы испытали все «прелести» месопотамской бури. Гигантские молнии рассекали небо, и ливень лил как из ведра. Вскоре дорога оказалась полностью затопленной, как если бы прорвало плотину Ататюрка. Когда мы прибыли в Урфу, главная городская магистраль, естественным образом названная бульваром Ататюрка, накануне сухая и пыльная, превратилась в реку. Таково было неудачное начало следующего этапа нашего путешествия, когда замерзшие и заляпанные грязью мы поселились в единственном приличном пристанище города — отеле «Харран».

В ту ночь я разболелся не на шутку. Я отказался от жаркого из перцев, предложенного нашим добрым гидом-курдом, и на протяжении всей недели, что мы находились в Турции, старательно избегал есть кебабы. Нам никогда не узнать, была ли вызвана моя болезнь свежеспеченным хлебом из питты, который мы ели в деревенской пекарне

близ Кахты; ледяной ключевой водой, выпитой на полпути вверх по склону Нимруда, или чем-то несвежим, съеденным в гостинице Адьямана. Ясно было одно: я серьезно болен, а мы по глупости оставили нашу аптечку вместе с половиной нашей одежды в гостинице близ Фесии, в которой мы поселились после нашего возвращения с востока. Наступил вечер пятницы, и вскоре должно было закрыться все, в том числе и соседняя аптека. В отчаянии мы поспешили в нее, и я попытался объяснить, что мне нужно, а обслуживающий персонал не менее отчаянно пытался понять меня. Но между нами был языковой барьер, и, как мы ни старались, нам не удалось понять друг друга. В конце концов мне продали какие-то таблетки от несварения и бутылочку с аспирином. Совсем не то, что нужно. Страдая инсулинозависимым диабетом, я оказался не просто в незавидном, но и прямо-таки опасном положении. Так как аптеки закрылись на выходные и невозможно было достать нужное лекарство, я вынужден был поддерживать содержание глюкозы в крови, ничем не загружая свой желудок. Худшее же заключалось в том, что наш рейс в Анкару и, следовательно, наше возвращение в Фесию откладывались до вторника. Как бы ни повернулись события, мы должны были улететь этим рейсом. Тем временем суббота плавно перетекла в воскресенье, а воскресенье в понедельник, и мне не становилось лучше. Мы поняли, что не сможем не только посетить Харрон, но и даже осмотреть Урфу.

В тот вечер, когда я был прикован к постели уже третий день, я впал в бредовое состояние, сопровождавшееся сильными галлюцинациями, во время которых перед моим мысленным взглядом проносились живые сцены, разворачивавшиеся в роскошных дворцах, храмах и замках. В этом полусонном состоянии я повстречался с мужчиной,

которого принял за монаха. Он повел меня вверх по винтовой лестнице, дабы показать мне то, что он называл чудесами Эдесы (древнее название Урфы, о котором я практически забыл). Ступеньки, балюстрады и многое другое из окружавшего меня были сделаны из изящной филиграни, из тщательно вырезанной древесины, инкрустированной перламутром. Все это походило на Багдадскую беседку у самых красивых палат стамбульского дворца «Топкапи», только еще больше и даже изысканнее украшенную. Так — объяснил монах — выглядела когда-то Эдеса, город, великолепие которого завидовали во всем мире.

Я начал понимать, что здесь пыльные улицы и разбитая каменная кладка скрывали тайну, которую мне предстояло отгадать. Тайну, которая теперь могла проясниться. Однако, что бы там ни было скрыто, я не смог бы найти это в данных обстоятельствах. Наше путешествие, казалось мне, ограничится только Коммагеном. «Монах» сообщил мне, что сейчас ворота Эдесы закрыты для меня. Если же я вернусь на следующий год лучше подготовленным, чем ныне, то найду то, что ищу. На этой заключительной ноте я проснулся или, вернее, пришел в себя, весь омытый потом, но уже выплывший из лихорадочного состояния. Чувствуя себя как сэр Персиваль, который, когда ему показали чашу Грааля, забыл задать главный вопрос и вследствие этого упустил возможность разглядеть как следует волшебную чашу, я вновь оказался в грязновато-коричневом интерьере нашей гостиничной комнаты, слыша назойливый шум уличного движения. Аналогия с Граалем, как мне предстояло выяснять позже, полностью соответствовала тому, что случилось.

На следующий день, уже чувствуя себя лучше, я смог отведать что-то за завтраком — первую пищу за три дня, прежде чем мы отправились в аэропорт. У нас не осталось

времени на посещение рыбных садков Авраама, осмотр замка, рынка, развалин церкви Святого Иоанна и иных чудес древней Эдесы. Все было так, как и говорил монах в моих фантазиях: на этот раз ворота оказались закрытыми для нас. Мы побывали, не подозревая о том, в одном из самых необычных городов на земле, а я даже не догадывался об этом, пока не было слишком поздно. Однако я знал, что, как бы ни обернулись наши дела, мы еще вернемся в Урфу. В следующий раз я буду лучше подготовлен и задам нужные вопросы сторожу ворот: что это за город и кто его страж? Однако приходилось подождать с этими вопросами. Сначала мне предстояло распутать тайну Коммагена и отправлявшегося Антиохом странного культа богов. Я не имел ни малейшего представления о том, к чему это приведет, но догадывался, что это будет нечто волнующее.

ГЛАВА 7

ЛЕВ КОММАГЕНА

По возвращении домой из Урфы мне предстояло множество дел. Находясь в Коммагене, мы купили два маленьких путеводителя — единственные источники информации на английском языке, которые мы смогли найти об Антиохе и его любопытных памятниках. В них упоминалось исследование Отто Нойгебауэром «Гороскопа Льва». Еще работая над «Тайной Ориона», я встречал его имя: вместе со своим коллегой Ричардом Паркером он долгие годы работал в университете Брауна на острове Родос, и оба они считались признанными специалистами по египетской астрономии. Они первыми узнали в человекоподобной фигуре Саху, которую можно увидеть на потолках египетских усыпальниц и замковых камнях пирамид, созвездие Ориона. Поэтому меня очень интересовало то, что он имел сказать о Коммагене. Лучшим источником подобной информации представлялся Британский музей, и уже через несколько недель я связался с отделом древностей Западной Азии, дабы узнать, смогут ли мне там помочь. Меня отослали к одному из помощников хранителя, весьма услужливой леди по имени Доминик Коллон. Она поняла, что именно меня интересует, и любезно предложила выслать мне фотокопию одной статьи Нойгебауэра (на этот раз в соавторстве с другим коллегой — Х.Б. ван Хосеном), озаглавленную «Греческие гороскопы», а также полезную библиографию по другим источникам сведений о Коммагене, если они потребуются. Поблагодарив ее за услугу, я с нетерпением ждал прибытия посылки.

Присланный материал оказался совершенно бесподобным. Нойгебауэр и ван Хосен внимательно изучили расположение звезд на стеле Льва в мемориале Антиоха, которое все вроде бы признают своего рода гороскопом, и увязали его с точной датой — 62 год до н.э. Тело Льва украшено рядом звезд, явно представляющих созвездие Льва. Нойгебауэру это совершенно ясно, и он сравнивает их расположение с «Катастеризмами» Эратосфена:

«Лев представляет собой «созвездие Льва» — в этом нет никаких сомнений, поскольку 19 звезд, изображенных на теле льва и вблизи от него, очень близко согласуются с положением 19 звезд, приписываемых этому созвездию в так называемых «Катастеризмах» Эратосфена».

Очень любопытна увязка с Эратосфеном (ок. 276—194 гг. до н.э.), гениальным ученым и писателем из Александрии, величайшим достижением которого было измерение длины окружности земли. Узнав, что во время солнцестояния солнце светит вертикально вниз в колодец, не отбрасывая тени, в Сиене на Тропике Рака, он измерил угол расположения солнца в полдень того же дня в Александрии. Зная расстояние от Сиены — 5000 стадий, он смог подсчитать, что это соответствует $\frac{1}{50}$ большого круга земли, которая, следовательно, имеет окружность в 250 000 стадий.¹ Позже он поправил самого себя и остановился на 252 000 стадий. Утверждение Нойгебауэра о том, что изображенные на фигуре льва звезды соответствуют звездному атласу Эратосфена, подсказывает, что автор рельефа имел в своем распоряжении эту книгу, что вовсе не представляется невероятным, если иметь в виду, что царская династия претендовала на греческую родословную. Позже мне предстояло убедиться, что это почти наверняка правда, и прийти к другим удивительным выводам.

Затем Нойгебауэр и ван Хосен обсуждают три наиболее крупные звезды, изображенные над спиной льва. На рельефе они обозначены названиями «Юпитер», «Меркурий» и «Марс», причем первая расположена ближе других к голове. Ниже головы льва, с его шеи свисал полумесяц. Это — по мнению авторов — является самой примечательной чертой общей картины, ибо если звезды и льва можно было бы объяснить как символику царской власти или покровительства любимых богов, то луна, строго говоря, не имеет никакого отношения к знаку Льва. Ее присутствие на скульптурной фигуре льва указывает, что все изображение представляет собой гороскоп, причем созвездие Льва принимает в качестве гостей три планеты и луну. Число возможных дат, когда такой рисунок можно увидеть на небе, не так уж велико, как можно было бы подумать. Планета Юпитер движется довольно медленно: ее двенадцатилетний цикл означает, что она окажется в созвездии Льва только в одном из двенадцати лет. Если Меркурий появляется в нем ежегодно, то Марс движется медленнее и пересекает это созвездие в течение приблизительно двух месяцев только один раз в два года. Дальнейшее уточнение даты связано с тем, что луна совершает полный цикл по зодиаку лишь за $29\frac{1}{2}$ дней. Поэтому в созвездии Льва она будет находиться около $2\frac{1}{2}$ дней. Принимая в расчет все эти факторы и возвращаясь назад во времени по небу над Коммагеном в подходящую эпоху, Нойгебауэр и ван Хосен определили пять возможных дат для привязки гороскопа (все годы — до нашей эры):

- а) 15 июля — 108 год;
- б) 16 июля — 97 год;
- в) 7 июля — 61 год;
- г) 4 августа — 61 год;
- д) 13 июля — 48 год.²

Так как Гороскоп Льва не включает ни солнце, ни планеты Венера и Сатурн, можно исключить даты а), г) и д). Тем самым остаются только 16 июля — 97 год и 7 июля — 61 год. Поскольку гороскоп считается привязанным к дате коронации Антиоха, 97 год можно списать как слишком раннюю дату. Это оставляет нам только дату в), которая по григорианскому календарю совпадает с 7 июля 62 года до н.э.

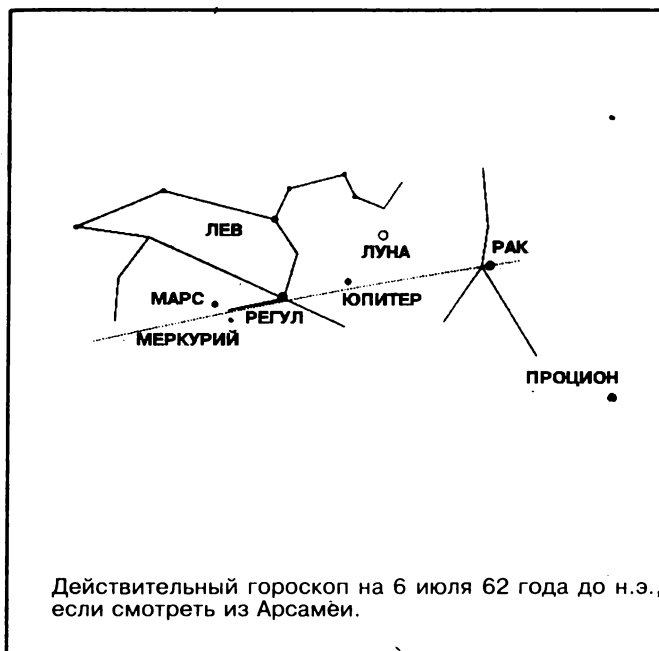
Толкование значения этой даты оказывается, однако, не столь простым, как можно было бы подумать. История свидетельствует, что Антрох был царем Коммагена уже в 69 году до н.э., когда он вынужден был сдать римскому полководцу Лукуллу. Если Гороскоп Льва представляет день его коронации, значит, имела место повторная коронация. В подкрепление этого обстоятельства авторы указывают на тот факт, что вслед за проведенной Помпеем реорганизацией восточных провинций римляне подтвердили царское положение Антиоха и позволили ему сохранить свое маленькое царство в качестве буферного государства. Вот это-то сохранение трона за Антиохом, полагают авторы, послужило поводом для празднования и обусловило появление гороскопа.

Вчитываясь в их подробные аргументы и проверяя их на компьютере по программе моделирования *Скайглоуб*, я не мог не согласиться с тем, что авторы, вероятно, правы относительно даты 62 года до н.э., хотя 6 июля представляется более подходящим, нежели 7, поскольку именно 6-го Луна должна была в самом деле находиться под «головой» Льва, а не где-то посередине его фигуры. И все же мне не верилось, что Антиох пожелал отпраздновать вмешательство римлян во внутренние дела Коммагена. Еще меньше мог он желать рекламировать — если все действительно так и обстояло — тот факт, что своим тронем, на

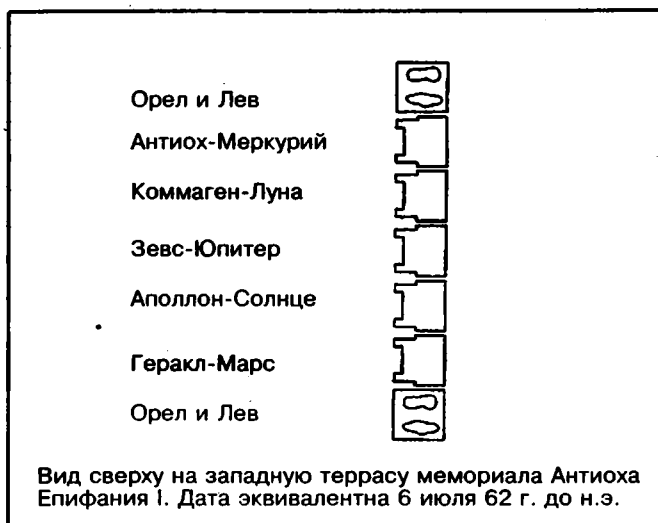
котором он просидел уже много лет, он обязан Помпею. Что-то большее должно было быть связано с рассматриваемым нами мемориалом, и я все еще был убежден в том, что он содержит некое тайное послание — глубокую тайну, зашифрованную в камне. И искать этот скрытый код надлежало в самих статуях, поэтому я вернулся к изучению путеводителей и собственных видеофильмов в поиске возможных ключей.

Рассматривая западную террасу, на которой стоит Гороскоп Льва, я сосчитал статуи. Их было пять (не считая пары орлов со львами): Зевс-Охрмазд, Лев-Геркулес-Артагнес, Аполлон-Гелиос-Митра-Гермес, Коммаген и сам Антиох. Аполлон с Гелиосом и Митрой были богами света, связанными с солнцем, а Гермес вроде бы не имел к ним отношения. В греческой мифологии он был богом дорог, письма, математики и медицины. Его планета не Солнце, а Меркурий — таково имя соответствующего римского бога. Почему Антиох совершил столь очевидную ошибку, задавался я вопросом. Зачем путать Гермеса с богом Солнца, под какими бы именами он ни был известен? Возник и вопрос с богиней Коммаген. Была ли она лишь духом земли, или ее тоже следовало приравнять к небесному телу? Во втором случае можно было рассматривать только две кандидатуры: Венеры и Луны. Поскольку Луна представлена в гороскопе Льва, а Венера нет, я был склонен думать, что именно это небесное тело больше всего подходит для отождествления с Коммаген. Это и понятно, ибо Луна в мифологии почти всегда связана не только с женской половиной жизни, но и с водой. Я сам видел, что Коммаген — это страна, в которой господствуют реки, выглядящие мирными и спокойно текущими летом, но могущие в другие сезоны разлиться и превратиться в свирепые

потоки. Таяние снегов в горах Антитавр в сочетании с дождями может легко вызвать разлив не только Евфрата, но и его менее полноводных притоков. Неудивительно поэтому, что местные жители поклонялись Луне и старались умиловить ее, дабы она не гневалась.

Если признать, что статуя Коммаген символизирует Луну, то станет очевидным, что статуя самого Антиоха, а не бога Солнца Аполлона-Митры, должна в действительности представлять Меркурий. В этом, вполне вероятно, и состоит эзотерическая тайна статуй: все они представляли небесные тела и с добавлением Солнца были вписаны в Гороскоп Льва. Дабы найти подтверждение, я задумался над рассадкой статуй на их тронах. Она различается на во-

сточной и западной террасах, а поскольку все статуи потеряли свои головы, мнения экспертов относительно раскладки расходятся. Однако, согласно Акгуркалу и большинству других авторов, кроме Дорнера, если стать к статуям на западной террасе лицом, то они будут расположены в таком порядке: Аполлон, Коммаген, Зевс, Антиох и Геракл. Если смотреть на них со спины, то есть со стороны кургана, под которым, предположительно, похоронен Антиох, их положение точно соответствует порядку размещения Солнца, Луны и планет 6 июля 62 года до н.э. И все же остаются вопросы: почему он выбрал эту дату и что она означает? Какими бы ни были соображения, побудившие Антиоха соорудить свой мемориал, ключи, возможно, следовало искать в оставленных им письменах, объясняющих его намерения будущим поколениям. И я решил ещё раз взглянуть на них.

ТЕКСТЫ ДЛЯ НОВОЙ ЭРЫ

Нам повезло, что Антиох, подобно некоторым египетским фараонам, с которыми его можно сравнивать, оставил после себя большое число надписей. Самые значимые из них сделаны на спинах колоссов Нимруда и были переведены в 1883 году двумя турецкими учеными: директором Оттоманского императорского музея Османом Хамди-беем и Османом Эфенди с факультета изящных искусств. Эти надписи свидетельствуют, что Антиох был не тираном, а весьма религиозным человеком, который считал себя существом, пользующимся покровительством богов. Он написал:

«Я всегда считал, что из всех добродетелей больше всего мне свойственна набожность — наиболее кроткое удовольствие для смертных: именно набожность составляет счастье власти и вызывает зависть к пользованию ею, и всю свою жизнь я почитал богов как самых верных хранителей моего величия и как несравненное наслаждение для моего сердца».

После еще нескольких благочестивых слов Антиох объясняет, почему он сооружает свой мемориал:

«Так я оправдываю свое намерение воздвигнуть ближе к небесным тронам и на фундаменте, недоступном разрушительному действию времени, свою усыпальницу, где мое тело, состарившееся среди всех этих благодеяний, заснет в вечном покое, отделенное от благочестивой души, отлетающей в небесные сферы Юпитера-Оромазде.

Я решил посвятить это место сооружению одинаковых тронов для всех богов не только для того, чтобы воздвигнуть памятники моим предкам, которых вы видите, но и для того, чтобы благочестивые люди, посвятившие себя высшим духам, постоянно имели перед своими глазами в

качестве свидетеля моей набожности это самое место, где они испытают те же самые чувства. Вот почему я воздвиг эти статуи в божественной форме, которые вы видите, Юпитера-Оромазде, Аполлона-Митре-Гелиоса-Гермеса, Артагнеса-Геркулеса-Льва и моей родине — плодородной Коммаген...»

Объяснив учреждение особой группы священнослужителей «в одеждах персидской расы» для осуществления жертвоприношений и выделение на вечные времена земли для оплаты их услуг, Антиох объявляет дни своего рождения и коронации новыми праздниками, которые следует отмечать вечно. На пьедестале статуи Зевса его мемориала написано так:

«Потому я посвящаю день моего рождения — 16 айднайоса и день моей коронации — 10 лооса благочестивым проявлениям великих богов, которые всегда служили моими проводниками во время моего счастливого царствования и единственным источником всеобщего благосостояния по всему моему царству, и, принимая во внимание множество жертвоприношений и установив, что каждый из этих двух дней станет ежегодным праздником, я соответственно разделил всю протяженность моей империи для собраний, праздников и жертвоприношений и приказал всем городам отмечать праздники в ближайших храмах, которые по той же причине окажутся наиболее удобными для них. Касательно же остального года я указал, что священнослужители будут чтить 16-й и 10-й дни каждого месяца как годовщину дней моего рождения и моей коронации».

Нойгебауэр и ван Хосен утверждают, что Гороскоп Льва представляет праздничный день 10 лооса и что именно этот день символизируют боги, сидящие на западной террасе. Они пришли к такому заключению считая, что Антиох пользовался тем же календарем, что и поздняя римская

Азия, в котором месяц айднайос выпадал на декабрь-январь, а лоос — на середину лета:

«Наконец наступило время календаря. Мы знаем, что время года должно выпадать на июль, поскольку при присутствии Меркурия в созвездии Льва Солнце должно находиться внутри Льва или близко к нему. С другой стороны, мы знаем, что Антиох родился 16 айднайоса, а его коронация состоялась 10 лооса. Как замечает Пухштайн, гороскоп не мог быть составлен на день рождения, потому что айднайос в римском календаре провинции Азия (прибрежный район Западной Турции) приблизительно соответствует декабрю месяцу... Следует принять дату коронации 10 лооса как дату гороскопа, так как лоос приблизительно соответствует июлю месяцу, как на то указывает и гороскоп».

Согласившись с авторами в том, что западная терраса с ее символической датой 6 июля 62 года до н.э., записанной на льве и представленной статуями, указывает на дату в июле, я все же не был полностью удовлетворен их доводами. Справившись с «Британской энциклопедией» — подлинным кладезем информации, я обнаружил запись по поводу календарей, которая показалась мне весьма примечательной:

«Для поздних времен также важен македонский календарь, изначально состоявший из двенадцати лунных месяцев, называвшихся диос, апеллайос, аудинайос, перипиос, дустрос, ксанфикос, артемисиос, дайсиос, панемос, лойос, горпьяйос, хиерберетайос».

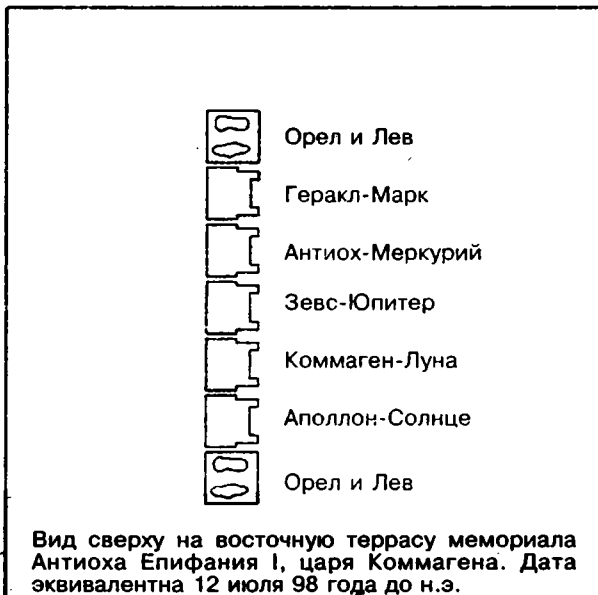
Поскольку Коммаген не входил в Римскую империю до 17 года и даже не был государством сателлитом до проведенной в 62 году до н.э. Помпеем реорганизации, выходит, что во времена Антиоха коммагеняне все еще пользовались лунным македонским календарем. Так как двенадцать лунных месяцев по $29\frac{1}{2}$ дней составляют в сумме

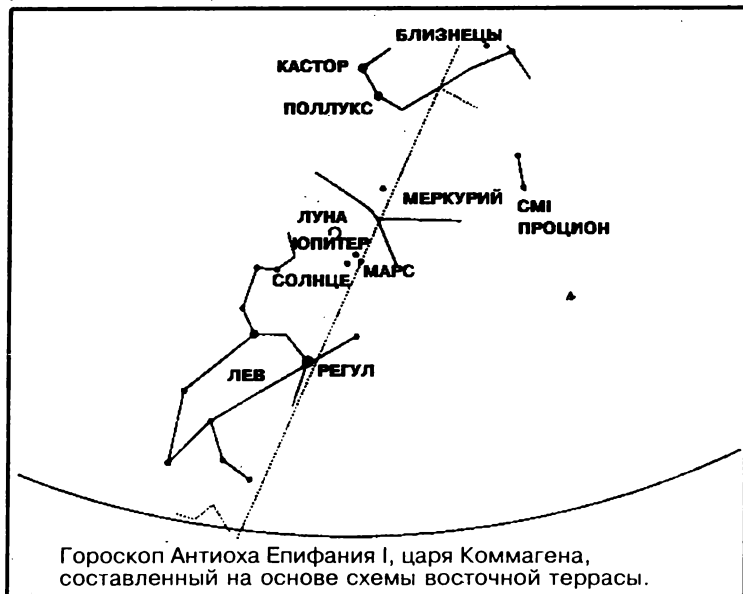
354 дня, лунный «год» отставал от солнечного года в $365\frac{1}{4}$ дней на $11\frac{1}{4}$ дней. Это означает, что без поправки начало каждого месяца отодвигалось назад год за годом на $11\frac{1}{4}$ дней. Таким образом «замечанием» Пухштайна можно спокойно пренебречь в связи с месяцем айднайос. Ему не обязательно было выпадать на декабрь, и он, подобно мусульманскому Рамадану и по той же причине, мог начинаться в любое время в зависимости от года.

Поняв это, я уверился в том, что, какое бы событие ни отражала западная терраса, восточная терраса должна была быть приурочена ко дню рождения Антиоха. Порядок расположения статуй здесь отличается от западной террасы, но замешаны, похоже, те же самые планеты. Если стать к ним лицом, они окажутся в следующем порядке слева направо: Аполлон, Коммаген, Зевс, Антиох и Геркулес. Я заподозрил, что день рождения Антиоха мог оказаться близок к нойгебауэрской дате б), то есть 16 июля 98 года до н.э. Освободившись от ограничивающего условия, устанавливающего, что месяц айднайос должен приходиться на середину зимы, я посчитал это вполне возможным. Мы знаем, что Антиох был уже царем (и наверняка довольно долгое время) в 69 году до н.э. Мы также знаем, что он умер стариком где-то между 35 и 31 годами до н.э. Так что вполне могло быть, что он родился в 98 году до н.э.

Используя программу *Скайглоуб*, я снова совершил путешествие назад через века. Я обнаружил, что 13 июля подходит больше, нежели 16. В тот день избранные планеты располагались в должном порядке, если на них смотреть с могильного кургана. Еще более поразительным оказался гороскоп на этот день — таким любой был бы доволен. В гороскопе Антиоха имелось то, что астрологи определяют термином «стеллиум», при котором его родное Солнце находилось в наибольшем кажущемся сближении с Мар-

сом и Юпитером в знаке Рака, но в созвездии Льва.³ Лишь в 11 градусах перед этой группой находились его же родные Меркурий и Луна, сами соединенные в Раке.⁴ Как должно быть известно каждому астрологу, это удивительно сильный гороскоп, указывающий на человека с огромной харизмой и напористостью, с хорошим умом и любовью к дому и одновременно со склонностью к тщеславию. Даже будучи столь удаленными во времени, мы можем утверждать, что такое описание прекрасно подходит Антиоху. В его гороскопе явно отсутствуют планеты Венера и Сатурн. Это можно объяснить тем, что они находились за горизонтом в момент его рождения, поскольку астрологи его времени были склонны пренебрегать планетами, еще не поднявшимися над горизонтом, при толковании гороскопа. Поскольку Сатурн заходил в 7.15 утра, а Венера не взошла до 8.30, Антиох должен был родиться — если

это действительно его гороскоп — в указанный временной промежуток. Все это прекрасно совпадает с расположением богов на восточной террасе его мемориала.

И все это показалось бы нереальным, если бы не еще одно обстоятельство. Можно было понять и так, что его «день рождения» 16 айднайоса, в особой важности которого он пытается убедить нас, не был действительным днем его рождения, а избранной им самим датой подобно тому, как июнь считается «официальным» днем рождения королевы Англии. Получается, что у него одинаковый день рождения с его отцом — Митридатом I — и что он подается как день рождения царей. Это становится ясным из длинной надписи в горном каньоне Арсемии, которая детализирует обязанности жрецов Антиоха:

«Я приказал поставить статуи старших людей — моих дедушки и бабушки по отцовской линии и мою собствен-

ную приблизительно в реальном измерении и в согласии с Богами. В дополнение я пригласил жрецов и сестер посмотреть на возвышенные места. Позже я сказал, что день жертвоприношения Богам, день собрания верующих и день рождения моего отца и мой будут иметь место в один и тот же день месяца, и этот день будет отмечаться как общий праздник».

Вернувшись к компьютеру, я заметил нечто весьма странное. Если предположить, что 13 июля — подлинный день рождения Антиоха (что соответствует порядку расположения статуй), тогда он пришелся примерно на новолуние. Однако, если он пользовался лунным календарем, тогда тот день не мог быть 16 числом месяца. Этот день оказался бы сразу за полнолунием. Но если посчитать 16 дней до 29-го, тогда не только Луна окажется в нужном месте, но и солнце приблизится к сердцу Льва — звезде Регул. Мог ли действительный день рождения Антиоха — 13 июля 98 года до н.э. соответствовать в тот год лунной дате на его календаре — 1 айднайоса, так что эта вторая дата — его «официальный» день рождения пришелся на 16 айднайоса?

Я не получил ответа на этот вопрос, пока мы не совершили второе путешествие в Коммаген в октябре 1995 года.⁵ Мы поставили своей целью исследовать любопытный шахтный ствол в Высоком кантоне в Арсемии. Мы не знали о его существовании во время нашего первого визита и не могли догадаться о его назначении, поэтому и не захватили с собой компас. Когда же по возвращении домой я узнал о том, что он наклонен под углом в 35 градусов, то попытался выяснить на компьютере, на какую точку в небе он нацелен. При этом я предположил, что он сориентирован на юг, как и два похожих ствола в Великой пирамиде. К нашему немалому удивлению, он оказался вроде бы

нацеленным на точку прохождения меридиана звездой Сириус в рассматриваемую эпоху. Естественно, мы были в восторге и не могли дождаться проверки этой гипотезы. Однако реальность оказалась не столь простой. Шахтный ствол все же был сориентирован не на юг, а на запад. Пришлось забыть о его ориентации на Сириус. Одновременно стало очевидным, что, по крайней мере, один день в году солнце должно заглядывать в узкий ствол, освещая его дно. Несколько удрученный неудачей со столь обещающей гипотезой, я не скоро попытался выяснить на компьютере его истинную ориентацию. И снова я запустил программу *Скайглуб*, на этот раз с курсором, поднятым на 35 градусов и сориентированным на запад. Я позволил небосводу поворачиваться минуту за минутой, дабы определить, когда солнце могло оказаться на одной линии с шахтой — день освещения дна колодца. К моему совершенному изумлению, этим днем оказалось 29 июля — тот самый день, который, как я предположил, Антиох объявил своим (и своего отца) официальным днем рождения. В этот день солнце должно максимально сблизиться с самой яркой звездой созвездия Льва, «маленьким царем» Регуллом, и после полудня светить точно в шахту. Этого было слишком много для простого совпадения, и это должен был быть «царский» день рождения 16 айднайоса.

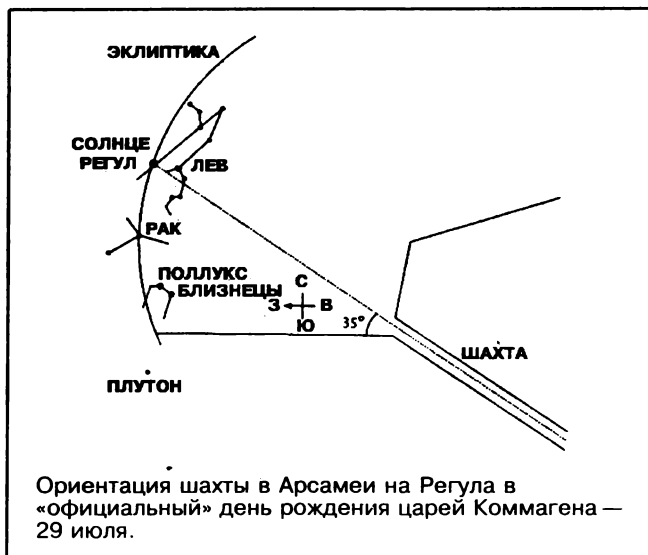
Каким бы волнующим ни было это открытие, оно ни в коей мере не стало концом истории. Путешествие во времени назад от вечера, когда солнце должно было оказаться на одной линии с шахтным стволом, до восхода солнца принесло еще один сюрприз. В тот же самый день должно было случиться другое событие, которое было прекрасно известно египтянам: появление Сириуса перед восходом солнца на рассветном небе после 70 дней невидимости. Этот день давал начало египетскому году и был связан с

идеей рождения бога солнца Гора. Отсюда можно было сделать поразительные выводы, ибо становилось понятным: Антиох вырыл свою глубокую шахту не ради сооружения тупикового пути бегства из замка Арсемии и не ради погребения своего отца Митридата, а для учреждения нового календаря. Так он приурочил начало коммагенского года, которое до того времени основывалось на движении Луны, к циклу Сириуса, долго использовавшемуся египтянами в качестве основы своего календаря. С точки зрения людей обычных, не посвященных в тайны, Антиох всего лишь менял свой день рождения и чествовал богов — делал то, что и призваны были делать цари. В действительности же он не только практиковал астрологию весьма эзотерического свойства, но и закладывал основу величайшей реформы календаря.

* * *

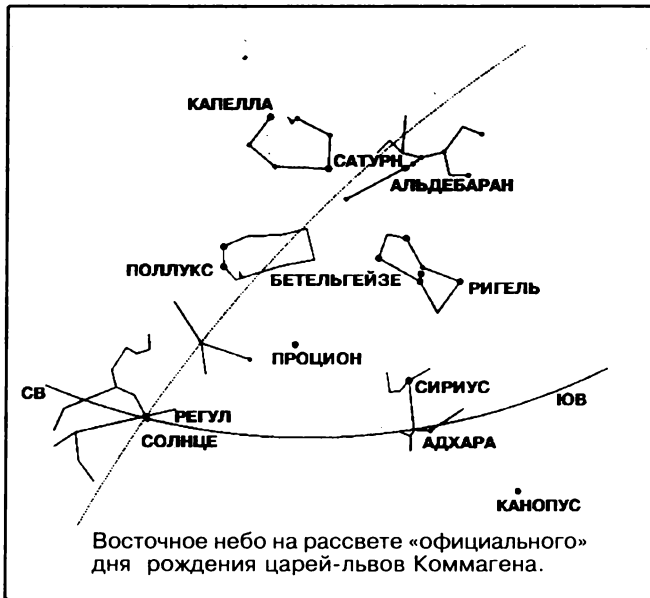
Теперь, глядя на мемориал Антиоха, я оценивал его уже по-иному. Весь он, хоть и далеко не полный из-за разрушающего действия времени, имел глубокий символический смысл. Давно уже было установлено, что ряды фигур, вырубленных на стелах на северной и южной сторонах террас, представляют предков Антиоха. Согласно Карлу Дорнеру, долгие годы изучавшего их, они представляют по «отцовской» линии персидскую родословную, восходящую к Дарию I (522—486 гг. до н.э.) через таких царей, как Ксеркс и Родогун. «Материнская» линия — греческая, и прослеживается от Александра Великого через Селевка I Никатора, сына другого Антиоха — полководца отца Александра — Филиппа II через всю династию Селевкидов вплоть до отца Антиоха — Митридата, мать которого — Лаодис — была, конечно же, дочерью селевкидского царя Антиоха VIII. Этот ряд завершается фризом самого Антиоха. Он говорил правду, когда надписал в Арсемии:

«...Я велел изготовить статуи старших людей — моих дедов по отцовской линии и свою собственную в естественных размерах и в согласии с Богами».

Это вроде бы проливает немного света на любопытные геральдические скульптуры орла и льва, обрамляющие парами сидящие статуи богов. Возможно, львы представляют персидскую родословную, а орлы — греческую. В более эзотерическом смысле эти скульптуры могут — как и боги — представлять небесные тела: лев — звезду Регул, а орел — Сириус, которые дают жизнь новому царю.

Выкапывание глубокой шахты для наблюдения солнца в определенный день делает более весомым утверждение Нойгебауэра и ван Хосена о том, что расположение звезд на рельефе Льва основано на иллюстрации Эратосфена. Вполне вероятно, что Антиох знал о его эксперименте с глубоким колодезем в Сиене и приспособил его идею к своей широте, приказав построить наклонную шахту, при-

званную выполнить ту же самую функцию — дать бестеневую трубу для определенного дня. Это александрийское звено вместе с принятием Антиохом даты, связанной с египетских умах с Рождением Гора, должно подразумевать, что Антиох был хорошо осведомлен, если и не полностью посвящен, о гермесовой традиции.

Дополнительные доказательства представляют несколько стел с «рукопожатием». Астрально они могут изображать соединения планет, но скорее это является гермесовым толкованием идеи души, опускающейся на землю сквозь сферы богов и получающей дары от каждого из них. Эти дары — согласно «Герметикам» — следует вернуть при кончине. Рукопожатие Антиоха с каждым из богов, причастных к его рождению, то есть с планетами, находившимися над горизонтом в момент его рождения, означа-

ет, что он приветствует богов и возвращает им их дары. Эта доктрина превосходно изложена в «Поймандрес».

«Ты достаточно хорошо просветил меня, о Разум, — сказал я, — как я и хотел. Но расскажи мне побольше о подъеме, который преодолевают люди; расскажи, как мне следует войти в Жизнь». Поймандрес ответил: «При растворении твоего материального тела ты сначала отдаешь тело, подлежащее изменению, и видимая форма, которой ты обладаешь, становится невидимой. И свой живой дух ты отдаешь сначала атмосфере, так что он уже не работает более в тебе; и телесные чувства возвращаются к своим собственным истокам, становясь частью вселенной и вступая в новые соединения ради выполнения иной работы. И вслед за тем человек поднимается вверх через структуру небес. И первой зоне небес /Луне/ он отдает ту силу, чья работа увеличивается, и ту, чья работа уменьшается; второй зоне /Меркурию/ — козни злого коварства; третьей зоне /Венере/ — обманывающую людей похоть; четвертой зоне /Солнцу/ — владеющее ими высокомерие; пятой зоне /Марсу/ — дерзкое бесстрашие и опрометчивую отвагу; шестой зоне /Юпитеру/ — нечестивую алчность; седьмой зоне /Сатурну/ — вероломство, ждущее часа, чтобы причинить зло. И, освободившись от всего того, что наворотила на него структура небес, он поднимается в восьмую сферу, обладая уже своей собственной надлежащей силой...»

Поднявшись по лестнице хрустальных сфер на высшее небо, он уже вправе взойти на Олимп, символизируемый его белым курганом. Олимп возвышается над планетарными сферами, о чем четко говорится в «Герметиках»: «Есть семь бродячих звезд, которые крутятся на пороге Олимпа, и между ними постоянно вращается бесконечное Время». Сооружая свой могильный холм над уровнем сидящих бо-

гов, Антиох делал заявку. Он объявлял миру свое намерение подняться выше хрустальных сфер и взойти на Олимп, символизирующий высшее небо, возвышающееся над планетарными мирами. Антиох не страдал манией величия, побудившей его воздвигнуть колоссов ради хвастовства, а скорее был посвященным с неким посланием. Подобно фараонам Египта, он соорудил из своей гробницы книгу, которую могли бы прочесть грядущие поколения.

ГЕРОЙ МИРА

Оставив позади курган на горе Нимруд, я обратил свой взор на другое главное место археологических раскопок в Коммагене — Арсаею. Оно могло припасти новые сюрпризы, которых я не ожидал. Самой примечательной чертой остатков того, что в свое время могло быть важным

комплексом, окружавшим вход в шахту, был практически полностью сохранившийся рельеф царя Коммагена — то ли Антоха, то ли его отца Митридата I, обменивающегося рукопожатием с богом Гераклом (или назовем его более популярным латинским именем Геркулес). Хотя в мемориале Геркулес, похоже, связан с планетой Марс, и поэтому «рукопожатие» отражает обратный переход души Антиоха после смерти сквозь хрустальные сферы, я чувствовал, что здесь скрыта и более глубокая тайна. Если в Коммагене царский культ был хоть чем-то похож на культ Митры, тогда существовали, по крайней мере, семь уровней посвящения. Совершенно очевидно, что более посвященные члены внутреннего круга вроде самого Антиоха имели доступ к более глубоким тайнам, чем те, которые понимала чернь. Одна из наиболее эзотерических доктрин касается бога Геркулеса, чей образ и «рукопожатие» можно видеть повсюду в мемориале. Правда, его можно бы сравнить с Овном, богом войны, но, даже будучи великим бойцом, Геркулес не был таким уж простаком. Скорее он был самым популярным из греческих героев, что-то вроде супермена, культ которого существовал по всей Македонской империи. Заподозрив, что в легенде о нем скрыто нечто большее, чем бросается в глаза, я решил вникнуть в этот миф.

Подобно многим другим героям, Геркулес был божественным близнецом. Его отцом считали Зевса, который, испытав влечение к Алкмене, жене царя Тиринфа⁶, занимался с ней любовью в образе ее мужа — Амфитриона. Она родила близнецов: смертного сына Амфитриона — Ификла и сына Зевса — Геркулеса. К несчастью для последнего, его происхождение не осталось незамеченным на горе Олимп: жена Зевса — богиня Гера сильно разгневалась и стала заклятым врагом юного героя. Когда детям было толь-

ко восемь месяцев от роду, Гера послала двух змей в детскую кроватку. Ификл увидел их первым и закричал, а Геркулес не испугался даже в своем нежном возрасте, схватил их по одной каждой рукой и задушил. Услышав крик, Амфитрион и Алкмена бросились в комнату и, увидев младенца Геркулеса с двумя змеями в руках, поняли, что он сын Зевса.

Хотя Геркулес и был наделен сверхчеловеческой силой, его жизнь в целом была трагичной. Его первой женой стала Мегара, дочь Креонта, царя Фив. Последний умер во время отсутствия Геркулеса, и его трон был захвачен Ликием с острова Эвбея, который собирался умертвить Мегару и трех ее сыновей — законных наследников, когда в город неожиданно вернулся Геракл. Он быстро разделался с узурпатором, но во время последовавшего празднования в припадке безумия, вызванном кознями Геры, он сам убил своих сыновей и их мать, пытавшуюся защитить их. Когда он обратился к оракулу в Дельфах, тот в наказание велел ему отправиться в Тиринф и выполнить все задания, которые даст ему его злейший враг Эврисфей, царь Аргоса. Последний поручил ему ряд труднейших и опаснейших заданий, надеясь, что его постигнет неудача. Они и стали двенадцатью великими подвигами Геракла. Эврисфей велел ему: 1) убить немейского льва; 2) убить лернейскую гидру; 3) привести живой керинейскую лань; 4) привести живым эрифманского кабана; 5) очистить от навоза скотный двор царя Авгия; 6) перебить стимфалийских птиц; 7) привести живым критского быка; 8) привести питавшихся человеческим мясом коней царя Диомеда; 9) принести пояс царицы амазонок Ипполиты; 10) пригнать коров великана Гериона; 11) принести три золотых яблока из сада, охраняемого Гесперидами; 12) привести стража подземного царства, страшного трехглавого пса Цербера.

Геркулес преуспел в выполнении всех этих заданий, совершив одновременно много других славных дел, и вновь обрел свободу. Он женился снова, на этот раз на красавице Деянире. Когда кентавр Несс попытался похитить ее, Геркулес поразил его смертоносной стрелой, отравленной кровью лернейской гидры. Это и привело Геркулеса к гибели, ибо, умирая, кентавр обманным путем убедил Деяниру собрать его теперь уже отравленную кровь и сохранить в качестве любовного зелья. Тайком от Геркулеса она так и сделала, и позже, испугавшись, что он полюбил Иолу, которую выиграл в состязании по стрельбе из лука, натерла кровью кентавра плащ Геркулеса. Когда он накинул на себя этот плащ, тот опалил его, и он в агонии содрал его с себя вместе со своей кожей. Поняв, что кентавр обманул ее, Деянира убила себя. Геркулес, зная, что его ждет предсказанный ему конец, велел сложить для себя погребальный костер. Когда огонь стал пожирать его тело, упала молния и забрала его на Олимп, где он стал бессмертным богом и помирился наконец с Герой. Гордый своим сыном Зевс назвал его именем созвездие.

Таков в кратких словах миф о Геракле. Когда я вник в него, сразу же стали очевидными некоторые вещи. Стало ясно, что двенадцать подвигов Геркулеса как-то связаны с прохождением солнца через двенадцать знаков зодиака. Ряд знаков легко было отождествить с его заданиями. Убийство немейского льва явно указывало нахождение солнца через знак Льва.⁷ Критский бык должен был быть Тельцом, а Ипполита, девственная царица амазонок, — Девой. Точно так же гидра с ее ядовитой кровью могла быть Скорпионом, а кентавр, приведший Геркулеса к Гибели, — Стрельцом. Порядок свершения подвигов и порядок представляемых ими знаков не совсем совпадают, но я не сомневался в том, что цикл двенадцати представляет собой год.

Подобным же образом рождение и смерть Геркулеса представляют солнцестояния. Они с Ификлом были близнецами, но только один из них был бессмертным. Это ясно указывает на Близнецов — знак и созвездие, в котором только Поллукс был рожден бессмертным, хотя позже он поделился своим бессмертием со своим братом Кастором. Во времена Древней Греции солнцестояние происходило, когда солнце оказывалось в созвездии Близнецов.⁸ И, наоборот, зимнее солнцестояние в греко-римские времена происходило, когда солнце находилось между созвездиями Козерога и Стрельца.⁹ Таким образом кентавр Стрелец «убивал» солнце в последний день перед его возрождением, в первый день следующего цикла.

Все эти взаимосвязи подразумевали, что Геркулес, еще будучи живым, был солнечным, а не марсианским божеством. Он ассоциировался с рождением и смертью света, с годичным циклом и подвигами под двенадцатью знаками. Глядя на них, я увидел явные параллели между ним и персидским Митрой. Оба были полубогами, ниспосланными на землю; оба были призваны совершить почти невозможные дела, и оба были «рождены» во время одного или другого солнцестояния.¹⁰ Связь Митры с астрологией становится ясной благодаря множеству изображений его, приносящим в жертву небесного быка. На них бог предстает с вытянутой правой ногой, прижимающей к земле правое копыто быка. Коленом другой он упирается в спину быка.левой рукой он удерживает несчастное животное за ноздри, а правой вонзает нож в его бок. Кровь, иногда изображаемая в виде колосьев пшеницы, течет из бока быка, и ее слизывает собака. Украдкой подбирается и змея, чтобы получить свою долю, а скорпион подступает к тяжелым яичкам быка.

Дюжины статуй, отображающих этот жуткий эпизод,

были найдены по всей Европе, самая интересная из которых выставлена ныне в Римских галереях Британского музея. В некоторых других вариантах в дополнение к уже указанным деталям присутствуют два мальчика-прислужника, стоящие у хвоста быка, причем один из них помогает Митре удерживать быка. На стеле, экспонируемой ныне в парижском Лувре, бог солнца Гелиос и богиня луны Селена наблюдают за этой сценой. Они, предположительно, одобряют жертвоприношение, поскольку на оборотной стороне стелы Гелиос дарует Митре силу, которую он позже использует для управления змеей, символизирующей низкую природу человека. Такие сцены являются ясно выраженной сокровенной частью культа и указывают на некую степень посвященности. Еще очевиднее для стороннего наблюдателя то, что выше этой сцены, на той же панели, Митра предстает рядом с Гелиосом и — подобно самому богу солнца — держит в левой руке жезл власти.

Астрологический символизм всех этих сцен совершенно ясен. Небесный бык — это, разумеется, телец. Скорпион, нацелившийся на символы потенции, — это знак Скорпиона, противоположный знаку быка. Как Телец символизирует весну — сезон плодородия и рождения, так и Скорпион символизирует осень, смерть и отступление сил природы. Два прислужника — это, конечно, Близнецы, которые в зодиаке следуют непосредственно за Тельцом. Это оставляет Митру с его верным псом. Он, как представляется, символизирует не только свет солнца, но и созвездия Ориона. Его пес — это спутник Ориона Малый Пес, яркая звезда которого Сириус символизирует просвещение в зороастрийской религии.

Сравнение Ориона с Митрой имеет очевидное значение для «реального» созвездия Геркулеса.¹¹ На рельефе «рукопожатия» в Арсамее царь (Антиох или Митридат)

держит в левой руке длинный посох, подобно Митре в Лувре. Одет он в то, что должно было бы быть его самым официальным костюмом. На его голове — изящная корона, украшенная, похоже, пятью подобными солнечным лучам перьями; ниже на нем виден камзол со сложным рисунком из бриллиантов и звезд, под ним туника с приподнятым между ног краем, закрепленным на его поясе с помощью шнура; видны штаны. С его правого бедра свисает церемониальный кинжал, к ножнам которого приторочены пять львиных голов, возможно, символизирующих официальный день рождения царя под пятым знаком зодиака — Львом.

Весь символизм этой царственной фигуры указывает, похоже, на равенство царя с богом солнца. Он как бы объявляет, что царь — подобно герою Митре после его возвышения — был одарен солнечной властью. Мне стало ясно, что он был — если воспользоваться титулом египетских фараонов — «Сыном Солнца». В таком случае почему он обменивался рукопожатием с Геркулесом, которого можно бы приравнять к Митре и Ориону? Я снова прибегаю к программе *Скайглоуб* и взглянул на точку в небе, на которую нацелена шахта. Я знал уже, что соединение солнца с Регулом было одной из тех вещей, на которые она указывала, но жаждал посмотреть на другую точку на эклиптике, которая проходила непосредственно над ней.¹² В который уже раз я пропутешествовал по небу и нашел другую точку эклиптики, которая находилась на одной линии с шахтой. К моему удивлению, она выпала на день, когда солнце оказалось прямо над вытянутой правой рукой Ориона. В тот день солнце буквально «пожимало руку» Ориона и, значит, Митры-Геркулеса. Таково должно было быть значение скульптуры, и это дало мне третью дату — 26 мая.

Скрытый здесь символизм просто поразителен. Вспомним, что этот памятник был построен в честь покойного отца Антиоха — Митридата. Если 29 июля является датой официального дня рождения, тогда 26 мая должно быть официальным днем «смерти». В Древнем Египте фараон, пока он был жив, считался живым олицетворением бога солнца. В свое время им был Гор, Сын Солнца. В Коммагене ему соответствовало официальное рождение царя как Аполлона-Митры, явного греко-персидского эквивалента Гора. После смерти бранные останки египетского фараона мумифицировались и проводились разные обряды, дабы позволить его душе соединиться с богом мертвых Осирисом, который, как считалось, обитал в созвездии Орион. Все это совершенно ясно вытекает как из «Книги Мертвых», так и из архитектуры пирамид, которые служили своего рода «пусковыми площадками» для душ во времена Древнего Царства. Связь между шахтой в Арсамее и Орионом вроде как указывает на сходную доктрину. Цари Ком-

магена, подобно фараонам Древнего Египта, желали быть перенесенными после смерти к звездам Ориона. Быть может, шахта в горах Коммагена, подобно южной вентиляционной шахте царского склепа в Великой пирамиде Гизы, использовалась как своеобразная «суперпушка» для выстреливания души Митридата I в небо, где она «обменяется рукопожатием» с Геркулесом и соединится с ним в небесном доме Ориона.

Именно это или что-то вроде этого и имел в виду Антиох, и, вполне вероятно, он сам тоже был «заряжен» в ствол, когда пришло его время, перед тем, как его тело было доставлено на гору Нимруд для захоронения в мемориале. Если это так, то его гору Олимп, подобно «небу» египтян, которое они называли «*Дуат*», следовало искать в районе неба, отмеченном Орионом. Как египетский фараон, он построил пирамиду для помещения в нее своих смертных останков и надеялся попасть на небо, где он присоединится к Зевсу-Охрмазду. На восточной стороне его погребального памятника гороскоп его дня рождения сооружен для почитания богов, присутствовавших при рождении. Скульптуры его прославленных предков выставлены на обозрение бок о бок с ним самим в том виде, в котором, как он, несомненно, надеялся, они останутся после его смерти. На западной стороне монумента он приветствует богов, возможно, ради утверждения на своем троне. 6 июля 62 года до н.э. (10 лооса), в день, зафиксированный в Гороскопе Льва, он, похоже, пережил нечто подобное церемонии коронации. В отличие от Нойгебауэра, я не думаю, что она была прямо связана с тем, что Помпей подтвердил его царское положение. Как станет очевидным позже, скорее это было своеобразным посвящением, связанным с эзотерической стороной его религии. Показательно то, что впервые после его рождения

планеты, или боги, присутствовавшие при его рождении, собрались вместе «на совет» в том же царственном районе неба — созвездии Льва. И снова его предки засвидетельствовали свое почтение, выстроившись бок о бок с ним.

В центре памятника находится его курган, представляющий Олимп, конечную вершину неба, возвышающуюся над господствующими планетами более низких сфер. Где-то в этой груде битого известняка, возможно, довольно высоко, и похоронен Антиох. Однако там остались только его кости.¹³

Помня, что писал Беннетт о Сарманском братстве, а также о том, что название последнего означает: оно является «главным кладезем традиции», названной «неувядаемой философией», передающейся из поколения в поколение «посвященными», — теперь я мог понять, что Антиох подходит под это описание. Мало того, он претендовал на происхождение от персидских царей и был выходцем в действительности из настолько «знатной семьи или расы», что владел «фамильной ценностью», а именно: вечной философией. Глядя вновь на Гороскоп Льва с его датой — 6 июля 62 года до н.э., я теперь нашел что-то еще, похожее на решающий довод в пользу связи между Коммагеном и Сарманским братством Гурджиева. В тот день солнце, находящееся в центре созвездия Рака, оказывается под сонмом звезд, хорошо известном как «Улей». Поскольку слово «сарман» («сармунг» на армянском диалекте Гурджиева) означает одновременно «те, кто хранит доктрины Зороастра», и «Пчела» на староперсидском, то совершенно ясно, что в 62 году до н.э. «Ульем» — местом, где соби-
рались пчелы, был Коммаген.

Представляется, что 6 июля того же года при дворе Антиоха в Коммагене собралась группа «мудрецов», или волхвов. Им предстояло многое обсудить, в том числе и

реальную угрозу, которую для зороастрийского учения представляло упорное продвижение римлян в Анатолию и Месопотамию. На том собрании, кроме Антиоха, вполне могли присутствовать и цари соседних стран. Антиоха же, полагаю, избрали и короновали как лидера братства, представлявшего собой нечто вроде масонского общества. На это, а не на «подтверждение» Помпеем указывает, считаю я, Гороскоп Льва. Ему было поручено хранить зороастрийскую традицию, показывая ее связи с греческим и, следовательно, римским пантеоном. Так он дал богам двойные — греческие и персидские — имена и создал любопытный синкретизм, ставший государственной религией Коммагена. Таким образом, надеялся он, даже если римляне завоюют Месопотамию, то позволят народу свободно исповедовать религию, которая не покажется им слишком чуждой. На деле римляне сами обратились в эту новую религию, — с незначительными изменениями — получившую название «митраизм» и распространившуюся по всей империи вплоть до Германии и Британии. Насколько хорошо они понимали ее эзотерическое значение — это, конечно, вопрос открытый, но она придала моральную силу римским легионам и в каком-то смысле подготовила почву для большего откровения христианства.

Неизвестно, в какой степени это предвидел сам Антиох. Но он оставил послание — «легоминизм», как назовет его Гурджиев — в виде своих памятников. Он, похоже, хотел, чтобы мы знали, что он изучал «Герметики», и жаждал при жизни быть хорошим правителем. Его последние слова в Арсамее служат подходящей эпитафией:

«Пусть все и те, кто пытается отправлять религиозные обряды, посмотрят на лица Богов, следуя благоприятным свойствам счастливых верующих в утешение; и пусть у них будет хорошая жизнь».

Читая это после посещения того, что когда-то было его счастливым царством, можно испытывать лишь уважение к человеку, умершему примерно за тридцать лет до рождения Иисуса. Он сам, несомненно, был волхвом, и вовсе не маловероятно, что именно из маленького царства Коммаген явился, по крайней мере, один из волхвов, описанных в Евангелии от Матфея.

Открыв то, что я считал по меньшей мере частью тайны, окружающей Коммаген, я решил, что теперь вправе обратить свой взор обратно на Урфу/Эдесу, даже не подозревая, на какие удивительные загадки я наткнулся там.

ГЛАВА 8

ГОРОД ПАТРИАРХОВ

Урфа была когда-то красивым городом — «оком Месопотамии». Расположенная на скалистом отроге горной системы Антитавр и освежаемая каждый сезон водами Дайсана, притока реки Балих, являющейся в свою очередь притоком полноводного Евфрата, она оказалась на торговых путях, ведущих из земель, находившихся далеко за Индией, к богатствам Александрии, Антиохии и Константинополя. Одних только этих факторов было бы недостаточно для ее возвышения над соседями. Она имела еще два стратегических преимущества, сделавших ее идеальным местом для строительства крепости и устройства столицы: плодородные земли для выращивания богатых урожаев и круглогодичные источники воды под самой цитаделью, позволявшие их защитникам выдерживать длительную осаду. В отличие от ближайшего соседа Харрана, ее название не было найдено в ассирийских анналах. Тем не менее почти нет сомнений в том, что это место обживалось еще в Бронзовом веке, а возможно, и гораздо раньше. Это обстоятельство отражено в местных легендах, утверждающих, что она была изначально основана еще библейским Нимродом, сыном Хуша и правнуком Ноя, и эта цитадель была известна как «Трон Нимрода». Он был, рассказывает нам Книга Бытия, «сильный зверолов перед Господом», а в Турции его часто связывали с древними развалинами, особенно с расположенными на высоких местах вроде горы Нимруд в Коммагене. Нимрод был также, согласно Библии, патриархом вавилонян и ассирийцев. Он же основал города Вавилон, Эрех, Аккад и Ниневию среди многих

прочих. По утверждениям современных жителей Урфы, и она должна быть добавлена к этому списку.

Каким бы ни было ее прошлое как ассирийского или доассирийского города, в 302 году до н.э. Урфа была заново основана Селевком и получила новое, греческое название «Антиох из Каллирое», означавшее «Антиохия у прекрасной текущей воды». Название явно намекало на ключи, которые били в пещерах под крепостью и наполняли водой рыбные садки, которыми город славен еще и поныне. Был он также известен как Эдеса, получив, вероятно, свое название от македонской столицы, из которой прибыли иммигранты-греки, или как производное в результате эллинизации названия реки Дайсан, делающей петлю в границах города.¹ Однако местное, негреческое население называло свой город Орхай, или Урфа, отсюда и нынешнее название города.

Эдеса-Орхай недолго оставалась под владычеством Селевкидов. В 130 году до н.э. армия Антиоха Сидета была разбита парфянами. Это было началом конца династии Селевкидов, и с тех пор они уже не пытались править областями к востоку от Евфрата. Согласно сирийским летописям, незадолго до того, примерно в 132–131 годах до н.э., трон Эдесы захватила династия Ариев.² Эти цари, или, вернее, филархи, происходили из наботийского, то есть арабского, рода.³ Династия эта удивительно успешно удерживалась у власти в трудные времена для весьма нестабильного региона. Хотя большинство официальных дел велось на греческом языке, их родным языком был сирийский. Хотя у него был свой рукописный шрифт, он был ответвлением арамейского — языка Сирии и Палестины во времена Иисуса.

С отступлением Селевкидов в области к востоку от Евфрата филархи, большинство из которых называли себя

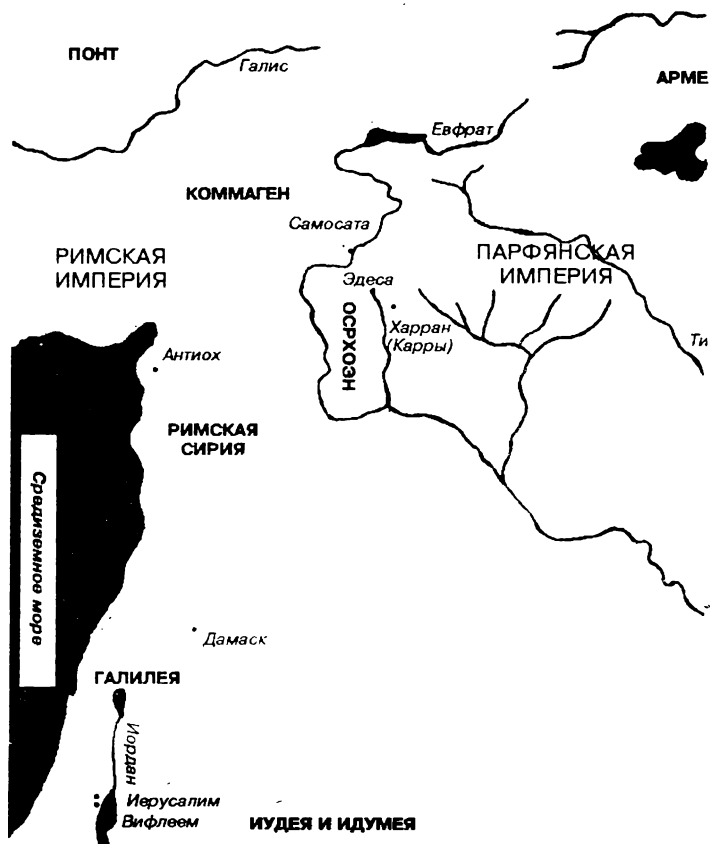
Абгар, смогли установить свое владычество над городом Эдеса (Орхай) и княжеством. Подобно своему соседу Коммагену, Осрхоэне, как стало называться это царство, стал буфером между Парфией на востоке и сначала Селевкидами, а затем Римской Сирией на западе. В политическом плане Абгары вынуждены были уравнивать интересы обеих сторон, пользуясь мощью одних против других. Дело это было непростое, особенно когда одна или другая держава пыталась расширить свое влияние.

Во многих отношениях история — по крайней мере ранняя — Осрхоэна зеркально отражала историю Коммагена. Когда в 69 году до н.э. римляне нанесли поражение армянской династии Тигранов, царь Эдесы, подобно Антиоху, царю Коммагена, оказался на стороне побежденного. Точно так же в 62 году до н.э. Абгар II, возможно, сын побежденного царя, был — подобно своему соседу Антиоху — заново утвержден в качестве правителя своих земель. Тиграны, Антиох и Абгар имели много общего. Все трое были царями благодаря разделу македонского наследия, и все они теоретически были клиентами Парфии, но должны были принимать во внимание растущую военную угрозу со стороны Рима, уже поглотившего Понт и Сирию к западу от Евфрата. Неудача Митридата и его союзников в противостоянии сначала с Лукуллом и затем с Помпеем показала, что военное сопротивление не годилось перед лицом Рима, ставшего уже к тому времени сверхдержавой. У них практически не оставалось иного выхода, как согласиться на условия Рима, по крайней мере до той поры, когда Парфия смогла бы прийти им на помощь.

Временная передышка продлилась недолго. В ноябре 55 года до н.э. римский триумвир Красс, господствовавший вместе с Помпеем и Юлием Цезарем на римской политической сцене, выступил на Восток. Он завидовал по-

бедам, одержанным Лукуллом и Помпеем, и трофеям, с которыми первый вернулся в Рим. Хотя парфяне не давали Риму повода для тревоги, он был полон решимости воевать с ними, дабы поднять свой престиж. Поскольку третий триумvir Цезарь также успешно завоевывал новые земли для Римской Республики и, следовательно, славу для себя, Красс нуждался в победах, чтобы показать, что он не уступает своим партнерам.

Прибыв в Сирию, он двинулся на восток и провел большую часть следующего лета, опустошая Месопотамию. На

следующий год, перезимовав в Сирии и разграбив храм в Иерусалиме, он снова переправился через Евфрат с семью легионами, насчитывавшими около 35 000 пеших воинов и 4000 конников. Филарх Эдесы Абгар, старавшийся — по крайней мере внешне — казаться лояльным Риму, встретил его гостеприимно. И все же то был лишь спектакль, ибо Абгару вовсе не хотелось, чтобы его княжество было аннексировано подобно Сирии к западу от Евфрата. Крассу не хватало харизмы и военной гениальности Помпея, внушавших уважение к нему и в какой-то степени смягчавших унижение, вызванное «подтверждением» с его стороны. В глазах Абгара Красс был всего лишь алчным римским плутократом, стремящимся украсть к собственной выгоде все, на что удалось бы наложить руки. В подобных обстоятельствах его лояльность вызывала серьезные подозрения. Поэтому Абгар поступил соответственно: заманил римлян в ловушку. Вот как об этом рассказывает Плутарх:

«...и был там арабский филарх по имени Ариамнес,⁴ коварный и вероломный человек, оказавшийся величайшим и самым законченным из всех зол, которые собрала судьба для уничтожения римлян...

...Придя к Крассу, варвар /а был он и умелым краснобаем/ воздал хвалу Помпею как своему благодетелю и порадовался большому войску Красса. Но тут же покритиковал его за потери времени на отсрочки и приготовления...

Уговорив таким образом Красса, варвар заманил его подальше от реки /Балых/ и завел в середину равнины по удобному и легкому поначалу пути, который вскоре стал трудным, сменившись глубокими песками и неоглядными безлесными и безводными равнинами, так что не только жажда и трудности похода изнурили людей, но и все, на что наталкивался их взгляд, наполняло их безысходным унынием...

Кассий потихоньку поносил варвара. «Подлейший из людей, — говорил он, — какой злой дух привел тебя к нам? С помощью каких снадобий и махинаций уговорил ты Красса завести свою армию в разверзшуюся бездну пустыни и заманил его на тропу, годную скорее для главаря шайки язычников, нежели для римского императора?»

Варвар же, ловкач, старался подбодрить своей услужливостью и уговаривал потерпеть еще немного. Проносясь вдоль строя воинов и оказывая им помощь, он насмешливо поддразнивал их, говоря: «Уж не думаете ли вы, что совершаете поход по Кампании, в которой изобилуют источники и ручьи, тень деревьев, бани и таверны? Помните же, что вы пересекаете землю на границе Ассирии и Аравии!» Так варвар играл роль опекуна римлян, пока не бросил их прежде, чем стал понятен его обман, не без ведома Красса, которого даже ухитрился убедить, что собирается действовать в его интересах и сбить с толку его врагов».

Тем временем парфяне мобилизовали свои силы. Хотя они и согласились в основном со статус-кво, установившимся после завсеваний Помпея на востоке, они отнюдь не собирались сидеть сложа руки, пока римляне аннексировали бы то, что, по крайней мере теоретически, считалось их западными провинциями. Это было бы безрассудно, поскольку, по правилу домино, они вскоре увидели бы римские армии, стучащимися в ворота их собственных городов. И вот они явились на сцену под командованием их полководца Сурены. В отличие от римских легионов, его армия полностью состояла из конных лучников. Они окружили Красса с его воинами и обрушили на их головы ливень стрел. Когда римская конница попыталась контратаковать, они отскакивали прочь, засыпая своих преследователей так называемыми «парфянскими стрелами». В кон-

це концов основной корпус римской кавалерии заманили в ловушку и уничтожили. Тем самым пешие воины оказались совершенно беззащитными на открытой равнине. С наступлением ночи поредевшая римская армия нашла убежище в стенах Карры (латинское название древнего города Харран). Они укрывались там целый день и на следующую ночь попытались отступить к Евфрату. Ничего у них не вышло: расстояние до реки было слишком велико, и с утра на них вновь обрушился губительный дождь стрел. Армия была разбита наголову с величайшим позором для Рима, а сам Красс был убит во время переговоров о сдаче.

«Битва при Карры», как ее стали называть потом, произвела на римлян глубокое и неизбывное впечатление. Это было их самое унижительное поражение после битвы при Каннах в 216 году до н.э., когда карфагенский полководец Ганнибал уничтожил практически всю римскую армию. Главная вина за поражение лежит на некомпетентном в военном деле Крассе. Плоская равнина вокруг Харрана не была ни столь грозной пустыней, какой ее описывает Плутарх, ни столь безводной, особенно в мае, когда кругом все зеленеет. Истина же заключается в том, что в такого рода военных действиях римляне и в подметки не годились парянам, и даже Юлию Цезарю — гораздо более одаренному полководцу, нежели Красс, — было бы нелегко выбраться из подобной ловушки. Битва при Карры вынудила римлян поубавить свои амбиции относительно Месопотамии, что дало передышку маленькому царству Осрхоэн. С точки зрения римлян хитрый арамейский филарх Абгар был вероломным злодеем, который заманил в ловушку отважного, но глуповатого Красса и его воинов. В своем собственном понимании и в видении стороны, которую он представлял, Абгар был, несомненно, героем, умело разыгравшим карту парфян против римлян и обеспе-

чившим сохранение на какое-то время полунезависимых княжеств Северной Месопотамии. Он сыграл партию в покер и, по крайней мере, в эту «сдачу» выиграл.

Лишь по прошествии 167 лет, в 114 году н.э., Эдесу вновь поставит под угрозу римский бронированный кулак. На этот раз «восточный вопрос» попытается разрешить император Траян. В Антиохию прибыло посольство филарха Абгара VII с богатыми дарами и уверениями в дружеских чувствах к римлянам. Прошло всего пять лет, как он «выкупил» свое царство у парфян. Явно высока была стоимость той «втиснутости» между двумя империями. Траян присоединил к своей империи соседнее княжество Ансемусия со столицей Батнае и занялся главным делом — вторжением в Парфию и захватом ее столицы Ктесифоном. Восстание в Северной Месопотамии, в том числе в Эдесе, заставило его поспешно вернуться, но позже он вновь взял столицу, а парфянский царь погиб во время возникшего хаоса.

Победы Траяна длились недолго. Он оставил позади Римскую империю, раскинувшуюся как никогда ни прежде, ни позже широко, но во множестве ее частей происходили мятежи, и средств на все не хватало. Преемник Адриан подошел с прагматической точки зрения к восточным делам, почел за лучшее отказаться от притязаний на земли восточнее Евфрата, и достиг договоренности с противником. Один парфянский принц на короткое время занял трон Эдесы, но в 123 году старая династия Абгаров вернула его себе с воцарением Менуа VIII. К сожалению, поколение спустя парфяне сами перешли в наступление, переправившись через Евфрат и вторгшись в Сирию. За защитой Менуа обратился к Риму после того, как его низложили в пользу претендента, более ориентированного на парфян. В 165 году римляне вновь взяли Эдесу после того, как горожане перебили парфянский гарнизон и открыли городские ворота. На трон вернулся Менуа.

Тридцать лет спустя возникли новые проблемы, когда еще один Абгар осадил близлежащий Нисибис, находившийся в то время под римским протекторатом. Осада закончилась неудачей, и Абгар с союзниками потерпел поражение. Однако он ухитрился восстановить добрые отношения с императором Септимием Севером и даже получил обратно свой трон. Его возрожденная лояльность подверглась испытанию в 197 году, когда парфяне снова осадили Нисибис. На этот раз он оказал помощь римлянам, предложив им опытных лучников. Она была оценена по заслугам: одержав легкую победу, римляне пригласили его посетить Рим и оказали ему роскошный прием как «царю царей».

Абгар VIII, известный как «Великий», умер около 212 года. Хотя его сменил сын, великая эпоха независимой Эдесы подошла к своему завершению. Однако его правление совпало, как полагают такие почтенные историки, как Дж.Б.Сегал, с принятием христианства в качестве городской религии. В 213 или 214 году Эдеса была объявлена *колонией*, и хотя цари продолжали править ею примерно до 240 года, это было лишь номинальное правление. С тех пор город вошел в состав сначала Римской, а затем Византийской империи — не безболезненно, следует заметить — вплоть до пришествия первой Мусульманской империи.

ПИСЬМО АБГАРА И ЧУДОТВОРНЫЙ ОБРАЗ

Эдесе предстояло войти в историю по иному поводу, нежели ее рыбные садки и стратегическое расположение: на протяжении первого тысячелетия она была знаменита во всем христианском мире как священный город «Мандилиона» — чудотворного образа самого Иисуса Христа.

Рассказывают, что, пока евреи проповедовали в Гали-

лее, до царствовавшего Абгара V дошли слухи об этом чудотворце и его удивительных способностях целителя. Прислышав, что еврейские власти оказывают Иисусу недостойный прием, Абгар написал ему письмо, пригласив его поселиться в Эдесе. Ответом на это письмо явился единственный сохранившийся у церкви образчик корреспонденции самого Господа, а вся эта история была раздута, ибо копии его письма были разосланы по всей Европе. Абгар, предположительно, направил свое письмо со слугой по имени Ананий. В нем говорилось:

«Абгар, царь Эдесы, приветствует Иисуса, доброго Спасителя, что в Иерусалиме. Меня информировали о тебе и твоих исцелениях, которых ты добиваешься с помощью лекарств и трав. Говорят, что ты заставляешь прозреть слепых и ходить нормально хромым, а также излечиваешь прокаженных и изгоняешь нечистых духов и дьяволов, как и возвращаешь здоровье тем, кто долго болел, и оживляешь умерших.

Из всего услышанного я вынес убеждение в одном из двух, а именно: либо ты сам Бог, спустившийся с неба, чтобы делать все это, либо ты сын Бога.

Вот почему я написал тебе с серьезным пожеланием, чтобы ты предпринял путешествие сюда и излечил меня от болезни, которая одолевает меня. Ибо я наслышан о том, что евреи подвергают тебя осмеянию и таят на тебя зло. Город мой действительно маленький, но уютный и достаточно велик для нас обоих».

Ответ Иисуса, отправленный с тем же слугой, был вежливым, но отрицательным. Он не мог отправиться в Эдесу, поскольку его ждала другая участь, но обещал послать помощь в должное время. Он пишет:

«Абгар, ты счастлив ввиду того, что поверил в меня, которого ты никогда не видел. Ибо написано обо мне, что те, кто видел меня, не должны веровать в меня, а те, кто не видел меня, могут веровать и жить.

Касательно же той части твоего письма, в котором говорится о посещении тебя, я должен сообщить тебе, что должен выполнить все цели моей миссии в этой стране, а потом быть принятым снова тем, кто послал меня. Но после моего вознесения я пошлю одного из моих учеников, который вылечит тебя от болезни и даст жизнь тебе и всем тем, кто с тобой».

Остается открытым вопрос об истинности этой истории, но приведенные письма цитировались Евсевием, епископом Кесарии в Палестине, в начале IV века. Он утверждал, что нашел этот рассказ в городском архиве Эдессы. Так что если речь и идет о фальшивке, то очень древней. Совершенно очевидно, что в рассказе о том, как больной царь направил Иисусу послание в надежде на исцеление, нет ничего невозможного, и он согласуется с Евангелием от Матфея, в котором рассказывается о прославлении последнего по всей Сирии, включавшей — в более широком географическом смысле — и Осрхоэн.⁵

Согласно легенде, в результате просьбы Абгара после Распятия и Воскресения апостол Фома направил одного из семидесяти учеников⁶ по имени Фаддей посетить Абгара. Вот как рассказывает об этом Евсевий:

«И вот после Вознесения Иисуса, Иуда, который был и Фомой, послал Фаддея к нему /Абгару/ как Апостола, поскольку он был одним из семидесяти, и он пришел и остановился у Товии, сына Товии. И когда прослышали про него, то сообщили Абгару: «Один Апостол Иисуса пришел сюда, как он и писал тебе». И Фаддей начал име-

нем Бога исцелять все болезни и слабости так, что все только дивились.

И когда Абгар прослышал про великие и чудесные дела, которые он совершал, про то, как он исцелял, то стал подозревать, что именно о нем писал Иисус, говоря: «Когда меня заберут наверх, я пошлю тебе одного из моих учеников, который избавит тебя от твоих страданий». И он призвал Товию, у которого остановился Фаддей, и сказал: «Прослышал я, что прибыл некий одаренный человек и остановился в твоём доме. Приведи его ко мне». Товия пришел к Фаддею и сказал ему: «Топарх Абгар позвал меня и велел мне привести тебя к нему, чтобы ты исцелил его». И Фаддей сказал: «Я пойду к нему, ибо я чудом был послан к нему».

И Товия встал рано утром на следующий день и привел Фаддея к Абгару. И когда он пришел, приближенные царя присутствовали, и, как только он вошел, великое видение было Абгару на лице Апостола Фаддея. И когда Абгар увидел это, то поклонился Фаддею, и всех присутствовавших охватило удивление, ибо им не дано было увидеть видение, которое было только Абгару. И спросил он Фаддея: «Ты и вправду ученик Иисуса, сына Бога, который сказал мне: «Я пошлю тебе одного из моих учеников, и он исцелит тебя и даст тебе жизнь?» И Фаддей сказал: «Ты питал большую веру в того, кто послал меня, и поэтому я был послан к тебе. И вот, если ты веришь в него, просьба твоего сердца будет выполнена, как ты и веришь». И Абгар сказал ему: «Я питал такую веру в него, что хотел бы взять войска и уничтожить евреев, которые распяли его. если бы мне не мешала Римская империя». И Фаддей сказал: «За то я положу свою руку на тебя от его имени». И когда он сделал это, Абгар был немедленно исцелен от болезни и страданий, которые он испытывал... Случилось это в 340 году».⁷

История исцеления Абгара и внедрения христианства в Эдесе имела широкое хождение в ранней церкви. Копии писем были найдены позже далеко от этих мест, как, например, в Испании. Сохранилось и другое предание, связанное с еще более важным событием: легенда «Мандилиона», или портрета Иисуса.

Сохранился сирийский документ, озаглавленный «Доктрина Аддая», в котором рассказывается иная версия легенды, а Аддай является альтернативной формой имени Фаддей. В соответствии с этим документом, датированным примерно 400 годом, прослышав про Иисуса, Абгар послал двух своих придворных вместе со своим секретарем Ханнаном посетить римского правителя Сирии. Оттуда они отправились в Иерусалим и увидели Иисуса, записывая все, чему они были свидетелями, перед возвращением домой. Затем Ханнан был послан обратно к Иисусу с письмом, в котором сообщалось о недуге Абгара и делалось приглашение посетить Эдесу. Однако в этой версии событий секретарь Ханнан не только образованный человек, но и придворный художник. Он рисует портрет Иисуса «отборными красками» и привозит его Абгару вместе с ответом Иисуса, и Абгар вешает этот портрет «с большим почтением в одной из зал дворца». Хотя и легко отбросить подобную историю как более позднюю выдумку, нет оснований для того, чтобы не считать ее правдоподобной. Абгару, несомненно, хотелось узнать, как выглядит этот человек, но, будучи больным, сам он явно не мог совершить путешествие в Иерусалим. Из образцов, сохранившихся на крышках гробов вроде найденных в Александрии и хранящихся в Британском музее, мы знаем, что в то время жили одаренные художники. Так что вполне вероятно, что при дворе Абгара был хотя бы один из таких талантливых людей, и нет ничего необычного в том, что Абгар послал его нарисовать портрет Иисуса.

Какая бы правда ни скрывалась за этой историей, портрет Иисуса в Эдесе стал легендарным. С течением времени добавлялись и изменялись подробности, как о том свидетельствует профессор Сегал:

«...В начале пятого столетия портрет играл сравнительно незаметную роль. Однако анализ более поздних ссылок на портрет показывает, что его святость возрастала. В самой ранней версии его приписывали кисти художника Ханнана, в более поздних описаниях утверждается, что он мог быть написан лишь с помощью Иисуса, и наконец в последнем варианте он считается работой самого Иисуса. Теперь он стал уже отпечатком черт Иисуса, который он сам сделал на платке, и был он божественный, «а не произведением рук смертного», как о том говорилось, и такая фраза могла появиться впервые в 569 году».

В других преданиях утверждается, что «Мандилион» — это название означает кусок ткани, используемой как головной платок или косынка — был тем полотенцем, которым Иисус воспользовался после своего крещения в реке Иордан. Это, очевидно, указывает и на источник другого предания: когда святая Вероника отерла своим покрывалом лицо Христа, как только он остановился на скорбном пути к месту распятия, его образ чудом отпечатался на этом покрывале. Хотя это чудесное событие отмечается как шестая остановка на крестном пути и предстает в живописной форме в католических церквях по всему миру, нет доказательств, что «Св. Вероника» когда-либо существовала на самом деле. Она нигде не упоминается в Евангелиях, а ее имя, если ее так действительно называли, является производным от греческих слов «верон икон», означающих: «верное подобие». Поскольку были сделаны многие копии «Мандилиона» из Эдесы и, по крайней мере, одна из них попала в Рим, почти не остается сомнений в том,

что «Покрывало Вероники» было такой копией. Тем не менее если верно, что оригинальный «Мандилион» был подлинным портретом кисти секретаря Абгара — Ханна-на, тогда и эти копии на самом деле были «верными подобиями» Иисуса и, следовательно, по праву достойны поклонения.⁸

Вслед за чудодейственным исцелением Абгар послушно обратился в христианство, и таким образом Эдеса стала первым истинно христианским городом в мире. То, что город при этом не навлек на себя гнев Рима, объясняется тем актом, что в то время он был столицей буферного государства. Однако Абгар не смог предотвратить вероотступничество своих преемников. Он умер в 50 году, и трон унаследовал его старший сын. После смерти последнего в 57 году на трон взошел второй сын Абгара под именем Мануа VI. Он, похоже, был противником новой веры и восстановил прежнее язычество. Хотя христиане подверглись преследованию, им все же удалось сохранить свои самые ценные сокровища — письмо Иисуса и «Мандилион» в каменной кладке городских ворот. Там они пролежали непотревоженными почти три столетия, а тем временем город вновь принял христианство где-то между 177 и 212 годами, во время царствования Абгара VIII Великого. И только после наводнения в 525 году, вызвавшего серьезное разрушение упомянутых ворот, реликвии снова увидели свет.

Возвращение «Мандилиона» стало величайшим событием в истории христианской Эдесы. Известие об этом стремительно распространилось, и вскоре город, и без того привлекавший паломников благодаря своей связи с Авраамом и пророком Иовом⁹, стал еще более крупным центром паломничества. К тому времени Эдеса входила в состав Византийской империи, и ее бесценная реликвия

вызвала зависть. История Эдесы была тесно связана с историей Римской империи, и вскоре Византия, как называли Константинополь греки, предъявит свои притязания на столь важную реликвию.

ВИЗАНТИЯ, ИМПЕРСКОЕ НАСЛЕДИЕ

На протяжении всей эпохи обскурантизма в Европе, когда все, что оставалось от культуры, выживало в уединении монастырей, восточное плечо двухголовой Римской империи выжило в Византии. Хотя она часто подвергалась нападениям извне и становилась жертвой периодических восстаний, она была поистине тысячелетним государством, которое просуществовало еще более тысячи лет после падения Рима в 410 году. В то время как варварские племена вандалов, саксонцев, вестготов и гуннов грабили и мародерствовали в том, что оставалось от Западной империи, Восточная империя со своей великолепной столицей Константинополем развивала христианскую цивилизацию, отличавшуюся великой утонченностью. Его храмы и дворцы были самыми большими в мире, его библиотеки хранили наибольшее количество книг, его рынки ломились от высококачественных товаров, а его жители носили изысканные одежды и имели достаточно времени для занятий философией. Неудивительно поэтому, что люди Запада взирали с благоговением и удивлением, подкрашенным завистью, на эту сверкающую жемчужину.

Но внешний вид бывает обманчивым. Множество врагов Византии терзали ее границы, и самым безжалостным из них была Персия, которую Риму так никогда и не удалось завоевать. Хотя Александр Великий и нанес в 331 году до н.э. поражение Дарию и донес греческую цивилизацию

до самой Индии, его империя вскоре развалилась, и к 224 году н.э. Персия возродилась в виде империи Сасанидов. Персы славились своей набожностью, а Сасаниды возродили зороастризм — религию своих предков, пришедшую в упадок после нашествия Александра Великого. На протяжении столетий зороастрийская Персия и христианская Византия бились с переменным успехом за пограничные области — Армению, Сирию и Верхнюю Месопотамию, и ни одна из сторон так и не добилась окончательной победы. В 610 году, воспользовавшись тем, что Византия была охвачена волнениями и переживала серьезные внутренние проблемы, персидский царь Хосров II развернул широкое наступление. Во время продлившейся двенадцать лет кампании он опустошил обширные районы империи, захватил Анатолию, Сирию, Египет и даже Иерусалим. Христианское население Священного города, насчитывавшее около 60 000 человек, было перебито, и то, что почиталось как самая святая реликвия во всем христианском мире — Подлинный крест, на котором был распят Иисус — была отослана вместе с 35 000 рабов в Персию.

Персидское нашествие принесло страшное опустошение. Повсеместно грабились и сжигались храмы, за исключением маленькой Церкви Рождества в Вифлееме. Персы пощадили ее благодаря фреске, на которой были изображены волхвы в персидских одеждах, свидетельствующие свое почтение новорожденному Спасителю. Но эта война не положила конец Византийской империи. Торжественно пообещав бороться с силами тьмы, вернуть крест и захваченные Святые места, император Гераклий отправился в поистине крестовый поход. После долгой и изнурительной кампании в декабре 627 года он в конце концов разгромил персов при Ниневии. Хосров II был вскоре убит, и

уставшие от войны персы наконец запросили мира. Крест Господень, столь много значивший для христиан Востока и Запада, был возвращен Гераклию, который и доставил его с должным почтением обратно в Иерусалим.

Эти события глубоко врезались в память христиан по всему свету. Примерно 450 лет спустя империя вновь столкнулась со схожей опасностью. Роль креста не была забыта, ибо он служил всемогущей эмблемой христианского мира и в дни войны, и в дни мира, и о нем вспомнили опять. К несчастью, ликование по поводу победы Гераклия длилось недолго. Обе империи истощились в титанической борьбе и не обратили внимания на происходившее южнее, в Аравии.

Рассказывают, что император еще праздновал победу в Константинополе и получал поздравления со всех концов христианского мира, когда ему пришло письмо от некоего араба, объявившего себя пророком Бога и призывавшего императора присоединиться к его новой вере. Аналогичные послания были получены персидским царем и правителем Египта, и можно себе представить, с какими насмешками они были приняты. И тем не менее достаточно скоро все три правителя поняли, что дело вовсе не шуточное, ибо явился Магомет с явным намерением испортить им всем настроение. К 632 году мусульманские армии овладели Аравией, а к 645 году после ряда блестящих побед арабы под водительством преемников Магомета захватили Палестину, Сирию и Египет. На этом они не остановились, а продолжали расширять границы ислама во всех направлениях. Таким образом к 717 году, менее чем через столетие после возвращения Креста Господня в Иерусалим, уже существовала огромная мусульманская империя, протянувшаяся от Испании через Северную Африку, Палестину, Месопотамию и Персию до Северной Индии.

К тому времени христианский мир съезжился до границ Европы (в тех ее землях, которые не принадлежали мусульманам и язычникам) и Анатолии — того, что сегодня мы называем Турцией. Это вовсе не означает, что в новой Арабской империи вдруг не осталось христиан и что все жившие на этих землях обязаны были стать мусульманами. Христианам, евреям и зороастрийцам, то есть «книжным людям», было позволено исповедовать и дальше свои религии, пока они платили особые сборы и не увеличивали число обращенных. На деле ислам не был столь уж чуждой религией, как воображали многие на Западе. Во многих отношениях ислам был реформаторским движением самого христианства, а Магомет — своего рода ранним протестантским фундаменталистом. Отвергая абсурдную, по его мнению, веру христиан в то, что Иисус был Сыном Бога, он чтит его как пророка.

Христианам пришлось примириться с новой политической ситуацией. Восток, плодородная почва, на которой взросло христианство, всегда был разумнее Запада. Именно из Антиохии, Александрии и Эдесы вышло большинство первоначальных наставников, так как эти земли славились долгой историей философии, восходящей ко временам до эпохи Моисея. На Востоке же существовали небольшие еретические секты вроде несторианцев и якобитов, которые были практически неизвестны в Европе, где римско-католическая церковь обладала монополией на теологию. При исламе такие окраинные церкви могли держаться своих обычаев, не подвергаясь преследованию со стороны правоверных властей, поэтому для них ислам — по крайней мере отчасти — стал чем-то вроде благословения. Но это же обстоятельство означало, что не оставалось шанса на примирение различных церквей, которое вызвало бы опасения арабов и привело бы к возможной утрате

при объединении церквей тех завоеванных привилегий, которыми они обладали. Так что после пришествия ислама окраинные церкви сохранялись как мошки в янтаре. Еретики могли оставаться еретиками, пока исповедовали свои ереси только сами. Теперь они, по определению, стали тайными обществами и передавали знания и предания своих сект через собственных потомков, а не рекламировали открыто свои идеи перед чужаками.

Самая крупная форма эзотерического христианства, прикрываемая гностицизмом, всегда предавалась анафеме и папами, и императорами. Гностицизм был подавлен как открытое движение правоверной католической церковью на протяжении четвертого столетия, но сохранился как подпольное течение, особенно в таких многонациональных центрах, как Александрия и Эдеса. Именно в таких местах берут свои истоки ранние церкви — среди общин евреев, ессеев и греков, которых первыми просветили Апостолы. Следовательно, более чем вероятно, что многое из считавшегося римской церковью ересью было на самом деле частью ранних, тайных уроков самого Иисуса. Гностические обычаи, идеи и писания были сохранены неортодоксальными общинами Востока, несмотря на преследования со стороны «отцов церкви». Сохранение гностицизма имело глубокое значение для будущего развития Европы, когда европейцы, участвовавшие в крестовых походах, оказались в Северной Месопотамии.

Среди городов Малой Азии, сначала опустошенных Хосровами и затем захваченных арабами-мусульманами, была и Антиохия. Один из крупнейших городов мира, подобно Александрии в Египте, Антиохия была обязана своим появлением походам Александра Великого. Город был основан в 307 году до н.э. Селевком Никатором на таком месте, откуда было удобно контролировать торговые пути

между Верхней Месопотамией, Египтом, Палестиной и Малой Азией, но обрел известность при Антиохе I. Последний сделал его столицей западной части империи Селевкидов и резиденцией самих царей. Как эллинистический город, Антиохия процветала и была известна своими произведениями искусства и вольными нравами. В отличие от современной ей и соперничавшей с ней египетской Александрией, Антиохия не несла на своих плечах груз огромной античной цивилизации и в некотором смысле была более открыта для экспериментирования. Она с восторгом приняла христианство, и после разрушения в 70 году н.э. Иерусалим стал поистине городом-матерью церкви.¹⁰

Только после Никейского собора по повелению императора Константина в 325 году был установлен Символ веры, к которому должна была присоединиться вся церковь. До этой даты существовало множество разногласий, но и после принятия того, что стало называться Никейским символом веры, разногласия не были полностью урегулированы. В то же время, похоже, было утрачено многое из эзотерического понимания христианства и особенно его связей с ранними астральными религиями. Эта ситуация прекрасно описана Уильямом Кингслэндом, бывшим одновременно профессором астрономии и, подобно Миду, теософом:

«Изучение христианских истоков — дело весьма сложное и противоречивое... но совершенно очевидно, что либерализация этих писаний /Библии/ объяснялась тем фактом, что те, кто в конечном итоге получил доминирующее влияние на церковных соборах и стал создателем символов веры, которые господствовали на протяжении многих столетий, не были теми, кто был посвящен в гностицизм. Они были на деле жалкими невеждами и не только в

гностицизме, который... покоится в сердце всех иносказаний, мифов и сказок в христианских и других древних или дохристианских писаниях, но и в том, что касается географических, астрономических и антропологических фактов, которые были хорошо известны другим людям на протяжении тысячелетий до христианской эры и которые, будучи познанными, как они были познаны *посвященными* отцами церкви, объявленными *еретиками* этими же самыми создателями символов, полностью изменили бы всю структуру традиционных символов веры».

Внутри ранней церкви Антиохия и Александрия представляли две противоположные точки зрения на природу Христа и его миссию. Антиохийская школа стремилась подчеркнуть человеческую — в противовес божественной — природу Христа. Они видели в человеке Иисусе скорее образ человечества, нежели его Спасителя. Согласно такой точке зрения, хоть и высоко одаренный, Иисус родился смертным человеком и только во время своей казни развил свои высшие способности и разум, призванный стать божественным, и завершением этого процесса стало его воскресение из мертвых. Его победа над смертью, хотя и имела огромное значение для человечества, не гарантировала спасение его последователям. Люди сами должны были последовать за ним и — с помощью Христа — обрести вечную жизнь. Но они добьются этого в основном собственными усилиями, без которых немислимо личное спасение.

Александрийская школа, напротив, подчеркивала божественную природу Иисуса с самого его рождения как воплощение Логоса или Вечности. Она испытывала сильное влияние наследия язычества как самого Древнего Египта, так и неоплатонических школ, вроде терапевтов, сильно увлекавшихся греческими философскими традициями. Александрийцы были озабочены развитием христологии,

совпадающей с традиционной философией, и с этой целью стремились толковать Библию в более иносказательной манере. Для них человек Иисус имел гораздо меньшее значение, нежели тот факт, что он был воплощением второго лица в Троице. Божественность Иисуса Христа как Вечности или Логоса¹¹ не ставилась под сомнение, но александрийцы подвергались — по крайней мере с точки зрения антиохийцев — опасности утратить значимость исторического человека Иисуса.

Напряженные отношения между этими двумя полярно противоположными школами мысли стали в значительной степени движущей силой политики церкви в IV веке, подчас ставя в тупик римскую церковь, которая — в отличие от своей греческой кузины — интересовалась академической теологией и больше заботилась о власти. Обе школы были — хотя часто сами не понимали этого — сторонами того же самого гностического взгляда на христианство. Их разногласия проистекают из их точек зрения: одной, рассматривающей жизнь с позиции человека как сотворенного, но еще несовершенного существа, и другой, сосредоточенной на идеале — совершенном человеке в образе Бога. Никейский символ веры склонялся благоволить александрийской точке зрения с весьма абстрактным определением Троицы в качестве тайны, недоступной человеческому пониманию. Такой подход удовлетворил латинскую церковь, но вызвал глубокое неудовольствие в Антиохии, приведшее к схизме в форме нескольких еретических движений вроде ариан и несториан, отколовшихся от основного ствола правоверного католицизма.

Эдеса увязла в этих конфликтах, и, как мы видели, в 489 году школа персов, отождествлявшая себя с несторианством, была закрыта, а ее наставники изгнаны в Нисибис. Это, однако, не означало, что оставшиеся в городе

христиане объединились перед лицом ислама. Монофизиты все еще остались расколотыми на три подозрительно относящиеся друг к другу секты: православная греческая церковь, лояльная императору; яковиты, в большинстве своем сирийцы по национальности и твердые монофизиты, и, наконец, армяне. Каждая церковь имела своего архиепископа или патриарха и свой собственный кафедральный собор, а также свой «Мандилион». Естественно, они спорили, кому принадлежит оригинал, и весьма вероятно, что все три были копиями.

Захват арабами в 639 году Эдесы вместе со всей северной Месопотамией привел к тому, что «Мандилион» снова оказался вне пределов империи. Это было нестерпимо для византийцев, которые собирали античные реликвии со страстью, достойной современных археологов. В 943 году они осадили Эдесу и потребовали передачи «Мандилиона» в обмен на пленных мусульман и уплаты церкви 12 000 серебряников.¹² Хотя христиане Эдесы не желали расставаться со столь дорогой им иконой, мусульманские правители лучше поняли ценность сделки, в результате которой должны были быть освобождены несколько сот их соплеменников в обмен на тряпку сомнительного происхождения. В конце концов жители Эдесы отдали не без сопротивления «Мандилион», который с триумфом был доставлен в Константинополь и выставлен на обозрение в Софийском соборе прежде, чем быть переданным на хранение в императорский дворец. Хотя византийцы увезли то, что они считали оригиналом, нельзя исключить, что им всучили ту или иную старую копию. Одно можно сказать с уверенностью: жители Эдесы не расстались с ним по доброй воле, поскольку по связанному с «Мандилионом» суеверию Христос должен был защитить их от нашествия, пока икона оставалась в городе. Тот факт, что его защита не уберегла

город от занятия арабами-мусульманами, не убавил их веры. Двести лет спустя горожане крайне нуждались в любой протекционистской силе, какую только им удалось бы найти.

Если предположить, что византийский «Мандилион» сохранился до сегодняшнего дня, тогда его местонахождение остается тайной. Он точно числился среди императорских сокровищ вплоть до разграбления Константинополя в 1204 году во время четвертого крестового похода. С тех пор он отсутствует, и нет ничего невероятного в том, что он существует и поныне и спрятан в каком-то замке или музее либо хранится в полной безопасности в каком-либо уголке Ватикана. Выдвинутая Яном Уилсоном идея о том, что Туринская плащаница и «Мандилион» — это одна и та же вещь, всегда вызывала сомнения, а теперь и вовсе дезавуирована после того, как было доказано, что первая — всего лишь средневековая подделка. Это не означает, что и «Мандилион» был подделкой. Все еще остается в силе ряд других предположений, сделанных Уилсоном в его книге «Туринская плащаница». Заслуживает внимания, как он и говорит, тот факт, что лишь после второго обнаружения «Мандилиона» в 525 году начали появляться портреты Христа, изображающие его в той же манере — как человека с длинными волосами и раздвоенной бородой. Вера в то, что «Мандилион» был оригинальным портретом или «верным подобием», покоится не на сверхъестественном и не зависит от достоверности «Туринской плащаницы». Вполне вероятно, что набросок, выполненный Ханнаном, был подлинным портретом Иисуса и все еще продолжает жить как прообраз бесчисленных икон и картин. Если это так, тогда остается шанс, что этот портрет Христа все еще существует.

Узнав так много об удивительном прошлом Урфы, мы с Ди захотели посетить этот город еще раз. Я припомнил

то странное призрачное видение, которое было у меня, когда я заболел во время предыдущего путешествия, и утверждение привидевшегося мне монаха о том, что город хранит свои тайны. Теперь я начинал понимать, что могут представлять собой некоторые из них, и подозревать их связь с волхвами и с Сарманским братством. С этими мыслями в голове мы провели необходимую подготовку и отправились еще раз в Северную Месопотамию.

ГЛАВА 9

ПОВЕСТЬ О ДВУХ ГОРОДАХ

Изучив во всех деталях план путешествия Гурджиева, я уверился в том, что он должен был посетить Эдесу. В своей книге «Встречи с замечательными людьми» он рассказывает, что после находки карты «допесочного Египта» в доме армянского священника в «N» у них с его другом Погосьяном были и другие приключения на пути в Смирну (Измир) до того, как они отплыли в Александрию. Чтобы попасть в Смирну, им пришлось пройти через Урфу, и, если иметь в виду связь этого города с «Герметиками», они почти наверняка пожелали посетить и близлежащий Харран. Менее очевидно, что они путешествовали и на север, в Коммаген, но все же это вполне вероятно, поскольку о мемориале Антиоха много писалось и говорилось вслед за его открытием всего за несколько лет до разбираемого нами путешествия, а Гурджиев явно интересовался развалинами культурного рода.

Мы также предвкушали предстоящее путешествие в Урфу. После нашего последнего путешествия в апреле 1994 года я прочитал почти все, что мог найти об этом городе. Я уже знал, что посетившее меня странное, сказочное видение украшавших древний город дворцов и храмов не было сплошной фантазией, что когда-то Эдеса действительно была «оком Месопотамии». И все же я был уверен, что там таится какой-то важный секрет, которого не найти в книгах. Мы с Ди жаждали вернуться туда и посмотреть все самим еще раз, как только спадет неотложность других дел. Итак, в сентябре 1995 года мы вновь оказались на борту самолета, следующего в Турцию. На этот

раз я был полон решимости не поддаваться болезням и не провалить поиски. Я буду задавать правильные вопросы и, как бы то ни было, постараюсь раскрыть великую тайну, скрываемую Урфой, и ее связь с легендой о волхвах, если такая имелаась.

Прилетев на этот раз в Диярбакир — древний город-крепость на реке Тигр в 183 километрах к северо-востоку от Урфы, мы взяли такси и вскоре неслись по сельской местности — унылому ландшафту, усыпанному в основном черными камнями и заросшему мелкими кустиками, пригодными в пищу лишь для самых неприхотливых овец и коз. Там и тут среди этой дикой местности виднелись небольшие зеленые пятна, где наличие воды в ближайшем колодце позволяло выращивать кое-какой урожай табака или хлопка, но по большей части эта земля мало чем отличалась от пустыни, в которой не увидишь ни одного деревца, да и кусты встречаются редко. Нашим водителем снова оказался курд, который, руля по пустой дороге, поставил для нас кассету с курдской музыкой. Однако он явно побаивался военных и, как только мы приближались к очередному блок-посту (а их оказалось несколько на нашем пути), поспешно прятал кассету от настороженных глаз солдат. Судя по всему, еще сохранялась напряженная обстановка, и мы радовались тому, что задержимся здесь ненадолго.

Прибыв в Урфу, мы остановились в гостинице «Харран», хранившей, казалось, память о моих неприятностях в прошлом году. На этот раз мы приехали лучше подготовленными — с аптечкой, которая сослужила бы службу даже в экспедиции в верховья Конго. К нашему счастью, как оказалось, она нам не понадобилась. Вскоре после того, как мы поприветствовали Мустафу, помнившего нас с прошлого года и выросшего теперь до звания управляющего,

мы отправились пешком на старый рынок. В этот наш приезд ни пыль, ни запахи, ни толпы людей уже не казались нам столь неприятными. Теперь, когда мы лучше разбирались в истории города, все это имело особый смысл. Если в прошлый наш приезд мы были почти полностью изолированы от кипевшей вокруг нас жизни и поэтому не очень-то и понимали ее, то на этот раз мы постарались стать частью ее. В каком-то смысле благодаря нашим усилиям вернуться сюда Урфа стала теперь и нашим городом, и мы как бы обрели право узнать кое-что из ее тайн.

На вершине небольшого холма мы обнаружили развалины того, что было когда-то весьма большим зданием, ибо оно занимало по меньшей мере один акр. Один его угол явно использовался до недавнего времени в качестве мечети, ибо его стены были покрашены в бирюзовый цвет. Сейчас — лишенный крыши и разграбленный — угол представлял собой пустую коробку. Остальная часть комплекса пребывала ниже уровня земли, и хотя его центр использовался как склад строительных материалов, в нем оставались еще подземные склепы, ждущие своего исследователя. Эти склепы с готическими сводами и декоративными окнами явно были очень древней постройки, восходящей, по крайней мере, ко времени крестовых походов, если не к еще более ранним временам. Могли ли эти убогие, заброшенные руины быть когда-то знаменитым кафедральным собором Эдесы? Ничто не свидетельствовало об этом, как ничего не упоминали и всевозможные путеводители, однако представшее взору как бы намекало, что так оно и могло быть.

За «собором» находились два интересных моста, один — явно римский — над высохшим руслом реки Дайсан. По обе его стороны располагались жилые дома, дававшие кров части городского населения. Но даже и так эти осязаемые

остатки былых империй продолжали производить впечатление по крайней мере тем, что их все еще использовали. Спускаясь по холму в направлении к цитадели, мы прошли мимо многих реликвий. С улицы можно видеть то, что признается ныне как древняя Церковь Св. Иоанна. Лишенная крыши и открытая всем стихиям, с колоннами и готическими окнами, явно указывающими на их бывшее духовное использование, даже если позже она служила жильем или магазином. Вблизи от этой церкви находились несколько маленьких магазинчиков без передней стены, из тех, которых уже не увидишь в Западной Европе. В одном из них три мальчика переделывали большие консервные банки в дуршлаг. Простенький процесс пробивания дырок гвоздями в дне банки служил наглядным примером повторного использования вещей. Ниже по склону начинался собственно крытый рынок. Здесь мы увидели, прямо-таки в стиле Али Бабы, настоящий муравейник улиц и переулков, каждый из которых предлагал свой тип товаров. В одном торговали продуктами питания, в другом — обувью, в третьем — столярными и в четвертом — ювелирными изделиями. Рынок сохранился в том виде, каким он был, вероятно, тысячу лет назад, и, как я представил себе, показался бы знакомым и царю Абгару Великому. Утомившись, мы решили вернуться в гостиницу, чтобы освежиться перед ужином. Мы хотели оставить самые интересные достопримечательности Урфы на потом, когда, хорошенько отдохнув, мы сможем больше насладиться их видом.

На следующий день мы отправились прямо на рынок, а оттуда прошли к нижней части цитадели, где в свое время стояли дворцы Абгаров. По объяснениям местных жителей, название «Урфа» — производное от первоначального названия города задолго до того, как сюда яви-

лись греки, переименовавшие его в Эдесу. Они говорили о городе «Урсу», упоминавшемся в аккадских, шумерских и хеттских текстах, и утверждали, что именно его называют в Библии Уром Халдейским. Согласно этим преданиям, патриарх Авраам родился в пещере у основания цитадели. Сегодня эта пещера является важным центром паломничества набожных мусульман, составляющих большинство туристов, посещающих Урфу. И приезжают они не только из Турции, но и из Сирии, Ирака и других стран. Заплатив за вход, мы с Ди вошли в пещеру. Она оказалась разделенной перегородкой на две части — комнаты для представителей двух полов, ибо — как принято в мусульманских странах — мужчины и женщины молятся отдельно. Я прошел в мужскую половину — тесную и душную каморку. В глубине ее металлическая решетка отделяла ее от мелкого прудика с водой, которую можно видеть, но не трогать, и которая поступала из естественного источника. На правой стене имелся кран, из которого паломники могли напиться, но не в этом, похоже, состояла цель посещения пещеры: на моих глазах мужчины падали ниц и исполняли свой *зикр* и, занятые этим, даже не заметили моего появления. Смущенный тем, что невольно посягнул на столь интимные проявления веры, я оставался в пещере совсем недолго и вышел на цыпочках. Ди испытала те же ощущения на другой, женской, половине и к тому же большую скученность. Как и в жизни, при посещении пещеры женщин оказывалось в пять раз больше, чем мужчин, и многие из них приводили с собой детей, так что в каморке яблоку некуда было упасть, не то что места, чтобы пасть ниц, как полагалось. Туда втиснуться-то было трудно.

Чувствуя себя добродетельными после отдания долга Аврааму, мы, несколько озадаченные тем, что его мать

выбрала для родов такую мокрую пещеру, прошли к собственно рыбным садкам. Они расположены в небольшом парке и представляют собой одну из величайших достопримечательностей Урфы. Сытые по горло только что виденными источниками, мы бы напились из садков, если в них не сновали бы в поисках пищи тысячи ручных карпов. Паломники и другие посетители вроде нас покупают корм у местных продавцов и угощают им рыб. Поскольку карпы считаются священными рыбами, их никто не ест, и они вырастают до огромных размеров. Парк укрывался в тени платанов, и хотя с одной стороны от озера Авраама висит мечеть, располагающая к спокойному размышлению, находящееся по соседству озеро Зульха размещалось посреди чайной. Здесь мы могли насладиться бесчисленными стаканчиками чая, кормить рыб и размышлять над нашим следующим шагом.

Оставив позади чайную, мы с помощью двух юных проводников последовали к цитадели. Этот внушительный замок господствует над городом. Построенный на естественном возвышении, с колодцами, снабжающими его водой, с очень гладкими стенами, на которые было бы трудно взобраться, — все это объясняло, каким образом он смог выдержать такое количество осад в прошлом. Как на собственном опыте убедился последний франкский правитель граф Джосиелен, запасшийся продовольствием гарнизон мог продержаться здесь долгое время. На вершине осталось несколько руин, имеющих отношение главным образом ко временам Оттоманской империи и Сельджуков, но были и следы греческих или римских построек. На западном краю вершины имеются остатки здания коринфского ордера, перестроенного в прошлом. Самыми же примечательными были две удивительно хорошо сохранившиеся колонны, которые, собственно, мы и хотели посмотреть.

Эти колонны пятнадцатиметровой высоты также символичны для древней Урфы/Эдесы, как Тауэр для Лондона. Надпись на сирийском языке на одной из них свидетельствует, что она была посвящена царице Шалмас, возможной жене Абгара Великого. Он умер в 212 году, будучи последним независимым царем Эдесы перед ее присоединением к Риму в качестве колонии. Таким образом сооружение колонн можно датировать концом второго — началом третьего столетия новой эры. Именно во время его царствования в 201 году случилось сильное наводнение, разрушившее значительную часть города и погубившее более двух тысяч жителей. Абгар повелел народу не строить больше «будок» (вероятно, имелись в виду магазинчики) вблизи от реки и построил новый дворец на горе, хотя и имел уже один дворец внизу, на месте нынешних рыбных прудов и соответствующих им мечетей. Комплекс дворца включал Храм бога Луны Сина и постройку, получившую позже название «Башня Персов». Согласно местным легендам, она была так названа потому, что стала частью здания, в котором размещалась знаменитая «Школа персов» вплоть до того, как в 489 году она была закрыта, а ее наставники изгнаны в Нисибии.

Ассоциация бога Луны с источниками и прудами Эдесы представляется вполне закономерной. В античных цивилизациях Луна всегда ассоциировалась с водой, будь то облака, дождь, реки или даже море. Происхождение источников в пещерах под горой цитадели всегда было величайшей тайной. В отличие от непредсказуемой Дайсан, они никогда не высыхали и давали чистую пресную воду. Неудивительно поэтому, что их воспринимали за дар богов, в частности бога Луны, который правил всеми водами. Я же заподозрил, что здесь скрывалось нечто большее, и мое

подозрение лишь укрепилось через несколько дней, когда мы посетили самое знаменитое святилище бога Луны в Харране.

Оставив позади «благоухание» и пыль Урфы, мы отправились на такси в поездку по равнине Северной Месопотамии. В отличие от районов к югу от Дьярбакира, эта равнина весьма богата буроземом и в высшей степени плодородна. И речь идет не о причуде природы, а об усилиях населяющих ее людей. Двадцатью днями ранее на пути в Коммаген¹ мы сделали остановку и полюбовались плотиной им. Ататюрка — несомненно, одним из чудес современного мира. Огромное бетонное сооружение, построенное с помощью и по технологии США, сдерживает сегодня могучий Евфрат и заполнило водой лежащую выше долину, превратившуюся в огромное озеро. Получение электроэнергии было лишь одной из целей создания водохранилища. Не менее важно и использование воды с помощью акведуков для орошения полей вокруг Харрана. Результаты этих усилий теперь ощутимы в виде высоких урожаев, главным образом хлопка, выращиваемого там, где когда-то легионы Красса умирали от жажды. Весь этот район, который Иаков называет в Библии «Падан Арам», быстро становится новым садом Эдема, и такое превращение, несомненно, поразило бы не только Красса, но и Авраама.

Еще предстоит изучить последствия для Сирии и Ирака уменьшения полноводности Евфрата — быть может, они даже не заметят разницы. Бум же вокруг Харрана лишний раз свидетельствует, как важна всегда была вода для этого изолированного города. Ближайшая к нему река — Балых находится приблизительно в десяти километрах, и хотя еще в античные времена был построен акведук, поступавшая по нему в город вода всегда была неприятна на вкус. К тому

же подача воды легко могла быть прекращена во время осады, что оставляло Харран беззащитным в отличие от Эдесы. Его жителям оставалось только полагаться на колодцы², которые часто пересыхали в жаркие летние месяцы.

И все же, несмотря ни на что, с незапамятных времен Харран был самым известным местом поклонения богу Луны Сину. Во времена Ассирии город пользовался почти уникальной привилегией — не платил дани. И не только это: ассирийские цари проявляли личную заинтересованность в благосостоянии поистине священного города — святая святых богов. В одной из своих булл ассирийский царь Саргон, разгромивший Израиль и изгнавший самаритян, объявляет о том, что Харран находится под его защитой в соответствии с желанием двух высших ассирийских богов — Ану и Адада. Незадолго до того царь Салманасар III — на «Черном обелиске»³ он изображен получающим дань от израильского царя Ииуя, сына Омри — построил в Харране Храм Сина. Это было, по-видимому, весьма большое и тщательно украшенное здание. Храм был реставрирован Ашшурбанипалом (668—626 гг. до н.э.), нашедшим время для описания не только своих военных побед, но и этих работ:

«В то время начал разрушаться Храм Сына в Харране, который построил /его основания/ Шалманасар, сын Ашшурнасирапала /царя, жившего до моего времени/; он состарился, и его стены осели. Я восстановил храм и подвел под него прочный фундамент... Все стены храма я довел до высоты в 30 *типки*. Я добавил к нему /придел/ 350 (?) /локтей/ длиной, 72 /шириной/, с восточной стороны...

Это обиталище радости я накрыл крышей из кедров, выросших до огромных размеров на горе Ливан, и благоухающих кипарисов /бревен/, которыми Адад (?) украсил (?) гору Сирара и которые мои вассалы — цари морского

побережья повалили... и с большим трудом притащили со своих гор в скучной земле в Харран, и... в дверные проемы вставил большие створки из кипариса, обитые серебряными полосами. В начале моего царствования я закончил восстановление всего здания этого великолепного храма».

При осмотре руин Харрана сегодня же не найти следов Храма Сина или еще каких-либо ассирийских построек. И все же вполне вероятно, что городские стены (самая поразительная достопримечательность Харана) сохранились такими же, какими они видели халифа аль Мамуна, когда он спрашивал сабинян, какую религию они исповедовали. За ними укрывается — ныне скорее от песочных бурь, нежели от вражеских армий — похожее на улей множество хижин и других примитивных жилищ арабского населения города. Хотя они и являются потомками скорее не первородных харранян, покинувших город после его разрушения монголами в 1260 году, а местных бедуинов. Несколько жителей предложили нам свои услуги в качестве гидов и показали нам остатки крепости, караван-сарая и того, что когда-то было очень красивым зданием исламской школы, или медресе.

Бродя по пыльным руинам древнего города, трудно было вообразить, что он был когда-то бурлящей метрополией, хоть территория, окруженная стенами, и свидетельствовала о значительных размерах бывшего поселения. Расположенное на высоком холме, господствующем над окружающей его равниной, оно могло дать — при условии, что его колодцы не пересохли — уютное убежище для путешественников. Нетрудно понять, почему престарелый отец Авраама Фарра решил закончить свои дни здесь и не идти в Ханаан. Мысль о путешествии миля за милю по полубесплодной пустыне отсюда до Леванта могла отпугнуть и самого бесстрашного путника. Предпочтительнее было ос-

таться здесь, среди тех, кто говорил на одном с тобой языке и поклонялся тем же богам, нежели пускаться в неизвестность. Наши гиды полностью разделяли это ощущение и показали нам место — так они утверждали — захоронения Фарры, прежде чем вывести нас за стены города к тому самому колодцу, у которого Ревекка встретила слугу Авраама. Нам пришлось оставить наше представление о живописном колодце из древнего кирпича с цепью и ведром, как только мы увидели его — нечто похожее скорее на долговременную огневую точку времен второй мировой войны, нежели на колодец, прикрытый ныне железобетонным колпаком. Нас же больше интересовало, что скажут наши гиды об арабе-торговце из Урфы, обладавшем необычной статуэткой, которую — как они говорили — он жаждал опознать с нашей помощью. Осмотрев все достопримечательности Харрана, мы взяли его адрес и вернулись в нашу гостиницу в Урфе.

На следующий день — как обычно ясный и солнечный — мы отправились на рынок, где нужный нам араб держал магазин. Так как речь шла о весьма деликатном вопросе, мы тактично спросили его о статуэтке, и после нескольких чашек чая и предварительного разговора он согласился показать ее нам. Внезапно я понял, что чувствовал Гурджиев, когда армянский священник в Нисибе впервые показал ему карту «допесочного» Египта. Когда торговец развернул статуэтку, нашим глазам предстала несомненно подлинная античность. Внимательно осматривая ее, я пришел к выводу, что она изваяна из твердого камня, похожего на материал Черного обелиска, выставленного в Британском музее. Она чем-то напоминала кусок сыра «Эдам». Фигурка без рук и без ног представляла бородатого мужчину, одетого в конусообразные листья и имеющего рыбью голову вместо ног. В его пупке (вернее, там, где

должен был бы находиться пупок, если бы у фигурки было тело как таковое) было просверлено отверстие — примерно в сантиметр в диаметре и чуть больше в глубину. Узеньким каналом отверстие сообщалось со ртом рыбе́й головы, но его предназначение не было очевидным. Наш хозяин предположил, что через него можно было пропустить шнурок или полоску кожи, чтобы носить статуэтку на шее, но я не разделял его уверенности.

Хозяин жаждал узнать наше мнение о статуэтке и, конкретно, о ее вероятной цене. Мы не смогли просветить его по второму пункту и даже не попытались предложить свою цену. Принимая во внимание ее сомнительное происхождение и вероятность ее незаконного приобретения, покупка статуэтки была бы явно опрометчивым поступком, какое бы искушение я ни испытывал. Хозяин все же позволил Ди сделать снимки своего сокровища, получив за свою услугу щедрый «бакшиш». Сделал я это с радостью, ибо почти не сомневался в том, что статуэтка была ассирийского происхождения, представляла собой бога Луны Сина и, вероятно, служила чем-то вроде светильника. В профиль она походила на полумесяц, и я представил себе, что, если пропустить фитиль через рот рыбы и отверстие в пупке, заполненное маслом, она может служить лампой. И я вполне поверил хозяину, когда он заявил, что приобрел статуэтку в Харране, ибо она вполне могла быть подарена храму Ашшуранипалом во время его восстановления. Разумеется, не исключена и возможность того, что она была еще древнее и принадлежала к эпохе Шалманасара III, если не к еще более ранним временам. Однако, не располагая другими предметами того же типа и не зная точно места ее обнаружения, невозможно было и говорить с уверенностью о том, когда она могла быть изготовлена.

Я долго размышлял в ту ночь. Маленькая «лампа Аладина», или как ее ни называй, казалась важной для нашего поиска, но я и сам не знал почему. Не в силах смежить веки, я встал с кровати и принялся расхаживать по комнате. Внезапно меня осенило: статуэтка бога Луны больше подходила Урфе, чем Харрану. Голова представляет «человека на Луне», освящающей Цитадель; одежда из листьев деревьев ниже и голова рыбы у основания — пруды с их карпами. Мы знаем, что в Эдесе действительно существовал Храм Луны, стоявший стражем над рыбными прудами, где сегодня находится Мечеть Абдуррахмана. Вплоть до окончания царствования Абгара Великого в 212 году цари Эдесы определенно сохраняли действующий Храм Луны еще долго после того, как официально приняли христианство. В то время как другие храмы были снесены или превращены в церкви, в этом единственном храме в границах царского дворца исповедовалась старая религия. Позже, похоже, его здание было занято «Школой персов», высокую образованность которых признавали даже их противники. До сих пор над прудами возвышается башня храма, который, как утверждает, они пользовались. Размышляя над всем этим, пришел к выводу, что они могли использовать башню для наблюдений фаз Луны — вероятно, глядя на ее отражение в пруду внизу. Это было жизненно необходимо для людей, живших по лунному календарю.

Бог Луны имел большое значение для месопотамцев, ибо представлял воду и, следовательно, плодородие. Больше того, он отсчитывал время и был поэтому главным посланником невидимого бога, которого они, похоже, называли «господином всего» — Бе'эльшамин. Все древние религии, какими бы многобожными они ни были, зиждились на понимании того, что выше и за видимой вселен-

ной обитает невидимый бог — изначальный источник всего, что проявляется. В Египте его называли Атум, или Амун, в Персии — Ахурамзда и в Месопотамии — Бе'эльшамин. Поскольку же людям трудно думать о немислимом или вообразить невообразимое, невидимый бог отождествляется в процессе объективизации с тем или иным небесным телом. В Египте им было Солнце, и поэтому там поклонялись Атуму-Ра — заходящему Солнцу. В Месопотамии — Луна, и Сина называли Син-Марилаха. Храм Сина в Урфе/Эдесе имел, следовательно, то же значение для месопотамцев, что и Храм Атума-Ра в Гелиополисе для египтян. Больше того, исход из Ура и похороны «отца» Авраама в Харране походили на перенос культуры. Если верно то, что Авраам родился в Урфе — подлинном Уре Халдейском, тогда именно она, а не Харран должна быть местом рождения культа Луны. И это похоже на правду, если иметь в виду наличие источников в Эдесе в отличие от обезвоженного Харрана. Внезапно, возможно, под влиянием «джина из лампы», я начал понимать значение Эдесы, почему она считалась столь важной девять столетий назад, во время первого крестового похода.

ДВИЖЕНИЕ ПАЛОМНИКОВ

Исламское завоевание Святой земли дало западным христианам благоприятные возможности, но и создало для них серьезные практические проблемы. На протяжении столетий существовали весьма серьезные трения между папой римским, мнившим себя преемником Святого Петра и главой всего христианского мира, и патриархами Востока, считавшими себя и свои церкви независимой равней Святому престолу. Захват войнами ислама Сирии, Палестины и Египта, означавший огромную беду для Констан-

тинополя, дал Риму благоприятную возможность утвердиться в качестве защитника как западных, так и восточных христиан. Пока патриархи Востока теряли власть и влияние, папа приобретал авторитет. Это проявилось в строительстве новых помещений для паломников в Иерусалиме и в значительном росте числа западных паломников в этот город.

Папу, да и всех западных христиан, сильно заботило свободное передвижение паломников и их доступ к Святым местам. С самых ранних дней паломники прокладывали пути в Святую землю, дабы иметь возможность посетить места, связанные с пастырством Христа. Самыми привлекательными и важными для них были Церковь Гроба Господня в Иерусалиме и Церковь Рождества в Вифлееме. С утраты Византией мощи и подъемом Священной Римской империи Карла Великого в VIII веке латинская церковь воспользовалась возможностью для строительства в Иерусалиме новых, католических пристанищ для паломников. Тем не менее собственно начало великой эпохи паломничества приходится на X век, когда улучшение экономических условий на родине и относительно мирное сосуществование христианской империи Византии и исламского мира обеспечили свободный поток европейцев в Константинополь и саму Святую землю. Такое счастливое положение дел продлилось почти до конца одиннадцатого столетия, когда над Восточной империей нависла новая беда.

На протяжении некоторого времени Византия испытывала давление с Востока, со стороны новых соседей, явившихся из Центральной Азии. Эти народы — туркмены или тюрки — были язычниками, обращенными в ислам и уже опустошившими Персию. Теперь они намеревались вторгнуться в пределы империи. На протяжении столетий

Армения выступала в качестве полезного буферного государства между собственно Анатолией и более обширными просторами к востоку от реки Аракс. Положение Византии резко ухудшилось после того, как Персия пала под натиском турок-сельджуков, объявивших Исфаган своей новой столицей, и халиф Багдада признал лидера сельджуков Тогрул-бека главой мусульман-суннитов и царем Востока и Запада. К 1054 году турки глубоко вторглись в Армению и в 1066 году разграбили главный город Каппадокии — Кесарию. И без того ужасное положение осложнилось для императора Романа из-за политики его предшественника Константина X, значительно сократившего вооруженные силы. И все же Роман решил противостоять турецкой угрозе и, собрав армию, состоявшую главным образом из наемников из числа Франков, скандинавов, норманнов и турок, отправился весной 1071 года на отвоевание утраченной территории Армении. 26 августа у крепости Манзикерт на южном рукаве Верхнего Евфрата он встретился с армией сельджуков под командованием Алп-Арслана, поспешно выступившего на север. Если и были сомнения относительно исхода битвы, они испарились, когда из армии Романа дезертировали наемники-турки, перешедшие под знамена своего родственника, и западноевропейские наемники отказались участвовать в том, что они заранее посчитали проигранной битвой. Как и следовало ожидать, Роман с оставшимися верными ему греческими и армянскими войсками был разбит наголову; сам император был ранен и пленен. Весть о его разгроме шокировала весь христианский мир. Неожиданно пришло понимание того, что Римская империя (а Византия все еще считалась таковой), столкнувшись с величайшей угрозой со времен нашествия ислама, уже не в состоянии защитить свои территории. Теперь открылся простор для полномас-

штабного турецкого вторжения в Анатолию, облегченно-го к тому же тем фактом, что ее население заметно сократилось в результате давнего проведения близорукой политики этнических чисток.

Однако турецкая экспансия не ограничилась Анатолией. С 1055 года, когда Тогрул впервые занял Багдад, усилился нажим на Святую землю. В 1071 году Иерусалим был захвачен одним вассалом Алп-Арслана, а за ним вскоре пали Дамаск, Алеппо и другие сирийские города. Хотя с христианами этого региона обращались вполне прилично, нестабильность и неопределенность, терзавшие отныне Святую землю, и риск подвергнуться бандитскому нападению при путешествии через Анатолию осложнили жизнь паломников. В 1073 году новый император — Михаил VII понял необходимость обратиться за помощью к Западу для отражения угрозы со стороны сельджукидов и написал папе Григорию VII, поздравив его с инаугурацией. Он привлек внимание папы к беде, в которой оказалась империя, и попросил о помощи. Папа с сочувствием отнесся к этой просьбе, поняв, что она сулит прекрасную возможность убедить православные церкви прийти «под зонтик» Рима. Михаил и не подозревал, что его призыв к оружию приведет к одной из величайших военных авантур Средневековья — первому крестовому походу.

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ДЛЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ СВЯТОЙ ЗЕМЛИ

В ноябре 1095 года новый папа Урбан II созвал Собор в Клермоне, во Франции, изложил на нем свои планы по возвращению Святых мест и пригласил добровольцев отправиться в крестовый поход на Восток. Отклик оказался ошеломляющим, и вскоре несколько плохо управляемых

армий, состоявших главным образом из франков и норманнов, были уже на пути в Константинополь. Дворяне, возглавившие эти войска, были младшими братьями и сыновьями из французских аристократических семей, жаждавшими приключений и надеявшимися на выгодные предложения. Самыми известными среди них были герцог Нижней Лотарингии Годфри Бульонский; его брат Болдуин, позже коронованный королем Иерусалима; граф Раймон Тулузский, земли которого стали убежищем еретиков-альбигойцев; герцог Нормандский Робер, старший сын Вильгельма Завоевателя; принц Тарантский Бомонд и его энергичный племянник Танкред. Эти дворяне, сотни других рыцарей и тысячи вассалов, не говоря уже об обычных паломниках, образовали несколько армий, выступивших через Балканы на Константинополь. Они объединились в величайшей экспедиции, намеревавшейся не только отвоевать Иерусалим, но и основать собственные княжества герцогства.

И раньше организовывались бесчисленные экспедиции византийцев против турок и других захватчиков. Многие из них, вроде неудачника Романа, набирали наемников из числа ранков, норманнов, англо-саксонов и т.п. Новую авантюру отличали религиозная направленность и независимость от византийского руководства, и поэтому она до сих пор вызывает наш интерес. После эпического путешествия, сопряженного со множеством трудностей и отсрочек, крестоносцы в конце концов добрались до Иерусалима 7 июня 1099 года. Поскольку они затратили пятнадцать месяцев на взятие Антиохии и не желали мириться с новыми задержками у стен Иерусалима, они тут же осадили город. Мусульманский гарнизон сдал город 17 июля, но этот жест оказался напрасным. Европейцы совершили одно из самых зловещих злодеяний, перебив почти все мусуль-

манское и еврейское население и оставив в живых лишь христиан, пришедших в ужас от того, чему они стали свидетелями. Это потрясающее зверство вызвало новый шок, на этот раз во всем мусульманском мире, который со временем скажется на судьбе потомков крестоносцев. Если до этих ужасных событий христиане, евреи и мусульмане сожительствовавали в Иерусалиме бок о бок в относительном согласии, то после подобного холокаста между ними возникла гораздо большая взаимная подозрительность.

Первый — и единственный успешный — крестовый поход произвел глубокое впечатление на европейское мышление. «Этнически очищенный» от своих еврейских и мусульманских жителей, Иерусалим стал христианским городом и вскоре получил в пари европейца — Болдуина I.

ВОЗВЫШЕННАЯ ИСТОРИЯ СВЯТОГО ГРААЛЯ

С самого начала кампании крестоносцы были заражены своего рода лихорадкой, подходящей скорее воинам ислама, нежели христианам. Они верили, что ведут Священную войну, что если они погибнут на поле битвы или даже вне его, но при исполнении своего долга, то им гарантировано место в раю. Сегодня подобная вера может оказаться наивной, но в то время она считалась вполне нормальной. Отчасти это объяснялось растущим мистицизмом, который вскоре проявится в другой заметной традиции Средневековья — богоискательстве. Его истоки следует искать не в Византии, а в далекой Британии, которая после Норманнского завоевания в 1066 году заинтриговала норманнов своими легендами Артуровского цикла.

В 1091 году близкий родственник Вильгельма I Завоевателя, граф Глостера Роберт Фицхэммон внезапно захватил замки Южного Гламоргана. Хотя Уэльс был еще дале-

ко не покорен, этот факт порадовал Вильгельма II, брата герцога Нормандии Роберта, и Фицхэммон был пожалован титулами Завоевателя Уэльса и князя Гламоргана. В отличие от Англии, норманны были относительно хорошо приняты в Уэльсе и почти сразу же начали вступать в браки с представителями главных уэльских семей. Поскольку многие из них были потомками бретонцев из Северной Франции, их интересовала история Британии времен саксонских нашествий и заселения Бретани и Нормандии эмигрантами из Британии. Норманны быстро сообразили, что этот бретонский «контакт» давал им чуть ли не законное право притязать на Британию. Уэльские легенды о короле Артуре, правившем в Британии в VI веке, полюбились норманнскому двору. Если Артур разбил саксов в Битве при Бэдоне, то их собственный уэльский герцог Вильгельм снова разгромил английскую армию при Гастингсе. В этом смысле Вильгельм не узурпировал трон Британии, а вернул его законным владельцам. Норманны ассимилировали и другие вещи из уэльского мистического фольклора, в том числе и легенды о событиях, следовавших за Распятием. Согласно различным версиям, вскоре после Воскресения Иосиф из Аримафеи доставил в Британию чашу, которая известна под названием «Грааль» и которой, как считается, пользовался Христос во время Тайной вечери. Чаше приписывали чудодейственные свойства, и следовавшая утрата британцами чаши неизбежно должна была обернуться катастрофическими последствиями для королевства короля Артура.

Хотя легенда о Граале в той изысканной форме, в которой мы знаем ее сегодня, не была записана до середины XII века, то есть почти пятьдесят лет спустя после первого крестового похода, практически нет сомнений в том, что идея поиска религиозных приключений уже в 1097 году

увлекала европейскую аристократию. И наоборот, опыт первого крестового похода и его последствия оказали глубокое влияние на «артуровскую» мифологию. Одно из самых важных событий крестового похода произошло во время длительной и изнурительной осады Антиохии, когда под полом Храма Св. Петра было найдено копьё, которым, как считали многие, был пронзен бок Христа.

Рассказывают, что у некоего Петра Бартоломью, слуги паломника из Прованса по имени Вильям Петер, было видение, во время которого он встретился со Св. Андреем. Последний взял его дух с собой в Церковь Св. Петра, которая в тот момент еще находилась в руках турок и использовалась как мечеть, и показал ему участок пола в южном приделе, сказав, что там спрятано копьё, которым был пронзен бок Христа. Петеру велели рассказать об этом епископу Ле Пюи и собственному сюзерену графу Тулузскому Раймону. Ошеломленный подобным «ясновидением», робкий крестьянин Петер Бартоломью побоялся предстать перед столь важными господами с рассказом о своем видении и не сразу решился выполнить поручение святого. В конце концов, когда город был взят и пол храма раскопан, Петер извлек копьё из земли. Эта находка стала поворотным пунктом крестового похода, не отмеченного до тех пор особым успехом. Видения Петера и обнаружение копья в указанном им месте придали бодрости приунывшим было участникам похода. Прихватив копьё с собой в качестве талисмана, европейцы атаковали турецкую армию, которая в свою очередь осадил город, и одержали победу при численном меньшинстве. Этого было достаточно для того, чтобы все, кроме самых закоренелых скептиков, признали копьё подлинным.

История Петера Бартоломью свидетельствует о том, что участниками крестового похода двигал мистицизм и что

та особая роль, которая отводится Копью Лонгина в более поздних легендах о чаше Грааля, почти определенно заимствована из реального опыта реальных рыцарей. Вполне вероятно и то, что, по крайней мере, часть крестоносцев активно разыскивала и другие вещи, связанные с Распятием, в том числе и чашу Грааля. Это и было — как мне представляется — главной причиной, по которой контингент рыцарей под командованием Болдуина Булоньского (ставшего позже королем Иерусалима) и племянника ВоMONDA — Танкреда оставил армию, осадившую Антиохию, и отправился на восток, дабы овладеть Эдесой. Знаменитый город претендовал на то, что первым принял христианство, и имел, как мы увидим позже, особое значение для легенды о Граале.

После Константинополя и Антиохии Эдеса была третьим по величине христианским городом Византийской империи. Занимая опасное положение на окраине империи в Северной Месопотамии, она никогда не была защищена от нападения. В 609 году ее захватил персидский царь Хосров, в 628 году ее отвоевал обратно Ираклий, а в 639 году ею овладели арабы-мусульмане. Во время первого крестового похода она временно оказалась снова в руках христиан под правлением армянина по имени Торос. Номинально он был вассалом Византийской империи, но на практике считал себя вправе поступать так, как ему заблагорассудится. Положение его было все же довольно шатким, так как его небольшое княжество со всех сторон окружали враждебные мусульмане. Поэтому Торос считал большой удачей присутствие в регионе огромной армии крестоносцев. Будучи преклонного возраста и не имея наследников, он был рад поделиться властью в Болдуином в обмен на европейскую защиту города и на этих условиях пригласил франков в Эдесу. Болдуин и Танкред (позже ставший кня-

зем Галилеи и регентом Антиохии) с их рыцарями были восторженно встречены в Эдесе. В причудливой церемонии, когда Болдуину пришлось раздеться по пояс и потереться обнаженной грудью о грудь сначала Тороса и затем его супруги, Болдуин был усыновлен ими и объявлен их наследником. Вскоре армянина растерзала обезумевшая толпа, и Болдуин стал де-факто сюзереном первого государства (графства) крестоносцев.

Историческое восприятие крестовых походов в качестве благопристойного прикрытия элементарных амбиций молодых французских рыцарей, жаждавших обзавестись собственными княжествами и герцогствами, уже вышло из моды. Такая точка зрения, прежде отстаивавшаяся лордом Рансимэном (автором знаменитой исторической трилогии о крестовых походах), была развенчана Джонатаном Райли-Смитом, редактором недавно изданной «Оксфордской иллюстрированной истории крестовых походов». Последний пишет:

«В то время как после второй мировой войны и Нюрнбергского процесса интеллектуальное развитие могло predispose людей к более критическому подходу к крестоносцам, участие такого большого числа мужчин и женщин в этом движении все еще часто объяснялось их неискушенностью или жаждой материальных выгод, и последняя точка зрения нашла мощную поддержку в виде разумного, но весьма слабо обоснованного предположения, что крестоносцы появились в результате семейной стратегии экономического выживания...

В самом деле, трудно было приписать искренним мужчинам и женщинам столь отвратительную идеологию как побуждение к крестовым походам; легче было поверить в то, что они были слишком недалекими, чтобы понять, чем они занимаются, или утверждать, что их стимулиро-

вало — какие бы объяснения они ни давали — стремление заполучить землю или добычу, хотя и трудно подкрепить последнее объяснение. Все знали, что ведение войны было дорогостоящим делом в Средние века, и распространялись сообщения, если даже их игнорировали, о тех финансовых жертвах, которые предстояло принести рыцарям и их семьям ради участия в крестовых походах».

Организация крестовых походов была делом дорогим и отнимающим много времени, а их цена обычно превосходила любую материальную компенсацию, которая могла быть получена. Больше того, слишком часто участие в походе приводило к смерти. Очевидно, что движение крестоносцев, по крайней мере первоначально, было по сути своей актом искупления. Оно сочетало военную службу с паломничеством и в таком виде имело большую привлекательность для дворянства, любимым чтением которого были описания деяний короля Артура и его «Рыцарей Круглого стола». Отправиться в крестовый поход было способом войти в легенду и посоревноваться на деле с такими, как Гавейн и Ланселот, ну и, разумеется, сам король Артур.

Чем больше я занимался историей пребывания Болдуина в Эдесе, тем лучше понимал, что за этим эпизодом скрывалось нечто большее, нежели представлялось на первый взгляд. Для крестового похода в целом Эдеса не имела большого стратегического значения, а защита ее оказалась дорогостоящей. Она стояла «не на том» берегу Евфрата, служившего весьма серьезной преградой для подхода подкреплений, и со всех сторон была окружена мусульманскими княжествами. И из Эдесы трудно было отступить. Как и Красс в Каррах в 53 году до н.э., европейцы не могли ожидать какой-либо помощи и при неблагоприятном развитии событий оказались бы в весьма затрудни-

тельном положении. С военной точки зрения предпочтительнее было бы провести границу по восточному берегу Евфрата и надежно защитить ее, завладев Алеппо, Дамаском и другими городами Сирии, а не пытаться удержать столь отдаленный аванпост. Но именно так поступил Болдуин. Отсюда единственный возможный вывод: Болдуин отправился в Эдесу не столько по политическим, сколько по религиозным мотивам. Он не мог не знать о необычной истории города, а Торос мог рассказать ему кое-что еще — «Мандилион» пока что оставался в Эдесе.

Христианский мир к тому времени уже утратил чашу Грааля, а эдесский «Мандилион» был очень древним произведением, хорошо известным христианам по всему свету. Хотя он, возможно, и был (и, может быть, есть) простым живописным портретом Иисуса, принадлежавшим кисти Ханнана, секретаря Абгара, в средневековой Европе бытовало мнение, что он получился, когда Христос утерполотенцем свое лицо на пути к Голгофе. Это превращало «Мандилион» в уникальную реликвию — единственную известную вещь (кроме знаменитой чаши с Тайной вечери, местонахождение которой никому не было известно), считавшуюся пропитанной кровью Спасителя. Больше того, это была «подлинная икона», лицо Бога в образе человека, и потому по праву достойная поклонения. В перегретой религиозной атмосфере конца XI века «Мандилион» являлся бесценным сокровищем, намного превосходящим по своему значению жестокое Копье Лонгина. Для рыцаря-христианина спасение «Мандилиона» стало бы наивысшим достижением, не менее важным, чем «зачистка» Иерусалима от неверных.

При таком подходе становится ясным, что главное побуждение крестоносцев было скорее духовным, нежели земным. Для того, чтобы Болдуин и Танкред оставили ар-

мию и отправились в Эдесу, ее армянский правитель, должно быть, пообещал им весьма высокое вознаграждение. Дж.Б.Сигал пишет, что примерно в 700 году жители Эдесы, когда от них потребовали уплаты дани, которую они были не в состоянии заплатить, поддались шантажу некоего Афанасия и отдали ему «Мандилион» в залог за 500 динаров. Афанасий заказал одному талантливому художнику копию, и она точно соответствовала оригиналу. Эту копию он и вернул жителям Эдесы, когда они отдали долг, оставив себе оригинал. Он был благочестивым якобитом⁴ и позже, с разрешения халифа построил новый баптистерий. В нем он, возможно, и поместил «Мандилион». Как мы уже говорили, ко времени, когда византийцы осадили в 943 году Эдесу и потребовали отдать им «Мандилион» в обмен на пленных мусульман, существовали, по крайней мере, три заслуживающих доверия «Мандилиона», почитаемые в Эдесе, — по одному в каждой из главных сект: мелкитов⁵, якобитов и армян. Что случилось потом — не совсем ясно, но вроде бы состоялся своеобразный «конкурс красоты». Византийцы, несомненно, с подачи своих друзей-мелкитов, выбрали тот, который посчитали подлинным, и вернули остальные два. Вполне возможно, что их обманули и всучили копию. Также вполне вероятно, что все предъявленные им «Мандилионы» были подделками, а оригинал был припрятан. В конце концов, если художник сумел изготовить одну убедительную подделку, он с таким же успехом мог изготовить и несколько, да и вообще у него с самого начала могло и не быть подлинника.

Какой бы ни была истина, мы, возможно, никогда не узнаем ее. Однако представляется вероятным, что в 1096 году у Тороса был «Мандилион» — быть может, даже подлинный. Будучи правителем города, он имел доступ ко многим спрятанным сокровищам, которые были собраны на

протяжении столетий, и, как узнает позже Болдуин, были поистине несметными. И нет ничего невероятного в том, что среди них находился и один из мандилионов. Если даже и так, если Торос действительно обладал подлинником, он наверняка хранился как самое сокровенное. Армяне, хоть и составляли самый богатый класс горожан, являлись собой меньшинство в сравнении с греками и сирийцами, которые наверняка потребовали бы передать им реликвию. Определенно, ее нельзя было выставлять напоказ. Болдуину, видимо, была предложена взятка в виде возможности увидеть и, предположительно, получить ее на хранение после кончины Тороса. Такая взятка вполне стоила того, чтобы оставить армию, осаждавшую Антиохию.

Какой бы ни была правда, — а мы, быть может, так никогда и не узнаем ее, — несомненно одно: во время первого крестового похода «Мандилион» почитался как священная реликвия. Ее связь — по крайней мере в умах христиан — с историей Распятия и с верой в то, что она пропитана святой кровью самого Иисуса, объединяет ее с легендой о чаше Грааля. Последний миф обрел к сегодняшнему дню свою собственную загадочную структуру, почти ничем не связанную с ранними «Артуровскими легендами» Уэльса. Вполне вероятно, что по меньшей мере частично решение Болдуина поселиться в Эдесе объясняется надеждой узнать что-нибудь относительно местонахождения чаши Грааля и о других тайнах, связанных с основами христианства.

И я обнаружил, даже не подозревая о том, что мы столкнулись с чем-то еще — таинственным Замком Грааля. Согласно легендам, чашу Грааля хранил так называемый «царь-рыбак». Именно в его замок и отправился герой Персиваль, или Галаад, дабы добыть чашу Грааля и тем самым вернуть к жизни пустошь, которой была Британия.

Царь-рыбак — это старик, жизнь которого поддерживается магической энергией, излучаемой чашей, и который страдает от неизлечимой раны, якобы нанесенной случайно тем самым копьем, которым пронзили бок Христа. Но рыцарю недостаточно просто явиться в замок и увидеть чашу — он еще должен спросить: «Кому она служит?» Только тогда она станет полностью доступной его взгляду и он сможет взять на себя заботу о ней.

Сама чаша Грааля — это таинственный, потусторонний предмет, связанный с Распятием. Обычно это чаша с Тайной вечери, но иногда это и глубокая тарелка или даже чудотворный камень. История имеет множество версий в зависимости от ее рассказчика, но основными составляющими являются замок, престарелый хранитель, известный как царь-рыбак, с той или иной раной, чудотворный предмет, связанный с кровью, пролитой Христом при Распятии, и странствующий рыцарь. Эдеса же с незапамятных времен славилась своими рыбными прудами, и поэтому ее правитель в буквальном смысле слова был «царем-рыбаком». В прошлом большинство из этих царей носили имя Абгар, а оно, согласно профессору Сигалу, означает: «увечный» на сирийском языке или «имеющий пупочную грыжу» на арабском. Прославивший Эдесу во всем мире «Мандилион» был, предположительно, не изготовлен «человеческими руками», а оставлен Христом на полотенце, которым утирался. Поэтому и считалось, что он пропитан его кровью. Мало того, он якобы исцелил первого Абгара от его увечья, когда был показан ему апостолом Фаддеем. Если иметь в виду все эти ассоциации, неизбежно напрашивается вывод: Абгары были царями-рыбаками, «Мандилион» — Граалем, а Эдеса — хранившим его таинственным замком. Если Эдеса действительно была потерянным замком Грааля, то и в самом деле не могло существовать более подходящего места. В конце концов именно в этом

городе родился, предположительно, Авраам — патриарх арабов, евреев и христиан. По своей святости он равен Иерусалиму, Вифлеему, Мекке или какой-либо еще святыне в иудейском, мусульманском или христианском мирах. Показанная нам торговцем-арабом «лампа Аладдина» хоть и была, видимо, образом бога Луны Сина, вполне могла символизировать царя-рыбака, которым в каком-то смысле был сам Авраам.

К тому времени, когда легенда о Граале была записана должным образом Кретьеном де Труа и Вольфрамом фон Эшенбахом в конце XII века, Эдеса XII века, Эдеса вновь оказалась потерянной для христиан. Европейское графство постоянно подвергалось нападениям турок на протяжении практически всего своего существования. В лице атабека Мосула Имада ад-Дина Зенги турки наконец обрели лидера с полководческим талантом и силой характера, необходимыми для изгнания европейцев. Пока очередной граф — Джоселен находился с основными силами своей армии к западу от Евфрата в Турбеселе, 28 ноября 1144 года Зенги осадил Эдесу. Горожане и духовные лица, вставшие на защиту ее стен, не шли ни в какое сравнение с регулярными турецкими войсками, которые в Сочельник прорвали оборону. Турки пощадили большинство горожан — армян, греков и сирийцев и даже разрешили им и дальше исповедовать свои религии как обычно. Однако, памятуя, вероятно, о массовой резне в Иерусалиме почти за полстолетия до того, турки собрали всех европейцев, которых смогли найти в городе, и казнили, их жен и детей взяли в рабство, а их храмы разрушили.

После еще нескольких побед Зенги вернулся в Мосул как герой-завоеватель, и после того, как его сюзерен был свергнут, халиф Багдада утвердил его в качестве царя. Но ему недолго пришлось наслаждаться своим новым поло-

жением, поскольку в сентябре 1146 года его убил евнух-европеец. Посчитав момент подходящим для контрнаступления, граф Джоселен во главе небольшого войска попытался при поддержке горожан-христиан ворваться в Эдесу, однако не сумел взять цитадель, а через несколько дней с подкреплениями поспешно прибыл сын Зенги — Нур эд-Дин. Сам Джоселен бежал, его войско было истреблено близ берега Евфрата, а сопровождавшие его беженцы — мужчины, женщины и дети — перебиты. Без сдерживающей руки Зенги Эдеса подверглась разграблению поистине ассирийского масштаба. В наказание за их вероломство христиане, пережившие массовую расправу, были отправлены раздетыми на невольничьи рынки Мосула и Багдада. Те, кто не выдержал бы долгого пути — старики и дети, слабые и увечные, были убиты на месте. Весь город был перевернут с ног на голову в результате поисков сокровищ, его великие храмы использовались под конюшни и амбары или были разрушены для строительства на их месте мечетей. Вскоре уже мало что указывало на то, что Эдеса была когда-то большим христианским городом, «оком Месопотамии». Теперь она представляла собой призрачный город — сплошные руины и разбитые мечты. Ему предстояло проспать без малого тысячелетие, а его жители даже не подозревали о хранимых им необычайных тайнах.

ХРАНИТЕЛИ ГРААЛЯ

Граф Эдесы Болдуин ненадолго задержался в городе. Вслед за взятием Иерусалима в 1099 году возникли бурные споры относительно управления Священным городом. После долгих дискуссий было решено предложить корону герцогу Нижней Лотарингии — Годфри, поскольку

ку он был достойного аристократического происхождения и согласился остаться в Святой земле после того, как другие важные господа вернулись в Европу. Но согласившись занять этот пост, он отверг помазание и предпочел, чтобы его называли всего лишь «Защитником Гроба Господня». Поскольку церковь противилась светскому правлению над своими собственными назначенцами, его шаг можно посчитать мудрым. Однако царствование Годфри, отличавшееся слабостью перед лицом церкви и таких могучих вассалов, как Танкред, продлилось недолго. Почти ровно год спустя после взятия Иерусалима — 18 июля 1100 года он умер от чего-то похожего на брюшной тиф. Снова возникла вакансия на троне, и вскоре стало ясно, что имелся лишь один подходящий кандидат — брат Годфри Болдуин. В отличие от брата он не постеснялся принять священную корону, которая — как считали многие — принадлежала только Христу, и 11 ноября был помазан королем Иерусалима, а графство Эдесы было передано под управление его кузена Болдуина Ле Бурга. Последний, вероятно, был удивлен не менее других переменой своей судьбы, хотя ее и нельзя назвать незаслуженной. Стивн Рансимэн писал:

«Из всех лидеров победил именно Болдуин — бедный молодой сын графа Булони. Один за другим были устранены его соперники. Многие из них вернулись на Запад: Роберт Нормандский, Роберт Фландрийский, Хью из Вермандуа и Стефен из Блуа... Болдуин выждал и ухватился за выпавший ему шанс. Из всех них он показал себя самым способным, самым терпеливым и самым дальновидным. Он добился своего вознаграждения, и будущее покажет, что вполне заслуженно. Его коронация была обнадеживающим завершением истории первого крестового похода».

Болдуин занялся построением своего нового царства на прочной основе. Одна из проблем, постоянно не дававших

ему покоя, заключалась в нехватке людей. Крестоносцы были готовы отправиться на восток на войну и даже, возможно, умереть за Христа, но немногие из них желали остаться там на всю жизнь. Большинство дворян имели поместья и семьи в Европе, в тех странах, из которых они прибыли. И их трудно было убедить отказаться от всего, дабы стать вассалами Болдуина. Необходимо было найти решение этой проблемы, и таким решением, казалось, стало создание первого рыцарского ордена Тамплиеров. Болдуин умер 2 апреля 1118 года, и трон перешел к его кузену Болдуину II, который также прошел период «ученичества» в качестве графа Эдесы. Дворянин из Шампани Гуго де Пайен явился, как будто, к Болдуину и обсудил с ним основание рыцарского ордена, который поначалу — вскоре после коронации Болдуина — назывался «Бедные рыцари Христа».⁶

Хотя позже орден разрастется и станет самым большим и богатым в Европе, изначально его образовали всего девять рыцарей, и их число не увеличилось в последующие девять лет. Болдуин передал в их распоряжение мечеть Аль-Акса на Храмовой горе в Иерусалиме — подобная привилегия не была пожалована больше никому. Их тесная связь с Храмовой горой видна по тем церквям, которые они построили в Европе — они почти всегда были круглыми в плане наподобие Каменного купола.⁷ Тамплиеры процветали при Болдуине II. Их, как и их соперников — Рыцарей приюта Св. Иоанна, считали необходимыми для безопасности государства. И все же они не подчинялись напрямую королю, а великие магистры обладали полной самостоятельностью в оперативных вопросах. В Европе все обстояло точно так же. Благодаря пожертвованиям орден стал чрезвычайно богатым. На деле это была международная корпорация, имевшая свои интересы в банковском деле, судо-

ходстве, организации паломничества, обороне и во многих других областях. Поскольку орден не подчинялся местным королям, совсем не удивительно, что он вызывал зависть, особенно у короля Франции Филиппа IV Красивого. В 1307 году Филипп приказал арестовать всех тамплиеров в своем королевстве и конфисковать их земли в пользу короны. Под его давлением папа повелел остальным королевским домам Европы сделать то же самое, и все они, хоть и с неохотой, подчинились, за исключением короля Португалии. На основании неубедительных доказательств тамплиеры осуждались за ересь и богохульство. Хотя большинство тамплиеров выдержали наказание пытками, с помощью которых у них вырывали признания, Великий магистр Жак де Моле и нормандский настоятель Джефри де Карне были публично сожжены на костре.

Среди прочего членов ордена обвиняли в поклонении какой-то странной голове. В своем увлекательном исследовании, посвященном «Туринской плащанице»,⁸ Ян Вильсон предположил, что этой «головой» могла быть сама плащаница, если ее складывали таким образом, чтобы была видна только голова. В книге «Туринская плащаница» он путано утверждает, что этот кусок ткани, которым, как верят многие, было обернуто тело Христа перед захоронением в могиле Иосифа из Аримафеи, как раз и был «Мандилион». Его якобы доставили в Константинополь в 944 году для хранения с другими сокровищами империи. Так как они были разграблены вместе со всем городом рыцарями IV крестового похода, Вильсон утверждает, что «Мандилион» (и, следовательно, плащаница) мог попасть в руки тамплиеров того времени.

К сожалению, его порой убедительная аргументация лишилась всякой достоверности сейчас, после того, как «плащаница» была датирована радиоуглеродным методом

и разоблачена как средневековая подделка. Однако указанная им связь между «Мандилионом» и тамплиерами, возможно, не так уж далека от реальности. Если одному из Болдуинов попал в руки портрет Иисуса (какой-либо из «Мандилионов») и он посчитал его подлинным, то он должен был позаботиться о его сохранности. Создание ордена избранных, смоделированного по примеру легендарного Круглого стола рыцарей короля Артура, в качестве хранителя этого сокровища следовало бы считать весьма разумным. Размышляя об этом, я склонялся к мысли, что, хоть тамплиеры и не обладали плащаницей, как считал Вильсон, у них вполне мог оказаться «Грааль» в форме «Мандилиона». Я постепенно начинал понимать, что завеса тайны, окутывающая легенду о Граале, по крайней мере как ее понимали во Франции и Германии средних веков, имеет мало общего с британским королем Артуром, но является производной от гностических христианских догматов. Они еще сохранялись на Ближнем Востоке во время первого крестового похода, и, по крайней мере, некоторые из крестоносцев познакомились с ними в результате своего поиска приключений. История поиска рыцарей, как и легенда о волхвах, стала плащом, под прикрытием которого тайное, мистическое знание передавалось с Востока на Запад. Антиохия, где Петр Отшельник нашел Копье Лонгина, была одним из тех мест, в которых эти идеи брали свои истоки, а в конце XI века эти идеи продолжали жить в Северной Месопотамии. Даже после перехода восточных земель под иной политической и религиозный контроль там сохранились отдельные элементы гностического христианства. В древних монастырях, гротах и затерянных долинах люди продолжали молиться по-старому и сохранять хотя бы отчасти контакт с гностицизмом. Существовала, похоже, группа таких людей — потом-

ков членов древнего ордена, называвшегося «Сарманское братство», с которой Гурджиев вступил в контакт в районе Нусайбин (Нисиб) где-то в 80-х или 90-х годах прошлого века. Теперь я располагал доказательством передачи на Запад и других тайн, когда мне показали несколько монет из Эдесы, датированных временами Римской империи. Они, как мне предстояло узнать, указывали на то, что хоть кто-то знал о космических религиях региона много позже прихода христианства. Я подозревал, что нашел след потерянной «Школы Персов».

ГЛАВА 10

СТОЛПЫ НИМРОДА

Как мы видим, вскоре после первого крестового похода были основаны два рыцарских ордена. Одним из них был Орден тамплиеров, тесно связанный с легендой о Граале и, возможно, с «Мандилионом» из Эдесы. Второй — Орден Св. Иоанна Крестителя — возник на деле чуть раньше как духовный орден и существует до сих пор. Как и тамплиеры, Орден Св. Иоанна стал чудовищно богатым и могучим, но сумел-таки избежать посрамления, жертвой которого стал первый. Рыцари-госпитальеры, как их тогда называли, построили на Святой земле ряд таких сильно укрепленных замков, как Крак де Шевалье, Марга и Бельвуар. Даже тогда, когда они были вынуждены оставить материк, рыцари закрепились сначала на острове Родос, а после того как в 1522 году были изгнаны оттуда турками после шестимесячной осады, — на Мальте. Когда в 1314 году был силой разогнан Орден Тамплиеров, Орден Св. Иоанна стал еще богаче, унаследовав большую часть собственности своих бывших соперников.

Довольно загадочно посвящение ордена святому, никак не связанному с военной службой или больницами. Но так же загадочна и роль Св. Иоанна в «Причастии святых». В иерархии святых он традиционно стоит выше всех апостолов и ниже только Пресвятой Богородицы. Большинство средневековых церквей имело посвященный ему алтарь, и его часто изображают — как и на «Уилтонском диптрихе» — во власянице из верблюжьей шерсти с ягненком Христа на руках.

В средние века культ Иоанна был весьма распростра-

нен, а в Дамаске хранилась рака с его мощами. Были ли они подлинными — остается вопросом. В Библии же говорится, что после его смерти ученики похоронили его тело. Упомянутые мощи, или, по крайней мере, часть из них, были якобы переправлены в Эдесу и, как предполагает Сигал, могли быть достойно помещены в Великом Баптистерии, построенном в 369—370 годах. Именно они — вероятно — экспонируются сегодня в музее «Топкапи» в Стамбуле. В одной комнате с плащом и мечом Магомета находится застекленный стенд с небольшой ракой. Она инкрустирована драгоценными камнями и была изготовлена для хранения не менее ценной вещи — части черепа Крестителя. Рядом расположена другая, золотая рака в форме правой руки. В ней заключены останки самой, пожалуй, почитаемой человеческой конечности в истории — кисти, крестившей Христа. В глазах верующего этот акт, пожалуй, больше, чем что-либо еще, возносит Крестителя на, самый верх святой иерархии, но здесь прослеживается нечто явно большее, нежели простое крещение — даже крещение Иисуса Христа.

Согласно Евангелию, Иоанн был кузеном Иисуса, ибо его родителями были старшая родственница Марии — Елисавета и ее муж — Захария, бывший священником храма. Иоанн остается загадочной фигурой, крутым чужаком, который поколотил еврейских старейшин и с помощью крещения подготовил путь Иисуса. После выполнения своей миссии он становится жертвой интриг мстительной супруги Ирода — Иродиады, устроившей заговор с тем, чтобы отрубленная голова Крестителя была доставлена ее дочери Саломее. Это жуткое событие со своим чувственным прологом — «Танцем семи покрывал» возбуждало воображение христиан на протяжении столетий. И все же фигура Иоанна остается загадочной и самой, пожалуй, странной

во всем Новом Завете. Церковь не объясняет, почему этот питавшийся акридами и диким медом аскет должен стоять выше Петра, Павла и Иакова, хоть об этом ясно говорится в апостольском символе веры. Мне же предстояло вскорее узнать, что это не было случайностью, в чем ранняя церковь вполне, видимо, отдавала себе отчет. Ключ к этой тайне, как и к легенде с Граалем, обнаружился в Урфе.

В I веке до н.э. Абгары Эдасские с немалым трудом сохраняли свою независимость от имперских властей. К востоку находилась Парфянская империя — их номинальный, а подчас и действительный сюзерен. К западу — Рим, который в тот период переживал переход от республики к империи. Первое крупное фронтальное столкновение между этими двумя хищниками произошло, как мы уже видели, у стен Карры (Харрана) в 53 году до н.э., когда Красс был вероломно разгромлен и убит. Роль Абгара II в том — по крайней мере, по мнению Рима — катастрофическом событии была в лучшем случае двойственной. Ему выпала незавидная доля: ублажать Красса и одновременно успокаивать парфян. Выживание и его самого, и его династии зависело от его умения балансировать между двумя странами так, чтобы ни одна из них не добилась абсолютного превосходства в регионе Северной Месопотамии.

Осторожный намек на эту дилемму, с которой в той или иной мере сталкивались все властители Эдесы, четко видели на монетах, которые нам показали и которые мы тоже сфотографировали. То были бронзовые монеты, которые — поскольку во времена Римской империи городам разрешалось чеканить самим только бронзовые, а не серебряные или золотые монеты — служат важным источником информации для археологов. Мы смогли идентифицировать эту монету по возвращении домой как отчеканенную в Эдесе в период правления римского импера-

тора Северия Александра (222–235 гг.). На ее лицевой стороне была изображена его голова, а на обратной — что-то вроде царя, восседающего на троне. В таких городах, как Эдеса, было принято чеканить на оборотной стороне (решке) своих монет образы местного значения. Хотя Эдеса в тот момент была колонией Рима после овладения ею императором Каракалой в 213 году, ею все еще правил — согласно «Сирийским хроникам» — царь Мануа, сын Абгара Великого. Поскольку он правил Эдесой — по крайней мере номинально — в период царствования Северия Александра, вполне вероятно, что именно он и изображен на оборотной стороне монеты. К сожалению, от долгого употребления монета здорово поистерлась, но при внимательном ее осмотре видно, что у царя два лица, то есть он представлен в образе римского бога Януса. Этот бог, по имени которого назван наш месяц январь, ассоциировался с дверным проемом и был, следовательно, сторожем времени и пространства. На монете одно его лицо смотрит вверх и влево, а другое — вниз и вправо. Он сидит, положив ногу на ногу и указывая правой рукой вверх на что-то вроде небольшой звезды. Перед ним видна гораздо большая «звезда», возможно, изображающая солнце. Из этого образа вытекает, как мне кажется, что Мануа — если это действительно он — как бы указывает на то, что Эдеса представляет собой своеобразный дверной проем как между Востоком и Западом, так и между небом и землей: такая концепция вполне согласуется с идеей, что цитадель была «замком Грааля», царя-рыбака.

Вторая монета была гораздо четче и легче поддавалась толкованию. Она не такая древняя, как первая, и, похоже, датируется временем византийского императора Юстиниана, правившего в 527–565 годах.¹ На первый взгляд, на ней изображено нечто похожее на букву «М», но на

самом деле это — небольшая фигура, касающаяся руками двух колонн. Справа от правой колонны находится символ Луны — обычно используемый на монетах Эдесы, благодаря ее древней связи с Храмом Сина, а над центральной фигурой расположен крест, представляющий либо Солнце, либо христианство.

Поначалу меня озадачила центральная фигура, пока я не вспомнил прочитанное мною в одном из наших путеводителей о легендах Урфы. В соответствии с ними Нимрод был почитаемым основателем города Орай, как изначально называлась Эдеса. Он, должно быть, дожил до весьма престарелого возраста, поскольку он арестовал Авраама, который — судя по Библии — отделен от него семью поколениями. Нимрод сначала велел привязать Авраама между двумя высокими колоннами, которые и сегодня можно видеть на холме цитадели, а затем в припадке ярости сбросил патриарха со стены замка в долину под ним. Однако его покушение на жизнь патриарха оказалось неудачным, либо Бог сделал так, что внизу появились рыбные пруды, которые и смягчили падение. К огромному удивлению Нимрода, Авраам остался живым и невредимым. Тот факт, что колонны были воздвигнуты не ранее 200 года н.э., а монета была отчеканена во времена правления Юстиниана I между 527 и 565 годами, свидетельствует, что этот миф возник между III и VI веками. Таким образом, история Авраама и Нимрода является лишь одной из занимательных легенд на потребу паломникам. Изучив поглубже этот вопрос, я вскоре обнаружил, что она служит ключом к гораздо большей тайне.

В своей книге «Благословенный город Эдеса» профессор Сигал рассказывает о том, что до возникновения христианства не только в Эдесе, но и в соседних городах региона правитель, или *будар*, должен был сидеть на специ-

альном табурете. Последний ассоциировался с, по крайней мере, одной из священных колонн. Цитадель Эдесы называлась «Троном Нимрода», что указывало на связь между полубогородителем царем и бударом города. По мнению профессора Сигала, табурет будара и ассоциируемый с ним столб служили культовыми символами бога «Марилахи» («Великого Господина»).

«Авраам» (Орион между колоннами Эдесы)

«Иное значение имеют табурет и колонна в качестве культовых символов Марилахи. В миниатюре они изображены на монете Эдесы в царствование Элагабала (218–222 гг.). Их можно также видеть на монетах того Ва'эля² из Эдесы, в царствование которого были освящены надписи в Суматре.³ На этих монетах изображен храм с фронтоном и ступенями, ведущими к нему; внутри «кубический культовый предмет на подставке с двумя искривленными нож-

ками». Это явно является предметом религиозной мебели. На фронте святилища можно видеть звезду, несомненно, указывающую на планетарный культ». -

В действительности, как мы видели сами, наверху цитадели находятся руины чего-то похожего на ступенчатую платформу сзади (к югу) от колонн. Они не были должным образом исследованы археологами, поэтому трудно сказать, что они собой представляли. Нам же показалось, что они вполне могут быть остатками здания, описанного профессором Сигалом. Там действительно мог находиться церемониальный трон, или *будар*, с фронтоном над ним.

Как легендарный основатель Эдесы, Нимрод ассоциируется со священным табуретом, а тот факт, что цитадель и поныне известна как «Трон Нимрода», лишь подтверждает эту связь. Теперь мне предстояло обнаружить существование и других связей между этим основателем городов и астральным культом. Согласно Библии, Нимрод был правнуком Ноя и, как и Мицраим, потомком сына Ноя — Хама.

«10 /Быт/ ⁶ Сыны Хама: Хуш, Мицраим, Фут и Ханаан... ⁸ Хуш родил также Нимрода; сей начал быть силен на земле;

⁹ он был сильный зверолов пред Господом /Богом/, потому и говорится: сильный зверолов пред Господом /Богом/. ¹⁰ Царство его вначале составляли: Вавилон, Эрех, Аккад и Халне в земле Сennaар. ¹¹ Из сей земли вышел Ассур и построил Ниневию, Реховоф-ир, Калах ¹² и Ресен между Ниневию и между Калахом; это город великий».

Так Нимрод ассоциируется с основанием Месопотамской цивилизации в той же степени, в какой Мицраим считается отцом египтян. Тем не менее очевидно даже из вышесказанного, что отрывок, содержащий генеалогическую информацию, имел и некое потаенное значение.

По мнению профессоров Джорджио де Сантиллани и Герты фон Дехенд, «сильный зверолов пред Господом» Нимрод, подобно Геркулесу в Коммагене, олицетворял созвездие Орион. Эта связь астрологии с Эдесой во времена ее царей аргументированно подтверждается и профессором Сигалом:

«Обратившись же к Эдесе времен монархии, мы обнаруживаем, что ее обитатели поклонялись планетам подобно их соседям из Пальмиры, Харрана и Иераполиса. Наблюдение за звездами было на самом деле связующим звеном между народной религией и сложными космологическими системами философов. Байдасан (знаменитый поэт-песенник Эдесы)... был опытным астрологом, написавшим трактат о соединении планет, а написанный его учениками труд «Книга законов стран» свидетельствует об их знакомстве с астрологическими понятиями. Одни из ворот Эдесы назывались «Беф Шемеш», по имени храма солнца, который, должно быть, располагался рядом с ними. На монетах Эдесы того времени был выбит полумесяц; на тиаре царя Абгара его сопровождают одна, две или три звезды. Названия планет просматриваются в личных именах эдесян в сирийских текстах как в самой Урфе, так и в непосредственном соседстве на стенах склепов, на мозаичных полах и в литературе. Пр процитируем лишь некоторые из них: «служанка Сина (Луна)», «слуга Бела (Юпитер)», приветствие «ата» (Венера), «Шемеш (солнце) определил», «слуга Набу (Меркурий)».

Вполне очевидна и связь с Орионом и Сириусом в следующем отрывке:

«Имя Бар Кальба в Эдесе и в Суматаре Харабеси (раскопки к югу от города, ближе к Харрану, на месте, бывшем крупным центром сабишян) указывает на поклонение звезде Пса. Поэт VI века Иаков из Серуга, прожив-

ший большую часть жизни в Эдесе и Батнии, утверждал, что в Харране поклонялись божеству со странным титулом «Мар /и/ господин своих собак». Возможно, имелся в виду охотник Орион, по пятам которого следуют созвездия Большого и Малого Пса».

Прочитав этот пассаж и почувствовав, что напал на след некоей более глубокой тайны, я решил еще раз посмотреть греческую мифологию, касающуюся Ориона-Охотника, дабы выявить, проливает ли она какой-нибудь свет на тему звездной религии Эдесы.

ОХОТНИК У ВОРОТ РАССВЕТА

В соответствии с мифами, греческий Орион (или Оарион) был сыном Посейдона. Как и Нимрод в Библии, он был охотником и гигантом. Он также был излишне красив, чем, как часто бывает, навлек на себя беду. Когда ему не удалось освободить остров Хиос от диких зверей, Орион соблазнил дочь его царя Меропу, и царь приказал ослепить его в наказание. Один оракул уверил Ориона, что зрение к нему вернется, если он отправится на восток и подставит свои глазные яблоки под лучи восходящего солнца. Орион послушно перебрался на остров Лемнос, и там в него влюбилась Эос (богиня зари), а ее брат Гелиос (Солнце) восстановил его зрение. Позже Орион присоединился к Артемиде (богине Луны) как охотник, похваляясь, что перебьет всех диких животных. Однако Аполлон (тоже солнечное божество), опасавшийся, что его сестра-близняшка Артемиде также влюбится в красавца-охотника, подстроил так, чтобы она случайно убила Ориона на охоте.⁴ Подобно Геркулесу, после смерти Ориона его образ был помещен среди звезд — в львиной шкуре, с огромной дубинкой в руке и мечом на боку он навсегда остался охот-

ником на дикого быка Тельца. Под его ногами заяц — еще одна из добытой им дичи, а по его пятам следуют две его охотничьи собаки — Большой и Малый Псы.

В греческом мифе об Орионе просматривается ряд параллелей с египетской легендой об Осирисе. Его ослепление по приказу царя Хиоса в какой-то мере повторяет историю убийства египетского бога-царя Осириса его братом Сетом, в то время как и Исида, и Эос были богинями, связанными с зарей и уговорившими бога Солнца (соответственно Ра и Гелиоса) вернуть жизнь и здоровье Осирису и Ориону. В Древнем Египте воскресение Осириса имело глубочайшее религиозное значение, связанное, по-видимому, с ежегодным появлением созвездия Орион на рассвете после периода невидимости.⁵ Орион тоже может быть «ослеплен», то есть его звезды становятся невидимыми, когда Луна (особенно полная) проходит вблизи от них.

Греческий миф, естественно, значительно отличается от египетской истории об Осирисе, по крайней мере, в изображении Ориона скорее диким охотником, нежели богом-цивилизатором. Его основная задача в греческом мифе состоит в освобождении островов от диких животных, — это может покоробить нынешних экологов, но может быть истолковано и как обеспечение безопасности людей и оказание тем самым помощи цивилизации. Но есть и другой аспект в «охотничьем» деле, а именно: ради того, чтобы общество стало цивилизованным, следует пожертвовать чем-то из его дикой природы.

В Библии созвездие Орион упоминается дважды в Книге Иова. В главе 9:9 читаем: «...сотворил Ас, Кесиль и Хима* и тайники юга», а в главе 38:31 говорится: «Можешь ли ты связать узел Хима и разрешить узы Кесиль⁶?» В том же

* Нынешние названия этих созвездий — Медведица, Орион и Плеяды.

плане созвездие упоминается вновь в Книге пророка Амоса, в главе 5:8: «Кто сотворил семизвездие и Орион...» Во всех трех случаях еврейское название Ориона — *кесил*, означающее «сильный». Из вышесказанного вытекает: как и очень многие другие народы, евреи воспринимали Орион как «сильного человека», и поэтому неудивительно, что созвездие также ассоциируется с величайшим из библейских силачей — Самсоном. По мнению Сантилланы и фон Дехенд, историю о том, как Самсон истребляет филистимлян ослиной челюстью, следует понимать в астрономическом смысле: Самсон — опять же созвездие — силач Орион, а «челюсть», с помощью которой он выполняет свое кровавое задание, — группа звезд в форме V, которую ныне мы называем Гиады. ~~Что~~ Самсон в этом случае действительно Орион, не приходится сомневаться, поскольку одно из первых его заданий было убить льва. Позже он находит пчел и медовые соты в теле мертвого зверя и тут же придумывает загадку (Книга Судей Израилевых, 14:14): «И сказал им: из ядущего вышло ядомое, и из сильного вышло сладкое». Тайное значение загадки можно найти на небе: рядом с созвездием Льва находится созвездие Рака, в котором виден Улей. Оба эти созвездия расположены весьма близко к Ориону.

Как и в греческом мифе об Орионе, именно женщина стала причиной гибели Самсона. Его сила проистекала из его длинных волос, которые он никогда не подстригал. Когда он влюбляется в филистимлянку Далилу, она выведала у него его тайну и, пока он спал, обрезала его волосы. В результате «стрижки» с ее очевидным сексуальным намеком он теряет свою силу и попадает в плен к филистимлянам. Как и Ориона в греческом мифе, враги ослепляют его и, как Авраама в мифологии Эдесы, привязывают между двумя столбами. Он взывает к Богу, умоляя вернуть ему силу в последний раз, чтобы отомстить своим врагам:

«16 ²⁸ И воззвал Самсон к Господу и сказал: Господи Боже! Вспомни меня и укрепи меня только теперь, о Боже! Чтобы мне в один раз отмстить Филистимлянам за два глаза мои. ²⁹ И сдвинул Самсон с места два средних столба, на которых утвержен был дом, упершись в них, в один правую рукою своею, а в другой левою. ³⁰ И сказал Самсон: умри, душа моя, с филистимлянами! И уперся *всею* силою, и обрушился дом на владельцев и на весь народ, бывший в нем».⁷

Глядя на Авраама, привязанного между двумя колоннами Эдесы, — случай, не нашедший отражения в Библии, — я понял, что здесь речь идет о передаче культуры. Не Авраам должен был быть привязан к двум столбам, а Самсон, тождественные в мифологии Ориону, и соответственно Нимроду. Связь между двумя подтверждает и то, как были спасены оба: Авраама избавляет от смерти внезапно появившийся источник воды и последовавшее затем наполнение водой священных рыбных садков, а Самсона спасает чудесный источник:

«15 ¹⁸ ...и воззвал к Господу и сказал: Ты сделал рукою раба Твоего великое спасение сие; а теперь умру я от жажды, и попаду в руки необрезанных. ¹⁹ И разверз Бог ямину в Лехе, и потекла из нее вода. Он напился, и возвратился дух его, и он ожил...»⁸

Связь Ориона с «Троном Нимрода» вытекает из других предположений. Когда мы прогуливались по цитадели, я проверил ориентацию двух колонн и обнаружил, что они обращены «лицом» точно на север. Если это так, то любой стоящий на земле под цитаделью и лицом к колоннам будет смотреть прямо в небо. Он сможет наблюдать кульминацию звезд и планет — весьма важное соображение, когда речь идет об астральной религии. При использовании подходящей башни можно увидеть прохождение созвезд-

дия Орион между колоннами каждую ночь в его ежедневном путешествии с Востока на Запад. Не Авраама, а Нимрода следовало бы поместить между двумя колоннами цитадели, как это и показано на второй монете.

Открытие вероятности использования цитадели с ее колоннами-близняшками для наблюдения за звездами, в частности за Орионом, не только вызывает волнение, но и, возможно, проливает свет на этимологию имени охотника. По мнению профессора Сигала, название провинции Эдесы — Осроэн происходит изначально от Орроэн. Если это так, тогда слово «орроэнянин» будет означать «человек из Орроэна». Поскольку существуют убедительные свидетельства о существовании в Эдесе культа Ориона, слово «орроэнянин» и «Орион» столь похожи, что наводят на мысль: именно отсюда берет свое происхождение греческий культ Ориона. Мне это показалось интригующим, но еще поразительнее та связь, которую я начал просматривать между Орионом, Авраамом и иудейской религией. Таков, как я вскоре обнаружил, один из важнейших секретов Библии.

ПРОРОК ОРИОН

В иудаизме Орион не столько охотник, сколько дикарь Бога. В образе же Самсона он — судья Израиля, а созвездие также связано таинственным образом с древней школой пророков. В Ветхом Завете «дикарь», живущий вне благоустроенного общества, обладающий особыми способностями и поступающий как совесть народа Израиля, проглядывает со всей очевидностью в необычайном образе пророка Илии. Ничего не говорится о его родословной, кроме того, что он — «Илия, Фесвитянин, из жителей Галаадских». ⁹ Он является из ниоткуда и тут же совершает

чудеса, которых не видели со времен Моисея. Он вызвал на соревнование 450 пророков Ваала¹⁰, дабы посмотреть, чей Бог обладает реальной силой. И он, и они соорудили два жертвенника и положили на них заколотых тельцов. Затем они должны были призвать огонь с неба, который пожрал бы приношение. Нечего и говорить, что пророки Ваала напрасно суетились и волновались целый день, призывая огонь, зато одной молитвы Илии оказалось недостаточно, чтобы с неба пал огонь и пожрал его жертву. Вслед за их поражением Илиа казнил фальшивых пророков Ваала. Уже по этому эпизоду видно, что Илии, подобно Митре, было свойственно убивать быков.

Пророк, приносящий в жертву быка, одевался весьма своеобразно. Когда царь приказал своему посланцу описать Илию, тот ответил так: «На нем были головной убор и кожаная набедренная повязка». И этого было достаточно, чтобы узнать его. «Головной убор» сменил львиную шкуру Геркулеса и Самсона, а указание на его набедренную повязку связывает его напрямую с прообразом Ориона. Эта связь становится еще очевиднее, когда он готовится совершить свое мистическое восхождение на небо. Он берет с собой своего верного ученика Елисея, отправляясь на реку Иордан. Подобно Моисею, который провел израильтян через Красное море, Илиа ударяет своей свернутой накидкой-милотью по воде. Она разверзается таким образом, что они могут пересечь реку по суху. Поскольку они пришли со стороны Иерихона, то явно пересекли реку с западного берега на восточный. Там Илию забирает на небо огненная колесница:

«2 ¹¹ Когда они шли и дорогою разговаривали, вдруг явилась колесница огненная и кони огненные, и разлучили их обоих, и понесся Илиа в вихре на небо. ¹² Елисей же смотрел и воскликнул: отец мой, отец мой, колесница Израйля и конница его! И не видел его более...»¹¹

Этот эпизод допускает ряд толкований, но он имеет явное космологическое значение в контексте эзотерической астрологии. В Древнем Египте все фараоны при жизни считались воплощениями бога Гора. Когда фараон умирал, его душе полагалось вознестись на небо, чтобы присоединиться к Осирису в созвездии Орион. Он сам должен был стать звездой в этом созвездии. С уходом старого фараона его земные обязанности царя переходили к его сыну и наследнику, который становился следующим Гором. Похоже на то, что главным образом ради этого процесса и были построены пирамиды.

Нечто похожее происходит в рассматриваемом нами эпизоде, так как Елисей разрывает свои одежды и берет накидку своего «отца» Илии:

«2¹² И схватил он одежды свои и разодрал их на две части. 13 И поднял милоть Илии, упавшую с него, и пошел назад, и стал на берегу Иордана; 14 и взял милоть Илии, упавшую с него, и ударил ею по воде и сказал: где Господь, Бог Илии, — Он самый? И ударил по воде, и она расступилась туда и сюда, и перешел Елисей».¹²

Опять же в Древнем Египте реку Нил воспринимали как земной аналог Млечного пути. Если посмотреть на Млечный путь на небе, то Орион окажется на его «берегу». В рассматриваемом нами случае река Иордан имеет то же символическое значение для израильских пророков, что и Нил для египтян. Пересекая реку, Илия и Елисей символически «переправлялись» в небесный мир — первый, чтобы навсегда остаться в нем, а второй, чтобы вернуться к жизни в качестве пророка.

Если взглянуть на данный эпизод с астрологической точки зрения, это становится еще очевиднее. Елисей ясно видел Илию, пока не появилась огненная колесница и не унесла его. В мифологии всего античного мира считалось,

что бог солнца Гелиос путешествовал на колеснице. Подъем солнечной колесницы, запряженной небесными конями, был представлен на фронте Парфенона в Афинах, и искусно изваянных коней с него до сих пор можно видеть в Британском музее. Так что представляется вероятным, что повозка с «конями огненными», прибытие которой скрывает Илию от глаз Елисея, является ясным указанием на колесницу солнца.

Елисей является свидетелем и чего-то, имеющего глубоко символический смысл для египтян: восход солнца скрывает от взгляда звезды Ориона. Восходящее солнце гасит звезды на рассветном небе, в том числе и Орион, если он оказывается в этот момент над горизонтом. Как ни парадоксально, но в тот день, когда Орион полностью восходит перед рассветом, означает день его возрождения. Этот так называемый «солнечный восход» Ориона символизировал также возрождение царя Гора в качестве «Осириса» и опять-таки связан с общей идеей преемственности божественной службы. Представляется, что, подобно Осирису, Геркулесу, Митре и Самсону, особый, символический язык Библии указывает на то, что Илия вознесся на небо, дабы быть представленным звездами Ориона.

Связь между Орионом и Илией оказалась и интригующей, и неожиданной. Она сразу же навела меня на размышления о человеке, который одновременно был последним из пророков Ветхого Завета и провозвестником Нового — Иоанне Крестителе. Он занимает весьма важное место в церковной иконографии; сам Иисус называл себя перевоплощением Илии. Это вытекает со всей очевидностью из Евангелия от Матфея:

«11⁷ ...Иисус начал говорить народу об Иоанне: что смотреть ходили вы в пустыню? Трость ли, ветром колеб-

лемую? ⁸ Что же смотреть ходили вы? Человека ли, одетого в мягкие одежды? Носящие мягкие одежды находятся в чертогах царских. ⁹ Что же смотреть ходили вы? Пророка? Да, говорю вам, и больше пророка. Ибо он тот, о котором написано: *се, Я посылаю Ангела Моего пред лицом твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою.*¹³

¹³ ...ибо все пророки и закон прорекли до Иоанна. ¹⁴ И если хотите принять, он есть Илия, которому должно прийти. ¹⁵ Кто имеет уши слышать, да слышит!»

Подразумеваемая связь между Иоанном Крестителем и Илией очевидна из его манеры одеваться в «одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах... /3, 4/» Его удостоверения «дикаря» и охотника вытекают из его диеты, состоящей из дикого меда и акрид, что совпадает с образом пророка по типу Самсона.

Подобно последнему, причиной гибели Иоанна стала женщина (в действительности две женщины: Иродиада и ее дочь Саломея). Иродиада имела много общего с более ранней царицей Израиля Иезавелью и была непримиримым врагом Иоанна. Она была дочерью царя Сидона Эфваала и привнесла в Израиль культ Ваала. Это ее жрецов обрек на смерть Илия после того, как им не удалось принести огонь бога к своим жертвам, и излишне говорить о том, как она разгневалась на него за это. Когда ее известили о случившемся, она поклялась отомстить пророку:

«¹⁹ И пересказал Ахав Иезавели все, что сделал Илия, и то, что он /Илия/ убил всех пророков мечом. ² И послала Иезавель посланца к Илиии сказать: пусть то и то сделают мне боги, и еще больше сделают, если я завтра к этому времени не сделаю с твоею душою того, что *сделано* с душою каждого из них».¹⁴

Позже она и ее муж, царь Ахав, устроили заговор для того, чтобы невинного человека забили камнями до смер-

ти ради овладения его виноградником и превращения его в огород. За этот поступок, который в библейских выражениях явно символизирует, что они обесценили «божий виноградник» — Израиль, Илия насылает на нее страшное проклятие — «Пусть собаки сожрут Иезавель». Некоторое время спустя, после того как Илия ушел, а Ахав был свергнут новым царем Ииуем, Иезавель разбилась насмерть, когда ее выбросили из окна ее же внухи. Эта жуткая история завершается так:

«9³³ ...И выбросили ее. И брызнула кровь ее на стену, и на коней, и растоптали ее. ³⁴И пришел Ииуй, и ел, и пил, и сказал: отыщите эту проклятую и похороните ее, так как царская дочь она. ³⁵И пошли хоронить ее, и не нашли от нее ничего, кроме черепа, и ног, и кистей рук. ³⁶И возвратились, и донесли ему. И сказал он: таково было слово Господа, которое Он изрек чрез раба Своего Илию Фесвитянина, сказав: на поле Изреельском съедят псы тело Иезавели...»¹⁵

Участь Иезавели, одной из самых страшных фигур Ветхого Завета, соответствует прообразу «Ориона Охотника», ибо за ним по пятам следуют его охотничьи собаки — Большой и Малый Псы. Та, которая была проклята и поражена охотником, поедалась собаками.

Смерть Иоанна Крестителя не менее символична. Он сталкивается с Иродом Антипой — сыном Ирода Великого, которого посетили волхвы во время Рождества Иисуса. Иоанн оказался втянутым в споры по поводу женитьбы Ирода на Иродиаде, его племяннице. Иоанна раздражает не столько проблема кровного родства, сколько тот факт, что она уже была замужем за его братом Филипом, от которого сбежала. Иоанн упрекнул Ирода за его поступок, ибо он был противен иудейскому закону. Подобно мужу Иезавели Ахаву, Ирод был слабым человеком, подпав-

шим под каблук сильной женщины. Ради удовлетворения ее желаний Ирод приказал взять Иоанна под стражу, надеясь, что вскоре проблема забудется. Однако Иродиада испытывала глубокую и неизменную ненависть к Иоанну и не желала удовлетвориться меньшим, чем его смерть. Ее дочь Саломея совершает стриптиз — «Танец семи покрывал», и возбужденный столь чарующим зрелищем Ирод обещает девушке все, что она ни пожелает, — хоть полцарства. Она же, потакающая желаниям матери, требует лишь голову Иоанна на тарелке. Таким вот трагическим образом завершается путь Иоанна Крестителя, последнего из еврейских пророков и в определенном смысле первого христианского. Однако история его смерти таит в себе более глубокое, символическое значение.

Глубоко укоренившуюся ненависть Иродиады к Иоанну некоторые ясновидящие объясняли тем, что она была перевоплощением Иезавели, как Иоанн — перевоплощением Илии. Если верить этому утверждению, обезглавливание Иоанна было следствием как проклятия, призванного Иезавелью на голову Илии, так и воздействия «кармы» последнего, умертвившего пророков Ваала. Верно это или нет, но существует очевидная связь между двумя историями и определенным астрологическим символизмом, заключенным в смерти Иоанна. «Танец семи покрывал» Саломеи связан, похоже, семью планетарными сферами, идущими, так сказать, внутрь, от Сатурна к земле, ближайшей внутренней сферой к которой является орбита Луны. Внешние планеты представляют разумность, власть и зрелость, а Луна символизирует сон, опьянение и гипноз. Саломея возбуждает Ирода, уже пьяного, и в таком лунатическом состоянии он дает роковое обещание. Схожим образом Далила отрезает волосы Самсона, пока он спит, а страстное увлечение Ориона богиней Луны Арте-

мидой привело его к гибели. В истории Иоанна Крестителя тарелка Саломеи вроде бы символизирует лунный диск, который еще раз отнимает жизнь у «дикаря» Ориона. Даже предтеча Иисуса и «перевроплощение» Илии Иоанн не сумел избежать уготованной ему участи и принял смерть от Луны. Как и другие из той же плеяды, он возрождается как небесный «бог» — созвездие Орион.

Это исследование помогло мне понять, что тайная связь между Иоанном и Орионом, должно быть, была известна ранней церкви. Проводившиеся им крещения в реке Иордан перекликаются с историей Илии, отправившегося, как мы видели, на небо с берега той же реки, расставшись с Елисеем. Из Нового Завета вытекает, что Иоанн Креститель был пророком «школы» Ориона. Но даже поняв это, я оказался неподготовленным к открытию, которое мне предстояло сделать, когда я вновь обращусь к программе *Скайглоуб* и проанализирую новые даты, связанные на этот раз с Иоанном.

Церковь отмечает два важных праздника, ассоциирующиеся со Св. Иоанном. Первый из них — Крещение Иисуса в Иордане. Его уже не празднуют, но он приходился изначально на день Богоявления — 6 января. Второй праздник, все еще фигурирующий в Церковном календаре, хотя о нем почти забыли сегодня, был когда-то, как и Рождество, поводом для широкого празднования. Речь идет о Дне рождения Св. Иоанна, или Иванове дне, — 24 июня.

Глядя на звездное небо в день рождения Св. Иоанна, я с удивлением обнаружил, что во времена Иисуса он выпадал на дату солнечного восхода Ориона. Из-за изменения процессии в ту эпоху последние звезды Ориона, даже находясь над горизонтом, не были, вероятно, видимы, пока свет зари не «гасил» созвездие. Однако восемью или девятью столетиями ранее, когда действовал Илия, мож-

но было видеть все созвездие. Напрашивается вывод, что Св. Иоанн воспринимался как перевоплощение Илии, а его день рождения 24 июня совпадает с предрассветным возрождением Ориона после периода его невидимости.

Период Рождества также имеет символическое значение. В это время года солнце находится в самом южном своем положении на небе. Примерно в то же время Орион восходит перед заходом солнца, а после захода последнего за ним следует Сириус. Иными словами, связанное с Иоанном Крестителем созвездие Орион остается невидимым до появления над горизонтом звезды, которая в Египте символизировала Исиду, а в христианские времена — Деву Марию. Эти два созвездия путешествуют по небу вместе, видны всю ночь, а солнце скрыто за землей. Находясь вне поля зрения, оно символически погружается в «воды пропасти», попадая на наибольшую глубину в полночь. Таково было — в Александрийской поэзии — возрождение Логоса, а в христианских умах эта идея ассоциируется с Крещением Христа в Иордане. Определенно подходящий символизм. Иоанн (Орион) остается видимым на ночном небе сбоку от «Иордана» (Млечного пути), пока Логос или Христос, символизируемые солнцем, погружен в глубокие воды.

Такая — или весьма похожая — идея, как кажется, скрывается за празднованием Крещения в день Богоявления. Позже праздновалось рождение, а не «второе рождение» Иисуса, и явление волхвов. Однако, как мне предстояло обнаружить, здесь скрыта серьезная ошибка. У Иисуса уже был день рождения, который сам по себе был полон символического смысла. Это определенно было известно Наставникам Мудрости, а мне предстояло открыть истинное значение истории о волхвах и то, что я считаю истинным днем рождения Иисуса Христа.

ГЛАВА 11

ТРИ ЦАРЯ

Так кем были волхвы, откуда они явились и что могло стоять за их миссией в хлев? Наконец стала проявляться картина, и я возвращался к моим изначальным вопросам и к отправному пункту долгого исследования, начатого в Вифлееме в 1972 году. Ответы на указанные вопросы, начинал я понимать, следует искать — во всяком случае, частично — в политике, проводившейся в ту эпоху. В то время Средний Восток, как и сегодня, был весьма бурным регионом. На протяжении почти всего I века до н.э. шла непрерывная борьба между Римом и Парфией за контроль над тем, что в конце концов являлось центром цивилизации. Между молотом Рима и наковальней Парфии оказались несколько малых царств и княжеств, среди них Коммаген, Осроэн, Понт и Армения. Весьма вероятно, следовательно, что «мудрецы» или цари из христианского предания явились из одной или нескольких из этих стран.

Какое-то непродолжительное время царь Понта Митридат выступал объединяющим звеном других государств против поползновений римлян. Он был отважным человеком и настолько умелым бойцом, что на какое-то время сумел изгнать римлян не только из Малой Азии, но и из Греции. Однако его грубые манеры завоевали ему немногих друзей на только что «освобожденных» им землях, и многие греки вздохнули с облегчением, когда он наконец был разгромлен. Помпей — ключевая фигура в политике того времени и во многих отношениях лучший полководец, чем Цезарь, — был достаточно благоразумен, чтобы прийти к соглашению с союзниками Митридата. Проводя

свою «реорганизацию», он позволил им сохранить свои территории в качестве буферных государств между Римом и Парфией. Он подтвердил суверенность Антиоха в качестве царя Коммагена, династии Ариев в Эдесе и Тигранов в Армении. Поражение Красса при Каррах в 63 году до н.э. показало мудрость стратегии Помпея, поскольку Рим еще не был готов к войне с Парфией на ее собственной территории. Оглушительный разгром побудил римлян убраться на какое-то время на восток от Евфрата, что дало передышку малым княжествам Месопотамии.

Счастливым статус-кво мог сохраниться гораздо дольше, если бы не ряд гражданских войн между самими римлянами, во-первых, и не происки Ирода Великого, во-вторых. Будучи жуткой смесью Макбета и Отелло, он — в отличие от других монархов региона — не был законорожденным наследником. Не будучи иудеем (он был идумеанином, то есть потомком сына Исаака — Исава (Эдома), а не Иакова (Израиля), он узурпировал царскую власть в Иудее. Его отец Антипат сумел построить хорошие отношения с Помпеем. Теперь же, оседлав тигра римской политики, Ирод по очереди вступал в союз с Юлием Цезарем, Кассием, Антонием, Августом и наконец Тиберием. Несмотря на свою крайнюю непопулярность среди евреев, с помощью римлян он ухитрился оставаться царем на протяжении тридцати трех лет.¹

Однако дела Ирода не шли так уж гладко. В 40 году до н.э. парфяне попытались задавить его в зародыше, и вторглись в Палестину, чтобы восстановить на троне Антигона². Ирод бежал из страны, прихватив с собой Мариам — внучку предыдущего асмонийского царя Гиркана II. Он заточил ее в темницу под «охраной» членов своей семьи в крепости Масада. Крепость была практически неприступной, и парфяне, осадившие ее, так и не смогли ее захватить. Тем

временем Ирод отправился в Рим через Египет и ухитрился уговорить сенат поставить его царем Иудеи. Больше того, из Сирии выступила римская армия, парфяне были изгнаны из Иерусалима, и Ирод получил возможность занять трон. По возвращении Ирод постарался узаконить свое положение, отослав свою первую жену Дорис и женившись на Мариам. Когда позже Ирод убил ее старшего брата, высшего жреца Аристобула, Мариам действительно осталась последней в своей династии.

Несмотря на свое раболепие перед римлянами, Ирод нажил себе врагов повсюду. Его совершенно справедливо ненавидели в Месопотамии. Царь Коммагена Антиох попустительствовал — если и не принимал прямого участия — нашествию парфян на Сирию и Палестину в 40 году до н.э. Как бы то ни было, в 38 году до н.э. Марк Антоний организовал экспедицию в Коммаген и осадил его столицу Самосату. Желая снискать расположение того, в ком он увидел нового сильного человека в римской политике, Ирод поспешил к нему на помощь. Этот эпизод описан еврейским историком Джозефом:

«Прослышав о том, что Антоний устроил полномасштабную осаду Самосаты — хорошо укрепленного города у Евфрата, Ирод заторопился еще сильнее, увидев прекрасный шанс продемонстрировать свое рвение и сделать Антония обязанным себе. Так оно и случилось. Сразу же по прибытии он успешно завершил осаду, поубивал массу врагов и добыл огромное количество трофеев, чем укрепил бывшее восхищение Антония своей удалью, и Антоний воздал ему новые почести, поддержав его надежды на восшествие на трон, в то время как царь Антиох был вынужден сдать Самосату».

Таким образом Ирод принял прямое участие в свержении Антиоха, бывшего, как мы видели, возможным гла-

вой тайного общества, найденного Гурджиевым и известного как Сарманское братство. Осложнив и без того сложную ситуацию, Марк Антоний пленился Клеопатрой, царицей египетской. Подобно Ироду, она постоянно сомневалась в прочности своего положения и поэтому отделилась от всех своих родственников. Однако ее амбиции простирались за пределы Египта, и она увидела в Марке Антонии благоприятную возможность реализовать свои планы. Это имело, как пишет Джозеф, плачевные последствия для ее ближних и дальних соседей:

«Антоний, погубленный своей страстью к Клеопатре, стал рабом собственного сладострастия, а Клеопатра умертвила всех своих родственников и, жаждая крови чужаков, принялась порочить правителей Сирии и уговаривать Антония казнить их, полагая, что таким образом станет хозяйкой их богатств. Она даже обратила свою алчность против евреев и арабов и втайне готовила гибель их царей — Ирода и Малиха.

Антоний был достаточно благоразумен, чтобы понять полную аморальность многих ее требований — в том числе убийства честных людей и известных царей, но ранил их в самое сердце, лишив их своего расположения. Он отрезал большие куски от их территорий, в том числе и пальмовую рощу в Иерихоне, где производился бальзам, и отдал их Клеопатре вместе со всеми городами, за исключением Тира и Сидона, по эту сторону от реки Элевтер. Став хозяйкой этих владений, она сопровождала Антония вплоть до Евфрата, когда он отправился на войну с парфянами, а затем прибыла через Апамею и Дамаск в Иудею. Ирод умиротворял ее враждебность богатыми дарами и арендовал у нее отрезанные от его царства земли всего за 200 талантов в год! Затем Ирод проводил Клеопатру, оказывая ей всяческие знаки внимания. Вскоре вернулся из Парфии

и Антоний, приведя в подарок Клеопатре пленника — Артабазу, сына Тиграна, который и был немедленно передан ей вместе с деньгами и всей остальной добычей.

Джозеф не пишет о том, как поступила Клеопатра с Артабазом, но скорее всего его водили напоказ по Александрии перед тем, как казнить. Тем временем Мариам пребывала в нежеланном браке с нелюбимым Иродом. Она ненавидела его как врага своей семьи, убившего и ее брата, и ее деда. Согласно описанию Джозефа, она была очень красивой, и Ирод был опьянен ею. Его «любовь» переросла в жестокую ревность. В 29 году до н.э. он отправился в другие страны и оставил Мариам на попечении своего зятя Иосифа, мужа своей сестры Саломеи, дав ему строгую инструкцию немедленно умертвить ее, если с ним самим что-нибудь случится. Излишне говорить, что Мариам прознала про угрозу своей жизни, и по возвращении Ирода совершила глупость, выбравив его за это. Саломея, ненавидевшая Мариам за ее царственное происхождение и красоту, распустила злобный слух, что она вступила в любовные отношения с Иосифом. Поверив, что не бывает дыма без огня, Ирод тотчас же приказал умертвить обоих.

Мариам родила Ироду пять детей, включая двух сыновей, выживших в детстве, — Александра и Аристубула. Хотя старший из них — Александр был наследником трона, они оба ненавидели отца за то, что он сделал с их матерью. В свою очередь, их ненавидел Антипатр, старший сын от первой жены Ирода — Дорис. Антипатр организовал заговор против своих сводных братьев и убедил Ирода, что они собираются отравить его. Юношей отправили на суд в Рим, но они были оправданы по всем пунктам обвинения тогдашним цезарем Августом. Но этим дело не кончилось, ибо происки против них продолжались, и в конце концов по приказу отца Александра и Аристубула задушили. К тому

времени Ирод уже состарился и не доверял никому из своей большой семьи с многими женами, сожительницами и детьми. Уже находясь на смертном ложе, за несколько дней до собственной кончины в 4 году до н.э., он приказал умертвить и Антипатра, ставшего его наследником.

Если иметь в виду характер этого Тирана — Саддама Хусейна своего времени, то легко можно вообразить, как он должен был отреагировать на известие о рождении ребенка, ведущего свою родословную от самого Давида, а не от сравнительно новой династии Асмонеев. Он наверняка подумал об опасности повторения истории. Сами имена Марии и Иосифа — если бы он узнал о них — вызвали бы у него страшные воспоминания о событиях двадцатилетней давности, когда он убил Мариам и ее опекуна, тоже носившего имя Иосифа. Он определенно не сожалел об избиении младенцев в Вифлееме, надеясь устранить таким образом возникшую для него угрозу.

Такова была политическая реальность конца I века до н.э. В таком свете миссия волхвов приобретает ярко выраженный политический оттенок. Какое бы символическое значение ни имели события, описанные Матфеем в его захватывающей истории, волхвы того времени должны были прекрасно знать недавнюю историю Иудеи и, в частности, роль Ирода в свержении царя Коммагена Антиоха Епифания. Они знали, насколько области к востоку от Евфрата были беззащитны перед посягательствами Рима, и вполне могли надеяться на то, что рождение Иисуса станет новым началом, что, возмужав, он изгонит римлян не только из Иудеи, но и из всей Азии. Есть и нечто большее в легенде о волхвах, нежели обычная печальная история войн, политики с позиции силы и династических амбиций. Рассказ Матфея проясняет, что эти люди были астрологами и что они увидели на небе что-то особенное,

побудившее их совершить путешествие в Иудею. Этим «чем-то» была звезда — столь большая и яркая, что оставалась видимой еще долго после рассвета. Именно этот важный знак, столь значимый для любого сведущего в вопросах магии, побудил их отправиться в путь, и именно он привел их сначала в Иерусалим и затем в Вифлеем. Что это была за звезда, оказавшаяся гораздо ярче любой другой звезды, и почему она показалась столь значимой?

Современные астрономы, способные составить точный гороскоп для любой даты в последние десять тысячелетий, склонны согласиться с тем, что речь скорее всего шла о наибольшем кажущемся сближении небесных тел. Похоже на то, что увиденное волхвами и предсказанное волхвами было сближением двух крупнейших планет солнечной системы — Юпитера и Сатурна, так что излучаемый ими свет удвоился и их нельзя было различить друг от друга. Такое весьма редкое событие произошло на протяжении лета 7 года до н.э. Большинство астрономов соглашается с тем, что это — единственное небесное явление той эпохи, которое соответствует описанию Матфея. Узнав об этом, я посчитал возможным восстановить гороскоп Иисуса и узнать из него многое о выпавшей ему участи.

Волхвы явились с востока, следовательно, из Парфянского царства. Оно было гораздо более свободным конгломератом, нежели его великий соперник — Римская империя. Как мы видели, Месопотамия и Анатолия насчитывали ряд более или менее независимых царств, народы которых считались «парфянами». То были государства-сателлиты, которые во время рождения Иисуса образовывали буфер между двумя империями. Самыми крупными из них, во всяком случае с точки зрения истории о волхвах, были Коммаген, Осроэн (княжество, в которое входили и Эде-

са, и Харран) и Армения. Памятники Эдесы указывают на таинственное предание с египетским оттенком, когда-то существовавшее в регионе. Оно, как мы уже знаем, свидетельствует о связях между пирамидами, созвездием Ориона и тайным символизмом, заключенным в историях о Самсоне, Иове и пророках. Оно же позже перекликается с преданиями об Иоанне Крестителе.

В то время Коммаген имел собственную небесную религию, основанную на слиянии греческих, персидских и египетских идей. Антиох Елифан I учредил новый календарь, отталкиваясь от своего «официального» дня рождения. Он же построил шахту, сориентированную на запад, на то место на небе, через которое ежедневно проходит звезда Регул — «малый царь», известная также как сердце льва. Когда солнце максимально сближается с этой звездой, как это случилось тогда 29 июля, звезда Сириус впервые появляется на рассвете. Этот день был священным для египтян, поскольку означал начало их года. Отсюда вытекает, что Антиох последовал их примеру, когда решил заменить лунный календарь Коммагена на солнечный и звездный.³ Очевидно, что новый праздник, который Антиох ассоциировал с королевской властью и рождением царей Коммагена, призван был стать началом официального года. Отсюда вытекает, что более поздние цари Коммагена, в том числе и его сын Антиох II, правивший Коммагеном в 7 году до н.э., должны были проявить немалый интерес к небесным явлениям, наблюдавшимся в это время года.

Так уж случилось, что 29 июля 7 года до н.э. — в начале нового года в Коммагене — все еще происходило максимальное сближение двух крупнейших планет солнечной системы — Юпитера и Сатурна. Оно должно было вызывать непреходящий интерес астрономов в Коммагене и, возможно, в других местах Ближнего Востока. Зная эти основные факты, мы можем восстановить сценарий.

ГОРОСКОП МЕССИИ

Подыскивая правильную дату для дня рождения Иисуса, мы должны принять во внимание ряд вещей. Прежде всего, в Евангелии от Матфея, служащем нашим изначальным источником истории волхвов, утверждается, что во время рождения Иисуса в небе виднелась особенно яркая звезда, за которой смогли последовать мудрецы с Востока. Та звезда «остановилась отдохнуть» над местом рождения младенца. Если предположить, что речь не идет об НЛО или каком-то другом необычайном явлении, которое можно приравнять к звезде, то опознание этого тела становится относительно легким. Наиболее вероятным событием, вызвавшим подобный интерес среди волхвов, должно было быть это редкое соединение Юпитера и Сатурна в созвездии Рыб. Оно означало начало «Новой эры» — Рыб.

В Откровении ап. Иоанна Богослова Иисус Христос описывается как Лев:

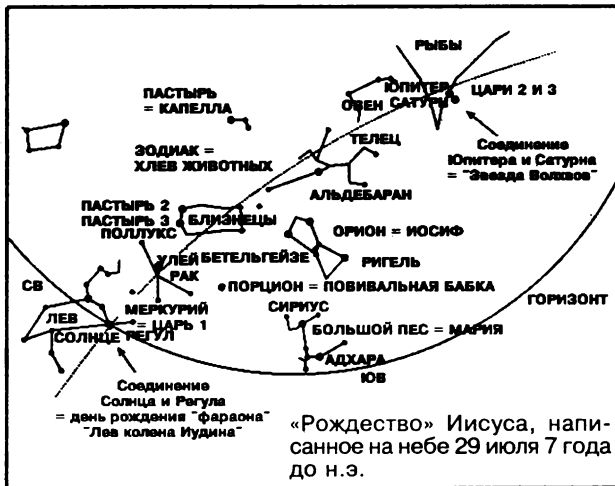
«5⁵ И один из старцев сказал мне: не плачь; вот, лев от колена Иудина, корень Давидов, победил, и может раскрыть сию книгу и снять семь печатей ее».

Такое описание подходит Иисусу, если он родился под знаком Льва, а не под знаком Козерога, как было бы, если бы он родился 25 декабря. Как мы уже видели, празднование дня Рождества было более поздним изобретением церкви, когда она поглотила римские культы Митры и Солнца Непобедимого. Прежде зимой праздновалось Крещение Иисуса, отмечавшееся 6 января. Матфей и другие посвященные христиане понимали, что Иисус был Мессией Новой эры и что его символический, если и не действительный, день рождения должен был совпадать с днем рождения царя Гора. Такой датой, отвечающей всем критериям, является 29 июля 7 года до н.э.

В Древнем Египте самым важным днем в году был символический день рождения Гора во время солнечного восхода Сириуса. (Перед самым рассветом Сириус восходит и видим несколько минут до восхода солнца.) В этот день солнце должно было взойти в соединении с Регулом — красной звездой-гигантом в созвездии Льва, получившей название «малого царя». У египтян красный свет зари символизировал кровь богини Исиды, отходившую при рождении ее сына. Бледный свет души Исиды — Сириуса — самой яркой звезды на небе, быстро затмевается Солнцем — ее сыном. Следовательно, солнце — символический «сын» Сириуса. После своего рождения он становится Ра-Характе — соколом богом-сыном, который почитался в Гелиополисе и символический знак которого изображен наверху обелиска XII династии. Если следовать магическому изречению: «Как наверху, так и внизу», то ежегодное возрождение Солнца представляет рождение царей Горов.

Солнечный восход Сириуса был началом носящего его имя года, и этот «Новый год» — как мы уже видели — был принят Антиохом из Коммагена как официальный день рождения самого себя и своего отца. Однако 29 июля 7 года до н.э. две планеты — Юпитер и Сатурн — должны «соединиться», образуя одну яркую звезду. Поскольку это был официальный царский день рождения в Коммагене (и, возможно, в некоторых других малых царствах Месопотамии), такие предзнаменования должны были представлять большой интерес для волхвов, настолько, быть может, большой, чтобы побудить их послать поисковые партии на поиски божественно рожденного младенца.

Как видно в мемориале Антиоха, цари Коммагена считали себя опекаемыми великим небесным Львом и определенными планетами — особенно Юпитером. Их царский

культ был тесно связан с зороастризмом, а Юпитер они воспринимали как воплощение персидского высокого божества Охрмазда. Они также знали предсказание о том, что у персидского пророка Зороастра родится посмертный сын. Видя соединение Юпитера и Сатурна на небе именно в день рождения своих царей, астрологи, естественно, должны были посчитать это предзнаменованием рождения возможного Мессии. Зная, что в их собственном монаршем доме не ожидалось такого рождества, астрологи Коммагена, естественно, должны были посоветоваться с эдесийскими и армянскими коллегами. Монарший дом Эдесы также был связан со Львом, ибо его основателя звали «Ария», а это имя означало «лев» и на древнееврейском, и на арамейском. Узнав, что и в тех царствах не ожидалось рождения важного лица, они задавались вопросом, где еще оно могло иметь место. В Эдесе имелаась большая еврейская община, и было бы удивительно, если бы царь Абгар не знал, что монаршим домом в Иудее также пра-

вит Лев и что евреи ожидали Мессию. Таким образом «мудрецы» — вероятно, не сами цари — были посланы из Эдессы, Армении и Коммагена на розыски.

Прибыв в Иерусалим, они, естественно, проконсультировались с двором Ирода. Их наверняка приняли любезно, в соответствии с их рангом, но информировали, что в ближайшие дни не ожидалось рождения монаршего отпрыска. Посоветовавшись со жрецами и старейшинами Храма, они должны были узнать о существовании старого пророчества о предстоящем рождении в городе Вифлеем Мессии — потомка дома Давида. В отличие от Иерусалима, расположенного в землях, когда-то принадлежавших израильскому племени Вениамина, Вифлеем находился в провинции Иуды. Колено Иуды было львиным племенем Израиля, Вифлеем должен был быть львиным городом и астрологически подходящим местом рождения царя, опекаемого Львом. Волхвы должны были проверить это пророчество. Поэтому они поспешили в Вифлеем, находившийся всего в пяти милях, дабы убедиться в истинности пророчества. Их караван мог прибыть в Вифлеем на рассвете, и соединение Юпитера и Сатурна в яркую звезду вело их на пути к югу от Иерусалима. Хотя все остальные звезды к тому времени исчезли из виду, эта «звезда» оставалась видимой, повиснув над хлевом, в котором родился Иисус. Радуюсь выполнению своей миссии, мудрецы слезли со своих верблюдов и достали из седельных сумок свои подарки для младенца: золото, ладан и смирну. Они вошли и засвидетельствовали свое почтение новому Мессии, став перед ним на колени и преподнеся ему свои дары. Затем, обменявшись любезностями с его родителями, и, вероятно, пообещав любую помощь со своей стороны в его воспитании, они разбили лагерь на соседнем поле. Ночью ангел предупредил их, чтобы они возвраща-

лись к Ироду, поэтому они вернулись в Эдесу другим путем, отправившись, возможно, сначала в Египет, дабы встретиться с друзьями и совершить какие-то сделки.

Подобный сценарий а ля Далай-лама⁴ и был, вероятно, историческим событием, на котором построил свое повествование Матфей. Однако в легенде о волхвах следует видеть нечто большее. Библия писалась на многих и различных уровнях, и совершенно очевидно, что, как и все остальное в его Евангелии, Матфей включил эту историю с определенной целью. Она должна была быть понятной хотя кому-нибудь из читателей, из тех, «у кого есть уши, чтобы слышать», и кому было адресовано Евангелие. Они бы поняли появление волхвов в Рождество совершенно в ином ключе — как весьма сжатое описание судьбы Иисуса.

ГОРОСКОП МЕССИИ

Матфей, может быть, и не был сборщиком налогов, хоть и назван «мытарем» в Библии царя Иакова. Но точно был христианским гностиком. Вероятно, он был жителем Антиохии или Александрии и определенно разбирался в языческих культах региона. Его Евангелие было призвано обращать людей в новую веру, и поэтому он старался показать ее насущность. Он вроде бы понимал взаимосвязь древних таинств и христианства и хотел подчеркнуть ее для посвященных. Так, в новом христианском обществе Иосиф, Мария и Иисус призваны были заменить изначальную египетскую троицу — Осириса, Исиду и Гора. Рождение Иисуса символически явилось тем же, что и рождение на земле нового «Гора-царя»: он — провозвестник Новой эры, сменяющей старую, сработавшуюся религию Египта, и должен восприниматься как таковой. Христианские иконописцы, отталкиваясь от рамочной истории,

зафиксированной в Евангелии от Матфея, зафиксировали детали гороскопа Иисуса. В самом деле, они взяли эту историю и превратили ее в изначальную картину Рождества, «легоминизм» настолько удачный, что он не был предан забвению и два тысячелетия спустя. Они поступили таким образом, чтобы он не был забыт или подвергнут цензуре, что церковные власти непременно сделали бы, сообрази они, что они натворили. Понимая это, мы в состоянии проанализировать традиционную сцену Рождества и увидеть в ней более глубокий смысл, нежели воспринятый этими посвященными христианскими иконописцами.

Как мы уже видели, у Марии и Иосифа есть звездные аналоги; в макрокосмическом смысле они представлены соответственно звездой Сириус и созвездием Орион. Однако символизм здесь имеет гораздо более широкий смысл. По преданию, Иисус родился в хлеве — месте для животных. Это явно символизирует зодиак — «животную» тропу солнца, прокладывающего себе путь по небу.⁵ При рождении присутствуют, кроме Марии и Иосифа, два символических животных, пользующихся тем же «хлевом», то есть видимой частью зодиака: вол (Телец) и овца или баран (Овен). Присутствуют и три пастуха. Я полагаю, что ими являются три главные звезды, «указывающие путь» — Капелла, очень яркая желтая звезда в созвездии Возничий; Кастор и Поллукс — Близнецы. Древние наблюдали за всеми этими звездами и определяли по ним время. Они восходят перед Львом и в каком-то смысле выступают его проводниками. Примечательно, что все они находятся выше линии эклиптики в более северной части неба, нежели Орион и Большой Пес (Иосиф и Мария). Таков, должно быть, смысл указания на нахождение пастухов «в горах», то есть к северу от события, откуда их призывают ангелы.

В традиционной сцене Младенец Иисус лежит в «яслях» — в том месте, где животные получают корм. Слово же «Вифлеем» означает «Дом хлеба», и город этот находился в традиционных владениях племени Иуды. Каждое из древних племен Израиля было приписано к тому или иному из двенадцати знаков зодиака. Иудино колено было львиным племенем, и их «дом», соответственно, находился под покровительством Льва. Таким образом, «Иисус в яслях» означает, что он находится в Вифлееме, следовательно, в знаке Льва. Это символизируется восходом (рождением) солнца в знаке Льва.

Другая яркая звезда — Прочион находится посредине между Марией и Младенцем Иисусом (Солнце в сближении с Регулом). Прочион восходит чуть раньше Сириуса и после Ориона. Тем самым он ближе к Марии, чем Иосиф во время «родов». Примечательно, что Прочион — это созвездие Малого Пса, связанное с Большим Псом как его меньшая или более молодая версия. Если Большой Пес представляет Марию, тогда это созвездие должно быть девушкой. По всем этим соображениям я считаю, что Прочион представляет собой «повивальную бабу», которая, судя по некоторым преданиям, была дочерью хозяина постоялого двора.

На рассвете видны только очень яркие звезды, и здесь упомянуты все они в данной части неба. Теперь остаются только планеты. Согласно магической философии, планеты являются богами нижних небес (то есть солнечной системы). Каждая из них покровительствует одной из «хрустальных сфер», окружающих землю. Считалось, что при рождении душа получает «дары» от тех планет, которые присутствовали при родах. Характер таких даров, как полагали, определяет как способности, так и участь человека на всю предстоящую ему жизнь на земле. Поэтому было

очень важно знать планеты, наблюдавшие за твоим рождением, то есть те, которые находились над горизонтом при твоём рождении, ибо они явятся богами, которые окажут сильнейшее влияние на новорожденного.

Если предположить, что Иисус родился 29 июля 7 года до н.э., на небе были видимыми три планеты: Юпитер и Сатурн в таком сближении, что они должны были выглядеть одной, очень яркой звездой, и Меркурий, который был видим незадолго до зари как утренняя звезда. Как Сириус представляет Марию, а Орион — Иосифа, так эти три планеты явно являются астральными аналогами трех царей или волхвов из более позднего предания. Их дары — золото, ладан и смирна⁶ — символизируют соответственно богатство, духовную мудрость и долгожительство. Таковы дары, свойственные трем рассматриваемым планетам. Золото — Юпитеру, смирна — Сатурну и ладан — Меркурию.

Во многих изображениях «Поклонения волхвов» два царя спокойно стоят, ожидая очереди засвидетельствовать свое почтение новому Спасителю, а третий преклоняет колени перед младенцем и целует его ножку. Первые два явно являются Сатурном и Юпитером в соединении, а третий должен быть Меркурием. На греческом эта планета называлась «Гермес» и ассоциировалась с египетским богом Тотом, известным также как Гермес Трисмегист: «Трижды славный Гермес». Хоть нам и привычнее видеть в Меркурии юного посланца богов, в образе древнего пророка Гермеса Трисмегиста его обычно описывают престарелым и почитаемым. Так, в изображениях Рождества его обычно изображают старшим из трех.

Из всего вышесказанного со всей очевидностью вытекает, что вся картина неба при рождении Иисуса почти во всех своих подробностях в бесчисленных живописных и скульптурных изображениях представлена довольно лег-

комысленно. К сожалению, по календарным и политическим соображениям день рождения Иисуса был перенесен церковью на 25 декабря. Этот праздник изначально был связан с днем рождения римского и персидского бога солнца Сола-Митры. На заре церкви зимой — а именно 6 января — праздновалось Богоявление. Этот праздник, однако, не имел ничего общего с рождением Иисуса и скорее был связан с его крещением Иоанном. В IV веке церковь превратила его в день рождения Иисуса, вероятно, потому, что крещение подразумевало, что Иисус нуждался в посвящении Иоанном прежде, чем предпринять свое пастырство. Церковная доктрина стала утверждать, что, будучи Богом-Сыном и вторым лицом в Троице, он с самого рождения был всеведущим и всемогущим. Идея, что сам Иисус прошел через ряд посвящений до того, как обрел все свои способности, не устраивала священнослужителей, уже забывших, если и знавших когда-либо, каковыми были эти способности. Изменение даты, с другой стороны, устраивало некоторых язычников Александрии, облегчая их обращение. Они привыкли праздновать рождение Зона (в данном случае нового года) у богини-Девственницы Кору именно 6 января. Они могли принять Иисуса за Зона и Марию за Кору, не меняя дату своего главного праздника. Еще позже и, вероятно, по весьма схожим же соображениям Рождество было перенесено назад, на 25 декабря, день рождения бога солнца, а 6 января стало праздником волхвов.

Выбор дня, близкого к зимнему солнцестоянию, для Рождества Христова был по-своему логичным и совпал с римским календарем. Это означало, что Благовещение — день, когда Приснодева забеременела за девять месяцев до Рождества, — могло праздноваться 25 марта. Согласно же Евангелию от Луки, дата зачатия Иисуса

отстоит на шесть месяцев от даты зачатия Иоанна Крестителя. Соответственно день рождения Иоанна также удобно было праздновать 24 июня — в Иванов день. Хотя, в соответствии с Библией, именно Гавриил явился отцу Иоанна — Захарии, чтобы объявить ему, что его жена Елисавета забеременела, это менее важное «Благовещение» выпадает на 29 сентября — день другого архангела — Св. Михаила. Церковь получила праздники, совпадающие с ее учением о четырех основополагающих днях в году: зимой, весной, летом и осенью.

ХРАМЫ ПРИСНОДЕВЫ

В догматах церкви звездная религия, соединявшая Орион, Льва и Сириус с рождением Иисуса, была замаскирована и видоизменена таким образом, чтобы не вызвать неверия. Церковный календарь фиксированных праздников основывался теперь на четырех днях, начинающих кварталы года: Рождество — 25 декабря, Благовещение — 25 марта, рождение Иоанна Крестителя — 24 июня и Михайлов день — 29 сентября. В средние века Благовещение было началом официального года, а Михайлов день — началом осеннего триместра. Мне представлялось поначалу загадочным, почему эти важные праздники не отмечались точно в дни равноденствия, а несколько дней спустя, и я стал присматриваться к соответствующей астрологии.

Суммируя, скажем: четыре начинающих кварталы дня касаются двух «кузенов» — Иисуса и Иоанна Крестителя и двух архангелов — Михаила и Гавриила. Празднование благовещения, которое отмечалось в римском календаре по меньшей мере с VII века, посвящено тому эпизоду, когда Гавриил сообщил Марии о желании Отца, чтобы она, оставаясь девственницей, стала матерью Мессии. С памят-

ной фразой: «Пусть это будет сделано со мной согласно твоим словам», она согласилась со своим предназначением и была оплодотворена семенем Бога. Девять месяцев спустя, то есть в день Рождества, она родила Иисуса в хлеве Вифлеема. Так соответствуют друг другу оба праздника — Благовещение и Рождество, составляя и теологически, и биологически значимую пару. То же самое — хоть это и не столь важно в глазах Церкви — происходит и в случае Иоанна. Он родился 24 июня, следовательно, его зачатие должно было иметь место девятью месяцами ранее и связано с Михайловым днем. В Библии же эта история полнее рассказана в Евангелии от Луки, нежели в Евангелии от Матфея, и именно Гавриил здесь является отцу Иоанна — Захарии и объявляет ему, что его уже пожилая жена родит сына.

Итак, смысл в том, что тот же самый архангел, но в разное время года, выступает посланцем, являющимся к Марии и Елисавете — матери Иоанна. Обе женщины забеременели по воле Бога, хотя, в отличие от Марии, Елисавета — жена, а не девственница, и можно предположить, что ее оплодотворило семя ее мужа Захарии. Тем не менее Иоанн «...Духа Святаго исполнится еще от чрева матери своей». ⁷ Если он и родится не столь чудесным образом, как его «Богом осемененный» кузен Иисус, все равно его рождение является весьма впечатляющим, принимая во внимание, что прежде его мать была бесплодной и уже достигла престарелого возраста. В определенном смысле Иисус и Иоанн являются божественными близнецами или кузенами, зачатие и рождение которых зеркально отражает друг друга, о чем объявляет один и тот же архангел. Детали Евангелия от Луки, в которых сообщается, что Гавриил является Елисавете за целых шесть месяцев до своей встречи с Марией, подразумевают важность этого различия в сезонах.

Так кто же такой Гавриил и что он символизирует? В христианской иконографии он — или, быть может, она — изображается в традиционной манере в образе красивого крылатого существа. Талисман, который он передает Деве Марии как знак ее божественного призвания, представляет собой белую лилию, символизирующую непорочность. И все же лилия эта имеет более глубокое значение, чем просто символ девственности. Это было понято и раньше и заложено в центре европейского мистицизма в средние века, особенно во Франции, где культ Приснодевы достиг своего апофеоза.

Я вновь обратился к программе *Скайглоуб*, и вновь меня ожидал сюрприз. Выведя дату около 1150 года и настроив ее на Париж, я вскоре обнаружил, что наиболее заметным созвездием и в день Благовещения, и в Михайлов день была — что, наверное, и неудивительно — Дева. 25 марта Дева должна была взойти при заходе солнца. В тот самый момент, когда самая яркая и крупная звезда созвездия Спика всходила над горизонтом, солнце опускалось на западе. Смена даты на 29 сентября также оказалась значимой, ибо в этот день солнце восходило фактически соединенным со Спикой. Таким образом обе даты, отмечаемые как дни зачатия соответственно Марии и Елисаветы по Благовещению архангела Гавриила, были связаны с созвездием Девы.

И все же, с астрологической точки зрения, что-то было не так в этой расстановке, какой бы аккуратной она ни казалась. Восход Спика, соединенной с Солнцем на заре, был явно более мощным символом Благовещения. А раз так, он должен был быть связан с Иисусом как Мессией, а не с Иоанном — пророком, идущим впереди. Иными словами, так как церковь ошибочно передвинула день рождения с лета, когда солнце максимально сближалось с Регулом, на зимнее солнцестояние, символизм Благове-

щения был поставлен с ног на голову. Поняв это, я решил поглубже вникнуть в вопрос и посмотреть, какие параллели могут быть проведены между христианским праздником Благовещения и более древним его египетским аналогом — «осеменением» Исилы.

В «Тайне Ориона»⁸ мы с Робертом Бьювэллом представили доказательства того, что южная шахта покоя царицы в Великой пирамиде была сориентирована таким образом, что во время строительства пирамиды она «смотрела» на Сириус, в тот момент, когда он пересекал южный меридиан. Это, предположили мы, было связано с особым ритуалом, который, по нашему мнению, когда-то проводился в покое царицы, а Сириус — звезда Исилы была символически оплодотворена, когда на рассвете она оказывалась на одной линии с шахтой. Поскольку речь шла об очевидном египетском аналоге праздника благовещения, я ре-

шил посмотреть, когда это случалось в Каире до предполагаемого Рождества Христова 29 июля 7 года до н.э: К моему удивлению, истинный день, в который Сириус должен был выстроиться на рассвете в одну линию с южным меридианом, выпал на ту дату, когда Солнце восходило в максимальном сближении со Спикой — 22 сентября 8 года до н.э.

Поскольку это явно не было случайным, я решил вникнуть в символизм созвездия Девы и посмотреть, кто или что стояло за ним в египетские времена и какую связь это могло иметь, если имело, с Девой Марией или архангелом Гавриилом. Из книги «Астрея» Фрэнсис Йейтс я узнал, что созвездие Девы является латинизацией Астреи — Девы «золотого» века. Йейтс разрабатывает историю, рассказанную Овидием в «Метаморфозах»:

«В первой книге Овидия «Метаморфозы» приводится известное описание четырех эр. В той первой, золотой эре при покровительстве Сатурна люди находили пищу без труда в вечно длившейся весне, все люди были добродетельными по природе своей, и царил вселенский мир. После золотой эры Сатурна наступила серебряная эра Юпитера, когда вечная весна уступила место сезонам, люди впервые переносят крайности жары и холода и начинают заниматься пахотой. Третья, бронзовая эра была суровее первых двух, но еще не была нечестивой. И, наконец, наступила железная эра, когда зло было выпущено на свободу. Скромность, правда и вера оставили землю; люди алчно паслись на земле ради наживы и проникали в ее недра в поиске металлов. Наступила война, размахивая мечом в окровавленных руках. Благочестие лежало поверженным, и последняя из бессмертных — Дева Астрея покидает пропитанную кровью землю».

Вера в более раннюю золотую эру изобилия универсальна. В Египте она характеризовалась полумифическим

царствованием бога-царя Осириса и его жены Исиды, вместе установивших цивилизацию. Одним из главных столпов общества, по крайней мере, в той степени, в которой мы можем судить на таком удалении во времени, была сильная жара в правление закона. Египтяне характеризовали абстрактное качество истины и справедливости фигурой богини, которую они называли *Маат*. Ее символом было страусиное перо, и цари Египта носили два таких пера в так называемой короне «Атеф» Осириса. Поддержание правления закона было основной обязанностью фараона, так как он старался соперничать с Гором, который восстановил порядок в Египте после убийства его отца узурпатором Сетом. *Маат* как истина была принципом, в соответствии с которым, как надеялись египтяне, их будут судить после смерти. Этот суд символизировался церемонией «взвешивания сердца», которая изображена на бесчисленных папирусах вроде «Кукушки-секретаря». ⁹ Во время этой церемонии — которая, думается мне, проводилась в покое царя в Великой пирамиде, — сердце умершего (символизируемое небольшим кувшинчиком, в который его помещают, когда мумифицируют тело) взвешивается на весах, на второй тарелке которых лежит *Маат* — перо истины. В зависимости от результатов этой пробы, душа умершего либо может покинуть землю и присоединиться к Осирису в небесном мире, либо пожирается чудовищем с телом льва и головой крокодила, притаившимся рядом с весами. В покое царя имеется сориентированная на юг шахта, которая во время строительства пирамиды (ок. 2450 г. до н.э.) указывала прямо на апогей звезды Алнитак в поясе Ориона. Вторая шахта, берущая начало в противоположной стене, была направлена прямо на Полярную звезду — альфу созвездия Дракона. Если двор Осириса ассоциируется с Орионом, который представляется собой небо, то Полярная звезда символизируется кро-

кодилоголовой богиней Туарт. Ее всегда изображали на сносках и связывали с родами. Отсюда вытекает, что выбрасывание души через одну из двух шахт обозначает альтернативные результаты суда. В одном случае душа присоединяется к Осирису в раю, в другом ее должна пожрать Туарт, дабы она возродилась на Земле.

Маат, часто изображаемая стоящей рядом с весами (Весы в нашем зодиаке), представлена на небе созвездием Девы. В египетской мифологии ее часто считали супругой Тота — бога науки и письма, которого греки называли Гермесом Трисмегистом. Именно он записывает результаты суда в своей «Книге жизни» и выступает в деле в качестве судьи и присяжных. И бог, и богиня вроде бы играли свои роли в определении участи душ, в особенности их воплощения на Земле.¹⁰

Но вернемся к Фрэнсис Йейтс и ее описанию латинской Девы. Она пишет:

«Овидий пользуется греческими источниками. Предание о золотом веке, на который намекает Гесиод, было расширено греческим астрономом и поэтом Аратосом, писавшим о созвездии Девы — шестом знаке Зодиака. Аратос объясняет: когда девица Юстиция оставила мир в железном веке, то поселилась на небесах как созвездие Девы; фигура справедливой девы теперь светит в небе, держа в руке пшеничный колос. Атрибут пшеничного колоса повторяется переводчиками на латынь и подражателями Аратоса, и созвездие традиционно изображается в виде крылатой женщины с пшеничным колосом. Колоски отмечают позицию Спики — особенно яркой звезды в этом созвездии».

В изначальной египетской версии Юстиции или Девы в образе *Маат* Спики, вероятно, была либо пером справедливости, либо цветком лотоса.¹¹ Также очевидна ассоциа-

ция лотоса с рождением Гора, как воплощения Солнечного Логоса. Согласно Рандлу Кларку:

«...Египтяне иногда символизировали появление великого Духа Жизни из вод в виде лотоса — водяной лилии, поднимающейся и раскрывающей свои цветы, лепестки которых отклонялись назад и обнажали встающего Бога Света и Движения... Порой цветок обнажал младенца — утреннее солнце».

Из этого описания вытекает, что дитя лотоса изображает душу Гора, сына Солнца. Это видно на «Папирусе Ани», где лотосы поднимаются из пруда и из открытого центрального цвета высовывается голова.¹² Вполне вероятно, что символ Гора в лилии связан с его тайным рождением у Исиды среди лилий и папируса в Нижнем Египте.

Из всех этих соображений мне стало ясно, что в астральном плане архангел Гавриил представляет Юстицию — созвездие Девы. Благовещение Деве Марии было ниспослано — по крайней мере символически — 22 сентября 8 года до н.э. Явился ли ей ангел или нет — не имеет значения в том, что касается астрального символизма. В тот день, когда Сириус на рассвете достиг меридиана, солнце соединилось со Спикой. Ангел (Дева) символически предлагает массу лилий с сидящей среди них душой будущего Гора-царя. Мария, символизируемая Сириусом в апогее своего цикла, принимает «семя» или, скорее, душу в свое чрево. Таким образом Иисус, воплощенный в человека, покидает клумбу лотосов на небе, то есть мясо, где душа отдыхает междувоплощениями, и является во временные рамки земли и пространства. Делая это, он должен — как и все остальные воплощающиеся души — принять определенную участь и предназначение. Все это заложено в Благовещении, хоть и не проявляется до его рождения, опять-таки символизированного, если не действительного, примерно десять месяцев спустя, 29 июля.

Таким образом, надлежащая привязка Благовещения к 22 сентября добавляет достоверности привязке реального дня рождения Христа к Лету, а не к зиме. Тем временем его кузен Иоанн, которого в его космической роли дикого пророка символизирует Орион, должен был в действительности, оаз он на шесть месяцев старше Иисуса, родиться тогда, когда солнце находилось в созвездии Водолея. Что более могло подойти человеку, призванному стать Крестителем?

Оставив в стороне квартальные даты церковного календаря, основанного во всяком случае не на адекватном астрологическом понимании символов, которое они должны выразят, а скорее на римских праздниках Митры/Солнца Непобедимого, я смог понять, что христианство в действительности напрямую связано с древними таинствами Египта. Чего я не сообразил, однако, так это того, что гороскоп Иисуса содержит нечто большее в связи с историей волхвов и обнаруживает, как тесно они связаны с его астральным предназначением.

ДАРЫ ВОЛХВОВ

Церковь отказалась от идеи совпадения дня рождения Иисуса с днем солнечного восхода Сириуса в 7 году до н.э. в качестве символического возрождения солнца зимой. День рождения в июле показал бы со всей очевидностью связь христианства с изначальным египетским культом Осириса, ибо это было началом года Сириуса и на протяжении тысячелетий основой Египетского календаря. Лишь в 245 году «отец церкви» Ориген, родившийся в Александрии и, будучи епископом, общавшийся с императором Северием Александром, открыто осудил празднование рождения Иисуса, «как если бы он был фараоном». Он бы

не сказал такого, если бы в Египте даже его времени не понимали, что истинное рождение Иисуса соответствовало началу египетского Нового года и официальному дню рождения Гора. К сожалению, с утратой реального дня рождения Иисуса и знания того, что он был рожден под знаком Льва, были затемнены некоторые библейские пророчества вроде содержащегося в Откровении (5:5), где один из старцев говорит: «...не плачь; лев от колена Иудина, корень Давидов, победил, *и может* раскрыть сию книгу и снять семь печатей ее». Лев племени Иуды должен был родиться под созвездием Льва, и им явно является Иисус. Снимаемые им семь печатей символизируют семь планет, которые запечатывают хрустальные сферы и, следовательно, удерживают души на Земле. Этот догмат нельзя понять без ссылки на гермесову традицию и знания астрологии, определившей рождение Иисуса.

Есть и более глубокий смысл в дарах волхвов, который становится очевидным не сразу. Согласно гермесовой философии, в которой явно неплохо разбирался Матфей, семь планет¹³ были царями или правителями нижних небес. Из-за своего отхода от истинной веры Человек был поставлен под их господство, означавшее, что он втянут в циклы перевоплощения. Считалось, что каждая планета, особенно планеты, находившиеся над горизонтом при рождении человека, передавала что-то из своего характера воплощающейся душе. Однако эти дары могли быть благословением или проклятием в зависимости от того, использовались они из чисто эгоистических побуждений или нет.

В астрологическом плане дары трех царей вполне могли символизировать особые таланты, дарованные Иисусу при рождении планетарными покровителями. Примечательно,

что сразу же после того, как его крестил Иоанн, дьявол трижды подвергает его искушению, пока он постится в пустыне. В данном случае дьявол явно представляет низкую сторону его собственной природы или темную сторону, которая в отличие от его вечного духа обусловлена астральными условиями его рождения. Эти три искушения представляются связанными с неправильным использованием каждого из трех даров царей. Сначала он испытывает искушение обратить камни в хлебы, то есть осуществить волшебное превращение материи. Это означало бы злоупотребить своей пастырской способностью, подаренной ему планетой магии Меркурием. Затем его посещает искушение броситься вниз с высокого места, поскольку он твердо верит, что ангелы предотвратят его падение. Так он злоупотребил бы подаренной Сатурном способностью сохранять жизнь. И, наконец, он впадает в искушение стать царем мира — злоупотребление дарами Юпитера, планеты, покровительствующей монаршей власти. Иисус справляется со всеми тремя искушениями и тем самым показывает, что его предназначение стать выше планетарных богов, символизируемых тремя царями. Примечательно отсутствие при его рождении таких планет, как Венера, Марс и Луна. Поэтому мы и не узнаем о том, что он подвергается искушению похотью (Венера), жестокостью (Марс) или леностью (Луна). Дьявол, или семиголовый планетарный логос, удерживающий души людей в материальном мире, может искушать их только в соответствии с характером их участи.

Позже, во время своего пастырства, Иисус использовал свои дарования ради блага других. Так, свойственными Меркурию способностями он пользуется для превращения воды в вино и умножения хлебов и рыб, но не для

себя, а для других. Дар Сатурна он применяет для исцеления больных и воскрешения умерших. Свои деньги и положение, дарованные ему Юпитером, он отдает и становится бродячим нищим. Таким образом, Евангелие от Матфея показывает, как следует вести себя современному последователю Гермеса — со смирением, милосердием и честью. Иными словами, показывает полную противоположность книжникам и фарисеям, считавшимся мудрецами того времени, но попадавшими в ловушки дьявола, тратившими время на ученые, но бесплодные диалоги и ставившими себя выше соседей. Их обвиняет в лицемерии, в том, что они забрали и спрятали ключи от неба (от гермесовой мудрости, передаваемой вниз через Авраама, Моисея и пророков):

«23 ¹³Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам, ибо сами не входите и хотящих войти не допускаете...

²³Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину с мяты, аниса и тмина и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру; сие надлежало делать, и того не оставлять. ²⁴Вожди слепые, сцеживающие комара, а верблюда поглощающие!»¹⁴

В конце своего жизненного пути, исполнив свою пастырскую миссию, Иисус возвращает дары «богов» — царей астральных сфер. На суде он отказывается защищаться с помощью будь то мудрых слов или волшебных трюков. Иными словами, он отказывается от дара Меркурия. Не пытается он и купить свою свободу, а вполне мог сделать это, используя свои связи. Это отказ от дара Юпитера. В-третьих, умирая на кресте, он отказывается от обещанной ему долгой жизни. Поступив так, он возвращает дар Сатурна. Таким образом, он отдает обратно трем царям

менее ценные дары, предпочитая освободиться от пут земного существования.

Нужно, разумеется, иметь в виду и его четвертый отказ — от царствования в Иудее. Это был дар самого бога солнца Аполлона-Гелиоса, символизированный его рождением при соединении солнца с Регулум. Более того, Иисус позволяет издеваться над собой — на него надевают терновый венец и ему вручают камышовый скипетр. И тем не менее его распинают на кресте (по приказу Пилата) с прибитой дощечкой, на которой написано: «Иисус Христос, царь иудейский». В символическом и всех остальных отношениях Иисус отказывается от всех искушений планетарного мира. Косвенно это свидетельствует, что его гностицизм — это вершина: он сумел вырваться из хрустальных сфер и — как того пожелали бы все герметические философы — занять место по правую руку Бога-Отца, трон которого установлен вне нашей мелкой солнечной системы с ее малыми царями-планетами.

Если вооружиться таким толкованием и осознать, что истинное Рождество имело место 29 июля 7 года до н.э., тогда история волхвов становится одним из главных ключей к пониманию всего остального текста Евангелия от Матфея. Как любой другой, человек Иисус родился с некой астрологической судьбой. Однако он не покоряется ей, а выполняет свое высшее предназначение, которое подразумевает и мучительную смерть на кресте. Это было предсказано в начале Библии, и на последнем дыхании он возвращается к ней:

«27 ⁴⁶...а около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, Или! Лама савахфани? То есть: Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил? ⁴⁷Некоторые из стоявших там, слыша это, говорили: Илию зовет Он. ⁴⁸И тотчас побежал один из них, взял губку, наполнил уксу-

сом и, наложив на трость, давал Ему пить; ⁴⁹а другие говорили: постой, посмотрим, придет ли Илия спасти Его. ⁵⁰Иисус же, опять возопив громким голосом, испустил дух». ¹⁵

Очевидно, что среди «стоящих там» не было книжников и фарисеев, иначе они узнали бы ссылку на 21 псалом:

«²Боже Мой! Боже Мой! /внемли мне/ для чего Ты оставил меня? Далеки от спасения моего слова вопля моего...

⁷Я же червь, а не человек, поношение у людей и презрение в народе. ⁸Все, видящие меня, ругаются надо мною, говорят устами, кивая головою: ⁹«он уповал на Господа; пусть избавит его, пусть спасет, если он угоден Ему»...

¹⁵Я пролился, как вода; все кости мои рассыпались; сердце мое сделалось, как воск, растаяло посреди внутренности моей. ¹⁶Сила моя иссохла, как черенок; язык мой прильнул к гортани моей, и Ты свел меня к персти смертной. ¹⁷Ибо псы окружили меня, скопище злых обступило меня, пронзили руки мои и ноги мои. ¹⁸Можно было бы перечесть все кости мои; а они смотрят и делают из меня зрелище; ¹⁹делят ризы мои между собою и об одежде моей бросают жребий». ¹⁶

Читая этот Псалом Давида и сравнивая его с описанной Матфеем сценой Распятия, очень трудно не заметить содержащегося в нем предсказания событий на Голгофе вплоть до пронзенных рук и ног и до солдат, бросающих жребий насчет одежды Иисуса. Как таковое, он проливает яркий свет на характер предназначения — как противоположности судьбы. Часто кажется, что вся суть истории, утраченная церковью, не желающей признать человечность Иисуса-человека, состоит в том, что он не должен был проходить через все это. Он мог принять дары

мудрецов за то, чем они были, прожить безмятежную и спокойную жизнь и со временем умереть достойно. Распятие представляется отказом от такого выбора в пользу более сурового пути, который станет выполнением пророчеств об умирающем Спасителе и откроет проход через хрустальные сферы. Таково глубокое и суровое послание нам; если мы пожелаем стать последователями Христа, тогда недостаточно боготворить его. Мы тоже должны смотреть в лицо нашему предназначению и при необходимости оставить нашу более безмятежную, но обязательно ограниченную судьбу.

ГЛАВА 12

ВТОРОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД И СОБОР НА РЕЙНЕ

Одним — если не единственным — из побудительных факторов первого крестового похода было тысячелетнее упование. Византия потерпела поражение при Манцикерте практически ровно через тысячу лет после того, как в 70 году римляне разрушили Иерусалимский храм и изгнали евреев из Святой земли. С приближением к концу XI века христианский мир охватило дурное предчувствие. Широко распространилось ощущение, что предсказанное в Библии возвращение Иисуса Христа не за горами, и поскольку ожидалось, что он явится в Иерусалиме, христиане должны вернуть себе Священный город и подготовить пришествие Христа. Такова, несомненно, была главная причина, по которой Годфри Бульонский отказался от короны в качестве царя Иерусалима и предпочел довольствоваться титулом Защитника Гроба Господня. В конце концов он всего лишь готовил трон для Иисуса, появления которого ожидали в любой момент на следующий 1100 год.

Хоть Годфри и не дано было знать этого, Второму Пришествию тогда не суждено было случиться. Годфри умер 18 июля, когда Спасителю оставалось еще несколько месяцев на то, чтобы оправдать ожидания.

Еще оставалось более месяца до конца года, в том числе и самый подходящий день Рождества, когда Болдуин I согласился на то, что отверг его предшественник, и короновался в день Св. Мартина 11 ноября 1099 года. Каким бы богоульственным это ни показалось кое-кому, не было

причин для того, чтобы он не подогрел трон для ожидавшегося «Льва Иудеи». Однако его поступок подсказывает, что в определенных кругах присутствовало понимание, что ждать придется еще долго, что Мессия сам выберет момент своего возвращения и что 1100 год не имел особой привлекательности.

Месяцы превращались в годы, и Утремер заморские территории — под таким названием было известно государство европейских крестоносцев в Палестине — все более походил на любое другое феодальное государство, так что начала пропадать магия Иерусалима. То, что представлялось весьма экзотическим городом, виденным только на рисунках в иллюстрированных рукописных книгах и на гобеленах, стало известным как любой другой город. К тому же он был далеко не райским местом: в нем было жарко летом, а земли вокруг него были почти настоящей пустыней. И страна была небогатой, не дававшей возможности разбогатеть, будь то через торговлю или завоевания. Как если бы этого было мало, царство было ограждено враждебными мусульманскими государствами, которые, объединись они только, задавили бы его. Когда все эти реалии стали доходить до сознания людей, Святая земля потеряла свою привлекательность для эмигрантов, которые обращали свои взгляды уже на другие места.

К тому времени первый крестовый поход уже связывался почти непонятным образом с поиском чаши Грааля. В Антиохии под полом кафедрального собора было найдено древнее копьё, как то и было предсказано в видении, которое было у Петра Отшельника. Многие считали, что это было то самое копьё, которым сотник Лонгин пронзил бок Христа, и, следовательно, весьма святая реликвия. Размахивая этим копьём на поле битвы, христиане

находили в нем такое вдохновение, что сумели отогнать резервную армию мусульман и тем самым обеспечили безопасность Антиохии. Началась серьезная охота за другими реликвиями.

Одной из самых важных из них был «Мандилион» из Эдесы, который считался точным подобием Христа. Хотя византийцы и верили, что «Мандилион» находится у них, остается очевидная возможность, что то была всего лишь копия, а оригинал в 1099 году все еще находился в Эдесе. Как бы то ни было, Болдуин, Танкред и небольшое число рыцарей отправились в Эдесу, и Болдуин стал ее первым европейским правителем. Замок Эдесы с его рыбными садками и легендами подходит под описание замка царя-рыбака из легенд о Граале. Царь Абгар, чье имя означает «увечный» или «страдающий грыжей», пригласил Иисуса пожить в Эдесе. Он и его наследники были хранителями «Мандилиона», считавшегося особым покровителем города. Поскольку «Мандилион», предположительно, — судя по крайней мере по более поздним преданиям — был написан рукой человека, он сам становится подобием Грааля.

Болдуин недолго оставался в Эдесе до того, как взял на себя более важную роль царя Иерусалима. Весьма вероятно, что, если бы ему доверили подлинный или поддельный «Мандилион», он захватил бы его с собой. Тем временем его кузен Болдуин из Ле Бурга стал в свою очередь правителем Эдесы. Позже он унаследовал трон Иерусалима и, похоже, был тем самым царем, который дал согласие на создание ордена тамплиеров. Рыцарю ордена была передана гора Мориа, где Авраам предложил принести в жертву своего сына Исаака и где когда-то находился Храм Соломона.

Болдуин II умер в 1131 году, и трон унаследовал его зять граф Анжуйский Фулк. Он был способным воином. После смерти супруги он оставил свои поместья во Франции сыну и решил посвятить остаток своих дней службе кресту. Его правление было далеко не мирным, поскольку ему приходилось считаться не только с постоянной угрозой нашествия мусульман, но и с мятежами могучих вассалов и непрекращающимися наскоками византийцев в регионе. Гибель Фулка в результате несчастного случая в 1143 году оставила опасный вакуум. Бразды правления взяла на себя его вдова Мелисенда вместе с ее юным сыном Болдуином III, но это никак не могло считаться удовлетворительным решением. Самым же жестоким ударом, который следовало предвидеть и к которому нужно было подготовиться, стало падение Эдесы в 1145 году. Хотя и в прошлом было множество трудностей и неудач, это была первая крупная утрата территории крестоносцами, ставшая поворотным моментом в ситуации.

Утрата Эдесы подстегнула Запад на новые действия. Почти немедленно папа Евгений призвал ко второму крестовому походу для возвращения города и поддержки оставшихся на заморских территориях государств. Однако движущей силой второго крестового похода выступил не сам папа, а Св. Бернар из Клерво. Его признавали самым выдающимся священнослужителем того времени, и его зажигательное красноречие оказалось достаточным для того, чтобы побудить даже самых скептических и ленивых христиан исполнить свой духовный долг, взяв в руки меч. Бернар проехал по всей Франции и Германии, читая одну проповедь за другой, призывая дворян и крестьян дать обет о присоединении к походу. В результате возникло новое

массовое движение, на этот раз возглавленное не младшими сыновьями аристократических семей, а королем Людовиком VII и королевой Элеонорой Аквитанской. К несчастью для Людовика, его поход не увенчался славой. С самого начала и до конца предприятие отличалось неразберихой, что отдалило еще больше Византийскую империю, побудило мусульман объединиться в борьбе за общее дело и обнаружило перед ними отсутствие единства их врагов. Крестоносцы и близко не подошли к Эдесе. Вместо этого они изнурили себя долгим походом по Анатолии и бесплодной осадой Дамаска.

Это не было еще концом крестового похода, но явно было началом конца. В 1187 году европейцы еще раз потеряли Иерусалим и почти всю Палестину после катастрофического поражения при Хаттимае. Более поздние крестовые походы — вроде возглавленного Ричардом Львиное Сердце, сыном королевы Элеоноры от ее второго мужа — короля Англии Генриха II, — смогли лишь отложить, но не остановить приход дня, когда Левант и Анатолия оказались в руках мусульман. И, наконец, в мае 1453 года величайший из всех трофеев — Константинополь — был захвачен оттоманцами. Великий Софийский собор был превращен в мечеть, его фрески и мозаики были покрыты штукатуркой, дабы не оскорблять взгляды мусульман христианской иконографией. В таком виде ему предстояло оставаться почти пять столетий, пока в 1934 году он не стал музеем.

И все же движение крестоносцев имело более важные и долговременные последствия, чем удержание относительно небольшого куска земли в Леванте. Самое главное было в том, что оно открыло дверь Востоку, позволило потоку идей достигнуть ряда стран Западной Европы, ко-

торые были уже готовы к просвещению и ждали его. Прямо или косвенно, но ключевыми людьми, участвовавшими в этом процессе, были рыцари-тамплиеры. Хотя глава первых девяти рыцарей Гуго де Паен был относительно бедным человеком, они находились под покровительством более важных персон. Первой из них был Св. Бернар, который, будучи светочем монашеского ордена цистерцианцев, к которому все они принадлежали, разработал их обряды и присягу, которую они должны были принимать при вступлении. Трудно сказать, каково было его дальнейшее участие в развитии ордена. Его нетерпимость к катарам южной Франции — еретикам, жестоко подавленным во время более поздних крестовых походов и инквизиции, свидетельствует, что он вряд ли приветствовал импорт «еретических» идей с Востока во Францию. Однако устав тамплиеров выделил их в качестве независимого ордена вне какой-либо юрисдикции, будь то религиозной или светской, за исключением самого папы. Следовательно, у них, можно сказать, были развязаны руки, и они могли действовать по своему усмотрению. И несмотря на, вероятно, огромное влияние на них Бернара вплоть до его смерти в 1153 году, его скорее всего держали в неведении относительно их самых потаенных интересов. Наибольшим же влиянием в ордене, по крайней мере в первое время, похоже, пользовался сеньор Гуго де Паен, граф Шампани. Один из великих баронов Франции, он подарил Бернару землю, на которой было построено его Аббатство Клерво. В 1125 году Гуго отказался от своих земель и семьи, чтобы стать тамплиером. Поскольку он не имел наследника, графство Шампань отошло к его сюзерену — графу Блуа Теобальду II. Старший сын сеньора, Анри, сопровождал короля Людовика VII во втором крестовом походе. Он, должно быть, хорошо зарекомендовал себя, ибо не только

унаследовал в 1152 году графство Шампань, но и женился в 1164 году на дочери короля от первой жены, королевы Элеоноры Аквитанской. В 1181 году его наследником стал его старший сын Анри II, который в 1190 году также отправился в Святую землю. Два года спустя он женился на вдовой королеве Изабелле, внучке Фулка и Мелисенды. Таким образом, на протяжении двух поколений сеньоры Шампани не только срослись с королевской династией Франции, но и заняли трон Иерусалима. Движение тамплиеров, берущее свои истоки от двора Шампани, оказалось тесно связанным с центрами власти во Франции и на Востоке.

Главный город графства Шампань Труа уже в 1070 году стал крупным центром эзотерических исследований. Ее самый знаменитый уроженец Кретьен де Труа написал первую французскую историю о Граале «Сказка о Граале» вскоре после того, как Анри I отправился в 1178 году в крестовый поход. Хотя его произведение осталось неоконченным, Кретьен, похоже, был в курсе некоторых совершенно секретных дел, связанных с этим таинственным предметом. История Грааля занимала и других писателей, особенно Вольфрама фон Эшенбаха. В его труде «Парсифаль» четко прослеживается связь между поисками чаши Грааля и Тамплиерами. Он даже утверждал, что впервые услышал эту историю от одного тамплиера по имени Кио (возможно, Жио из Прованса — известного трубадура, монаха, поэта и апологета храмовников). Вполне вероятно, что вслед за неудачей второго крестового похода нечто, известное под названием «Грааль» — по моему мнению, «Мандилион» из Эдесы — было доставлено на хранение в Шампань. На деле это приобретение было всего лишь символом чего-то более важного, происходившего в то время, — передачи знаний с Востока на Запад.

ХРАМЫ ДЕВЫ

Короля Людовика и королеву Элеонору сопровождал в их крестовом походе 1147 года отряд рыцарей-тамплиеров. Это было весьма кстати, ибо без их охраны на самом опасном отрезке путешествия, когда армия обратилась в беспорядочное бегство, король и королева обязательно попали бы в плен к туркам. Примерно в это время и, возможно, в результате тесного общения с храмовниками король Людовик взял лилию в качестве геральдической эмблемы. Она, возможно, была символом еще более тайного, чем тамплиеры, ордена, к которому они принадлежали.¹ Так как в ходе крестового похода характер короля претерпел изменения и он стал еще набожнее, представляется вероятным, что принятие им этого особого знака, вскоре ставшего королевским гербом Франции, связано с его посвящением в рыцари указанного ордена.

Как мы уже видели, лилия была популярным символом не только в Египте, но и в Византии. Геральдическая лилия (флер-де-ли), которую Людовик VII принял в качестве своей эмблемы где-то в 1147 году, во время второго крестового похода, взяла свое название от «флер-де-ли», или ириса. Это европейский вариант лилии, или лотоса, переданного ангелом Гавриилом Марии. Как таковой, он является аналогом снопа в созвездии Девы, а для посвященных представляет собой цветок, из которого выходит душа нового короля. Навсегда осталось тайной, почему флер-де-ли стал таким важным для Франции, а дальнейшее годтверждение его эзотерического значения дается в поразительной книге, озаглавленной «Тайны собора в Шартре» и изданной совсем недавно — в 1966 году. Ее автором назван Луи Карпентье, но поскольку владельцем авторского права является Робер Лаффонт, это похоже на ли-

тературный псевдоним. Как бы то ни было, книга «Людовика Плотника»* выдает знание сохраняющейся эзотерической традиции, связывающей тамплиеров со строительством кафедральных соборов во Франции. Английский перевод французского оригинала сопровождается предисловием Джанет Джексон, которая в 60-е и 70-е годы была очень известна в Великобритании как движущая сила РИЛКО², опубликовавшей эту книгу. Она пишет:

«...Карпентье предлагает свежий подход к возможным вариантам. В самом деле, он утверждает, что Шартрский и другие кафедральные соборы, подобно великим памятникам Египта и Греции, были проявлением тайны, переданной человечеству с помощью оккультных или мистических средств».

В книге не объясняется до конца, о какой тайне идет речь и как она была передана, ибо она написана в такой форме, что делает только подсказки, но не выдает слишком много секретов. Она также как бы поддразнивает необоснованными утверждениями, широкими обобщениями и чрезмерными упрощениями некоторых весьма сложных идей. Тем не менее ее содержание подсказывает, что не сам Карпентье открыл или выдумал все, о чем он пишет. Он вроде бы «в курсе», как бы ознакомлен по крайней мере с некоторыми из излагаемых им идей. В свою очередь, это подразумевает, что он был принят в школу, которая нас занимает.³

Карпентье утверждает, что Св. Бернар поручил первоначальным девяти рыцарям-храмовникам найти и доставить во Францию ковчег завета, который, подсказывает он, был зарыт где-то на горе Мориа еще до разрушения первого храма Соломона. На деле весьма мало оснований для того, чтобы поверить в это. Не больше оснований и

---

* Так можно перевести имя и фамилию автора.

для того, чтобы поверить, что ковчег Моисея был доставлен скорее во Францию, чем в Эфиопию. Однако, если принять ковчег за символ, каковым он, конечно же, является, тогда он представляется чем-то более ценным, нежели деревянный ящик со старыми каменными дощечками, то есть является истинным *знанием* — оно-то и было доставлено тамплиерами во Францию. Карпентье представляет доказательство этого в том, что на первый взгляд кажется отступлением от основной темы. Он показывает, что храмы Богородицы в северной Франции строились в соответствии с определенным планом. Ковчег содержал, утверждает он, нечто вроде строительных чертежей храма, которые, будучи доставлены тамплиерами во Францию, использовались средневековыми каменщиками для сооружения таких готических кафедральных соборов, как Шартрский.

До 1150 года в Европе воздвигались только тяжеловесные соборы в романском стиле, образцом которых может служить Даремский собор в Англии. После же второго крестового похода получил развитие совершенно новый способ строительства. Таким стал «готический» стиль, отличавшийся ребристыми сводами, арочными контрфорсами, большими цветными витражами и, прежде всего, остроконечными арками. Эти черты, развитые и доведенные до крайности во Франции, родились все же не там, а скорее на Востоке. Изобилие остроконечных арок среди руин древних зданий в Эдесе свидетельствует, что ранний «готический» стиль был известен в этом регионе еще до 1145 года, поскольку позже там уже не строились церкви.

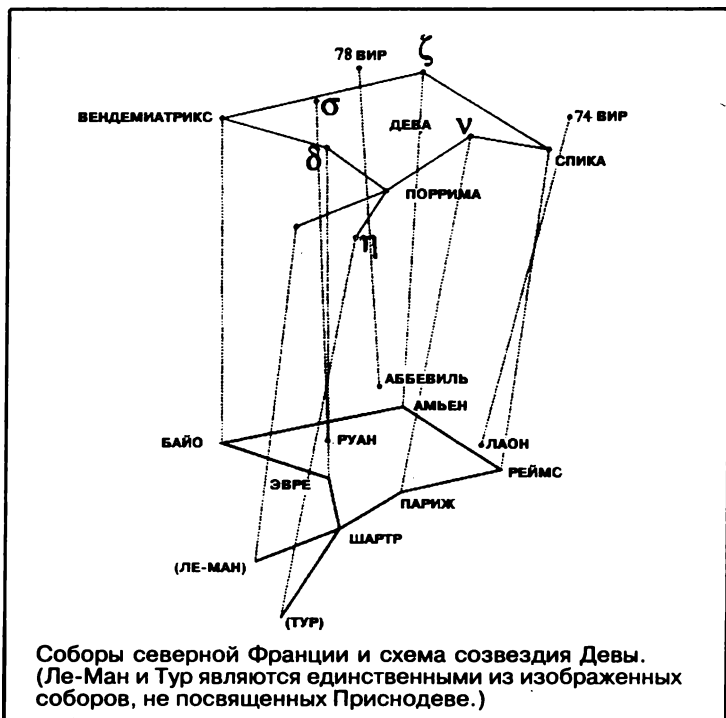
Дальнейшее подтверждение можно найти в Мардине — городе, который так никогда и не был завоеван франками и находился под турецким владычеством весь тот период, когда Эдесе была городом крестоносцев. Мы с Ди посети-

ли Мардин, желая узнать, каким был этот древний город на холме, давший когда-то прибежище большой общине яacobитов. Прогуливаясь пешком по его главной улице, мы набрали на здание, которое, несмотря на то что использовалось теперь под мастерские, в свое время явно было церковью. Нас поразила не только остроконечная арка входа, но и окружающая его зигзагообразная ажурная каменная работа того типа, который для нас в Великобритании ассоциируется с норманнами. Поскольку эту церковь построили не норманны и не франки, она служит бесспорным доказательством того, что этот стиль родился не во Франции, а либо в Армении, либо в Северной Месопотамии. Вслед за этим переносом культуры менее чем за столетие ландшафт Европы изменился со строительством этих внушающих благоговение зданий. Большие кафедральные соборы Франции были небоскребами своего времени — самыми высокими постройками в известном мире со времен Великой пирамиды Гизы.

Однако в книге Карпентье наибольший интерес у меня вызвала не его оценка готики, какой бы замечательной она ни была, а скорее его открытие того, что соборы Богородицы в северной Франции были спроектированы согласно определенному плану. Каждый собор — в Руане, Шартре, Лаоне, Реймсе и т.д. — представляет свою звезду. Взятые вместе, эти «звезды» составляют тело созвездия Девы. Карпентье этого прямо не говорит, но указанный план (его легко проверить любому, у кого есть карта Франции и рисунок созвездия Девы) отражает в доступном виде гермесово изречение: «Как наверху, так и внизу». Так как звездное соотношение было основной идеей строительства египетских пирамид IV династии, это подсказывает преемственность традиции. В отличие от выполнения архитектурного плана в Египте, осуществленного на относи-

тельно небольшой территории вблизи от Каира⁴, фигура Девы во Франции имеет огромные размеры.⁵

Следовательно, строившие соборы каменщики руководствовались высокими побуждениями и черпали вдохновение в видении, внушающем трепет. И они сами, и их благодетели, включая, должно быть, короля и графов Шампани и Бургундии⁶, выполняли секретный план величайшей важности. Строительство одного только собора требовало много времени и огромных средств. Сооружение же дюжины соборов было не просто трудным делом, но и означало большое упорство и убежденность. Возникает вопрос: для чего понадобились все эти колоссальные усилия? Ради чего все это было затеяно?

Ответ на эти вопросы становится ясным, когда задумаешься о настрое того времени, когда сооружались соборы. Провал второго крестового похода стал ошеломляющим ударом не только для европейцев, но и для христиан на Востоке. Теперь они понимали, что царство Иерусалима оказалось в опасности и что рано или поздно оно падет — как и Эдеса до него — под натиском турок. Кое-кто мог не видеть в этом ничего плохого, ибо, в конце концов, мусульмане уже правили несколько столетий в Святой земле, а европейцев жаловали далеко не везде. Другие же, в частности армяне, испытывали большую тревогу. Многие из них, включая архитекторов⁷, разбиравшихся в реберных сводах и в использовании остроконечных арок, находились в добрых отношениях с европейцами. Болдуин I поощрял смешанные браки между своими последователями и местными, эдесскими аристократами, а их последний граф — Жоселен II и сам был полуармянином. По крайней мере, некоторые армяне и, возможно, представители других национальных общин решили отправиться с Филиппом во Францию, где они смогли найти применение своему строительному искусству.

Весьма вероятно, что определенные лица, возможно, и армяне, связанные с таинственным Сарманским братством, получили от него инструкции довериться кое-кому из франков, в том числе и Людовику. Ключ к их миссии можно найти, если внимательно приглядеться к карте северной Франции и сравнить ее с фигурой Девы. Поразительно, что в схеме Девы Реймский собор является отражением звезды Спика, которая как бы символизирует и снопы пшеницы, и цветок лилии. К тому же благодаря своим монаршим связям именно Реймский собор, а не Шартрский, был на протяжении Средних веков самым важным храмом Франции: в нем на протяжении столетий коронава-

лись французские короли. Таким образом, Реймский собор являлся и практически, и фигурально местом положения флер-де-ли. Оно означает Благовещение — выбор женщины для вынашивания будущего Мессии. В ненавязчивой форме фигура Девы, раскинувшейся над северной Францией, указывала на ожидание, предположительно, разделяемое и Людовиком, что следующий Мессия будет французом, к тому же королевской крови. Следовательно, долг Людовика состоял в подготовке его пришествия, которого ожидали уже не в Иерусалиме, а во Франции. Это объясняет принятие им флер-де-ли — символа Гора в качестве личной эмблемы.

ГОРОД ВОЛХВОВ

Не одни французы добивались переноса места рождения Мессии из Палестины в Европу. Когда папа призвал к крестовому походу, чтобы отвоевать Эдесу, он даже не мог себе представить, что его призыв найдет отклик и на востоке, а не только на западе от Рейна. До тех пор немцы мало интересовались крестовыми походами, предпочитая выполнять свой христианский долг путем покорения язычников на своих восточных границах. Однако на этот раз император Конрад был полон решимости сыграть ведущую роль и не желал отступить в сторону и допустить, чтобы вся слава досталась Людовику. Его решение даст поразительные результаты через семнадцать лет далеко от Святой земли, в соборном городе Кельне на Рейне.

Кельнский кафедральный собор является одним из шедевров готики в Европе, хотя, подобно самому германскому государству, которое он символизирует во многих смыслах, его строительство было завершено лишь в конце девятнадцатого столетия. Римский город, основан-

ный в этом отдаленном уголке империи императором Клавдием по требованию своей супруги Агриппины, первоначально назывался Колония Агриппиненсис. Христианство пришло в Кельн довольно рано, и к 313 году, вслед за объявлением Константином в Милане свободы христианского вероисповедания, обосновалось достаточно твердо для того, чтобы местный епископ Матернус построил большой церковный комплекс на холме над городом. Эта площадка, на которой позже и будет воздвигнут собор, была прежде занята небольшим храмом, посвященным Меркурию Августу. Примерно в 330 году, или только через пять лет после Никейского собора, случилась катастрофа — Кельн в первый раз был захвачен франками. Они не сразу оккупировали город, но в 475 году он стал главной резиденцией короля Хилдерика, а франки к тому времени обратились в христианство. На протяжении последующих столетий церковь неоднократно перестраивалась, росла в своих размерах и по своему значению, что отражало изменения в судьбе города и франкского королевства, которое к тому времени включало не только Францию, но и Германию, и северную Италию.

В один из величайших моментов европейской истории, 23 декабря 800 года папа короновал короля франков Карла Великого императором Запада. Он перевел свою столицу в Аахен, но архиепископ кельнский продолжал оставаться главным прелатом Германии, епархия которого простиралась от южной Бельгии до Бремена. При жизни Карла Великого Аахен стал пышной столицей возрождавшейся и объединенной Западной Европы. Он направлял своих посланцев в Константинополь, а Кельнский собор продолжал расти на протяжении всего франкского периода, отражая его растущую мощь. Но решающее событие, превратившее его в крупный центр паломничества, долж-

но было произойти три с половиной столетия спустя — во время правления императора Фридриха Барбароссы и будет непосредственно связано с Рождеством.

Правитель Священной Римской империи Фридрих «Краснобородый» был для своего времени самым сильным человеком в Европе. Сын Фридриха II, герцога Швабии (провинции в юго-западном углу Германии) и Юдифи, дочери герцога баварского Генриха IX, он унаследовал титул своего отца в возрасте двадцати четырех лет и тут же отправился во второй крестовый поход вместе со своим дядей — императором Конрадом.

Германский, как и французский, контингент выступил с большими надеждами, но также оказался плохо организованным и был обречен на неудачу. Фридрих же набрался опыта и хорошо проявил себя на поле битвы. Он доказал, что способен вести за собой людей, и его дядя полюбил его и распорядился, чтобы он, а не его собственный сын унаследовал титул императора после своей кончины. Так оно и случилось: 9 марта 1152 года Фридрих был коронован в Аахене императором Священной Римской империи. Вскоре он провел ряд кампаний в Италии, дабы восстановить там власть империи, что неизбежно и неоднократно приводило его к конфликтам с папским престолом. В 1158 году, во время его второй итальянской кампании, Милан был возвращен под правление империи.

Вслед за неудачей в 1165 году его кампании по захвату Сицилии — в то время независимого норманнского государства — Фридрих решил заняться делами Германии, предварительно увезя из Милана одну из самых ценных реликвий: кости волхвов. По просьбе архиепископа Рейнальда фон Дасела в 1164 году они были доставлены в Кельн, и тогда было решено построить новый храм для хранения этих мощей. Но до 1247 года кафедральный со-

бор не был перестроен в готическом стиле. Работы начались в 1248 году — до того пожар, кстати, уничтожил старый храм. Новое здание предстояло построить в «пламенеющем» стиле, и с самого начала стройка обрела грандиозный размах. Строительство постоянно откладывалось, и лишь 15 октября 1880 года был положен последний камень в украшение Южной башни в присутствии кайзера Вильгельма I.

Фридрих Барбаросса не мог предвидеть все эти последствия перевоза предполагаемых мощей волхвов в Кельн, но для него они явно много значили. Неудача второго крестового похода ясно показала слабость европейских государств на заморских территориях. Вместе с тем росло национальное самосознание, как и желание создать поближе к дому центры паломничества. Превратив собор в Кельне в «усыпальницу», Фридрих, по сути, доставил в Германию Вифлеем. Теперь немецкие, французские, голландские и даже английские паломники уже не должны были совершать изнурительное и рискованное путешествие в Вифлеем, дабы почувствовать себя причастными к истории Рождества, — им достаточно было посетить Кельн. Тем самым они приносили новые доходы, способствовали развитию торговли и самого статуса уже и без того крупного торгового центра.

Но только ли в этом было дело? Сегодня никто всерьез не думает, что доставленные Фридрихом в Кельн мощи действительно принадлежали «первым христианам» — таинственным волхвам, посетившим хлев в Вифлееме. Средние века были временем великой веры, и большинство церквей хранило мощи того или иного святого, но это, по сути, было за пределами веры. Фридрих был неглупым человеком и не боялся бросить вызов даже власти папы, когда это его устраивало. Его нелегко было бы обмануть в

том, что касается подлинности этих довольно подозрительных останков. И все же они чем-то покорили его. Основанием для этого, как и вообще для огромной популярности истории волхвов среди средневековых монархов, было то, что волхвы каким-то образом символизировали идеалы крестовых походов. Ибо как иностранные цари Мельхиор, Каспар и Бальтасар пришли в качестве паломников, явившихся преклонить колени у ног новорожденного Иисуса, не считаясь с местным царем Иродом, так и крестоносцы вернули Вифлеем в лоно христианства. По этим соображениям волхвы были естественными покровителями крестовых походов и заслуживали не меньше, если не больше уважения, чем ранние святые.

Какая бы истина ни стояла за мощами, средневековая идеализация трех царей, явившихся в Вифлеем, обрела черты несомненной святости для Фридриха. В очередной раз на Востоке случилась катастрофа, угрожавшая теперь будущему заморских территорий. Постоянно ощущая нехватку людей и рассчитывая на отсутствие единства в мусульманском мире, они подверглись нашествию войск своего злейшего врага Саладина. В июле 1187 года самая крупная христианская армия, собранная маленьким царством, выступила на освобождение осажденного города Тивериада. То была фатальная ошибка. На пути через Галилейские холмы уставшие и испытывавшие сильную жажду воины попали в засаду. Войска христиан были разбиты, и вследствие этого Саладин легко овладел Иерусалимом, как и почти всеми остальными городами и укреплениями царства, укрытыми за крепостными стенами, но принужденными сдаться. Папа Григорий VIII проповедовал новый крестовый поход для возвращения утраченных земель, и в 1190 году английский король Ричард I Львиное Сердце и французский король Филипп отправились в очередной

поход. Впереди них выступил Фридрих, уже престарелый воин, жаждавший еще раз пройти через испытание крестом. Но ему не суждено было отвоевать Палестину, ибо он погиб в результате несчастного случая еще до прибытия его армии в Антиохию. Без его сильной руки рухнула бывшая до тех пор образцовой дисциплина и порядок в германском контингенте. Останься он жив, объединенные силы Германии, Франции и Англии вполне могли бы освободить Иерусалим. Он сам, Ричард и Филипп были бы в состоянии, как и три царя древности, навестить ясли в Вифлееме и преклонить колени перед колыбелью. На деле силы крестоносцев смогли заново завоевать лишь часть старого царства. Иерусалим и Вифлеем остались за пределами крошечного государства, столицей которого стал Акре. Со временем и оно будет утрачено вместе со всеми европейскими владениями на Ближнем Востоке.

МОЛИТВА РИЧАРДА II

К тому времени, когда в 1377 году на английский трон вступил Ричард II — мальчик в возрасте десяти лет, многое изменилось. Уже более или менее завершилось строительство великих соборов в северной Франции, но две большие трагедии — природная и политическая — понизили ценность того, что могло бы стать золотым веком французской культуры. Первая из них — Черная смерть унесла в 1348–1349 годах жизни почти трети населения Европы. Второй стала никому не нужная Столетняя война между Англией и Францией. Хотя в ней участвовали уэльские лучники и английские йомены, речь шла о борьбе соперничавших французских династий. Поводом для титанической битвы за владение одной из богатейших стран Европы стал развод Людовика VII с Элеонорой Аквитан-

ской после второго крестового похода и ее последующее замужество за королем Англии Генрихом II. В качестве приданого она принесла высоко ценившееся герцогство Аквитанию, которое было присоединено к другим французским землям, принадлежавшим Анжуской династии, то есть Плантагенетам. Английской короне теперь принадлежала внушительная часть Франции, что вызвало сильные трения между Плантагенетами и правящей династией Валуа за право на трон Франции. Дед Ричарда II Эдуард III вторгся во Францию и выиграл ряд битвы, в том числе и при Креси в 1346 году. Десять лет спустя «Черный принц» Эдуард разбил и взял в плен короля Франции Иоанна вместе с его юным сыном Дофеном в битве при Пуатье. Но ни одна из тех битв не привела к урегулированию конфликта. Как могла все более англизированная Анжуйская династия претендовать на французский трон? И, наоборот, как мог король Франции ожидать, что король Англии в качестве графа Анжуйского присягнет ему на верность как простой подданный?

Кризис оставался неразрешенным еще и в 1377 году, когда сын «Черного принца» Ричард II взшел на трон. Он, видимо, усердно молился Деве Марии, прося направить его в этом конфликте между родственными королевскими династиями, отравлявшем на протяжении более одного поколения отношения между двумя странами. Его брак с Анной Богемской, дочерью германского императора, призван был символизировать новую надежду и новую перспективу. Сам Ричард II был потомком через «Черного принца» французского короля Филиппа Красивого и английского короля Эдуарда I, а также других знатных королевских династий. Его союз со Священной Римской империей должен был пробудить надежду на возрождение христианского мира.

Удивительным и доступным пониманию образом на это, кажется, намекал знаменитый «Уилтонский диптих». Сопровождаемый царями-«волхвами» и Иоанном Крестителем, на диптихе Ричард молится Деве Марии. Здесь таится неоднозначный смысл. Его протянутые руки как бы приглашают ее передать ему Младенца Иисуса, ножку которого она показывает. Будучи носителем флер-де-ли, являвшейся частью его герба, Ричард II, более чем вероятно, знал, что скрывается за строительством французских соборов, как и понимал значение Реймса. В своем запрестольном образе он словно бы приглашает Мессию стать его собственным сыном. Этому не суждено было случиться, ибо о том позаботилась история преступлений. Какой бы удивительной могла быть история Средних веков, если бы он оказался прав! Мы могли бы обрести мессию-короля на львином престоле Англии, с флер-де-ли Франции и коронованного в Реймсе. И мы могли бы избежать столетий ведения военных действий и стать свидетелями еще более великого Ренессанса в Европе.

НАСТАВНИКИ МУДРОСТИ

Мой поиск волхвов подходил к завершению. Мне уже было ясно, что Иисус мог родиться летом в день солнечного восхода Сириуса, Звезды-Пса. В тот день — 29 июля 7 года до н.э. — его рождение стало бы исполнением пророчеств не только евреев, но и египетских и халдейских астрологов. Депутация волхвов (может быть, и не одна) совершила путешествие из региона Северной Месопотамии в поисках места ожидавшегося рождения царя. Посланные с этой миссией люди должны были быть членами братства, которое было известно под названием «Пчелы» или «Сарман» и светочем которого тридцатью годами ра-

нее выступал Антиох Епифан. Они вполне сознавали ту угрозу, которую представлял параноик и мегаломан Ирод, тридцатью годами ранее помогавший Марку Антонию осадить Самосату. Соответственно они старались сделать все возможное для оказания помощи Иисусу и сохранения в тайне местоположения хлева в Вифлееме. В Библии говорится, что посетители вернулись в свою страну по другому маршруту, и вполне возможно, что они посетили Египет перед возвращением домой. Нет ничего невероятного в том, что волхвы были купцами и прежде регулярно путешествовали в Египет по своим делам. Находясь там в преддверии бегства Марии и Иосифа с Иисусом, они могли подготовить безопасное пристанище для них. В любом случае существуют предания о том, что родители принесли младенца в Гелиополис — изначальный центр древнеегипетской религии. Как феникс, возвращавшийся для провозглашения новой эры, он явился в Город Солнца.

Поскольку мы ничего не знаем о жизни Иисуса с двенадцати лет вплоть до начала его пастырской миссии в тридцатилетнем возрасте, он-таки представляется очень уж не по летам развитым. Из Евангелия мы знаем, что уже в весьма юном возрасте он смог вступить в ученый спор со старцами из Храма, который он называет «домом отца». Есть и другие легенды, повествующие о том, как еще молодым человеком он посетил, кроме Египта, Персию и Индию, как и убедительный миф о его посещении Британии в сопровождении дяди по материнской линии Иосифа из Аримафеи. Нельзя отбрасывать, не задумываясь, все эти легенды. Если принять во внимание его ищущую натуру, то нет ничего невероятного в том, что, подобно Пифагору за несколько столетий до него, он отправился на поиски всех мудрецов, которых только мог найти — и не только в собственной стране и религии, но и по всему

Ближнему Востоку и за его пределами. Неортодоксальный характер его пастырства и его способности лидера и учителя указывают на то, что, подобно Моисею, он был посвящен в самые сокровенные таинства еще до начала своей миссии. Знания, или *гнозис*, которые сообщили ему наставники мудрости, должны были включать астрологию того типа, которая рассматривается в настоящей книге.

Согласно герметическим догматам, человеческие души суть высшие существа, давным-давно плененные землей и, как мухи в паутине, запутавшиеся в ее эволюционных спиральных. Все это весьма красиво излагается в первом диалоге «Корпус Герметикум», или «Поймандрес»:

«Но Разум-Отец всего, он, кто есть Жизнь и Свет, родил Человека, Существо, подобное Себе. И Он нашел удовольствие в Человеке, как в Своем собственном отпрыске, ибо Человек был очень приятен на взгляд, являясь подобием Отца своего. И с полным основанием Бог нашел удовольствие в Человеке, ибо то была собственная форма Бога, в которой нашел удовольствие Бог. И Бог передал Человеку все вещи, которые были созданы.

И Человек занял место в сфере Создателя и обозрел вещи, созданные его братом⁸, который был поставлен над областью огня, и, обозрев творение Создателя в области огня, он пожелал и сам делать вещи; и его Отец дал разрешение, оставив себе все труды Правителей (то есть планет); и Правители нашли наслаждение в нем, и каждый из них дал ему часть своей природы.

И, узнав сущность Правителей и получив долю их природы, он пожелал прорваться вниз сквозь ограничивающий круг их орбит; и он посмотрел вниз сквозь структуру небес, прорвавшись сквозь сферу и показав лежащей внизу Природе прекрасную форму Бога. И Природа, видя красоту формы Бога, улыбнулась с неутолимой любовью к

Человеку, показав отражение этой самой прекрасной формы в воде и в ее тени на земле. И он, увидев эту форму, подобную его собственной, на земле и в воде, полюбил ее и пожелал поселиться там. И дело последовало за замыслом, и он поселился в материи, лишенной разума. И Природа, заполучив того, кого полюбила, заключила его в свои объятия, и они слились в одно, ибо они любили друг друга.

И поэтому Человек, в отличие от других существ, живущих на земле, двойственен. Он смертен телом, и он бессмертен как Человек из вечной материи. Он бессмертен и имеет все вещи в своей власти, и все же ему выпала доля смертного, суть субъекта Судьбы. Он возвышается над структурой небес, и все же он рожден рабом Судьбы».

Пленение человечества в объятиях природы — это герметический эквивалент библейской истории об Адаме и Еве. В таком прочтении смертный «плод» Древа познания добра и зла — это сама планета Земля. Откушав «запретного плода», то есть обретя воплощенную форму, человек погружается в жизнь на планетарном уровне и потому подвержен смерти. Согласно герметической доктрине, лишь очень немногие души способны сами освободиться от власти земного объятия. Остальные, не являющиеся святыми, переживают жизнь за жизнью, смерть за смертью в бесконечной цепи воскресений. В соответствии с этим догматом мы нуждаемся в помощи «сверху», если желаем когда-либо освободиться от нашей Солнечной системы.

В своей книге «Более основательный человек» Дж. Беннетт указывает, что для душ с высоким предназначением, то есть для тех, кто может оказать нам подобную помощь, создаются особые условия рождения.⁹ В наши дни мы видим это в том, как тщательно занимаются воспитанием Далай-ламы, как посылаются эмиссары на поиски ребен-

ка, которого считают новым воплощением. Схожий процесс происходил, как представляется, и с миссией волхвов. Все свидетельствует о том, что они вышли из той же школы, с которой столетия спустя вступил в контакт Гурджиев. Если это было действительно так, тогда мы можем ожидать, что она сохранила память о столь важном событии. Гурджиев сообщает нам, что обычно это делалось с помощью того, что он называл «легоминизмом», то есть символа, который каким-то образом сжато заключает в капсулу то, что должно быть передано будущему. Примерами архитектурных «легоминизмов» служат египетские пирамиды, мемориал Антиоха и усыпальница Арсемии. Беннетт пересказывает, что говорил ему Гурджиев об этом процессе:

«Он (Гурджиев) говорил, что время от времени Святая сущность с того света — «сверху» — воплощается в человеческую форму с весьма высокой и особой миссией, выполнение которой невидимо в этом мире и которая может быть воспринята только учениками или специально подготовленными последователями. Миссия эта выполняется в нашем мире лишь постольку, поскольку занятое этим существо воплощено в человеческую форму. Определенная возможность привносится из царства, где нет ничего невозможного. Это нечто новое, не имеющее прямого отношения к причинно-следственным связям нашего мира и поэтому меняющее всю ситуацию. Остается невидимым, как это делается, но в целом становится необходимым, чтобы что-то было увидено, проявилось, с тем чтобы это новое могло действовать в видимом мире среди людей и обычных восприятий. Именно для выполнения этой второй части миссии создается святой образ, который обладает неограниченной властью, так как его источник находится вне существующего мира. Этот свя-

той образ мы видим в лице основателя новой религии, пророка или воплощения Бога, вносящего новую надежду в жизнь человека».

То, как родился Христос, зафиксировано в истории волхвов и, в частности, в иконе Рождества, которая традиционно использовалась для иллюстрации события. Необычайно воздействие этого «святого образа» Воплощения. Оно отображается в бесчисленных живописных полотнах, скульптурах и даже рождественских открытках. Оно также проигрывается в лицах на школьных подмостках в виде рождественской пьесы.¹⁰ По сути, повторяется одна и та же сцена: Мария, Иосиф и младенец Иисус в люльке вместе с присутствующими пастухами и мудрецами. Над хлевом, в котором все они находятся, светит Звезда Вифлеема. Это пятиконечная египетская звезда,¹¹ а не шестиконечная звезда Давида, которая в действительности означает Солнце. Однако, поскольку ведущей волхвов «звездой» были на деле две планеты, а именно: Юпитер и Сатурн в соединении, ее следовало бы изображать десятиконечной.

И все же остается скрытым от христиан и непознанным ими тайное значение образа. Это «легоминизм», скрывающий под масками «пастухов», «царей» и даже Святого Семейства гороскоп Иисуса. Когда понимаешь истинный астральный символизм, то обнаруживаешь, что младенец Мессия не только пророк Израиля, но и истинный фараон, или царь Гор.¹² Фараоны Египта обладали рядом титулов, в том числе и «пчеловода». Последний титул, быть может, указывал изначально на его роль главы «пчел», собирающих нектар мудрости. Самым же важным был титул «Сын Солнца». Как мы уже видели, официальный день рождения Гора-царя приходился на день солнечного восхода Сириуса и сопутствующего соединения Солнца с Регулум. Божественная природа подобного царского рожде-

ния символизировалась в Древнем Египте Сфинксом — львом с человеческой головой.¹³

Цари Египта также тесно ассоциировались символом сокола. В египетской иконографии сокол является эмблемой Гора в его макрокосмической и микрокосмической формах. Как сокол зависает в воздухе, обозревая все, что происходит внизу, так и Гор Старший, первоначальный бог неба в Египте, парит над нашим миром, видя все, что происходит на земле. Он символизирует Первый Логос, или божественное высказывание Отца, Волей которого происходит сотворение. В мире нашей местной «вселенной» Солнце является престолом творческой силы. Как существо или «космос» в себе, само солнце создает свою семью планет — солнечную систему. Проявлению воли Солнца, то есть Солнечному Логосу в Египте, поклонялись как Ра-Характе — Ра (Богу Солнца) в его образе сокола. Как такового его можно видеть изваянного наверху обелиска Сенусерта III из XII династии в Гелиополисе.

Соединение на рассвете сокологолового Бога Солнца — Ра-Характе с Регулом, звездой из созвездия Льва, преимущественно символизирует рождение «Гора Младшего», или «Гора, сына Исиды». Этот микрокосмический Гор, пророк, являющийся Солнечным Логосом, становится человеком. Этот Гор — Сфинкс, загадочный хранитель небесных врат, не пропускающий непосвященных. Фараоны Египта считались такими божественными воплощениями, что и обозначено на превосходной статуе Кафры, строителя центральной пирамиды Гизы, где царь показан сидящим с уместившимся на его плечах и обнимающим его затылок своими крыльями соколом (Гором).

Таково по сути, полагаю я, великое Знание, передаваемое посвященным в храмах Египта за столетия до Рождества Христова. Это египетское учение о проявлении прин-

ципа солнечного Логоса, обретающего человеческую форму, которое как привлекало ранних христианских философов, жаждавших обнаружить связующие звенья между древними преданиями и новой религией, так и скандализовало их потомков. Последние поносили древнее откровение культа Осириса как деяние дьявола. Схожесть христианских и египетских ритуалов приписывалась «упреждающему плагиату» дьяволом святых догматов и таинств церкви. Но факт остается фактом: если исторически и имел место плагиат, то все произошло наоборот. И произошло, я полагаю, не просто потому, что христианство по мере того, как оно становилось иноверной религией, обретало качества тех религий, которые оно было призвано сменить, но потому что и сам Иисус Христос был посвящен в традицию тайных обрядов.

Знание о тесных связях христианства с нееврейскими религиями региона было практически искоренено в Египте во время преследования язычников, имевшего место в 390 году н.э., когда были закрыты их последние храмы. Однако «ересь» гностицизма продолжала процветать дальше на востоке среди таких групп, как «персидские» несторианцы. Изгнание в 489 году «Школы персов» из Эдесы в Нисиб убрало с территории Римской империи видимых сторонников этих идей. С тех пор религиозная правоверность стала всеподавляющей силой по всей империи, и люди, исповедовавшие гностические идеи, вынуждены были хранить их в глубокой тайне, если хотели избежать преследования за ересь. Однако, несмотря на преследования, давно погибшее на Западе глубинное течение идей, которые связывали дело Христа и с герметической традицией Египта, и с зороастрийским откровением Персии, продолжало жить. Представляется, в какой-то момент двенадцатого столетия было принято на самом высоком

уровне некой тайной организацией, которую мы можем считать ранним воплощением Сарманского братства, найденного позже Гурджиевым, решение о передаче части своих знаний на Запад. Эти познания, как мы можем догадываться, были переданы — по крайней мере частично — рыцарям Св. Иоанна и касались важной роли их святого покровителя.

В античном мире понимали, что египетские фараоны каким-то образом воплощали Солнечный Логос, то есть разум Солнца. В качестве такового фараон или царь был живым «богом», обязанностью которого было сохранение цивилизации на земле. С завоеванием Египта сначала Юлием Цезарем и затем его внучатым племянником Августом эта идея перешла к Риму. Цезари считали себя преемниками фараонов, они стали новой линией «царей Гор» с правами и обязанностями богов. Предпочтя орла¹⁴ соколу, они притязали на роль глашатаев Солнечного Логоса и от его имени создавали новую солнечную империю. Римская империя была крайне жестокой и отвратительной, и потому получила в Откровении число зверя — 666. Оно означает правление Солнца, число которого 6, и здесь последнее провозглашается «трижды великим», как правитель тела, разума и духа.

Нет поэтому ничего удивительного в том, что в IV веке папа и другие отцы церкви пришли в ужас от мысли о том, что Иисуса изображали своеобразным квазифараоном только из-за его дня рождения. Но чего не понимали на Западе, так это того, что христианская тайна простирается даже дальше египетской. Во времена пирамид и позже считалось и принималось, что фараон, как последнее воплощение Гора Младшего, был «носителем» Солнечного Логоса. Он был олицетворением разума Солнечной системы. Она была источником его силы, или хариз-

мы, которая на еврейском языке называется «Барух», на арабском — «Барака» и на персидском — «Хварено». Знаками фараона были посох и цеп. Первый показывал, что он был добрым пастырем своего народа, а второй, что он был карой для своих врагов. Во время своего пастырства Иисус отказался от цепа и проповедовал, что человек должен любить своих врагов. Поступал он так потому, что в связи со случившимся с ним при крещении его заявленная власть была даже выше, чем власть Солнечного Логоса.

Особая роль Иоанна Крестителя состояла в том, что, с одной стороны, он, будучи последним в списке пророков из Ветхого Завета, был продолжателем традиции Илии; с другой стороны, как и фигура Ориона, он символизирует звездное небо за пределами солнечной системы, место вне досягаемости Солнечного Логоса, попасть куда мечтали фараоны после своей смерти. Крещение им Иисуса означает вершину его посвящения в тайны, за пределы которых еще никто не проникал. Для Иисуса это лишь начало. Матфей пишет:

«3 ¹³Тогда приходит Иисус из Галилеи на Иордан к Иоанну креститься от него. ¹⁴Иоанн же удерживал Его и говорил: мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне? ¹⁵Но Иисус сказал ему в ответ: оставь теперь, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду. Тогда *Иоанн* допускает его.

¹⁶И, крестившись, Иисус тотчас вышел из воды, — и се, отверзлись Ему небеса, и увидел *Иоанн* Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Него. ¹⁷И се, глас с небес глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение».

Дух Божий, символизируемый голубем, — это Первичный Логос, стоящий над солнцем и звездами. Это чистая и

безусловная любовь, и в качестве таковой она лежит за пределами сотворенных миров. Эпизод на Иордане, второе рождение Иисуса с помощью Святого Духа, понимается как совершенно новое начало. Если он родился в хлеве с правами и привилегиями фараона, то сейчас он вышел за пределы своей судьбы, исполняя более великое предназначение, охватываемое не только соколом, но и голубем.

Таким представляется смысл истории крещения, которое в Евангелии от Матфея происходит непосредственно перед началом его пастырства. Ее лучше помнили в Сирии, где на протяжении столетий хранились и почитались реликвии Св. Иоанна. Сегодня их — или то, что считается ими — все еще можно видеть в музее Топкапи в Стамбуле. Там, в драгоценном ковчеге, хранится фрагмент черепа святого, якобы полученный у Иродиады и Саломеи. Более значимыми являются сохраняемые в золотом контейнере в форме руки кисть и рука святого, ибо они символизируют руку, которая лила воду на голову Христа и, следовательно, положила начало его миссии. Можно лишь догадываться, понимал ли это король Ричард II, воспринимавший Иоанна как своего собственного покровителя. Хочется думать, что понимал, и именно поэтому «Уилтонский диптих» и сегодня сохраняет такую притягательность и мощь. Он напоминает, — если в этом есть необходимость, — что действительное Рождество приходится не на 25 декабря и даже не на 23 августа,¹⁵ а на 6 января — праздник, который ассоциируется с приходом волхвов, но на самом деле означает Крещение Христа.

Э П И Л О Г

В марте 1996 года мы с Ди снова посетили Францию, чтобы поискать на месте доказательства того, что предание о волхвах в самом деле было передано с Востока во Францию в средние века. Первым делом мы наведались в столицу Шампани Реймс, собор которого означает звезду Спика в рисунке созвездия Девы, как описано Карпентье. Мы приурочили наш приезд к началу весны и прибыли накануне 25 марта — праздника Благовещения архангелом Гавриилом Деве Марии. Это показалось нам наиболее подходящим, если иметь в виду связь с Девой, но еще было не по сезону холодно, и нам пришлось одеваться потеплее.

Хоть и переживший большую реконструкцию после разрушений, причиненных во время первой мировой войны, Реймс оказался все еще заслуживающим почтения и интереса городом. Одно время он служил духовным центром Франции, и именно здесь в день Рождества около 498 года первый христианский король франков Хлодвиг был крещен местным епископом Св. Реми. Тем самым Реми заложил фундамент будущего французского королевства и обеспечил выживание католической церкви после развала западной Римской империи. В 816 году на трон взошел Людовик Благочестивый,¹ внук Пипина Короткого и сын Карла Великого. Хотя его знаменитые предки уже сменили династию Меровингов, а Карл Великий был коронован как император самим папой, Людовик сознательно установил связь между своей династией и династией Хлодвига, короновавшись в Реймсе. С тех пор почти все французские короли следовали его примеру и также короновались в Реймсе. Самой знаменитой, пожалуй, была коронация Карла VII, которого в 1429 году привела — без особой охоты с его стороны — к его предназначению Жанна Д'Арк.

Окружающий Реймс культ королевской власти и право его архиепископов выступать священниками на церемониях коронации были подкреплены легендой о том, что Священный сосуд с елеем для крещения Хлодвига был доставлен с неба голубем и передан Св. Реми. Он хранился в усыпальнице Реми в отдельной базилике, отстоящей на милю от собора, и его торжественно доставали оттуда при открытии процессии коронации.² Реймс оставался венчающим на царство городом Франции вплоть до 1825 года, когда Карл X из реставрированной династии Бурбонов занял трон на короткое время. Роскошные одежды, в которые вырядились для коронации он сам и его сын, как и другие монаршие принадлежности вроде шикарных костюмов сопровождающих и ряд тщательно изготовленных гобеленов, являются главными предметами коллекции в музее, который размещен сегодня во дворце епископа рядом с великим храмом. И именно эти экспонаты мы с Ди приехали посмотреть.

Припарковав свою машину на небольшой площади, мы прошли к собору, который виднелся в просвете между ближайшими зданиями. Постепенно, по мере нашего приближения к нему, он становился все огромнее, пока неожиданно не вырос перед нами во всем своем величии. Даже не будучи самым большим из французских соборов — этот титул принадлежит Амьенскому собору, — он отличается прекрасными пропорциями с самой, пожалуй, утонченной в мире — во всяком случае до тех пор, пока современные средства ведения войны и загрязнение окружающей среды не оставили свои следы — коллекцией средневековой культуры. К счастью, удачная реставрация и — в ряде случаев замена — послужили залечиванию полученных зданием ран. Сегодня, подобно фениксу, собор вновь гордо высится словно большой корабль, ждущий спуска на воду.

Придя на смену старому, уничтоженному огнем зданию, нынешний собор был начат строительством в 1211 году и почти завершен к 1275 году. Хотя его строительство так никогда и не закончилось — ему всегда не хватало большинства шпилей, задуманных его первыми архитекторами, даже до обстрела в 1914 году, — он остается шедевром готики. Его величайшей достопримечательностью остаются внешние скульптуры, которые графически иллюстрируют главные верования и предания католической церкви. Реймский собор, как представляется, служил главным образом святилищем Приснодевы, и потому его украшения связаны прежде всего с радостными таинствами: Благовещением, Рождеством, а также с Успением Богородицы. При обходе здания невозможно не почувствовать чего-то от радостной стороны христианства. Правда, страдания Христа также отображены и в камне, и в стекле, но эти мрачные и часто подавляющие образы отнюдь не преобладают.

Даже из беглого осмотра статуй сразу же становится очевидной эзотерическая природа представленной иконографии. Мы смогли почувствовать, что каждая статуя изваяна с некой целью, даже если цель и не всегда сразу оказывается явной. Примером может служить связь между Реймским собором и невидимым миром ангелов. На контрфорсах, подпирающих извне стены здания, установлен целый батальон ангелов с расправленными крыльями, восхваляющих Богородицу. На восточном краю этого хора, возвышаясь над всем зданием на изящном шпиле, стоит одинокий золотой ангел, держащий в руке громоотводящий крест спасения. Хотя ни в одном из путеводителей ничего не говорилось о том, кого или что представляет эта фигура, я не сомневался, что она изображает ангела Благовещения Гавриила.

Позже мы обнаружили, что Гавриил дважды представлен среди статуй, украшающих три западных входа. Это одни из самых искусно выполненных скульптур, изваянных в средние века и явно свидетельствующих о влиянии Византии. Автор новейшего путеводителя по Реймскому собору Р.Демуи высказывает предположение, что это было следствием четвертого крестового похода:

«Самые оригинальные черты скульптуры присутствуют во второй школе (до 1240 года), которая после нескольких пробных вариантов для северного поперечного нефа произвела свои шедевры для центрального входа. В частности, группа «Наказания Божьего», несмотря на некоторую подавленность, явилась, кажется, из самой античности. Тела как бы оживают, уже не стоят тяжело на обеих ногах, складки одежды как бы шевелятся, лица отражают внутреннюю жизнь. Это можно объяснить присутствием поблизости галло-римских памятников. мода на подражание античности пришла, должно быть, из Греции. В 1204 году, во время четвертого крестового похода, по требованию Венеции крестоносцы захватили Византийскую империю. В экспедиции приняли участие многие аристократы Шампани, которые нарезали себе крошечные княжества на земле Греции».

В так называемой группе «Наказание Божье» действительно представлены классические по своим позам и одеждам статуи, подтверждающие точку зрения на то, что крестоносцы — или, вернее, сопровождавшие их мастера — многому научились у византийцев и положили начало мини-Ренессансу в Реймсе XIII века. Тем не менее самые изящные скульптуры принадлежат более поздней местной школе, которая каким-то образом достигла синтеза прошлого с настоящим при создании самых изысканных и живых из когда-либо изваянных скульптур. Самая знаме-

нитая из них — так называемый «Улыбающийся ангел», образ которого широко растиражирован на потребу туристов на рынках Реймса. Сегодня его можно встретить на открытках и календарях, чайных полотенцах и кофейных салфетках. Что он изображает Гавриила и, значит, созвездие Девы, становится ясно из сравнения с другой статуей у главного входа. Здесь он предстает с тем же улыбающимся лицом в момент объявления Марии благой вести о том, что она избрана стать матерью Иисуса. Сегодня у обоих ангелов нет ничего в руках, но почти нет сомнений в том, что в свое время они держали в руке либо лилию, либо жезл вестника.

Связь собора с флер-де-ли Франции становится совершенно очевидной из множества изображений этой эмблемы, которые можно видеть на самом соборе и вокруг него. Коньки крыши покрыты линиями лилий, перемежающимися с чем-то похожим на трилистник, символизирующий Троицу. Поскольку в конце первой мировой войны здание осталось без крыши, она явно является произведением современных мастеров. Но символы флер-де-ли вырезаны повсюду на ажурной каменной работе на экранах вокруг хора и на оставшихся оригинальных щитах. Уместными показались нам и распускающиеся ирисы в садиках при соборе — живой мир, отражающий мир искусства (или следовало бы сказать наоборот?). В любом случае предположение о том, что в средневековом уме этот город и собор представлялись земным аналогом звезды Спика на небе, подтверждается, а отнюдь не опровергается всем тем, что выжило из его мистической архитектуры.

Внутри собор оказался довольно темным и неприветливым. Когда мы вошли через западные двери, нас встретил ледяной сквозняк. В самом деле, внутри здания было

настолько холоднее, чем снаружи, где было относительно тепло, что мы видели выдыхаемый нами воздух. Тем не менее мы были изумлены красотой и величием здания, оказавшегося гораздо большим, чем мы себе представляли. В полном соответствии с канонами готики, достигшей своего расцвета, когда началось строительство этого здания, крышу поддерживают тонкие и изящные колонны. Огромный свод крыши высоко над нашими головами, казалось, парил, опираясь лишь на воздух. В действительности же его вес благодаря искусству строителей передавался прочным контрфорсам снаружи.

Когда идешь по проходу к высокому алтарю, создается впечатление, что попадаешь в иное время. Вокруг видны образы иного, раннего периода французской истории, знакомого нам по книгам, но удаленного от реальностей современной Республики Франции. Тогда в центре французской жизни и культуры находился культ королевской власти, символизируемый флер-де-ли. Хотя и похожий по сути на наши британские традиции, он все же был уникальным в других отношениях. Нельзя не ощущать, что с обезглавливанием Людовика XVI во время Французской революции было утрачено нечто более ценное, нежели жизнь одного мужчины. Каким бы глупым он ни был, он оставался живым связующим звеном со странным и таинственным прошлым, которое умерло или по меньшей мере исчезло из виду, когда его гильотинировали.

Выйдя снова на теплый солнечный свет, мы обошли собор к южной стороне здания и к двору музея То. Я был больше чем убежден, что наставники мудрости оставили там что-то, некое послание, имеющее, быть может, большее значение для нашего, чем для их времени. То, что ключом к посланию может быть астрология, стало оче-

видным, когда Ди потянула меня за рукав и указала вверх на статую, установленную на верху фронтона южного трансепта. Это был кентавр, выпускающий стрелу на землю вниз. Ди была в восторге, ибо то был знак, под которым она родилась — Стрелец. Но что он делал там, взирая на фриз с изображением Успения Богородицы, было не совсем ясно. Как мы обнаружили позже, его положение не было случайным, а даже оказалось жизненно важным доказательством связи между школой каменщиков, построивших Реймский собор, с преданием о волхвах.

АСТРОЛОГИЯ РЕЙМСКОГО СОБОРА

Одной из главных причин нашего приезда в Реймс с самого начала было желание посмотреть, содержит ли само здание собора какие-либо ключи к его астрологическому значению. Одним из самых очевидных из них должна была быть, разумеется, ориентация собора. Хотя все старые церкви сориентированы своей главной осью примерно по линии восток-запад, существует традиция, что в плане они должны быть обращены к месту восхода солнца в день святого, которому посвящалась каждая из них. Поэтому я жаждал проверить эту ориентацию, дабы убедиться, действительно ли собор обращен к восходу солнца 25 марта, в день Благовещения. Воспользовавшись простеньким компасом — тем самым, с которым мы раньше путешествовали в Коммаген, — мы быстро установили, что главная ось, идущая вдоль проходов, направлена на точку в тридцати градусах к северу от Востока. Это не оправдало мои ожидания и никак не соответствовало Успению, когда солнце должно было восходить примерно на востоке. В чем же причина? Быстрая проверка с помощью программы *Скайглоуб*

по возвращении в Англию показала, к моему удивлению, что собор сориентирован на позицию восходящего Регула во время Рождества Христова в 7 году до н.э. Иными словами, собор в действительности посвящен дате «Рождества» — 29 июля 7 года до н.э. Что же означает тогда фигура Стрельца?

Так как главная ось собора указывает на тридцать градусов севернее востока, вполне резонно было предположить, что линия, проходящая через северный и южный трансепты, также смещена на тридцать градусов. Значит, линия, проходящая под фигурой Стрельца, направлена на тридцать градусов восточнее юга. Воспользовавшись еще раз компьютером, я установил, что в день, когда в 1211 году началось строительство нынешнего собора, он должен был выстроиться на одной линии с позицией восходящей звезды Раус Аустраль в хвосте Стрельца. Эта звезда величины 1.9 является самой яркой в этом довольно тусклом созвездии. Это явно не могло быть простым совпадением, но еще более интригующим был тот факт, что солнечный восход этой звезды выпадает на 6 января — праздник Трех Царей.

Дата 6 января явно связана с легендой о крещении Хлодвига. Согласно путеводителям, оно состоялось в день Рождества в 598 или 599 году. Однако, если принять во внимание фигуру Стрельца и другие символы, станет ясно, что то было «старое» Рождество, то есть Богоявление, а не 25 декабря, ибо это был также праздник Рождества Христова. Не так уж удивительно, что церковь предпочла замолчать этот факт, если иметь в виду, что символизм крещения Хлодвига выглядит почти богохульственным по своим последствиям. Священный сосуд был якобы принесен с неба голубем. Таким образом Хлодвиг и все последую-

ному дню. Над центральным входом расположен огромный рельеф. В его нижней части графически детально отображена судьба падших душ. Этих в основном выглядящих состоятельными персонажей ведут гротескные дьяволы, чтобы бросить в котел. Выше даны сцены воскрешения с обнаженными фигурами людей, вылезаящих из своих могил. Над ними самую верхнюю часть тимпана занимает фигура Христа в роли Судьи. Все это соответствует в полной мере последней главе Библии:

«20 ¹¹И увидел я великий белый престол и Сидящего на нем, от лица Которого бежало небо и земля, и не нашлось им места. ¹²И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими. ¹³Тогда отдало море мертвых, бывших в нем, и смерть и ад отдали мертвых, которые были в них; и судим был каждый по делам своим.

¹⁴И смерть и ад повержены в озеро огненное. Это смерть вторая. ¹⁵И кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное».³

Над идеей Судного дня в конце эры я много размышлял, работая над «Пророчествами Майя», моей предыдущей книгой, написанной в соавторстве с Морисом Коттреллом. В том труде мы рассматривали веру майя в то, что нынешняя эпоха закончится в 2012 году, и увязали ее с идеями Коттрелла о циклах солнечных пятен. Однако и в христианском мире есть свои поверья касательно второго пришествия, которые также представляются связанными с нашим собственным временем и с символами, окружающими Рождество. Возможно ли, что мы сами станем свидетелями второго пришествия Иисуса, что бы оно ни значило, как предсказано в Библии?

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ И ПРОРОЧЕСТВО НОСТРАДАМУСА

Прошло почти двадцать пять лет со времени, когда мы с Джоном отправились в наше первое паломничество в Вифлеем, и вот сейчас, наконец, я вроде бы нахожу ответы по крайней мере на некоторые из вопросов, которые так сильно озадачивали нас тогда. И все же остается без ответа величайший из вопросов: живем ли мы в конце эры? Можем ли мы ожидать в наше время второго пришествия Иисуса Христа? Это важные вопросы, и к ним нельзя относиться легкомысленно. Как бы то ни было, нам не уйти от того факта, что открытие Робертом Бьювэлом связи между пирамидами Египта и созвездием Ориона, в сочетании с пониманием, что Иоанн Креститель/Илия каким-то образом связаны с той же группой звезд, дало ключ к толкованию определенных пророчеств. В последних двух стихах Ветхого Завета* объясняется, что Илия будет послан подготовить приход Мессии:

«4 ⁵Вот, Я пошлю к вам Илию пророка пред наступлением дня Господня, великого и страшного. ⁶И он обратит сердце отцов к детям и сердца детей к отцам их, чтобы Я, придя, не поразил землю проклятием».⁴

Хоть и нельзя не допускать возможности того, что некий странный человек, одетый лишь в верблюжью шкуру и кожаный пояс, вновь начнет совершать обряд крещения на реке Иордан, имеется и астрологическая интерпретация рассматриваемого пророчества. За последние двенадцать с половиной тысячелетий, прошедших со времени окончания последнего ледникового периода, созвездие Ориона постепенно перемещалось к северу в своем пре-

---

* Русский текст Ветхого Завета, переведенный с греческого, содержит еще Книги Маккавейские и Третью книгу Ездры.

цессионном цикле. Во времена строительства пирамид — где-то около 2450 года до н.э. самая нижняя звезда пояса Алнитак оказывалась раз в день на одной линии с южной шахтой, выходящей из царского покоя Великой пирамиды. Сегодня этого нет, так как Пояс «переместился» дальше на север. В действительности он достиг своего самого северного положения на небе — конца половины прецессионного цикла. Интригует то, что самая северная звезда Пояса — Минтака расположена сейчас в нескольких минутах от дуги Небесного экватора — воображаемого круга на небе, который, подобно своему земному аналогу, разделяет северное и южное полушарие. Минтаке не суждено пересечь эту линию до того, как она начнет перемещаться обратно на юг. Таким образом, мы живем в конце того, что можно назвать «Эрой Ориона».

Идея эр Человека, связанных с прецессионным циклом, заинтересовала Беннетта. В беседе с ним я спросил, верит ли он, что мы живем в конце эры, и что это может означать для нас. В тот момент я не совсем понял, что он имел в виду, утверждая, что действительно пришло время перемен, что процесс, начатый в конце последнего Ледникового периода около десяти тысяч лет до Рождества Христова, приближается сейчас к своему завершению. Он ожидал, что произойдет некая новая большая перемена в не столь отдаленном будущем. К счастью, он развил эти идеи детально в своей последней книге «Наставники Мудрости» и дал прекрасное объяснение:

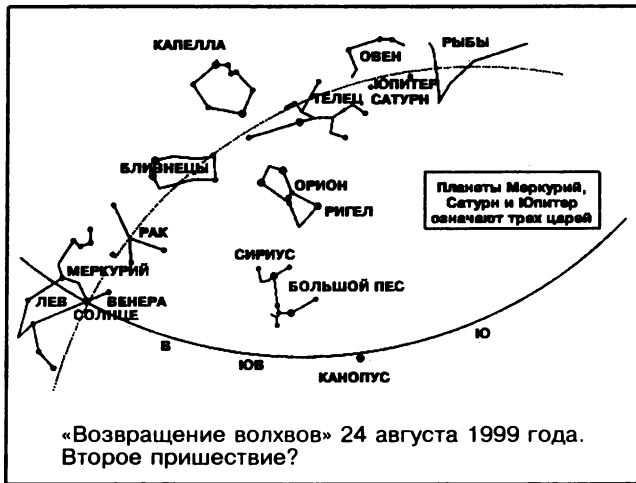
«Здесь я должен сказать кое-что о длительности того, что я называю «эпохами». Существует хорошо известное мнение, связывающее циклы истории с процессией равноденствия и подразделяющее великий год — или великий цикл — в двадцать пять тысяч звездных лет на двенадцать знаков зодиака... Мне представляется очевидным, что

в жизни человечества происходили великие перемены в интервале в двенадцать тысяч лет — примерно в середине великого цикла, — начиная с происхождения Адама⁵ тридцать семь тысяч лет назад».

Процессия равноденствий имеет и другие интересные последствия. Поскольку Орион достиг сейчас максимальной высоты над горизонтом на северном небе, его вытянутая «рука», или дубина, также переместилась к северу. В те времена, когда цари Коммагена занимались строительством своих монументов, солнце должно было «пожимать руку» Ориона 26 мая. Сейчас это происходит в день летнего солнцестояния 21 июня. Орион снова как бы указывает на завершение цикла. Могли ли древние быть столь заинтересованными Орионом, — назывался ли он так либо именами вроде Геркулеса, Самсона, Илии или Нимрода, — потому, что они знали о его роли «хронометриста», о том, что его перемещения отмечали прохождение эпох? Если это так, тогда «стрелка» небесных часов твердо указывает сегодня на двенадцать — Полдень в великом дне человека.

Глава 24 Евангелия от Матфея отдана предзнаменованиям конца эпохи. На протяжении долгих столетий люди пытались истолковать эти закодированные послания, в которых Иисус намеренно указывает своим ученикам, какие знамения подскажут им приближение конца. Подробное толкование этих замысловатых пророчеств, требующих знания как Ветхого, так и Нового Заветов, вышло бы за рамки настоящей книги. Однако в ее контексте представляют большой интерес определенные астрологические предзнаменования, имеющие очевидное значение:

«24²⁷...ибо, как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого; ²⁸ибо, где будет труп, там соберутся орлы.

²⁹И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются; ³⁰тогда явится знамение Сына Человеческого на небе...»⁶

Не совсем ясно, что могло бы означать «знамение Сына Человеческого на небе». Матфей вроде бы подразумевает, что мы узнаем его, когда увидим. С астрологической же точки зрения интересно то, что 24 августа 1999 года небо предстанет почти таким, каким оно было 29 июля 7 года до н.э. — даты, похоже, истинного Рождества Иисуса. Схема расположения «трех царей», то есть планет Юпитер, Сатурн и Меркурий, будет не совсем той, ибо, хоть Меркурий и «преклонится» снова перед Солнцем, соединенным с Регулум, два гиганта не сольются в одну яркую звезду и будут находиться скорее в созвездии Овна, а не в созвездии Рыб. Опять же на этот раз над горизонтом появится Венера, не присутствовавшая в гороскопе на 7 год до н.э. Несмотря на эти различия, между двумя гороскопами имеется близкое соотношение. Подобное построение планет

случается не так уж часто и никогда не случалось раньше, когда Орион (символ пророка Илии) находился бы на вершине цикла, знаменуя великое событие. Можно ли это считать знаменем, которое нам велено искать? Нам осталось недолго ждать, чтобы узнать это.

Вслед за повторным открытием гороскопа Иисуса я жаждал посмотреть, как это будет отображено в классическом стиле в картине «Поклонение волхвов». Одно дело объяснить словами, что история Вифлеема «писана на звездах», и совершенно иное быть в состоянии показать людям картину события в соответствии с канонами герметической традиции. Написать картину в масле я попросил старого моего приятеля, удивительно талантливого шведского художника Бенгта Альфредсона. Он — художник-самоучка старой школы, эдакий современный Рембрандт, привычный к изображению воображаемых сцен, взятых из мифологии. Я был уверен, что он поймет, о чем я толкую, утверждая, что звезды отображают различных персонажей Рождества, и вполне справится с задачей изобразить это в цвете и свете. И я поставил единственное условие: картина должна быть астрономически точной. Дабы гарантировать это, я послал ему диапозитив ночного неба, каким оно должно было быть на рассвете 29 июля 7 года до н.э.

После нескольких месяцев работы, 8 июня 1996 года Бенгт привез картину. Напряжение достигло апогея, когда мы разворачивали произведение, как выяснилось, далеко превосходящее мое воображение. Ибо картина оказалась не только технически точно выполненной, но и к тому же прекрасной. На ней, быть может, впервые сцена Рождества исполнена в соответствии с герметическим изречением: «Как наверху, так и внизу» — суть учения, содержащаяся в Изумрудной таблице Гермеса. Эта картина служит

источником вдохновения, все еще способным, если только мы прислушаемся к нему, вести нас по пути ко Второму пришествию. Это может занять какое-то время, но в скрытой истории мира двадцать пять лет или даже целая жизнь — не больше чем мгновение. Мне весьма приятно было показать хоть часть тайной истории. Мне довольно и того, что я почувствовал себя частью этого процесса, хоть и на мгновение.

•

Приложение 1

РОЖДЕНИЕ ГОРА И ВЕЛИКИЙ СФИНКС ГИЗЫ

Одна из неразгаданных мировых тайн окружает Великого Сфинкса Гизы. Современная египтология утверждает, что он изображает фараона Хефрена и, вероятно, был изваян одновременно с сооружением его — она же центральная — пирамиды в Гизе. Но такая атрибуция признается не всеми, и в настоящее время хватает споров относительно времени, когда был высечен Сфинкс. Развивая труд Шваллера де Лубица по этой теме, его соавтор, геолог Роберт Шох, выдвинул предположение, что Сфинкс гораздо старше, чем полагали раньше. Анализируя следы воздействия стихий на теле самого Сфинкса и окружающих скалах, они пришли к выводу, что он был высечен до того, как Египет стал пустыней. Следы водной эрозии подсказывают, что он может быть датирован по меньшей мере восьмым или девятым тысячелетием до н.э. Такая передатировка Сфинкса весьма противоречива и отвергается традиционными египтологами, настаивающими на том, что Сфинкс не старше пирамид, и датирующими его «рождение» около 2500 года до н.э. Неоспоримым же фактом является то, что голова Сфинкса выполнена в стиле фараонов IV династии. Согласно мнению Веста и Шоха, это может объясняться тем, что голова Сфинкса была высечена заново в век пирамид, в отличие от львиного тела. Но даже если согласиться с этим утверждением, все равно остается вопрос: почему?

Как и все крупные религии, культ Древнего Египта обнаруживал свою природу. Считалось, что когда-то в далеком прошлом некая семья «богов» принесла цивилизацию обитателям Нила. Эти божественные персонажи, во главе

с Исидой и Осирисом, были детьми небесной богини Нут. Согласно мифологии религии, бесконечно повторяемой в истериях и в особенности в похоронном ритуале, Осирис был первым царем объединенного Египта. Его правление было справедливым, и благодаря ему нация варваров превратилась в одну из первых великих цивилизаций. К сожалению, его брат Сет приревновал его, и Осирис был убит. Сет узурпировал царскую власть, расчленил тело мертвого царя и разбросал его останки вдоль Нила. Горевавшая вдова Исида — одновременно сестра и супруга Осириса — тайно собрала его останки, соединила их и создала первую мумию. Прибегнув к магическим ритуалам и призвав мешаться бога солнца Ра, она сумела вернуть Осириса к жизни на достаточно долгое время, чтобы принять его семя и забеременеть. Выполнив свои земные обязанности, Осирис вернулся в небесные области, где стал правителем и судьей умерших. Тем временем Исида укрылась в болотах Дельты и в должное время родила сына по имени Гор. Став взрослым, он вызвал своего дядю на поединок и после очень долгой битвы сумел вернуть себе царство. Молодой царь восстановил силу Закона, символизируемого богиней Маат, и покончил с анархией, едва не погубившей царство при Сете. Правление же Гора даже еще больше, чем правление его отца Осириса, стало образцом для всех более поздних фараонов. При жизни они почитались как живые воплощения Гора, а после смерти, как считалось, в результате ряда похоронных ритуалов становились единым целым с Осирисом.

Легенда об Осирисе послужила основой для весьма сложной небесной религии. Он сам ассоциировался с созвездием Ориона, а Исида отождествлялась с «коровым» созвездием Большого Пса и особенно с его самой яркой звездой — Сириусом. Гермесово изречение: «Как наверху, так

и внизу» руководило образом мыслей египтян почти во всех религиозных вопросах, и они постоянно проводили параллели между жизнью на земле и движениями звезд на небе. Подробности этой небесной религии и того, как она мотивировала строительство египетских пирамид, не занимают нас здесь, поскольку все это тщательно описывается в «Тайне Ориона». Однако в этой книге не рассматривался вопрос о связи звездной религии Осириса с культом бога солнца Ра-Херакте. Но раз последний стал чем-то вроде камня преткновения для многих людей, стоит остановиться на нем поподробнее.

Древние египтяне не представляли себе, как мы сегодня, Землю в виде вращающегося тела и потому воспринимали восход и заход Солнца, Луны и звезд как нечто весьма таинственное. Восточное небо они считали местом рождения, а западное — местом смерти. Каждый день солнце восходит на рассвете, взбирается в небо как птица и в конце концов опускается и садится на заходе. Дневное солнце поэтому символизировалось богом-соколом — Ра-Херакте. В отличие от большинства других народов античного мира, египтяне создали календарь, который не был ни солнечным, ни лунным, а связанным с Сириусом. Для них самым важным днем в году был день солнечного или предрассветного восхода Сириуса, и этот день, приходившийся на июль, отмечал для них начало нового года. Примерно в это время река Нил затопляла каждый год свои берега в результате таяния льда в горах над великими озерами, питавшими ее. Таким образом, возвращение Сириуса-Исиды после периода ее невидимости означало для египтян новое начало.

Но не меньшее значение имело и возрождение Гора, имевшее место примерно в то же время. Соединение Сол-

нца с Регулом — самой яркой звездой в созвездии Льва, символизировало рождение царя в качества «Сына Солнца». И то же самое, похоже, символизируется Великим Сфинксом Гизы. Была ли его голова высечена заново или нет, почти нет сомнений в том, что, по крайней мере, эта часть Сфинкса современна пирамидам. В «Тайне Ориона» мы с Робертом Бьювэлом предложили дату около 2450 года до н.э. для времени строительства Великой пирамиды. Роберт пришел к этой дате в результате рассмотрения астрономической нацеленности так называемых «вентиляционных шахт». Поэтому весьма важно отметить, что на рассвете 13 июля — в день соединения Солнца с Регулом в том году, планеты Юпитер и Сатурн также почти соединились в созвездии Овна. Хотя третий «царь» — Меркурий оставался невидимым, ниже горизонта, это поразительным образом напоминает вифлеемский гороскоп. Возможно, речь действительно идет о дне рождения Гора-царя, и Сфинкс либо был высечен, либо изваян заново, дабы ос-

тавить постоянное напоминание об этом событии. В данном случае вполне вероятно, что Сфинкс действительно означает некоего царя IV династии, хотя я и подозреваю, что им должен быть скорее Хуфу (Хеопс), нежели Хафра (Хефрен), ибо именно пирамида первого кажется нам ключом ко всем этим загадкам.

Приложение 2

ОРИОН-ОХОТНИК

Не только жители Среднего Востока были очарованы созвездием Ориона и связывали его со своей мифологией. Легенды большинства цивилизаций и обществ, в том числе и европейских, уходят корнями в звездные мифы. Воздействие астрономии на мифологию было хорошо раскрыто профессорами Жоржио де Сантиллана и Гертой фон Дехенд в их классическом труде «Фабрика Гамлета», где они прослеживают происхождение содержащихся в шекспировском «Гамлете» мифов вплоть до ледниковых периодов. Таким образом, они сумели вполне убедительно показать, что корни многих древних мифов следует искать в астрономических фактах и что многие странные детали подобных историй могут быть поняты лишь в этом контексте. Будучи столь крупным и ярким созвездием, Орион появляется под разными масками во всей мифологии, и его почти всегда можно узнать, удалив покрывало культурных слоев.

В греческом мифе об Орионе мы находим большее, нежели в древнееврейском, число проявлений египетского влияния. История его ослепления царем Хиоса перекликается с убийством Осириса Сетом, в то время как и Исида, и Эос — обе богини утренней зари — уговаривают бога солнца (Ра-Гелиоса) вернуть к жизни Осириса/Ориона. Главная миссия Ориона в греческих мифах заключается в освобождении островов от диких животных, что, хоть и выглядит по нынешним понятиям чем-то антиэкологичным, можно истолковать как обеспечение безопасности людей и, следовательно, помощь цивилизации. Схожим образом египтяне считали, что Осирис, даже не будучи

охотником, был тем богом, который принес цивилизацию на их землю. Затем следует история, как Орион стал случайной жертвой Артемиды, также являвшейся греческим эквивалентом Исиды. Опять же в обоих случаях смерть Ориона/Осириса подстраивает брат Артемиды/Исиды, и после гибели его опять же в обоих случаях помещают на небе в виде знакомого нам созвездия. Греческий миф, естественно, значительно отличается от египетской истории Осириса, в том числе в характеристике Ориона как охотника за дикими зверями, а не как приносящего цивилизацию бога. Есть, однако, и другой аспект истории с «охотой», по сути означающий: если общество намерено стать цивилизованным, тогда приходится пожертвовать частью дикой природы. Это же понятие изначально лежало, должно быть, и в основании мифа о Самсоне. Отрезание его волос символизировало окультуривание его дикой природы. В то же время охотник должен был проявить свою удаль в отлавливании и уничтожении диких зверей. Орион — охотник за дикими зверями, а Самсон убивает льва голыми руками. Мотив приручения зверей, похоже, изначально присутствовал в египетских ритуалах, окружавших празднества в честь быка Аписа, как и в более поздних греческих мифах о Тесее и Минотавре.

В этих ритуалах культа быка, когда-то широко распространенных по всему региону Средиземного моря и Среднего Востока, а также, разумеется, на Крите, принимали участие акробаты, рисковавшие жизнью, прыгая через рога нападавших быков. Во времена Рима культ быка обрел новую жизнь с привнесением митраизма из Ирана. Этот культ, хоть и принаряженный в иранскую мифологию и лексику, сегодня признается в основе своей греческим. Самая популярная икона культа Митры — так называемый «Митра Тауроктонус» — изображает бога, убивающе-

го быка. Согласно известному мифологу Джозефу Кэмпбеллу, первая скульптура убивающего быка Митры была, возможно, изваяна скульптором из школы Пергама где-то в конце III века до н.э. Сотни копий этой скульптуры были найдены по всей Европе, а один экземпляр экспонируется в Британском музее. Символика статуи имеет главным образом астрологический характер. Фигура Митры, изваянная, как считается, по образу и подобию Александра Великого, изображает Ориона, а его жертва бык — нашего старого приятеля Тельца. Митра вонзает меч в сердце быка, и из раны текут зерна пшеницы, возможно, изображающие Млечный путь. Эту «кровь» слизывает собака, изображающая, без сомнения, Большого Пса. Чуть сзади и в глубине стоят божественные Близнецы, которые в действительности являются следующим за Тельцом созвездием в зодиаке. Снизу к яичкам быка подбирается скорпион — знак, противоположный Тельцу и «покровительствующий» этой части тела. Таким образом, перед нами предстает астрономическая картина: созвездия, восходящие на востоке при заходе солнца в день рождения Митры — 25 декабря.

Култ Митры пользовался большой популярностью среди римлян и являлся самым серьезным соперником христианства до того, как Константин объявил последнее государственной религией. Существуют, разумеется, серьезные различия, поскольку христианство учит, что Иисус Христос позволил принести себя в жертву на кресте во благо людей, в то время как Митра был охотником, выследившим и убившим небесного быка, дабы жило все живое. Имеются четкие философские толкования акта убийства быка и власти над чувственной страстью, но Митра прежде всего выступает тем, кто разбивает яйца, чтобы приготовить омлет, то есть добывается чего-то собственными уси-

лиями. Дикий бык должен умереть, чтобы могла прийти цивилизация: только тогда можно будет собрать пшеницу, и человек с собакой смогут наесться. Культ Митры был распространен по всей Европе римскими легионами, у которых он пользовался особой популярностью, а Париж стал одним из его главных центров. И нет ничего случайного в том, что через четырнадцать столетий после падения Римской империи фригийский колпак Митры стал эмблемой санкюлотов в Великой французской революции. Как и всякие другие революционеры, они взирали на себя как на героев, призванных разрушить старый порядок с тем, чтобы на его место пришло что-то новенькое. Более очевидным пережитком культа Митры остается испанская коррида. Бой человека с быком вызывает к самым примитивным инстинктам, но превыше всего восхваляет удаль тореадора, выступающего в роли Ориона-Охотника.

Видение созвездия великого охотника Ориона на небе пронизывает и мифологию Северной Европы. Миф развивается и видоизменяется со временем и в зависимости от места, но остаются теми же его основные элементы. Орион все тот же охотник и герой, обычно гигант. Он храбр, красив, силен, привлекателен для женщин и является чем-то вроде свободного духа. В «Фабрике Гамлета» де Сантиллана и фон Дехенд узнают Ориона в германском герое Эренделе, которого также называли Оренделом, Орвандиллом и т.п. Этот охотник боролся с гигантами и чудовищами, пережил разные другие приключения, вроде кораблекрушения, перед тем как добиться руки прекраснейшей из женщин — Брейды. В одной любопытной истории, приведенной в «Эдде», Тор описывает, как однажды перенес Орвандилла в корзине через ледяной поток Эливагар. К несчастью, один палец ноги Орвандилла высунулся из корзины и обморозился. Тор оторвал его и запустил в

небо, где он превратился в яркую звезду, известную под названием «Палец Орвандилла». Совершенно ясно: ледяной поток Эливагар можно принять за Млечный путь, а звезду-«палец» — за Сириус, расположенный действительно вблизи от «ноги» Ориона.

Имя Орендел (во многих его вариантах), согласно де Сантиллана и фон Дехенд, является производным от древнеисландского слова «ор», означающего «стрела», и суффикса «ендел»:

«Нам представляется решающей деривация от ор — стрелы, подсказанная Гриммом, а также Угландом, объяснившим значение имени «Орендел» как «поражающий стрелой» в противовес его деду Герентилу, использовавшему гер — копье».

В ряде старых источников де Сантиллана и фон Дехенд нашли ссылки на Млечный путь как на тропинку, следы какого-то зверя или лыжный след лесного человека. Как если бы охотник выслеживал дичь вдоль Млечного пути, и, по крайней мере, иногда ею оказывается олень:

«Но, будь это сын Бога, лесной человек или Медведь, он охотился за оленем-самцом на Млечном пути, разодрал его и разбросал его конечности по небу, направо и налево от белой тропы, и таким образом были разделены Большая Медведица и Орион».

В таком контексте Орион предстает в образе лучника, который, выследив свою добычу — оленя (предположительно, еще один вариант Тельца) на Млечном пути, натягивает тетиву своего лука и готовится пустить стрелу.

Орендел, конечно же, был известен англо-саксам в дохристианские времена, и так и хочется увидеть в нем изначального Херне (или Серне)-Охотника, рогатого бога языческого мифа. Можно узнать его в знакомой фигуре дорсетширского гиганта Серне Аббаса. Этот — вероятно, кельт-

ский — монумент подчеркивает связь между Орионом и плодородием, ибо он представляет собой обнаженного гиганта с фаллосом в состоянии эрекции. Прообраз Херна, похоже, породил мифы о другом великом лучнике — Робин Гуде. Здесь прослеживается явно скандинавская связь, так как больше всего с его легендой ассоциировался тот регион Англии (Йоркшир, Ноттингемшир и Линкольншир), который когда-то был частью территорий, управляемых датскими законами, и в котором было много поселений викингов. В средние века охота была не досугом, а средством выживания. Навязывание норманнами новых лесных законов, ограничивавших права простых крестьян на охоту, вызвало возмущение народа. В регионе, где еще не забыли скандинавские легенды, местного героя вроде Робин Гуда вполне естественно могли путать с мифическим Орендалом.

Миф о Робин Гуде содержит все знакомые элементы, типичные для истории Ориона. Есть гигант, которым в данном случае выступает не сам Робин, а его сподвижник Малыш Джон; верная жена (девственница — служанка Марион (Исида-Эос); злой король Джон, желающий ему смерти (Сет-царь Хиоса); и, наконец, аббатисса Керклис, которая со временем привела его к гибели (Артемида-Далила-Саломея). В контексте Ориона особый интерес представляет легенда о смерти Робин Гуда. Малыш Джон доставляет его в монастырь Керклис, где вместо исцеления он умирает от потери крови по вине злой настоятельницы. Ослепнув от потери крови, Робин ухитряется с помощью Джона выпустить последнюю стрелу, падение которой отмечает место его захоронения. Ослепление и утрата силы по вине женщины вряд ли нуждаются в комментариях, а вот стрела может служить указанием на что-то еще. В «Фабрике Гамлета» де Сантиллана и фон Дехенд указывают,

что во многих мифологиях мира Сириус часто оказывается мишенью, в которую нацелена стрела. Следовательно, последнюю стрелу Робин Гуда можно истолковать как отход его души, отпущенной к ярчайшей из звезд — пальцу Эрендила, или Сириусу.

Миф о божественном охотнике Орионе жив и в наши дни, хотя и принял неожиданный оборот. У древних римлян был бог Сатурн, которого позже они отождествили с греческим богом Хроносом. Он был изначальным Отцом Времени, «старцем дней» с длинной белой бородой, с песочными часами и серпом. Обычно его отождествляют с планетой Сатурн, период обращения которой вокруг солнца примерно в тридцать лет является самым долгим для видимых планет, но не нужно особого воображения, чтобы представить себе эту фигуру времени в качестве первоначального Ориона. Как мы уже видели, это созвездие восходит при заходе солнца в день Рождества, но следует заметить и то, что оно восходит на рассвете в летние месяцы, а когда оно восходит около полуночи, это означает наступление осени. Орион все еще отличает сезоны и дает ощущение времени.

Под влиянием христианства культ Ориона сменяется странным мифом, сочетающим элементы охотника и Отца времени. Речь, конечно же, идет о рождественском деде, или Санта-Клаусе. Отбросив в сторону христианское почитание Св. Николая и его предполагаемую щедрость, мы разглядим фигуру Отца времени, объявляющего о приходе Нового года. Но рождественский дед является также и скандинавским «Орионом», приносящим домой еду и подарки (быть может, изначальную добычу от набегов викингов) жене и детям. Однако, в отличие от Робин Гуда, он уже не охотится на оленя на тропе Млечного пути, а приручил диких животных и использует их силу для путеше-

ствия на санях. Глядя на небо после захода солнца в день Рождества, мы видим его, скользящим над печными трубами в санях, в которые запряжен его любимый северный олень Рудольф. «Красный нос» последнего — нечто иное, как наш старый приятель Альдебаран — великий красный гигант из созвездия Гиады, который мы называем глазом Быка.

Восход и заход созвездия Ориона и его ближайшего соседа и ярчайшей звезды на небе Сириуса стоят, похоже, за многими из наиболее устойчивых мифов мира. Стремление стать одной из его звезд совершенно недвусмысленно выражено в «Пирамидных текстах» и представляется главной причиной строительства пирамид. Но и другие стремились к тем же звездам, что и выражено весьма живо в легенде о последней стреле Робин Гуда. История Ориона является в каком-то смысле историей всякого и каждого, стремящегося слиться с природой, прийти к согласию со своей жизнью на земле, со своим неведением относительно пункта назначения после смерти и со своей жадной попой в лучший мир среди звезд Царства Небесного. Наш Санта Клаус — бедный отзвук тех ранних мифов, но он по крайней мере указывает, что его прообраз еще не умер окончательно в коллективном сознании.

Приложение 3

ПУТЕШЕСТВИЕ АВРААМА В ЗЕМЛЮ ОБЕТОВАННУЮ

Твердая вера жителей Северной Месопотамии в то, что Урфу следует отождествлять с упоминанием в Библии Уром, побудила меня посмотреть новыми глазами на первые главы Книги Бытия. Я хотел убедиться в том, действительно ли из нее появился Авраам и соответствует ли его легендарная миграция известной нам истории.

В Библии вообще проблематично датировать что-либо, в том числе и Книгу Бытия. Она не является прямой историей и написана на многих уровнях — отчасти аллегорическом, отчасти символическом, отчасти на уровне родовой памяти. Прежде всего это — религиозный документ, призванный поддержать и укрепить веру одного особого народа — израильтян — в свое призвание избранного Богом народа. Вопросом скорее веры, нежели науки остается и вопрос о реальном существовании одной отдельной семьи, возглавляемой патриархом Авраамом и совершившей переход из Ура в Ханаан. Мы можем лишь с некоторой долей уверенности утверждать, что записавшие эту легенду люди, вероятно, разбирались в географии и хранили в памяти реальные события, случившиеся с их предками. По Библии, Авраам был пастухом и скотоводом. Собрав свой стада и взяв с собой свою жену Сару и других последователей, он путешествует из Ура в Харан, а оттуда в Ханаан — библейскую «Землю Обетованную». Однако из-за голода он на время перебирается в Египет, где он солгал, назвав свою супругу Сару сестрой, и она была «взята в дом фараона». Когда обман раскрылся, семью Авраама выпроводили из Египта обратно в Ханаан.

Согласно большинству ученых мужей, упомянутый в

Библии «Ур Халдейский» следует искать в Южной Месопотамии, в 140 милях к югу от Вавилона. Этот Ур был столицей самой ранней цивилизации в регионе — шумерской. Первые раскопки ее руин в Телл-эл-Мукайяре (в Ираке) были предприняты Тейлором в 1854 году, но настоящее их изучение началось лишь после первой мировой войны. И только в середине 20-х годов нынешнего столетия под руководством Леонарда Вули были сделаны самые важные находки. Он раскопал великий *зиггуррат*, или ступенчатую башню, а также посетил в соседнем Телл-эль-Обейде остатки древнего храма бога луны Сина, раскопки которого были начаты в 1919 году Х.Р. Холлом. Его находки, экспонирующиеся ныне в Британском музее, оказались весьма древними. В апреле 1925 года Вули писал в «Иллюстрейтед Лондон Ньюс»:

«Необычайный интерес вызывает именно возраст этого храма и всего найденного в связи с ним. Из дощечки в его фундаменте мы узнали, что он был построен в честь богини Нин-Хурсаг вторым царем из первой династии Ура Ааннипаддой. Эта династия обычно считалась мифической, пока свет не увидели эти вещественные доказательства ее существования. Еще слишком рано устанавливать истинное время правления этого царя, поскольку списки вавилонских династий не свободны от ошибок, и следует искать дополнительные доказательства. Его царствование определенно приходится на четвертое тысячелетие до н.э., и, по самым скромным подсчетам, наш храм насчитывает около 5400 лет».

Вули предстояло сделать еще более крупные открытия. В 1928 году он опубликовал ряд статей о находке похоронных принадлежностей, в том числе нетронутой могилы царицы и массового захоронения целого гарема, рабов, слуг и охранников, сопровождавших умершего царя на пути в иной мир. В гробнице царицы Шуб-ад был найден ве-

ликолепный золотой головной убор, который ныне также экспонируется в Британском музее, как и многие другие предметы из золота, серебра и драгоценных камней. Возможно, из-за его потенциальной связи с библейской историей Авраама и Исаака, Вули был весьма заинтригован своим открытием доказательств человеческих жертвоприношений в Уре, и поэтому он пишет:

«Не менее примечательным, чем предметы, найденные прошлой зимой в царских могилах в Уре, было открытие, что похороны царя сопровождалась ритуалами с человеческими жертвоприношениями. Во всей литературе о Вавилонии нет и намека на подобный обычай, когда-либо бытовавший там: задолго до того исторического периода, которым датируются наши письменные памятники, этот обычай был упразднен, а воспоминания о нем были преданы забвению или тщательно скрывались писателями, устыдившимися таких зверств в прошлом. Но сейчас мы располагаем убедительным доказательством того, что в четвертом тысячелетии до Рождества Христова Шумерский царь был похоронен вместе со всем окружением, состоявшим из придворных, солдат и женщин, которые, подобно кувшинам с едой и напитками, оружием и инструменту, призваны были обслуживать его потребности и наслаждения на другом свете».

В то время, когда Вули вел раскопки в Уре, существовало немалое соперничество между археологами, работавшими в Египте и Месопотамии, в обнаружении самых древних и необычных сокровищ. Прошло лишь несколько лет после открытия Говардом Картером гробницы Тутанхамона в Долине Царей, и обнаружение столь важных захоронений в Уре стало предметом большой гордости для всех, работавших в Шумере. Вули, естественно, был доволен тем, что его открытия подтвердили: Ур был высокоцивилизованным государством по меньшей мере за не-

сколько столетий до основания египетского Старого царства, построившего пирамиды. Но не допускали ли археологи преувеличения, утверждая библейскую связь между золотым городом Ур и патриархом Авраамом?

Академическое соперничество между египтологами и шумерологами вышло за рамки попыток доказать большую или меньшую древность той или иной цивилизации и в значительной степени зависело от финансирования. Раскопки часто зависели от поддержки таких состоятельных благотворителей, как лорд Карнарвон в случае Говарда Картера и обнаружения гробницы Тутанхамона, но существовали и другие заинтересованные группы. Главными среди них были общества, озабоченные поиском доказательств подлинности Библии. Такие организации, как «Египетский исследовательский фонд» или «Палестинский исследовательский фонд», давали немало денег на продолжение полевых работ и Вули, и Петри. Эти спонсоры, естественно, ожидали отдачи: находки должны были получить, где это возможно, библейское толкование, скорее подтвердить, нежели опровергнуть слово Бога. Часто спонсоры оставались разочарованными, когда археологические раскопки раз за разом давали либо нейтральные, либо несовместимые с библейской хронологией результаты. Холл, Вули и иже с ними старались в Уре потрогать спонсорам. Телл-эль-Макайяр стал «Уром Халдейским», и было принято на веру, что именно оттуда отправились Авраам и его отец Фарра в свое путешествие в землю Ханаанскую. Открытие крупных царских захоронений и впечатляющая древность находок подкрепили эту романтическую картину, ибо подтвердили мысль о том, что Авраам был в действительности не грубым скотоводом, возглавлявшим род кочевников-бедуинов, а городским жителем, возможно, даже царских кровей, самого древнего города региона. Датирование Ура четвертым тысячелетием также соответство-

вало идеям о семитысячелетнем «искупительном цикле» со времени Авраама до конца золотого века. Таким образом, Авраама должны были отделять четыре тысячи лет от Иисуса — нечто вроде подготовительного периода; два тысячелетия «наших дней» — от времени Иисуса до «конца дней», и, наконец, одно тысячелетие Золотого века, которое последует за его Пришествием около 2000 года. В соответствии с таким расчетом, Авраам должен был жить где-то около 4000 года до н.э. — незадолго до времени археологического Ура. Связывая Авраама с этим «Уром Халдейским», археологи — так, по крайней мере, думали они — никогда не обижали и доставили большую радость своим еврейским и христианским спонсорам. Но было ли это истиной?

В 1953 году, во время странствования по Ираку, Сирии и Турции, Дж. Беннетт посетил место раскопок Вули. И полюбил Ур, как это видно из его записок, ибо смотрел на Шумер как на место зарождения цивилизации.

Его мало интересовал, если вообще интересовал, Египет: в самом деле, нет никаких опубликованных данных о том, посетил ли он когда-либо эту страну. И все же Беннетт проявляет осторожность, экстраполируя данные археологических раскопок, и записывает в своем дневнике:

«...и вот я остановился на пороге Гробниц Ура, заглядывая в темное углубление, из которого извлекли такие сокровища. Мое наиболее сильное впечатление: от далекого прошлого нас отделяет пропасть. Благодаря случаю мы находим тот или иной след античного мира. В соответствии со своими находками мы приблизительно реконструируем условия жизни. Я абсолютно уверен: если бы не были расшифрованы надписи и открыты могилы, никто не смог бы говорить о высоком уровне культуры этих древних городов».

Путешествие Авраама представляется почти лишенным смысла, если он действительно был горожанином из

Южного Ирака в четвертом тысячелетии до н.э. Даже если предположить, что в регионе Южной Месопотамии того времени были какие-либо пастухи, то и тогда скотоводство не могло быть господствующим способом землепользования. На плодородной равнине в нижнем течении Тигра и Евфрата можно было вырастить больше одного урожая пшеницы и овощей в год. Было бы непрактично держать крупные отары овец, которые паслись бы на этих пахотных землях. Подобное землепользование больше подходит холмистой или гористой местности, где овцы и козы могли бы пастись на иначе непродуктивных землях. Да и отцу Авраама Фарре ни к чему было вести свою семью из Телл-эль-Мукайяра в Харран, если местом их назначения был Ханаан. Были и другие удобные маршруты, с которых не нужно было заворачивать в Харран. Если же Авраам жил — как сейчас признают все — во втором, а не в четвертом тысячелетии до н.э. и вышел бы не из Ура в Шумере, а из Урфы (Эдесы), то это дает нам исторический сценарий, в котором гораздо больше смысла и который к тому же совпадает с исламскими преданиями, все еще сохраняющимися в регионе.

«ЭДЕСА. БЛАГОСЛОВЕННЫЙ ГОРОД»

Профессор Сигал не доходит до признания этого, но все же намекает — в подстрочном примечании к своей работе «Эдеса. Благословенный город» — на то, что так оно и могло быть. Он цитирует одного якобитского митрополита по имени Михаил Сирийский — друга Зенги, захватившего Эдесу в 1044 году. Михаил якобы говорил, что название «Орхай» происходит от слова «Ур», означающего «город», и слова «Хай», означающего «халдейский», и что последний эпитет был дан потому, что город населя-

ли халдеи. Именем «чалдини» называли себя в античные времена жители Урарту, то есть страны, которая позже получила название «Армения». Они были выходцами из района горы Арарат и где-то около 1500 года до н.э. мигрировали на плодородные равнины Северной Месопотамии. Там они построили могущественное царство Митанни. Одним из его городов был и Орхай, именно халдейский, в отличие от Ура в Шумере, который не был таковым.

Господствовавший в Северной Месопотамии в середине второго тысячелетия народ Митании был частью большой группы народов, известных под названием «хурриты», чье место в истории постепенно становится более понятным. Около 1670 года до н.э. народ, известный под названием «гиксосов», или «царей-пастухов», вторгся в Египет. Это нашествие случилось во время так называемого Второго промежуточного периода. Гиксосы захватили регион Дельты Нила, а их цари составили XV и XVI династии. В Египетском музее Каира экспонируются фризы гиксосов, на которых они предстают с густыми бородами и скорее семитскими, чем египетскими чертами. Это вроде бы указывает на то, что их нашествие на Египет было частью гораздо более крупного расселения народов из районов Восточной Турции и горы Арарат в «колыбели» цивилизации — Месопотамию и Египет. Осуществившие нашествие люди были воинами из степей современного Юга России, которых теперь мы называем хурритами.

Даже будучи почти преданным забвению, вторжение хурритов в Месопотамию и Египет было одним из величайших событий в истории. Они первыми внедрили в сонные цивилизации Среднего Востока боевые колесницы — изобретение, принесенное ими из степей России.¹ С помощью этой новинки народ Митанни создал свою империю, которая, несмотря на свое недолгое существование,² имела большое значение, так как была первым известным

сирийским царством. Хурриты либо построили, либо захватили готовыми несколько крупных городов региона, включая Кархемиш, Урфу и Харран. Последний из них упоминается в Библии как место, где семья Авраама сделала свою первую остановку после ухода из Ура Халдейского:

«11 ³¹И взял Фарра Авраама, сына своего, и Лота, сына Аранова, внука своего, и Сару, невестку свою, жену Авраама, сына своего, и вышел с ними из Ура Халдейского, чтобы идти в землю Ханаанскую; но, дойдя до Харрана, они остановились там. ³²И было дней жизни Фарры (в Харранской земле) двести пять лет, и умер Фарра в Харране».

Принимая во внимание указанные обстоятельства, вполне можно предположить, что либо Авраам был беженцем, выгнанным сначала из своего дома в Уре (Урфе) упомянутыми агрессорами и затем из соседнего Харрана, либо его семья сама принадлежала к мигрировавшим хурритам. Подтверждением последнего предположения может, пожалуй, служить более раннее описание в той же Книге Бытия схожей миграции Ноя с семьей из Армении в Месопотамию.

МЕСОПОТАМИЯ — МЕСТО ИСТОКОВ

Цивилизации, выросшие на землях, орошаемых речными системами Тигра и Евфрата, были даже древнее Старого царства Древнего Египта. Хотя в узком смысле слова земля Месопотамия — это пойма между двумя реками, когда-то называвшаяся Вавилонией, а ныне являющаяся частью современного Ирака, сами реки берут свои истоки гораздо севернее этой плоской, аллювиальной равнины, в горном плато Восточной Турции. Это-то плато, над которым господствует гора Арарат, и могло быть местом нахождения библейского Рая.

«2 ¹⁰Из Эдема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки. ¹¹Имя одной Фисон: она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото; ¹²и золото той земли хорошее; там бдолах и камень оникс. ¹³Имя второй реки Гихон /Геон/: она обтекает всю землю Куш. ¹⁴Имя третьей реки Хиддекель /Тигр/: она протекает пред Ассирию. Четвертая река Евфрат».³

Рассказ в Книге Бытия о четырех больших реках Эдема имеет ясно выраженный символический смысл, связанный с идеей креста, ветви которого указывают на четыре стороны света. Тем не менее очевидно: Эдему предназначалось определенное географическое местоположение, а включение Тигра и Евфрата в список указывает, что сами реки были реальностью, а не просто абстрактным идеалом. Проблематичным для комментаторов всегда было опознание двух первых — Фисона и Гихона. Забыв о географии, их отождествляли с такими разными речными системами, как Нил, Ганг и даже Янцзы. Однако если согласиться, что в Библии говорится о некоем реальном предании, тогда истоки всех четырех рек должны были находиться близко друг от друга. Поэтому и эти две реки — подобно Тигру и Евфрату — должны были иметь свои истоки на Восточно-Анатолийском плато.

В действительности имеются еще две большие реки с истоками, близко расположенными к истокам Тигра и Евфрата в том же районе. Первой из них является Аракс, начинающийся рядом с Эрзерумом. Это, возможно, и есть библейский Фисон, да и течет он примерно на восток — к Каспийскому морю. Сегодня он служит границей между Арменией, Турцией и Ираном. Название Фисон означает «свободно текущий», и на самом деле эта река представляет собой бурный поток, который в зимнее время практически невозможно пересечь и в котором опасно плавать

на чем-либо, а летом ее легко перейти вброд. Землю Хавила вполне можно отождествить с Грузией, расположенной немного севернее реки и когда-то бывшей мистической землей Колхидой. Именно туда отправился Ясон с аргонавтами на поиски золотого руна. Другая река называется Гихон, что означает «поток». Речь может идти о Галисе (Кызыл Ирмаке) — самой длинной реке в Малой Азии, питающейся из истоков на Кызыл-Даге чуть к северу от истоков Евфрата. Эта река течет на запад и затем поворачивает на север и вливается в Черное море. Река Галис разделяет восточную и западную Анатолию и когда-то как бы «обнимала» сердце древней Хеттской империи со столицей в городе Богазкей (Хаттусас).

Горная местность в восточной Анатолии, откуда текут эти четыре большие реки, вполне могла быть мифическим Эдемом. Дальше на восток от этого «Эдема» находится озеро Ван, быть может, первоначальный «райский сад», и к северу на долину Аракса взирает четырехтысячник Арарат, где, по преданию, причалил свой ковчег и сошел на землю Ной. Независимо от того, верим мы в историю потопа и в кораблекрушение Ноева ковчега на горе Арарат или нет, все данные указывают на этот регион как на то место, откуда вышли члены большой «семьи» Ноя в разные стороны на завоевание всего известного мира. Одним коленом, или родом, этой группы были авраамиты, другим, возможно, большим, — чалдины (халдеи), считавшие своим патриархом мифического предка, по Библии правнука Ноя по имени Нимрод.

Если принять во внимание все эти моменты, то вполне можно предположить, что род Авраама и был хурритами, принадлежавшими к другому колену семьи из Митанни халдейского. Сохраняемые по сей день жителями Урфы легенды о конфликте между Авраамом и местным царем,

которого они отождествляют с библейским Нимродом, могут быть основаны на действительном историческом событии. Больше того, лингвистическое сходство между словами «хурриты», Харран (город), Аран (брат Авраама) указывает на некую связь. Беспристрастный наблюдатель вынужден будет признать, что Авраам вполне мог родиться в Урфе и принужден был мигрировать вместе со своей семьей, поначалу в соседний Харран, а затем и в Ханаан. Если только не будут найдены записи на этот счет, то мы, вероятно, никогда не узнаем истину. Однако этот сценарий представляется более вероятным, нежели преобладающее мнение о том, что Авраам вышел из Ура Шумерского. К тому же он много дает для объяснения, почему регион Северной Месопотамии продолжает оставаться важным резервуаром эзотерических знаний, многие из которых связаны с Библией вплоть до наших дней.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

ВОЗНЕСЕНИЕ ИИСУСА

Евангелие от Матфея заканчивается страстным призывом воскресшего Иисуса к одиннадцати оставшимся ученикам (Иуда уже повесился) пойти и научить все народы, «крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Марк же продолжает историю Иисуса и сообщает нам о его «Вознесении на небо»:

«16 ¹⁹И так Господь, после беседования с ними, вознесся на небо и воссел одесную Бога».

Лука в своем Евангелии несколько подробнее описывает историю Вознесения, рассказывая нам, что оно произошло в деревне Вифании близ Иерусалима, где жили его друзья Марфа, Мария и Лазарь:

«24 ⁵⁰И вывел их вон из города до Вифании и, подняв руки Свои, благословил их.

⁵¹И, когда благословлял их, стал отдаляться от них и возноситься на небо.

⁵²Они поклонились Ему и возвратились в Иерусалим с великою радостью.

⁵³И пребывали всегда в храме, прославляя и благословляя Бога. Аминь».

Наиболее полное описание, на котором основывается традиционный образ Вознесения, дается в Деяниях святых апостолов:

«1 ³...которым /Апостолам/ и явил Себя живым, по страдании Своем, со многими верными доказательствами, в продолжение сорока дней являясь им и говоря о Царствии Божиим...

⁶Посему они, сойдясь, спрашивали Его, говоря: не в сие ли время, Господи, восстанавлиешь Ты царство Изра-

илю? ⁷Он же сказал им: не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти, ⁸но вы примите силу, когда сойдет на вас Дух Святый; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли. ⁹Сказав сие, Он поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их. ¹⁰И когда они смотрели на небо, во время восхождения Его, вдруг предстали им два мужа в белой одежде ¹¹и сказали: мужи Галилейские! Что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его, восходящим на небо».

Эта история вознесения Иисуса на небо является одной из основных догм церкви, и она до сих пор отмечается как большой праздник, сорок дней спустя после Пасхи. На первый взгляд, этот интервал кажется символическим, поскольку напоминает проведенные им в посте в пустыне сорок дней. Более же тщательный анализ выявляет нечто довольно необычное: вознесение Иисуса имеет определенное астрологическое значение.

Ведутся оживленные споры относительно того, в каком же году имели место Распятие, Воскресение и Вознесение. В исчерпывающей статье в «Энциклопедии Британника» исследуются документальные и астрономические данные и делается вывод, что скорее всего это был 29 год н.э.:

«Подытожим: различные даты и интервалы, приблизительно определению которых посвящена данная статья, по отдельности не претендуют более чем на ориентировочное и вероятное значение. Быть может, их гармония и сходимость дают дополнительное право на их принятие, но во всяком случае почти гарантируют каждую из них по одиночке — Рождество в 7-6 году до н.э., Крещение в 26–27 году н.э. и Распятие в 29 году — от грубой ошибки».

Тайная вечеря, имевшая место в первый Великий четверг, была на самом деле еврейской Пасхой. Этот ужин всегда проводится накануне четырнадцатого или пятнадцатого дня еврейского месяца *нисан*. На современном языке это означает день первого после весеннего равноденствия полнолуния. В год смерти Иисуса он вроде бы пришелся на канун священного дня отдохновения, который начинался на заходе в пятницу. Воскресение — наш современный праздник Пасхи — случилось двумя днями позже, в следующее воскресенье, а Вознесение — еще через сорок дней.

В этих датах есть некое расхождение, доходящее до трех дней в зависимости от того, что считать полнолунием. В 29 же году еврейская Пасха пришлась где-то на 14–16 апреля, Великая пятница — на 15–17 и Пасхальное воскресенье — на 16–18 апреля. Отсчитывая сорок дней, мы получаем 26–28 мая. С помощью программы *Скайглоуб* легко удостовериться в том, что в указанные три дня солнце должно было находиться в позиции «рукопожатия» над вытянутой правой рукой Ориона. Выходит, как карта Рождества Христова (29 июля 7 года до н.э.) совпадает с днем рождения царей Коммагена, так и его Вознесение совпадает с ориентацией шахты в Арсамии и случилось в день, подходящий для царского восхождения к звездам.

В «Пророчествах мая» я привлек — спасибо «Фабрике Гамлета» — внимание к господствовавшей в античном мире вере в то, что на каждом конце Млечного пути имелись звездные калитки. Как считают де Сантиллана и фон Дехенд, их следует искать там, где эклиптика, или ежегодная тропа солнца, пересекается с Млечным путем, и поэтому южная калитка находится вблизи хвоста Стрельца, а северная — в Близнецах, вблизи позиции «рукопожатия» над Орионом. Эта идея была хорошо известна в рим-

ском мире и зафиксирована Макробием — писателем конца IV и начала V веков н.э.

Вывод, который, быть может, шокирует многих христиан, состоит в том, что Орион подобно тому, как он символизировал Осириса — «отца» египетских фараонов, сегодня символизирует «Отца Иисуса на небе», по правую руку от которого он сейчас восседает. Это предполагает не то, что Бог-Отец является созвездием и Иисус — солнцем, а то, что здесь еще раз уместно вспомнить гермесово изречение: «Как наверху, так и внизу». Напрашивается вывод, что вознесение Иисуса — как и Илии — на небо замысловато связано с Орионом и что — как считалось — именно в эту часть неба он и отправился. Если это так, то у нас появляется лишний повод, чтобы отметить тот факт, что «Отец времени» Орион достигает сейчас максимальной высоты над горизонтом. Не означает ли это, что звездная калитка вот-вот откроется?

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 2. ВСТРЕЧА С ОДНИМ ВОЛХВОМ

¹ Первый из более чем дюжины иностранных языков, в том числе греческий, индонезийский, тибетский и санскрит, которыми он овладеет.

² Чаталийские линии были укрепленными позициями в 25 милях к востоку от Константинополя.

³ Мевлеви, известные как «кружащиеся дервеши» по их особому танцу в состоянии транса, являются самыми известными из многих братств суфиев.

⁴ Теософское общество, основанное мадам Блаватской, было предшественником многих нынешних групп «Нового века». Оно было и остается весьма широкой церковью, исповедующей восточный и западный мистицизм.

⁵ Название «Терциум Органум» являлось скрытым намеком на «Органон» Аристотеля,

означающий «орудие мысли», и на «Новум Органум» Роджера Бэкона, или «новое орудие мысли». Назвав свою книгу «Третье орудие мысли», Успенский дерзко давал понять, что его книга осовременила труд упомянутых философов.

⁶ Александрополь ныне называется Гюмри.

⁷ Гурджиев делает скрытый намек на это в «Рассказах Вельзевула своему внушонку» (Глава XXX), где он называет это братство «Клубом адептов легоминизма».

⁸ Развалины Ани, бывшей столицы Армении, довольно обширны и расположены близ границы между Турцией и Республикой Арменией, в настоящее время турецкой территории. В момент написания настоящей книги это место весьма опасно, ибо любая граница всегда засекачена.

Глава 3. ПОИСК СРЕДИ СУФИЕВ

¹ Суфийские теке можно сравнить с христианскими монастырями, за исключением того, что дервиши — эквива-

лент западных монахов — обычно семейные люди, занятые на обычных работах, и не живут в тесной общине. Они,

однако, обязаны подчиняться своему шейху, который в качестве «настоятеля» теке служит их муршидом или проводником в праведную жизнь.

² В 1986 году, следуя по пятам Беннетта, я сам посетил теке в городе Конья. Он оказался одной из самых интересных построек, которые я когда-либо видел: эдакое святилище, претендующее стать музеем. Снаружи, во внутреннем дворе перед зданием находятся обычные удобства для очищения, которые ассоциируются с исламом, там и несколько пожилых мужчин заняты зикром — главным духовным ритуалом суфиев. Обычно он предполагает контроль дыхания с повторяющейся молитвой, хотя точная его форма отличается от общины к общине и служит своеобразным «посвящением». Его цель — повысить сознание и в конечном итоге способствовать единению с Богом. Внутри теке царил атмосфера любви и мира. Около входа находилась гробница самого Руми — искусно исполненная, покрытая роскошными парчовыми тканями, в приделе, стены которого с пола до потолка украшены каллиграфическими письменами. Поблизости находились усыпальницы самых видных его последователей, ук-

рашенные изящными тюрбанами, свидетельствующими об их ранге. Сам Сема-Хане оказался меньше, чем я ожидал, и был заполнен стеклянными ящиками с инструментами, текстами и другими памятными вещами общины. И все равно зал наполнился памятью о «вертящемся» танце до такой степени, что у меня возникло непреодолимое желание закрутиться и отдаться танцу. Это было странное ощущение, на которое, мне думается, намекал Беннетт, когда писал о том, что здание фокусировало физические энергии.

³ Некоторые комментаторы считают, что он мог жить гораздо раньше — ок. 1400—1200 гг. до н.э. Такая путаница неудивительна, если иметь в виду, что многие изначальные писания зороастризма были уничтожены во время завоевания Александром Великим Персидской империи в 334 году до н.э. Еще больше устных преданий было утрачено, когда многие волхвы погибли во время разграбления македонцами их храмов и усыпальниц. Однако сохранилось достаточно писаний для поддержания веры во время темных для них дней греческого владычества, пока она не возродилась в обновленной форме еще раз в виде государственной религии империи Сасанидов.

⁴ Священные книги нынешних зороастрийских парсов.

⁵ Как буддисты предвкушают пришествие Майтреи, а христиане — «второе пришествие» Иисуса Христа, так зороастрийцы верят, что в конце времени родится посмертный сын Зороастра по имени Саошианс («спаситель»), который и спасет мир.

⁶ Государство-преемник древнеперсидской империи, основанное заново около 248 года до н.э.

⁷ Арийскими обычно называют племена, вышедшие из Персии и Индии и говорившие на общем индоевропейском языке. Родство этих древних племен и современных европейцев — проблематичный и спорный вопрос.

⁸ Хатра была крепостью в пустыне к югу от Мосула, населенная в основном арамеями.

⁹ В самом деле, митраизм описывался как греческая философия в персидских одеждах, но такое определение нельзя считать адекватным.

¹⁰ Предположительно: Древо жизни.

¹¹ Второй Адам — Иисус Христос, зачеркнувший грех первого.

¹² В Индии она развивалась через «Веды» и превратилась в современный брахманизм. Лю-

бопытно, что на этом субконтиненте асуры (эквивалент иранских ахуров) стали демонами, а дэвы (дьяволы в зороастризме) поднялись до уровня влиятельных богов. Позже индийское многобожие было отточено и видоизменено такими просвещенными наставниками, как Кришна и Будда, таким образом, что изначальное основание ведической мысли остается почти невидимым в религии, исповедуемой сегодня на субконтиненте. И все же многобожие присутствует там до сих пор и служит корнями того, что можно было бы назвать традицией йогов.

¹³ Каббалистическое «древо жизни» с его десятью сефиротами, или «огнями», является в действительности увеличением еврейского семисвечника или менораха.

¹⁴ Например, люди, наделенные мощью Марса, становятся хорошими солдатами. Он придавал им отвагу, напористость, силу и динамизм, необходимые для совершения опасных дел. Но он же придаст им злобность и склонность к жестокости.

¹⁵ Эон означает буквально «эпоха», но одновременно имеет значение духа эпохи или периода времени, олицетворяемого как «бог».

Глава 4. ГЕРМЕС ТРИЗМЕГИСТ

¹ Э. Дж. Гилберт. «Космическая мудрость астрологии» (Шафтвери: «Солос Пресс», 1991 г.).

² Сборник «Герметики» содержит не только «Корпус Герметикум».

³ Каббала является мистической формой иудаизма, включающей размышления над определенными образами в сочетании с астрологией и

именами Бога. Обновленная должным образом, она стала «христианской каббалой».

⁴ Святая святых — самая священная часть храма, церкви или усыпальницы. Например, святая святых Иерусалимского Храма или Царский покой в Великой пирамиде.

⁵ К Гору здесь обращается его мать Исида.

Глава 5. ТАЙНА ОРИОНА

¹ Зенит звезды — это та точка в небе — прямо на юге, — где в своем повседневном видимом движении по небосклону она выше всего поднимается над горизонтом.

² Два первых сына Иакова от сестры Рахиль.

³ Аарон был старшим братом Моисея.

⁴ Царь Израиля.

⁵ Обычно считается, что «он» — это Антиох IV Сирийский.

⁶ Он правил в 63—40 годах, умер в 30 году до н.э.

Глава 6. ПОИСК ТАЙНОГО БРАТСТВА

¹ Р. Кларк. Мифы и символы Древнего Египта.

² Например, неспособность езидов выйти из круга, когда его рисуют вокруг них на песке. См. выше.

³ Позже об этом городе будет рассказано подробнее.

⁴ Национальный бог Ассирии, изначально местное божество города Ашшура; позже оно обрело многие божествен-

ные атрибуты богов Солнца и Грозы.

⁵ Поскольку 20 мин серебра представляют собой ничтожную сумму всего в четверть таланта, Коммаген, похоже, располагал большим количеством древесины, чем металлов.

⁶ Недавно название города поменялось на Санли Урфа — «Урфа Православная» — благодаря его героическому сопро-

тивлению французам вскоре после окончания первой мировой войны.

Глава 7. ЛЕВ КОММАГЕНА

¹ Стадий, или фарлонг, — древняя единица измерений. Его длина различалась от страны к стране. Стадий же Эратосфена равнялся приблизительно 1/10 британской мили.

² Астрономы всегда дают даты до н.э. в виде отрицательных чисел. В их методе подсчета нет года «0», и календарь переходит от -1 прямо к +1. Значит, необходимо отнять лишний год от астрономической даты, чтобы обратить ее в дату до н.э.: -61 становится 62 годом до н.э.

³ Из-за изменений процессий 0° Овна, точка, в которой эклиптика, или путь солнца, пересекает небесный экватор, постепенно движется назад. По причине этого отставания астрологические «знаки» зодиака уже не совпадают со своими созвездиями. Такая прецессия была заметна уже во времена Антиоха.

⁴ На деле Луна обгоняет Меркурий в течение дня.

⁵ Подробности этого путешествия, связанного главным образом с Урфой/Эдесой, приводятся в следующей главе.

⁶ Небольшой городок на

⁷ Самая маленькая из трех пирамид Гизы.

одиноким утесе с восточной стороны равнины Аргос на полуострове Пелопоннес.

⁷ В некоторых версиях мифа четко говорится, что мертвого льва Зевс обратил в созвездие Льва. На рельефе в Арсамее Геркулес изображен со шкурой немейского льва, которую он носил, перекинутой через одну руку как свой отличительный знак.

⁸ Из-за прецессии сегодня оно происходит между Близнецами и Овном.

⁹ Опять же из-за прецессии он отстал на один знак и сейчас находится практически в созвездии Скорпиона.

¹⁰ Митра родился 25 декабря — сразу же за зимним солнцестоянием.

¹¹ Имеется созвездие Геркулес, состоящее из довольно-таки неприметных звезд, расположенных между Лирой и Бореальной короной. Это созвездие второго или даже третьего эшелона не могло быть тем самым, которое имели в виду греки, говоря, что Зевс удостоил величайшего из полубогов, дав ему место среди звезд.

¹² Действительно, на эклип- тике должны быть две точки, выстраивающиеся на одной линии с шахтой. Сначала весной, когда солнце перемещается к северу, и затем поздним летом, когда оно возвращается на юг. Вторым является выстраиванием на этой линии Регула вслед за летним солнцестоянием. Сейчас же я искал первую точку, которая появляется весной.

¹³ В зороастризме двумя величайшими грехами считались ложь и загрязнение стихий. Поскольку считалось, что тела умерших сильно загрязняли землю, персы обычно оставляли (и так все еще поступают персы в Индии) сначала трупы на растерзание птиц-санитаров и лишь затем хоронили оставшиеся кости.

Глава 8. ГОРОД ПАТРИАРХОВ

¹ На сирийском языке Дайсан означает «прыгающий», как и перевод этого названия на греческий — Сиртос, который также использовался. Это, по-видимому, связано с бурным характером реки, склонной и разливаться, и иссыхать.

² Ариу на сирийском означает «лев».

³ Плиний, Тацит и Плутарх называли жителей Эдесы арабами.

⁴ Искаженная транслитерация с арамейского. Это, конечно же, был Абгар.

⁵ «И прошел о Нем слух по всей Сирии; и приводили к Нему всех немощных, одержимых различными болезнями и припадками, и бесноватых, и лунатиков, и расслабленных, и Он исцелял их». (От Матфея, 4. 24.)

⁶ В Главе 10 Евангелия от Луки Иисус посылает 70 учеников парами по два, чтобы разнести весть.

⁷ Указанная дата вполне согласуется с местным календарем, основанным на восшествии на престол Селевка. Официальным началом его династии считался день его возвращения в Вавилон в 312 году до н.э. Таким образом, дата 340 год должна соответствовать 18 году до н.э. Это, как мы увидим позже, немного рановато, чтобы быть правильной датой для события, произошедшего после Распятия, но ошибка не такая уж большая.

⁸ Нечто похожее происходит сегодня в Мексике. В Соборе Гваделупы в Мехико во всем своем великолепии вывешена

священная икона Девы Марии — образ, «чудодейственно» отпечатавшийся на платье крестьянки-индеанки в XVI веке. Однако сейчас ее можно видеть в любой католической церкви по всей стране, а Дева Гваделупы стала средоточием весьма распространенного христианского культа.

⁹ В городе сохранились пещеры и источники, связанные с этими пророками, которых местное мусульманское население почитает до сих пор.

¹⁰ Св. Павел сделал Антиохию базой своих миссий в

наставлении в христианской вере язычников. Считается, что и Св. Петр также жил какое-то время в этом городе.

¹¹ Эти чисто технические термины означают, что Иисус Христос воплощал «дух эпохи». Он был Логосом, или словом Бога, обретшим плоть.

¹² Любопытно, что мусульмане считали «Мандилион» реликвией Крещения, а не Распятия. Они придерживались версии, что это было полотенце, которым обтерся Иисус после погружения в реку Иордан.

Глава 9. ПОВЕСТЬ О ДВУХ ГОРОДАХ

¹ Как рассказывается в Главе 7, мы вернулись в Арсамиию для измерения угла наклона шахты.

² Значение воды, особенно колодцев, в жизни Харрана показано в немногих упоминаниях города в Библии. Когда Авраам посылает своего старшего слугу в Харран найти жену для своего сына Исаака, слуга договаривается с Богом о том, что ею станет первая женщина, которая напоит его самого и его животных водой из колодца у стен города. История имела счастливый конец, ибо этой женщиной оказалась, конечно же, кузина

Исаака — Ревекка, и они вскоре сочетались браком.

³ Черный обелиск находится сегодня в Британском музее.

⁴ Так называли сирийскую монофизитскую церковь по имени ее основателя, бывшего епископа Эдесы — Иакова Барадея.

⁵ Мелькиты принадлежали к официальным догматам, поддерживаемым византийским двором.

⁶ Есть основания полагать, что Болдуин I мог встретиться с Гуго несколькими годами ранее.

⁷ Это — мусульманское здание, возведенное на месте свя-

тая святых Храма Соломона, остающегося в высшей степени святым местом для евреев, христиан и мусульман. Восьмиугольное в плане, оно накрыто золотым куполом.

⁸ «Туринская плащаница» — это длинный кусок ткани, на котором отпечатались изобра-

жение человека, вроде бы распятого. Ее происхождение всегда вызывало большие подозрения, поскольку она впервые стала известной в XIV веке, а свое название она получила от итальянского города, в котором хранится в настоящее время.

Глава 10. СТОЛБЫ НИМРОДА

¹ Этот же император построил великий Софийский собор в Константинополе и провел крупные работы по благоустройству Эдесы. После большого наводнения в 525 году н.э. именно он построил дамбу и новый канал для сброса лишней воды из реки Дайсан. Его система предотвратила впоследствии крупные наводнения и действует до сих пор.

² Имя топарха.

³ Суматар Харабеси — место археологических раскопок к юго-востоку от Урфы. Там были найдены большие развалины, имевшие отношение к сабинскому культу в Харране.

⁴ В другом варианте мифа она убивает его после того, как он пытается изнасиловать ее.

⁵ Созвездие, естественно, становится невидимым, так как в это время года оно поднимается над горизонтом в дневные часы. После его появления на рассвете Осирис/

Орион постоянно остается видимым всю большую часть ночи, пока примерно через девять месяцев не начинает заходить почти одновременно с солнцем и поэтому снова становится невидимым.

⁶ Небезынтересно отметить, что за южной стеной Урфы есть колодец (Бир-Эйюп), где, как считается, Иов мылся и исцелился от своих ужасных болячек. Поблизости когда-то стояли христианские храмы, посвященные двум популярным местным святым — Козьме и Демьяну, которые были целителями. К целебным водам Колодца Иова прибегали и все еще прибегают страждущие паломники, в особенности для лечения кожных заболеваний.

⁷ Суд. 16, 28-30.

⁸ Суд. 15, 18-19.

⁹ 3 Цар. 17, 1.

¹⁰ Ваал — финикийское имя вавилонского Бела. Оба слова означают «господь» и могут

относиться к любому богу, в том числе иногда и к богу евреев Яхве. Чаще же Ваал ассоциируется с культом планеты Юпитер. Однако ваализм, против которого выступил Илия, являл собой поклонение природе, которое включало идолов, жертвоприношения и сексуальную магию.

¹¹ 4 Цар. 2, 11-12.

¹² 4 Цар. 2, 12-14.

¹³ Это ссылка на последние два стиха Ветхого Завета:

«4 ⁵Вот, Я пошлю к вам Илию пророка пред наступлением дня Господня, великого и страшного. ⁶И он обратит сердца отцов к детям и сердца детей к отцам их, чтобы Я, придя, не поразил земли проклятием». Мал. 4, 5-6.

¹⁴ 3 Цар. 19, 1-2.

¹⁵ 4 Цар. 9, 33-36.

Глава 11. ТРИ ЦАРЯ

¹ С 37 года до н.э. до его смерти в 4 году до н.э.

² Хасмонийская династия, известная также как Маккавеи, происходила из семьи бойцов за свооду, завоевавших независимость Иудеи во II веке до н.э. Их положение более или менее соответствует положение царской семьи Коммагена, которая добилась независимости примерно в то же время.

³ Звездный календарь основан на циклических движениях звезд, особенно Сириуса, а не на движениях Солнца и Луны.

⁴ Через год-два после смерти Далай-ламы снаряжаются экспедиции на поиски ребенка, являющегося его перевоплощением. Затем предпринимаются особые усилия по обучению и воспитанию ребенка,

дабы подготовить его к своему трудному предназначению.

⁵ Согласно «Оксфордскому словарю», «зодиак» является производным от греческого слова «зойдион», означающего скульптурное животное».

⁶ Египтяне применяли смирну для бальзамирования тела в процессе мумификации.

⁷ Лука, 1, 15.

⁸ См. Главу 12.

⁹ Сейчас она находится в Британском музее.

¹⁰ Следует заметить, что в греческой системе астрологии, по большей части позаимствованной из древнеегипетских источников, Меркурий (Гермес) правит созвездием Девы.

¹¹ В зодиаке Дендеры, где четко представлена Дева, она держит в руке что-то вроде растения с длинным стеблем,

которое могло быть камышом или лилией.

¹² Пучок лотосов может также означать район Дельты в Нижнем Египте, где Гору и его матери Исиде пришлось прятаться во время его рождения.

¹³ В древности в их число входили Солнце и Луна, и не входили Уран, Нептун и Плутон, тогда еще не открытые.

¹⁴ Мат. 23, 13; 23-24.

¹⁵ Мат. 27, 46-50.

¹⁶ Пс. 22, 1; 6-8; 14-18.

Глава 12. ВТОРОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД И СОБОР НА РЕЙНЕ

¹ Вслед за публикацией книги «Святая кровь и Грааль» Бейджента, Ли и Линкольна ходило много разговоров о тенево́м ордене, известном под названием «Сионский монастырь», и о возможной его связи с тамплиерами. Этот орден, предположили авторы, не только был движущей силой движения крестоносцев, но и пытался заменить династию Капетингов (к которой принадлежал и Людовик VII), более древним родом из династии Мервингов, в тот момент лишь претендовавшим на трон. Судя по этому анализу, тамплиеры были лишь «крышей» движения. Мне это представляется невероятным. Тамплиеры, думается мне, были скорее мистическим, нежели политическим братством, а тайный орден, с которым они поддерживали контакт, был Сарманским братством, символом которого в то время и была флерде-ли.

² Организация поиска утраченного знания.

³ Ключ к тому, что представляла собой эта школа, дается в «оценке» переводчика сэра Рональда Фрейзера, которая напечатана сразу же за предисловием издателя. В ней указывается, что французский оригинал книги был передан миссис Джексон не кем иным, как Дж.Г. Беннеттом.

⁴ Его площадь приблизительно была 20 на 10 километров.

⁵ Приблизительно в форме ромба 210 и 160 километров.

⁶ Орден цистерцианцев, в который входили тамплиеры, зародился в Бургундии под покровительством графа.

⁷ В регионе армяне были хорошо известны как архитекторы. Построенный ими в Ани большой собор считался одним из самых прекрасных зданий в мире, и именно армянских архитекторов пригласили визан-

тийцы для ремонта обрушившейся крыши Софийского собора в Константинополе.

⁸ Это разум лемиурга, эквивалент библейского Элогима.

⁹ См. Главу 2 выше.

¹⁰ Это также всемирное явление, и лично я видел, как даже в тропической Мексике люди строят большие, в натуральную величину рождественские сцены на уличных углах.

¹¹ В Египте все звезды изображались пятиконечными. Примером этого могут служить потолочные росписи в ряде поздних пирамид и в гробницах Долины царей.

¹² Хотя поздние фараоны вроде Рамзеса II были подчас жестокими деспотами, сам титул изначально относился к дворцу и означал «Большой дом».

¹³ В недавно изданном труде Джона Энтони Веста и геолога Роберта Шоха указывается, что

Великий Сфинкс Гизы может быть гораздо старше пирамид. И тем не менее его голова явно высечена в стиле IV династии; это подтверждает, что она по крайней мере является современником строительства пирамид около 2450 года до н.э. Представляется, что голова, изначально обычно львиная, была изваяна заново. Моделью для нее мог, вероятно, быть строитель Великой пирамиды Хуфу.

¹⁴ Имперский орел восходит к эпохе Вавилона и был эквивалентом египетского сокола, использовавшегося империями Ассирии, Персии и Греции.

¹⁵ Из-за прецессионных изменений на протяжении веков соединение Солнца с Регулом происходит сейчас в конце августа, а не в июле.

ЭПИЛОГ

¹ Французское имя Луи (Людовик), столь популярное среди французских королей, происходит от имени «Хлодвиг».

² Похоже на то, что Священный сосуд был украден или спрятан вместе со многими другими сокровищами во время Французской революции.

Если его местонахождение и известно кому-нибудь, оно хранится в глубокой тайне.

³ Откр; Апок. 20, 11-15.

⁴ Мал. 4, 5-6.

⁵ В системе Беннетта «Адам» означает эволюционное зарождение разума в человечестве.

⁶ Мат. 24, 27-30.

*Приложение 3. ПУТЕШЕСТВИЕ АВРААМА В ЗЕМЛЮ ОБЕ-
ТОВАННУЮ*

¹ Нам трудно оценить значение этого изобретения для науки ведения войны, как его понимали в то время, но во многих отношениях колесницы были древним эквивалентом современных танков. Они были той броней, которая придавала напористость атакующей силе, и могли изменить ход сражения. В то время как пеший воин вынужден был носить с собой свое оружие и щит, куда бы он ни шел, и поэтому мог нести только один меч и одно копьё, воин на колеснице мог захватить с собой целый арсенал, что позволяло ему выбирать ближний бой или метать «снаряды» с расстояния. Даже

кавалерия оказывалась в невыгодном положении в сравнении с воинами на колесницах, которые могли везти несколько человек. Пока возничий управлял колесницей, его «пассажир» мог пускать стрелы в преследующую их кавалерию, да и сама колесница давала по крайней мере частичную защиту от ответного «огня». Появление боевой колесницы в политике Среднего Востока внесло величайшее смятение, ибо чуть ли не за одну ночь изменился весь баланс сил.

² Через пару столетий она была покорена соседями — хеттами и стала частью их царства.

³ Быт. 2, 10-14.

Содержание

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1</i> ПАЛОМНИЧЕСТВО В ГОРОД ДАВИДА	10
<i>Глава 2</i> ВСТРЕЧА С ВОЛХВОМ	38
<i>Глава 3</i> ПОИСК СРЕДИ СУФИЕВ	68
<i>Глава 4</i> ГЕРМЕС ТРИЗМЕГИСТ	92
<i>Глава 5</i> ТАЙНА ОРИОНА	117
<i>Глава 6</i> ПОИСК ТАЙНОГО БРАТСТВА	152
<i>Глава 7</i> ЛЕВ КОММАГЕНА	182
<i>Глава 8</i> ГОРОД ПАТРИАРХОВ	213
<i>Глава 9</i> ПОВЕСТЬ О ДВУХ ГОРОДАХ	239
<i>Глава 10</i> СТОЛПЫ НИМРОДА	274

<i>Глава 11</i>	
ТРИ ЦАРЯ	295
<i>Глава 12</i>	
ВТОРОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД И СОБОР НА РЕЙНЕ	327
ЭПИЛОГ	358
<i>Приложение 1</i>	374
<i>Приложение 2</i>	379
<i>Приложение 3</i>	387
<i>Приложение 4</i>	398
<i>Примечания</i>	402

Джилберт Э.

Д 41 Тайны волхвов. В поисках предания веков. — М.: Вече, 1998. — 416 с. (“Тайны древних цивилизаций”).

ISBN 5-7838-0416-9

Величайшей тайной на свете была и остается тайна об истоках христианской религии. Кем был Иисус Христос? Откуда он? Какова в действительности была его миссия? Кто такие волхвы и откуда они пришли? Что это за таинственное предание, связанное с Сириусом и созвездием Орион, которое приоткрывает завесу тайны? Какие цивилизации древнего мира оказали свое воздействие на формирование новой религии? Ответы на эти вопросы вы найдете, прочитав книгу “Тайны волхвов”, продолжающую новую серию “Тайны древних цивилизаций”.

Автора этой книги Эдриана Джилберта любители увлекательной научно-популярной литературы прекрасно знают по его книге “Секреты пирамид”, написанной в соавторстве с Р. Бьювэлом и изданной в серии “Великие тайны”.

ЭДРИАН ДЖИЛБЕРТ ТАЙНЫ ВОЛХВОВ

Генеральный директор *Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В. Еленский*
Главный редактор *С. Дмитриев*
Редактор *С. Шевелев*
Корректор *Н. Киселева*
Верстка *О. Гуриной*

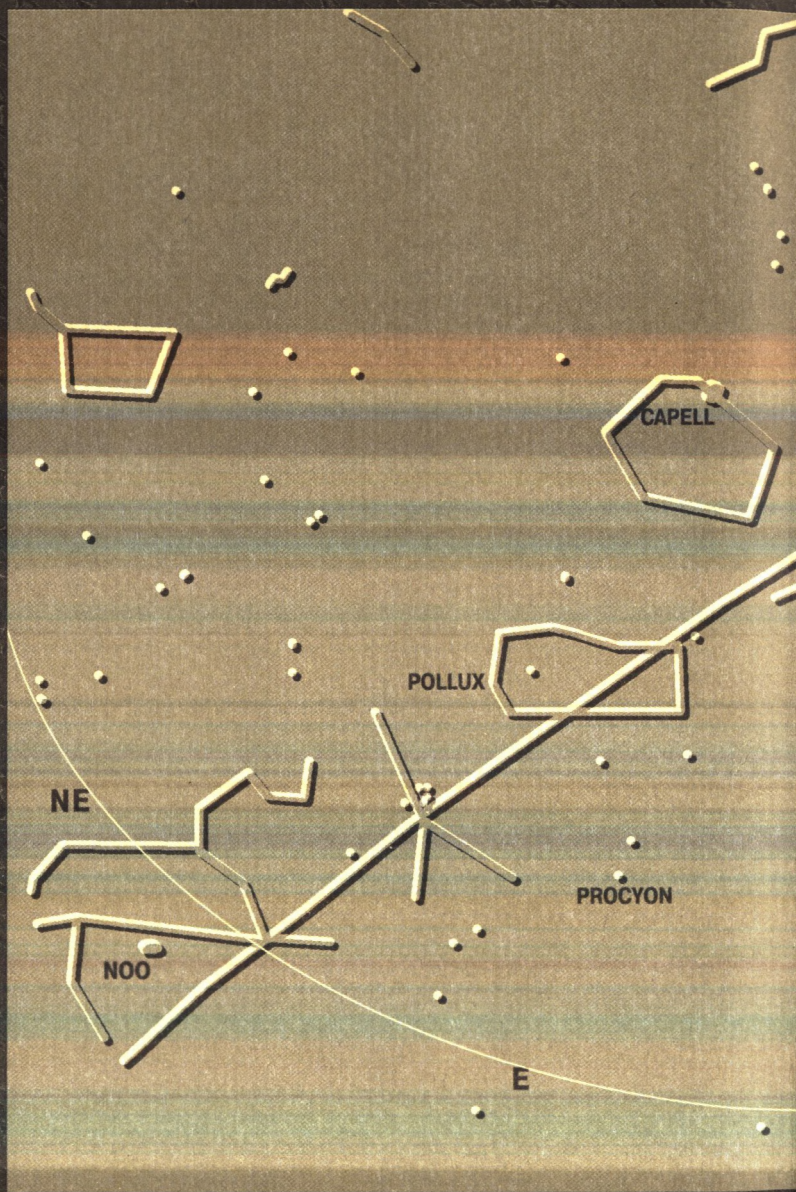
ЛР № 064614 от 03.06.96

Издательство «Вече», 129348, Москва, ул. Красной сосны, 24.

Подписано в печать 10.10.98. Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Тайме». Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 13. Тираж 16 000 экз. Заказ № 1018.

Изготовлено с оригинал-макета в Тульской типографии.
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

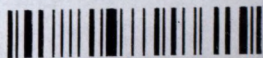

Одна из наиболее известных библейских историй рассказывает о путешествии волхвов в Вифлеем, чтобы засвидетельствовать рождение Иисуса Христа. Но кем были в действительности эти волхвы? Были ли они царями, как говорится в Евангелии, или речь идет о мудрецах Древнего Востока? И, если правильно последнее, то в чем заключалась их мудрость? Что они знали и умели?

Ответы на эти и многие другие вопросы предлагает Эдриан Джилберт, знаменитый исследователь истории Египта и Месопотамии, уже знакомый нашим читателям как соавтор книги «Секреты пирамид».

«ВЕЧЕ»

ozon.ru
.....выбирайте

1104953506